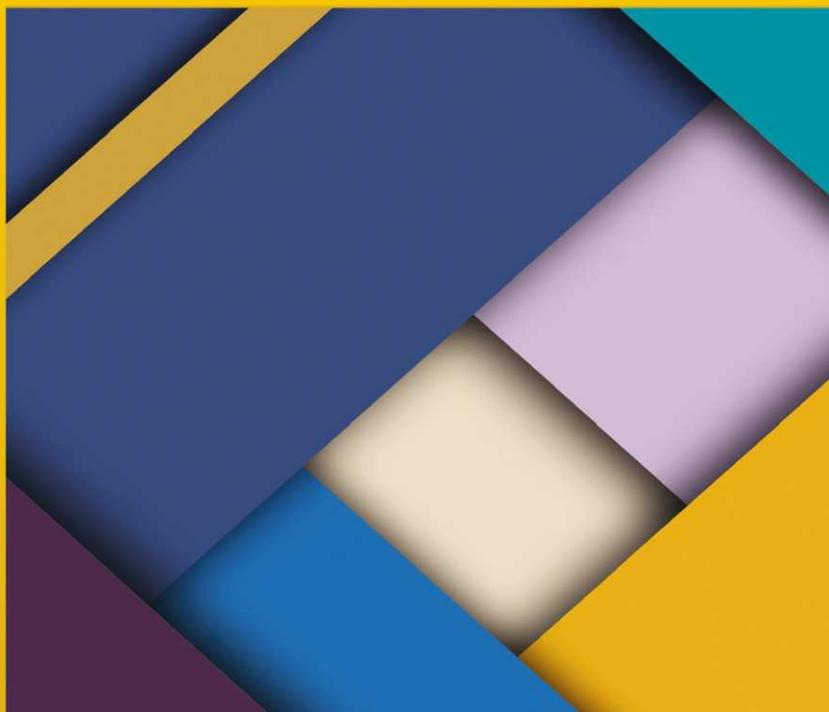

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 14, Number 2
2022

Современные исследования социальных проблем

Том 14, № 2
2022

Modern Studies of Social Issues

Volume 14, Number 2
2022

Главный редактор

Т.А. Магсумов кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2022

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 14, № 2, 2022 / Vol. 14, No 2, 2022

<p>Учредитель и издатель: ООО Научно-инновационный центр</p> <p>Журнал основан в 2009 году Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство регистрации ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.</p> <p>Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук</p> <p>Индексирование и реферирование: РИНЦ Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE ЭБС IPRbooks ЭБС Znanium ЭБС Лань</p> <p>Адрес редакции, издателя и для корреспонденции: Россия, 660127, Красноярский край, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192 E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Подписной индекс в каталоге Почты России «Подписные издания» – 94088</p>	<p>Founder and publisher: Science and Innovation Center Publishing House</p> <p>Founded 2009 The edition is registered by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control Mass media registration certificate PI № FS 77-39176, issued March 17, 2010.</p> <p>Modern Studies of Social Issues is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation, which should publish main scientific results of doctor's and candidate's theses</p> <p>Indexing and Abstracting: RSCI Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE IPRbooks Znanium Lan'</p> <p>Editorial Board Office: 9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Subscription index in the 'The Russian Post' General catalog – 94088</p>
---	---

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2022

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБНУ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Ермаковна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государ-

ственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkaliev – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of

the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**HISTORY STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-14-60

УДК 94(47).083 + 37.014.543

**СТРУКТУРА И СПЕЦИФИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ
СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ***Т.А. Магсумов*

Цель – анализ структуры и специфики финансирования среднего профессионального образования в России в конце XIX – начале XX в.

Метод или методология проведения работы: основной метод – историко-генетический, описания включают и количественные показатели, выявленные в статистических источниках.

Результаты: в практику многоканального финансирования средних профессиональных школ поздней имперской России был заложен государственно-общественный принцип, через софинансирование с учетом организационно-правовой формы и ведомственной принадлежности разных типов школ, что отразилось на внедрении финансовой общественной отчетности образовательных учреждений. Благодаря этому проводимое по остаточному принципу финансирование школы было более устойчивым, чему способствовала также и высокая доля в школьных бюджетах платы за обучение. Выступая в качестве механизма социальной сегментации, она во многом тормозила в государственной школе поиск внешних финансовых средств, ослабляя взаимодействие школы и местного общества, а в негосударственной, наоборот, активизируя эти процессы, одновременно усиливала рыночные механизмы взаимоотношения с заказчиками образовательных услуг, на перспективу снижая качество образования посредством увеличения и максимального сохранения контингента обучающихся. Стабильность стоимости обучения, частично регу-

лируемой прямым государственным вмешательством, но в большей степени сдерживаемой ростом конкуренции, вкупе с расширением практик благотворительности путем перенесения их на поддержку не только школ в целом, но и отдельных учеников, ослабляла социальную сегментацию школьной институции, создавая условия для роста человеческого капитала. Источники самообеспечения школ производственного типа были несущественными, даже в сельскохозяйственных училищах, учебные фермы которых не удалось перевести на коммерческие рельсы. Доминирование в структуре расходов школьных бюджетов статей на зарплату и поддержание материальной базы подчеркивало недостаточность школьного финансирования, проблемы конкурентоспособности педагогического состава и полноценности материальной базы.

Область применения результатов: исторический опыт многоканального финансирования может использоваться в современных практиках пополнения школьных бюджетов, в том числе – за счет совершенствования способов взаимодействия с местным и региональным социумом и широкой общественностью.

Ключевые слова: история образования; Российская империя; экономика образования; финансирование образования; среднее профессиональное образование; стипендии; государственно-общественное управление образованием; социальное партнерство

THE STRUCTURE AND SPECIFICS OF FINANCING SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION IN RUSSIA AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

T.A. Magsumov

Research purpose is to analyze the structure and specifics of financing secondary vocational education in Russia in the late 19th – early 20th centuries.

Method or methodology for work performance: the main method is a historical-genetic one; descriptions include quantitative indicators identified in statistical sources.

Results: *the practice of multi-channel financing of secondary vocational schools in late imperial Russia was based on the state-public principle through co-financing, taking into account an organizational-legal form and departmental affiliation of different types of schools, which was reflected in the introduction of public financial reporting of educational institutions. As a result, residual school funding was more sustainable, which was also supported by the high share of tuition fees in school budgets. Acting as a mechanism of social segmentation, it largely hampered the search for external financial resources in the state school, weakening the interaction between the school and the local society and, on the contrary, activating these processes in the non-state school, at the same time it strengthened market mechanisms for relationships with customers of educational services, reducing the quality of education for the future by increasing and maximizing the retention of the contingent of students. The stability of tuition fees, partly regulated by direct state intervention, but restrained by the growth of competition to a greater extent, along with the expansion of charitable practices by transferring them to support not only schools in general, but also individual students, weakened the social segmentation of the school institution, creating conditions for the growth of human capital. The sources of self-sufficiency for production-type schools were insignificant, even in agricultural schools, which training farms could not be converted to a commercial footing. The dominance of items for salaries and maintenance of the material base in the structure of school budget expenditures emphasized the lack of school funding, the problems of teaching staff competitiveness and the usefulness of the material base.*

Practical implications: *the historical experience of multi-channel financing can be used in modern practices of replenishing school budgets, including by improving the ways of interaction with local and regional society and the general public.*

Keywords: *history of education; Russian empire; education economics; education funding; secondary vocational education; scholarships; state-public education management; social partnership*

Введение

Вопросы финансового обеспечения, в частности, стабильного, достаточного и обоснованного финансирования сферы среднего профессионального образования в России всегда были сложными и одними из самых острых, особенно в период второй половины XIX – начала XX в. От их качественного решения зависело не только развитие полноценной материальной и учебно-вспомогательной базы школ, но и привлечение высококвалифицированного персонала, что в конечном итоге сказывалось на качестве и результативности образовательного процесса.

Проблемы финансирования средней профессиональной школы позднеимперской России не становились предметом специального изучения, но частью раскрывались в работах по истории профессионального образования.

Цель работы – выявить специфику финансирования средних профессиональных школ России в конце XIX – начале XX в. Для этого будут выявлены общие принципы финансирования сферы профессионального образования, проанализирована приходная часть бюджетов школ, включая роль платы за обучение в ее формировании, а также изучены основные направления расходов учебных заведений.

Материалы и методы

Основным источником, в том числе для построения таблиц данных, выступили разнообразные статистические материалы, содержащиеся в статистических сборниках и в отчетах учебных заведений. Исторические юбилейные описания помогли выявить тенденции финансирования в связи с государственной образовательной политикой, материалы периодики, архивные документы и источники личного происхождения позволили раскрыть антропологический фокус темы. Работа строится на анализе всех средних профессиональных школ Казанского учебного округа (КУО), включавшего в рассматриваемый период шесть губерний.

Исследование опиралось на совокупность методов, важнейшим из которых для нас был историко-генетический метод. Выстраива-

мая логика предполагала использование количественных показателей как элемента описания состояния и динамики изменений в финансировании средней профессиональной школы.

Результаты и обсуждение

Общие принципы финансирования

Качество подготовки специалистов в профессиональных учебных заведениях во многом определялось их финансированием и состоянием материальной базы. Эти две позиции функционирования средних профессиональных школ КУО зависели от их организационно-правовой формы и ведомственной принадлежности, обуславливались спецификой хозяйствования системы образования, ограниченностью бюджетных средств и остаточным принципом финансирования; на них оказывала существенное влияние и территориальность, определяющая степень и формы местного воздействия на школу, включая специфику общественной и частной инициативы и местного попечительства в поддержке профессионального образования.

Вопросы финансового обеспечения, в частности, стабильного, достаточного и обоснованного финансирования сферы среднего профессионального образования в России всегда были сложными и одними из самых острых, особенно в период второй половины XIX – начала XX в. От их качественного решения зависело не только развитие полноценной материальной и учебно-вспомогательной базы школ, но и привлечение высококвалифицированного персонала, что в конечном итоге сказывалось на качестве и результативности образовательного процесса.

Превалирование организационно-правовых форм как факторов, влиявших на финансирование школ, было неоспоримым, что признавалось самими отраслевыми министерствами: «увеличение числа учебных заведений, учреждаемых не частными лицами, а общественными организациями, нужно признать явлением благоприятным, так как успешное существование этих последних школ является гораздо более обеспеченным» [22, с. 226]. Чиновниче-

ство высказывалось о частных школах и более прямолинейно: «с грустью, но мы должны сознаться, что некоторые частные технические школы в действительности представляют собой чисто коммерческие предприятия, торгующие правами на отсрочку воинской повинности» [19, с. 83].

Ведомственная принадлежность существенно сказывалась на финансировании типов школ по отраслевому принципу. Государственные учебные заведения финансировались в основном из средств государственного казначейства. Значительно более сложным, нестабильным и многоканальным было финансирование негосударственных общественных и особенно частных учебных заведений. Само открытие этих школ требовало значительных капиталов, а их учредителям приходилось заранее задумываться о возможности их дальнейшего финансирования. Однако казенное финансирование нельзя рассматривать как панацею развития профессионального образования. Пример коммерческих училищ, составивших к 1915 г. треть от всех средних народнохозяйственных школ КУО [Табл. 2; *подсчет авт.*], говорит об обратном. Более того, стесненное положение государственных финансов не позволило выполнить программу 1889 г. по открытию в стране 40 промышленных училищ: по самым оптимистичным подсчетам за счет казны к 1908 г. была открыта лишь половина из них [19, с. 107]. И.М. Максин констатирует, что «постоянная ссылка на это [стесненное] положение проходит печальным лейтмотивом по всем отзывам финансового ведомства на запросы Министерства народного просвещения об отпуске денег на открытие новых промышленных школ. При таких условиях, когда почти из-за каждого нового ассигнования из казны, в особенности на более или менее крупное училище, Министерству приходилось вступать в пререкания, попросту сказать, торговаться чуть ли не из-за каждого рубля, учреждение новых промышленных училищ представляется делом чрезвычайно затруднительным» [19, с. 107].

Тенденцию к экономии и остаточному финансированию образования иллюстрирует реформа органа управления техническим

образованием в стране. При очередной реорганизации штатов Центрального Управления МНП в 1904 г. Отделение промышленных училищ, преобразованное в Отдел на правах Департамента, имело в штате 20 человек, в том числе четырех инспекторов и 12 делопроизводителей и ни одного помощника делопроизводителя [19, с. 92-93], при том, что последние имелись в штате ряда школ. Эта ситуация приводила к тому, «что значительное число хорошо разработанных вопросов целыми годами не получает дальнейшего движения» в силу единственной причины: «нет достаточных сил для осуществления этих проектов» [19, с. 92].

Финансирование всех профессиональных школ, даже государственных, не было одноканальным. Финансовый механизм в сфере государственного образования, сочетающий казенное финансирование с платой за обучение и другими источниками, формировал систему многоканального финансирования учебных заведений, которая дала возможность школам частично компенсировать недостаток бюджетных поступлений. В негосударственной школе, где финансовый вклад заказчиков и потребителей образовательных услуг, предпринимательских кругов, нанимателей выпускников учебных заведений и благотворителей был велик, образовательная система крайне гибко откликалась на потребности личности, общества и экономики.

Приходная часть школьных бюджетов

Приходная часть бюджетов государственных учебных заведений состояла из штатных сумм – денег, которые были указаны в штатном расписании и приложены к Уставу данного типа учебных заведений и экономических денег (специальных средств), в состав которых входили остаточные деньги от прошлых лет, деньги, собираемые с учеников за обучение, пожертвования, доходы с принадлежащих училищам имуществ, продажи изделий и исполнения заказов. В государственных школах специальные средства направлялись обычно на решение неотложных нужд учебных заведений, таких, как организация экскурсий учащихся или командировок преподавателей и пр.

Наибольшей доля казенного финансирования была у средних сельскохозяйственных учебных заведений. Изначально создаваемые в черноземном регионе в качестве государственных школ, в эпоху модернизации они и не могли особо рассчитывать на иные источники финансирования. Говорить о невнимании местного общества к финансированию сельскохозяйственного образования здесь нельзя: в стране на 1907 г. по всем типам сельскохозяйственных учебных заведений всех уровней сумма из местных источников превышала казенное финансирование на 144 717 руб. (1 587 584 руб. против 1 442 867 руб. соответственно), однако большую часть местных средств получали низшие сельскохозяйственные школы [11, с. 226]; причем в местном финансировании сельскохозяйственного образования преобладали земские средства (13,3% всех средств в 1898 г.), тогда как совокупные вложения городов и обществ были в 3,8 раза ниже (3,5%) [26, с. 88-95; *подсчет авт.*], что обуславливалось экономическими предпочтениями двух видов местного самоуправления.

К началу XX в. все три средних сельскохозяйственных училища КУО финансировались в основном за счет казны (67,17% средств), платы за обучение (20,28%) и местных источников (12,55%) [Табл. 2]. Говорить о динамике изменений в этих процентах сложно, поскольку более поздняя статистика исключила учет платы за обучение (таковой формально и не было; существовали разные системы оплат для пансионеров (казенных и своекоштных), полупансионеров и приходящих учеников), однако на 1909 г. казенное финансирование трех сельскохозяйственных училищ КУО возросло до 84,6 % от поступлений их бюджетов, по-видимому, включив в себя и оплату учеников, а местные средства выросли до 15,4%, не изменившись в денежном выражении [Табл. 2].

На рубеже первого и второго десятилетий XX в. резко усиливается финансирование сельскохозяйственного образования: «в 1913 году общая сумма затрат на сельскохозяйственные учебные заведения возросла на 21,3%, затраты же казны возросли на 25,3%, а против 1911 года – на 103%» [17, с. V]. Удвоение казенного финан-

сирования при росте числа школ лишь на 13,9% обуславливалось, в том числе, появлением новых дорогостоящих высших и средних учебных заведений, однако на фоне проведения аграрной реформы существенно росли доходы и прежних школ. Так, в сравнении с 1902 г., финансирование трех средних сельскохозяйственных училищ КУО в 1912 г. возросло в 2,34 раза (со 178 051 до 417 947 руб.), впрочем, частично этот рост стимулировался заполнением всех классов открытого в 1899 г. училища в Самаре (соответствующее увеличение финансирования в 4,53 раза), тогда как на долю училищ в Казани и Саратове пришелся рост в 1,48 раза [Табл. 1; Табл. 2; подсчет авт.].

Доля казны в финансировании средних технических училищ, в сравнении со средними сельскохозяйственными, была ниже. Высокая стоимость их учреждения и последующего содержания не позволила реализовать программу открытия промышленных училищ, даже при активном содействии местного общества в этом процессе. Степень участия последнего по мере открытия промышленных училищ в КУО усиливалась: от открытия МНП на казенные средства КПУ (список сокращений наименований школ дан после табл. 1) до учреждения на общественных началах ВСМТУ. С передачей последнего на казенное финансирование в 1910 г. (с десяти тысячной земской дотацией) доля казны в общих ассигнованиях на четыре средних промышленных училища КУО увеличивается с 68,61 % в 1909 г. до 79,18% в 1914 г. с одновременным падением доли местных вложений с 12,88% до 0,93% соответственно (без учета земской дотации на ВСМТУ), доля средств от платы за обучение не менялась, находясь в пределах 13,5% [Табл. 2; подсчет авт.]. Рост казенного финансирования среднего промышленного образования в КУО во многом обеспечивался началом выделения на ВСМТУ в 1910 г. 15 915,6 руб.; в 1911 г. – 19 829 руб.; а с 1912 г. – 21 941 руб. [5, с. 2]. Рост сумм казенных дотаций здесь во многом связан с началом финансирования пригготовительных классов, т.е. начиная с тех, которые были набраны по новому положению, включившему училище в состав государственных школ. В целом это соответство-

вало общероссийской тенденции роста казенных ассигнований на средние технические училища, увеличившихся с 36,1% от общих поступлений их бюджетов в 1894 г. до 49,22 % в 1913 г. [10, с. 526]. Увеличение казенного финансирования с сопоставимым уменьшением местного практически не изменило консолидированный бюджет средних технических училищ КУО – он вырос за пять лет (с 1909 г. по 1914 г.) в 1,1 раза, причем частью за счет увеличения финансирования ВСМТУ, доходы которого выросли за это же время в два раза [Табл. 1; Табл. 2; *подсчет авт.*].

Говоря об учебных заведениях, готовивших кадры для производственного сектора экономики, нельзя не остановиться на показателях их финансового самообеспечения. Доходы с хозяйств всех средних сельскохозяйственных училищ КУО в 1910 г. составили 14,15% приходной части их бюджетов; в технических училищах КУО в 1914 г. на 1,53 % бюджеты пополнялись за счет доходов от продажи изделий мастерских [27, с. 214-215; 24, ф. 741, оп. 5, д. 427, л. 169об.-170; *подсчет авт.*], однако наибольшие доли поступлений от производственной деятельности и обслуживания клиентов имели промышленные училища низшего типа. Так, в КАРУ за 25 лет (1885-1906) доходы, вырученные за изделия и работы, составили 41,94% от прихода денежных сумм в училищный бюджет [3; *подсчет авт.*].

Наличие стабильного источника поступлений в радел «специальные средства» за счет платности обучения в государственных школах не стимулировал их на поиск дополнительных источников доходов, а это не способствовало ни улучшению показателей набора обучающихся, ни усилению взаимодействия с местным обществом по организации привлечения финансовых средств. Негосударственные же школы, открытые общественными организациями и частными лицами, более тесно сотрудничали с местным социумом. Отсутствие или незначительное государственное софинансирование негосударственных школ требовало от них постоянного самостоятельного поиска средств, становясь одной из основных забот учредителей и администраций школ.

Коммерческие училища были самым дорогостоящим типом среди всех коммерческих учебных заведений, поглощая в начале XX в. порядка 77% от всех поступлений на коммерческие школы [20, с. 86; 21, с. 200]. В силу этой дороговизны, многочисленного контингента учеников и широкой распространенности коммерческих училищ на их доходную часть приходилась без малого треть от поступлений на все средние профессиональные школы КУО (в 1909 г. – 32,53% [Табл. 2; подсчет авт.]). Поскольку становление коммерческого образования в КУО пришло на начало XX в., то на это же время пришлось увеличение количества коммерческих училищ (в 1,4 раза в 1913-1914 уч.г. к уровню 1909 г.) и постепенный рост контингента (в 1,58 раза соответственно) за счет заполнения всех классов этих, самых длительных по срокам обучения, учебных заведений из рассматриваемых, что напрямую повлияло на увеличение их доходов в 1913-1914 уч.г. в 2,14 раза по сравнению с 1909 г. [Табл. 1; Табл. 2; подсчет авт.].

В структуре приходной части бюджетов коммерческих училищ КУО основными источниками поступления были: плата за обучение (48,6% от бюджета в 1913-1914 уч.г. и 39,1% – в 1909-1910 уч.г.), пособия от городов и земств (9,3% и 9,5% соответственно) и пожертвования различных обществ и частных лиц (10,38% и 8,5%) [Табл. 2]. Два последних показателя покрывали обычно чуть менее 1/5 части доходов коммерческих училищ. Тем не менее на первых порах помощь торгово-финансовых кругов, не только материальная, но и организационная, выступала важнейшим фактором становления и поддержки коммерческого образования. Именно поэтому оно развивалось прежде всего в старых и густонаселенных купеческих городах и губерниях страны. Для ряда училищ эти две статьи были существенны на всем протяжении их существования: так, для СимКУ они составляли порядка 44% доходов бюджета [Табл. 1; подсчет авт.; по данным за семь лет (с 1906-1907 по 1913-1914 уч.г.)]. В целом именно местные условия в виде экономической состоятельности местного самоуправления и экономической элиты, а также тесно связанная с ними степень экономического раз-

вития региона в конечном счете определяли и географию средней профессиональной школы.

Помощь местного общества (городов, земств, обществ и частных лиц) не замыкалась только на коммерческих училищах. Ограниченность казенного финансирования проявлялась и в государственной школе, на нужды которой местные органы и благотворители выделяли немалые суммы. Так, в 1909 г. коммерческие училища получили лишь 31,2% от сумм, выделяемых местными бюджетами на средние профессиональные школы КУО (25 000 из 80 035 руб.), а общая доля поступлений из последних в консолидированном бюджете всех средних профессиональных заведений КУО составила 15,22% [Табл. 2].

Посредством лишь платного обучения, несмотря на высокую долю этой платы в структуре доходов, коммерческие училища существовать не могли, а значительное повышение платы за учение зачастую не представлялось возможным, «так как и без того многих учеников <...> приходится освобождать от платы за учебу по бедности их родителей» [21, с. 200]. Попечительные советы коммерческих училищ болезненно подходили к повышению стоимости платы за обучение, делая это только в условиях явного отсутствия иных источников поступления или после замечаний УО министерства, поскольку любое «увеличение вызывало опасение об уменьшении числа учащихся в училище» [12, с. 482-483]. В условиях повышения стоимости обучения учебные заведения стремились сохранять прежнюю оплату для уже обучающихся, и министерства старались идти навстречу таким пожеланиям. Например, попечительному совету СимКУ в 1903 г. МФ разрешило оставить прежнюю оплату для «уже принятых воспитанников, не имеющих возможности продолжать образование при новой плате, до окончания ими курса училища до 50%» [12, с. 485]. Роль платы за обучение в общей структуре доходов негосударственных школ порождала еще одну существенную проблему: при ее высоком «весе» в школьном бюджете «учащимися естественно дорожат, как плательщиками, и педагогический персонал, в силу материальных соображений, легко

мирится с недостатками в их знаниях и поведении», стараясь оттянуть их исключение за неуспешностью, отчего и классы в таких школах были переполнены [1, с. 82].

Расширение торгово-промышленной деятельности крестьянства и городских слоев обусловило (помимо роста количества училищ и их контингента) появление новых источников финансирования: вдобавок к существенному росту доли платы за обучение в структуре бюджетов коммерческих училищ одновременно усиливается роль сборов с промысловых свидетельств на торговые и промышленные предприятия (7,37% в 1913-1914 уч.г. и 4,7% в 1909-1910 уч.г.). Субсидии от государственного казначейства обычно вовсе отсутствовали, либо были ничтожны в общем объеме финансирования (1,25% и 0% соответственно) [Табл. 2]. Государственное присутствие в финансировании коммерческих училищ, в целом лишь номинально обозначенное в формате безвозмездных единовременных субсидий, не влекло за собой усиления правительственного вмешательства, ужесточения опеки и мелочной регламентации не только в решении материальных проблем, но и в организации учебно-воспитательного процесса. Находящиеся в ведении МТП и обязанные функционировать в нормативных рамках, учебные заведения и без того были подконтрольны властям. Однако, говоря о системе образования в целом, современники указывали, что государственное финансирование школ, даже частичное, являлось рычагом управления и создавало прочную основу для их административной зависимости [35, с. 23-25].

Поскольку рассматриваемые училища водного транспорта создавались за счет общественного или общественно-государственного участия, то в их финансировании доминировали средства местного самоуправления, обществ, учреждений и частных лиц. Так, за счет них и платы за обучение первые четыре года своего существования содержалось КРУ. В 1909 г. оно перешло в государственную юрисдикцию и на казенное финансирование с выделением в казначейство средств местных общественных учреждений. После этого субсидия казначейства составляла в среднем 81,7% его бюджета

(включая 35,1% возвращаемых в казну местным самоуправлением), а остальное приходилось на специальные средства [Табл. 1; *подсчет авт.*; среднее число по данным за четыре года (1911-1914 гг.)]. Аналогичная ситуация была характерна для ОПУ, созданного на основе государственно-общественного партнерства: 93,9% и 36,8% соответственно [Табл. 1; *подсчет авт.*].

Мореходные учебные заведения характеризовались многоканальностью государственного финансирования: к 1912 г. отчисления из специальных портовых средств МТП составляли в их приходной части 63%, тогда как государственное казначейство выделяло 14,5%; остальное давали специальные средства (14%) и частные источники (8,5%). При этом 42% ассигнований приходилось на три из 36 мореходных учебных заведений, тогда как на три училища малого плавания приходилось лишь 5,4%. Впрочем, на фоне сравнения абсолютных цифр финансирования 36 мореходных классов по «Положению» 1867 г. (91 792 руб.) с суммами, отпускаемыми на реформированные 36 мореходных учебных заведений начала второго десятилетия XX в. (531 939 руб.), можно увидеть почти шестикратный рост последних [2, с. 29-30, 85-86; *подсчет авт.*].

Структура приходной части финансов АМУ существенно отличалась от общероссийских показателей всех мореходок и, в частности, училищ малого плавания. В среднем АМУ получало 9 650,42 руб. в год, из них специальные портовые средства МТП составляли 8 631 руб. (89,4%), специальные средства училища – 1019,42 руб. (10,6%, включая 576,42 руб. платы за обучение и 443 руб. – из других источников). Однако в состав портовых средств поступало ежегодно 4 290 руб. от города (44,45% от общих средств), что понижало вклад МТП до 4 341 руб. (45% от общих средств) [Табл. 1; *подсчет авт.*; среднее число по данным за семь лет (1907, 1909-1914 гг.)]. Остальные два училища малого плавания средств от городов не получали; в целом же сумма, отпускаемая на каждое из них и на АМУ, не отличалась (по данным за 1911 г. на каждое из трех училищ приходилось в среднем 9 569 руб., а на АМУ в частности – 9409 руб.) [2, с. 86; Табл. 1].

В структуре прихода мореходных учебных заведений плата за обучение играла небольшую роль, составляя в 1911 г. 7,9% поступлений (в АМУ – 9,6%, однако в среднем в АМУ – 5,97%) [2, с. 86, 89-90; Табл. 1; *подсчет авт.*]. По «Положению» 1867 г. в мореходных классах обучение вовсе было бесплатным, за исключением оплаты вводимых по желанию учащихся дополнительных предметов. Эта бесплатность, вкпе с низким образовательным цензом поступающих, негативно влияла на качество образования, отчего при реформе начала XX столетия был установлен принцип платного обучения [2, с. 90].

В КРУ после получения государственного статуса пособие от местного самоуправления в процентном отношении осталось на прежнем уровне (34,22% от общего бюджета училища за 1905-1908 гг. и 35,1% – за 1911-1914 гг.), но при этом практически полностью исчезли пособия от обществ, учреждений и частных лиц. Последние изначально отсутствовали также в АМУ и ОРУ [Табл. 1; *подсчет авт.*]. Это позволяет говорить о существенной потере интереса к софинансированию государственных школ со стороны меценатов и их концентрации на вопросах финансовой поддержки учеников в рамках Обществ вспомоществования и попечительств.

Проблемы платного обучения и стипендиальная поддержка учащихся

Обучение в учреждениях среднего профессионального образования было платным, как мы уже отмечали, и не дешевым. Плата за обучение в ККУ составляла 50 руб. в год в пригготовительном и 75 руб. – в остальных классах. Эта плата была одной из самых низких среди коммерческих училищ России. Уровень платы за обучение колебался в зависимости от местных условий, в частности, экономических возможностей и поддержки местного общества, приоритетной в целом для общественных коммерческих училищ, в сравнении с частными. В среднем плата за обучение в коммерческих училищах страны, по данным третьего съезда по техническому и профессиональному образованию, составляла 82 руб. – в пригготовительном классе, 115 руб. – в 1-4 классах, 134 руб. – в 5-м классе

и 145 руб. – в 6-7 классах [15, с. 41]. Подобную дифференцированную плату за обучение по классам имело СимКУ, где, по данным на 1908 г., с первого по седьмой класс она увеличивалась с 60 до 100 руб. в год. Статистика училища того же года показывает сопоставимый рост расходов на учительский персонал: с 2 025 руб. в первом классе до 3 975 руб. в седьмом [9, ф. 46, оп. 2, д. 410, л. 9об., 10]. Плата за обучение в торговых школах была менее значительной: так, в КТШ она составляла 35 руб. за год в подготовительном классе и 40 руб. в остальных классах [7, ф. 312, оп. 1, д. 10, л. 67].

Со временем плата за учение увеличивалась, но несущественно, во многом вследствие конкурентных причин, связанных с ростом количества средних школ в стране и координацией вопроса установления стоимости обучения со стороны УО МТП в виде т.н. «предложений». Даже вновь открываемые училища, несмотря на важность этого источника в формировании их бюджетов в первые годы, старались держать уровень оплаты относительно низким. Так, например, поступили в АКУ, где плата за учение составляла в 1914 г. 75 руб. в подготовительном и 100 руб. в год в остальных классах. Во время Первой мировой войны плату училище не повышало, резонно ссылаясь на существенный рост числа прошений об освобождении от нее [24, ф. 25, оп. 2, д. 11, л. 16-16об.; 4, с. 73], а БКУ хотело и вовсе понизить плату за учение, стремясь найти иные источники доходов, при том, что финансовое положение учебного заведения существенно ухудшилось [8, ф. 813, оп. 1, д. 74, л. 210; 8, ф. 813, оп. 1, д. 49, л. 3]. В военное время политика по поддержке учащихся усилилась по всем возможным направлениям: так, в СТУ в 1914 г. за счет специальных средств удешевлены завтраки для учащихся, а вместо елки были розданы подарки «детям мастеровых и служащих, а также детям, отцы которых взяты на войну» [8, ф. 254, оп. 1, д. 325, л. 15об., 17 об.]. Администрация ВКУ в 1914 г. признавала, что низкая плата за обучение (60 руб.) значительно не поднималась ввиду поддержки губернского и уездного земств, выделявших училищу ежегодно 5 000 и 1 500 руб. соответственно [6, ф. 218, оп. 1, д. 42, л. 168].

Бюджеты государственных школ меньше зависели от платы за обучение, включавшейся в состав специальных средств. Однако стоимость обучения там не была существенно ниже, чем в негосударственных школах, вследствие политики социальной сегментации и государственной экономии. Так, в среднем техническом училище КПУ плата за обучение составляла 50 руб. в год, а в низших – 30 руб. [7, ф. 121, оп. 1, д. 166, л. 9].

Эти суммы, значимые для лиц непривилегированных сословий, существенно возрастали в связи с дополнительными затратами родителей на учебные пособия, книги, форменную одежду, оплату проживания детей на ученических квартирах. Суммы прямых и косвенных затрат родителей на обучение детей можно увидеть на примере сельскохозяйственных училищ. Пансионеры КЗУ делились на полных пансионеров (казенных и частных) и полупансионеров. Полные пансионеры получали от училища помещение, пищу, одежду и учебные пособия; полупансионеры получали помещение, пищу, и учебные пособия, но одевались за свой счет. В 1912 г. полные пансионеры в трех земледельческих училищах КУО платили за свое содержание в среднем 211,66 руб., полупансионеры – 150 руб., а приходящие ученики – 30 руб. в год [13, с. 98-99; подсчет авт.]. На казенное содержание могли рассчитывать лишь очень немногие учащиеся из бедных семей, «зарекомендовавшие себя безукоризненным поведением, трудолюбием и хорошими успехами» [29, с. 6; 31, с. 18-19]. Казенные пансионеры, по окончании курса в училище, обязаны были отслужить число лет, равное тому, в течение которых они пользовались казенным содержанием.

Среди учащихся было много детей из малообеспеченных семей, и далеко не каждый из отцов семейства мог самостоятельно финансировать учебу и проживание своего сына в губернской столице. В этом случае их выручала гибкость системы образования, позволявшая, не нарушая принципа платности обучения, использовать различные льготы для учеников и подключать благотворительные источники.

От оплаты за обучение в КПУ по решению педагогического совета освобождались примерные по поведению и прилежанию сы-

новья бедных родителей, которые к прошению на имя директора прилагали свидетельство о своем финансовом положении. Такими льготами могла воспользоваться одна седьмая часть учеников. Независимо от этого количества, от оплаты освобождались дети, родители которых проработали в средних и низших учебных заведениях МНП не менее 10 лет [7, ф. 121, оп. 1, д. 166, л. 9].

При КПУ было учреждено 12 стипендий на сумму, превышавшую две тысячи рублей [16, с. 9-10]. Из данных о стипендиях можно выяснить, что некоторые органы местного самоуправления, помимо только благотворительных задач, решали также проблемы с кадрами на промышленных предприятиях «своих» местностей за счет своеобразной целевой подготовки. 11 стипендий от Вятского губернского земства (по числу уездов) для учащихся ВКУ, которые рекомендовались уездными земствами, давали «возможность обучаться здесь детям крестьян отдаленных уездов губернии» [6, ф. 218, оп. 1, д. 42, л. 168; 6, ф. 218, оп. 1, д. 6, л. 106]. 15 стипендий 14 наименований имелось в СимКУ: шесть стипендий от частных лиц, семь – от общественных организаций, банков и биржевых комитетов, одна – Дома Романовых, еще одна – от коллектива членов Попечительного совета училища [34, ф. 171, оп. 1, д. 483, л. 1об.-2].

Земства выделяли деньги не только на стипендии, но и на разовые выплаты ученикам, как правило, из своего региона. Механизмами контроля расходования этих средств были запросы в учебные заведения касательно того, кто из учеников получает земскую стипендию, в каком классе обучается и какова его успеваемость [6, ф. 218, оп. 1, д. 42, л. 1].

Стипендиальная политика была рассчитана на поощрение нуждавшихся, имевших хорошую успеваемость и безупречное поведение. Исключения имели место, но лишь в отношении успеваемости. По «Положению о землемерных училищах» каждому училищу полагалось 60 казенных стипендий по 180 руб., освобождавших от взноса платы за учение по решению педсовета [23, с. 6]. Так, в первый год работы СимЗУ учениками было подано

43 прошения, 16 из которых отклонено по причине низких отметок, при этом ассигновано было 900 руб. В итоге стипендии получили 17 учеников на сумму 510 руб., а на остаток ходатайствовано закупить оборудование для ученической столовой на 365 руб. и выдать стипендию одному ученику (со средним баллом 3,75, но крайне нуждавшемуся) на 25 руб. [9, ф. 402, оп. 1, д. 3, л. 5-6об.]. Остальные нуждавшиеся, не получившие стипендию, по воспоминаниям ученика СимЗУ, «вынуждены были содержать себя своим трудом, работая вечерами репетиторами, или чертежниками, или певчими в церкви, а то и просто уборщиками в ресторанах» [18, с. 149]. Несмотря на существенность расходов, родители учеников стремились дать своим детям образование, прикладывая к этому все силы и средства.

Система благотворительности в сфере среднего профессионального образования, не прекращавшаяся в годы Первой мировой войны и событий 1917 г. [30], объективно имела положительное, прогрессивное значение, содействуя поддержке малоимущих учащихся, тем самым расширяя социальный охват и количество квалифицированных кадров. Однако формы материальной помощи учащимся были недостаточно эффективны. Денежных средств ученикам хронически не хватало, и они прибегали к комбинированным способам пополнения своих доходов, а нерегулярность и хаотичность этих пополнений препятствовали полноценному учебному процессу. Роль властных структур в оказании материальной помощи учащимся сводилась в целом лишь к координации и надзору за деятельностью благотворительных обществ и частных лиц.

Основные расходы профессиональных школ

В отличие от доходной части, структура расходов учебных заведений имела значительно больше общих черт, что было обусловлено существенным единообразием внутришкольных трат. Различалась, однако, доля расходов по отдельным статьям.

В структуре расходов учебных заведений важнейшие статьи составляли расходы на зарплату персонала, на поддержание и разви-

тие материальной базы, поглощавшие подавляющую часть доходов профессиональных школ.

На долю содержания административного и учебного персонала приходилось 64,66% расходов учебных заведений водного транспорта КУО, 55,21% – средних технических училищ, 54,19% – коммерческих училищ, 43,89% – средних сельскохозяйственных учебных заведений [Табл. 3; *подсчет авт.*; среднее число по данным сплошной выборки по всем учебным заведениям КУО каждого типа за имеющиеся годы].

Подчеркнем, что указанная доля зарплат персонала (54,19%) в общих расходах для большинства коммерческих училищ была значительно выше: так, для четырех самых «старых» училищ (ККУ, СимКУ, СамКУ, СарКУ) она составляла 67,68% в 1906-1907 уч.г. и 64,82% в 1913-1914 уч.г. Это также показывает низкую динамику изменений содержания персонала в общих расходах школ. В трех более «молодых» училищах (ВКУ, БКУ и АКУ) эта доля составляла 57,68% в 1913-1914 уч.г. Занижение процента зарплат в статистике общих расходов коммерческих училищ давали частные коммерческие школы: в ВКУ за шесть рассмотренных лет доля зарплат составляла лишь 39,85% расходов [Табл. 3; *подсчет авт.*]. Высокие оклады преподавательского персонала коммерческих училищ обуславливались частичным отсутствием прав, свойственных персоналу государственных школ, и одновременно позволяли приглашать лучших педагогов, что, безусловно, сказывалось на повышении уровня преподавания.

Стабильность и уровень финансирования вместе с последующими социальными гарантиями в виде пенсионного обеспечения цементировали педагогические составы государственных школ. Стабильная, но невысокая зарплата, сравнительно с реальным сектором экономики, постепенно вела к консервации кадров, закреплению в школе педагогов, стремительно терявших (или вовсе не имевших) квалификацию в практической деятельности по специальности и, соответственно, в педагогической деятельности в профессиональных школах, требующих действующих педагогов-практиков.

Нестабильность пополнений бюджетов негосударственных школ сказывалась на выдаче жалования персоналу. Изучение финансовых документов ВКУ за 1913-1914 уч.г. [6, ф. 218, оп. 1, д. 45, л. 105-109; 6, ф. 218, оп. 1, д. 47.] показало, что оплата преподавателям производилась нестабильно – в разные дни месяца и по разным дням, по мере поступления средств, при этом иногда осуществлялась неравновесно – часть текущих выплат осуществлялась на следующий месяц. Исключение составляла выдача жалования в июне, превышавшая среднемесячный заработок в два раза за счет сокращения вдвое выплат за июль-август, и связанная, по-видимому, с летне-каникулярным периодом. Бюджетный дефицит приводил и к оптимизации персонала путем сокращений: в 1906 г. в СарКУ была упразднена должность лаборанта, который одновременно был и смотрителем здания [8, ф. 252, оп. 1, д. 11, л. 9].

Поддержание материальной базы школ было второй по стоимости статьей расходов учебных заведений. В ее состав мы условно отнесли наем и содержание зданий, хозяйственные и канцелярские расходы и единовременные «вливания» в школьные бюджеты на постройку зданий и оборудование. На долю этих статей приходилось 41,69% расходов средних сельскохозяйственных учебных заведений КУО, 33,25% – коммерческих училищ, 17,70% – учебных заведений водного транспорта, 14,30% – средних технических училищ [Табл. 3; подсчет авт.; среднее число по данным сплошной выборки по всем учебных заведений КУО каждого типа за имеющиеся годы].

Существенный процент затрат сельскохозяйственных учебных заведений на поддержание материальной базы, ставший особенно заметным в начале XX в., обуславливался длительность существования этих заведений, фактором обветшания зданий и иных основных фондов, а также проведением аграрной реформы, умножившей казенное финансирование сельскохозяйственного образования. В материалах табл. 3 ясно прослеживается многократное увеличение расходов на строительные нужды, текущий и капитальный ремонт

сельскохозяйственных школ на рубеже 1900-1910-х гг., и это удивительно: так, инспекция КЗУ в 1912 г. показала, что «здание больницы нуждается в капитальном ремонте: необходимо проконопатить его стены, переложить печи и исправить полы, так как зимой температура в палатах доходит до +8°R (10°C – Т.М.)» [24, ф. 382, оп. 10, д. 41, л. 37].

В этот период в решении данного вопроса активизировались и торгово-промышленные круги. Фактором активности стало создание в 1909 г. при МНП школьно-строительного фонда, который за период 1909-1915 гг. «израсходовал 61,5 миллионов рублей государственных средств на строительство школьных зданий» [25, с. 72-73]. На этом фоне Совет съездов Представителей биржевой торговли и сельского хозяйства в 1909 г. указал, что «государство должно было бы со своей стороны значительно расширить ассигнуемый на коммерческое образование кредит <...>. Совет [находит] желательным учреждение при Министерстве торговли и промышленности специального строительного фонда» [24, ф. 25, оп. 5, д. 124, л. 1об.]. Коммерческие училища направляли немалую долю своих расходов на поддержание и развитие основных фондов, существенность которых особенно заметна на фоне относительно близких к ним по времени создания промышленных училищ. Причины такого различия между ними состоят в постепенности обретения коммерческими училищами своих зданий и идеологии коммерческого образования как детища торгово-промышленного сословия, нацеленной на абсолютное превосходство перед государственной школой не только в качестве образования, но даже во внешнем «лоске».

Однако в затратах на учебные пособия (4,05% расходов) коммерческие училища проигрывали техническим (23,80%), сельскохозяйственным (6,50 %) и училищам водного транспорта (9,26%) [Табл. 3; подсчет авт.; среднее число по данным сплошной выборки по всем учебным заведениям КУО каждого типа за имеющиеся годы]. Общеобразовательная направленность коммерческих школ в этой статье расходов и не могла сравниться с дорогостоя-

щим промышленно-техническим оборудованием вторых, затратными в содержании учебными фермами третьих и включенной в расходы на учебные пособия организацией плавания учеников – в четвертых.

Помимо нецелевого использования средств руководителями школ, в число непредвиденных расходов могли входить прямые кражи как уголовные деяния, что и случилось в БКУ: «Казначей попечительского совета [Балаковского] коммерческого училища Александр Афанасьевич Кузнецов послал своего конторщика Агапова в банк получить 1 659 рублей для выдачи жалования учителям. Тот деньги в банке получил и скрылся, а через несколько дней прислал письмо: «Простите меня, но не ищите, потому не найдёте... Я был вынужден сделать это, так как захотел пожить повеселее. Вот прокучу деньги и покончу с собой, в чём и даю вам свое честное слово, хоть и воровское» [14].

Управление финансами коммерческих училищ основывалось на принципах открытости. Ежегодно на общем собрании попечительского совета, дирекции и преподавателей делался скрупулезный постатейный финансовый отчет, который затем публиковался в составе годового отчета училища. Вообще, результативность вложений в образовательную сферу определяли не только объемы финансирования, но и «механизмы обеспечения целевого и эффективного расходования средств» [25, с. 71]. Сведения о финансовой деятельности дореволюционных школ были относительно прозрачными. Информация о финансово-хозяйственной деятельности учебных заведений, представленная в их ежегодных отчетах, публиковалась в составе последних и поэтому была доступна общественности. Расходование средств могло контролироваться органами государственной власти, местного самоуправления и обществом (в том числе преподавателями, представленными в попечительских советах и хозяйственных комитетах, а также с начала XX в. – родителями учащихся). В государственных учебных заведениях ставилось в жесткие рамки использование школой финансовых средств. Причем это происходило зачастую на усредненных, уравнилельных,

обезличенных началах, вне зависимости от качественных результатов деятельности, от потребностей общества, личности, региональных условий.

Заключение (выводы)

Финансирование средних профессиональных школ обусловливалось их организационно-правовой формой, ведомственной принадлежностью, ограниченностью бюджетных средств, остаточным принципом финансирования и зависело от территориального расположения. Финансирование школ, в том числе государственных, было многоканальным, что создавало более прочную основу для становления и развития среднего профессионального образования. Финансирование подавляющего большинства профессиональных школ носило государственно-общественный характер вследствие диверсификации образовательных расходов казны, испытывающей давление со стороны многочисленных секторов модернизирующегося общества.

Максимальное использование казны наблюдалось в финансировании средних сельскохозяйственных училищ в силу того, что они изначально создавались в качестве государственных, при этом доля средств местных источников превышала казенные в отношении сельскохозяйственного образования в целом. Даже более высокая доля казенного финансирования училищ водного транспорта КУО снижалась за счет межбюджетных трансфертов (от 35% до 45% общих поступлений) из местных источников в казну на их содержание. На фоне проведения аграрной реформы финансирование сельскохозяйственных школ КУО удваивается. Ниже была доля казны в финансировании средних технических училищ, однако за 20 лет она выросла от чуть более трети до половины поступлений в их бюджеты; в КУО эта цифра достигла почти 80 % за счет передачи ВСМТУ в государственную собственность. Наибольшая часть финансирования из всех типов средних профессиональных школ приходилась на коммерческие училища КУО в силу их широкой распространенности, значительного контингента

и высокой стоимости содержания. В них же была наиболее велика и доля местных средств, при этом на 1909 г. коммерческие училища КУО получали лишь около трети от общей суммы местных, общественных и частных интервенций в бюджеты всех средних профессиональных школ.

Существенную часть поступлений школьных бюджетов, особенно в негосударственных школах, составляла плата за обучение. В государственных школах достаточность специальных средств, пополнявшихся за счет этой платы, и стабильное казенное финансирование существенно тормозили поиск средств и общее взаимодействие с местным социумом, и, наоборот, негосударственные школы, при низком казенном дотировании или его полном отсутствии, активизировали поиск средств путем углубления контактов с внешней средой и особого отношения к абитуриентам и заказчикам образовательных услуг, что приводило к переполненности классов и стремлению удержать ученика в училище путем завышения оттоков. Иные источники финансового самообеспечения средних профессиональных учебных заведений были незначительными, кроме сельскохозяйственных школ, 14,5% доходов которых приносили их хозяйства.

Получение негосударственным учебным заведением государственного статуса с переводом его на казенное финансирование с фиксированной выплатой от городов и земств в казначейство или партнерское государственно-общественное учреждение школы с совместным финансированием во всех рассматриваемых нами случаях лишало учебное заведение дополнительных выплат от местного самоуправления и пособий от обществ и частных лиц. Образовательное меценатство в таких случаях частично перераспределялось в сторону концентрации на финансовой поддержке учеников в рамках Обществ вспомоществования и попечительств.

Существенная плата за обучение, выступавшая элементом социальной сегментации, в негосударственной школе объяснялась также ее ролью в пополнении бюджета, а в государственной была сред-

ством экономии казенных вложений, дополнялась затратами родителей на учебные пособия, форменную одежду, оплату проживания детей на ученических квартирах. Ограниченность средств родителей учеников, рост количества средних школ в стране, координация вопроса установления стоимости обучения со стороны государства сдерживали дальнейший рост платы за обучение, а закрепленные властями льготы и благотворительные источники позволяли снизить финансовую нагрузку на заказчиков образовательных услуг. Наиболее значимыми льгот и благотворительных источников были: освобождение от оплаты детей, родители которых проработали в учебных заведениях соответствующего ведомства не менее 10 лет; учреждение стипендий при каждой школе, привязанных к благонадежности, учебе и материальному положению учеников, также имевшее целью решение кадрового голода за счет целевой подготовки; разовые выплаты.

В структуре расходов важнейшие статьи составляли выплаты зарплаты персонала (от 44 до 65% в разных типах школ), поддержание и развитие материальной базы (от 14 до 42%). Высокие оклады преподавательского персонала коммерческих училищ обуславливались частичным отсутствием прав, свойственных персоналу государственных школ, и одновременно улучшали процессы набора и подбора педагогов, повышая качество образования. Стабильная зарплата, статус государственного служащего и пенсионные права цементировали педагогические составы государственных школ, причем в сравнении с возможностями реального сектора экономики меньшие зарплаты вели к консервации кадров и закреплению в школе педагогов, стремительно терявших (или вовсе не имевших) квалификацию в практической деятельности по специальности.

В условиях недостатка средств на образование усиливаются механизмы обеспечения их целевого и эффективного расходования, за счет информационной открытости общей финансовой отчетности и увеличения присутствия в финансовом контроле разных участников отношений в сфере образования.

Источники финансирования средних профессиональных учебных заведений Казанского учебного округа

Название училища, дата открытия	Год (источник)**	Число учащихся, чел.	Средства на содержание учебного заведения и мастерских при нем в течение года, руб.							Сумма расходов, руб.
			Из гос. казначейства	Сбор с словных и промысл. свид.	От города или земства	Пособие от обществ или частн. лиц	Плата за право учения	Из других источников	Всего	
Средние технические училища										
ВССХТУ, 1901	1909 (1)	160	18946		13500		2600		35046	35046
	1914 (2)	171	31497,3		1681		2234,37	8818,26	44230,66	-
ВСМТУ, 1907	1909 (1)	118			10995		769	158	11922	13864
	1912 (3)	167	21423,12				1505	575,45	23503,57	22384,68
	1914 (2)	175	20849,2			275	623,85	1710	23458,05	
КПУ, 1897	1906 (4)	287	63622,11				9045,86	2922,26	75590,23	
	1909 (1)	265	65683				9000	1500	76183	76183
	1912 (5)	336	66742,96				10100	8744,31	85587,27	77315,90
	1914 (2)	416	69506,7				13082,5	2451,18	85040,38	
СТУ, 1899	1899 (6)	56	10963,25				1300		12263,25	10025,13
	1900 (6)	129	51601,75				3775		55376,75	60435,68
	1901 (6)	220	60679,75				7550		68229,75	65451,18
	1902 (6)	211	45688,58				13830,82		59519,40	59519,40
	1909 (1)	308	45898				13475	7711	67084	59524
	1914 (2)	345	44735,98				12549,7	385,25	57670,93	
Коммерческие училища										
АКУ, 1913	1913-1914 (7)	151			1500			7100	8600	5245,41
	1910-1911 (8)	100			1000		8840	4400	14240	15039
БКУ, 1910	1911-1912 (9)	133			4500		12230	599,37	17329,37	19789,67
	1912-1913 (10)	159	10000		3000		14650	100	27750	29197,42
	1913-1914 (7)	176	4584		750	3500	16505	269,45	25608,45	32421,42
ВКУ, 1908	1908-1909 (11)	78			1500		3935,08	3574,79	9009,87	8776,87
	1909 (1)	93			2000		3935	4075	10010	8777
	1909-1910 (12)	74			2720		4758	2508,10	9986,10	10089,01
	1910-1911 (8)	93			5825		6595,50	4751,03	17171,53	17001,24
	1911-1912 (9)	137			11580		8193,50	3688,64	23732,14	23597,16
	1912-1913 (10)	165				10800	9300	4157,41	24257,41	24226,60
	1913-1914 (7)	188			6800	4000	10292,5	10095,8	31188,3	30619,61

Название училища, дата открытия	Год (источник)**	Число учащихся, чел.	Средства на содержание учебного заведения и мастерских при нем в течение года, руб.						Сумма расходов, руб.	
			Из гос. казначейства	Сбор с словных и промысл. свид.	От города или земства	Пособие от обществ или частн. лиц	Плата за право учения	Из других источников		Всего
ККУ, 1905	1906-1907 (13)	96			12000	2500	5012,50	122936,79	142449,29	30952,05
	1907-1908 (14)	140			12000	3500	7767,50	149107,75	172375,25	162584,15
	1908-1909 (11)	264			13000	3000	12882,50	144523,10	173405,60	163255,02
	1909 (1)	349			12000		19376	3520	34896	33597
	1909-1910 (12)	347			14278,25	2620	19375,50	88766,68	125040,43	93259,04
	1910-1911 (8)	402			14200	4120	24449,50	56872,02	99641,52	87841,35
	1911-1912 (9)	443			20436,50	3120	28762,50	29566,41	81885,41	74747,63
	1912-1913 (10)	455	8000	12182,19	11000	8120	30785	29051,42	99138,61	90258,38
	1913-1914 (7)	471		14764,39	14000	7620	32028,5	33886,99	102299,88	82599,31
СамКУ, 1902	1906-1907 (13)	339			8200	2893,42	28762	179,02	40034,44	38951,58
	1907-1908 (14)	360			1800	8338,33	35165	11160,74	56464,07	53386,22
	1908-1909 (11)	412			10000	8000	44070	4082,88	66152,88	63533,55
	1909 (1)	397			5000		42000	8000	55000	55000
	1909-1910 (12)	393			5000	8040	43490	4589,79	60819,79	59236,60
	1910-1911 (8)	389			5000	5025	43240	35873,87	59138,87	58173,28
	1911-1912 (9)	407			5000	7500	44350	9066,30	65916,30	64749,49
	1912-1913 (10)	422			5000	6000	47075	19146,69	77221,69	70811,61
	1913-1914 (7)	453			5000	8200	49465	11841,46	74506,46	69084,27
СарКУ, 1900	1906-1907 (13)	249		9540		1540,84	17014,18	9524,12	37916,14	50144,36
	1907-1908 (14)	295		9630		1288,96	19436,40	12553,65	42908,74	48632,70
	1908-1909 (11)	423		10687		3301,50	26055,25	7053,95	47097,70	57606,06
	1909 (1)	513					26055	21042	47097	57606
	1909-1910 (12)	516		11380,40		1736,41	31202,50	12580,23	56899,44	65890,28
	1910-1911 (8)	538		11855		8326,74	34004,50	3675,59	57861,83	70233,77
	1911-1912 (9)	648		11952,53		10006,14	41203,50	15807,24	78969,41	78472,30
	1912-1913 (10)	730		11810,35		9926,98	49650	16067,66	87454,99	87101,41
	1913-1914 (7)	804		12260,6		9227,74	56255	17667,47	95410,81	93936,87
СимКУ, 1900	1906-1907 (13)	258			6000	13000	17524,15	7903,45	44427,60	42024,65
	1907-1908 (14)	219			9200	6000	14162,50	12311,97	41674,47	35993,32
	1908-1909 (11)	188		2000	6800	8891	13391	134,23	31216,23	30927,16
	1909 (1)	177			6000		15000	3000	24000	36000
	1909-1910 (12)	170		2000	5000	12000	12849,90	669,95	32519,85	31875,03
	1910-1911 (8)	167			6000	12200	13018,49	3761,74	34980,23	28794,41
	1911-1912 (9)	165		1800	4000	6500	12325,40	6897,43	31522,83	29376,48
	1912-1913 (10)	160			6000	8000	11502,24	4814,70	30316,94	30031,29
	1913-1914 (7)	179			6000	5500	13558,12	3768,5	28826,62	28601,15

Название училища, дата открытия	Год (источник)**	Число учащихся, чел.	Средства на содержание учебного заведения и мастерских при нем в течение года, руб.							Сумма расходов, руб.	
			Из гос. казначейства	Сбор с словных и промысл. свид.	От города или земства	Пособие от обществ или частн. лиц	Плата за право учения	Из других источников	Всего		
Учебные заведения водного транспорта											
АМУ, 1903	1908 (15)	39	10059		4290*			320	303	10682	9811
	1909 (1)	41			4290*				3670	7960	7960
	1909 (16)	47	8644		4290*			435	428	9507	8949
	1910 (17)	41	7960		4290*			690	647	9297	9291
	1911 (18)	44	8248		4290*			905	256	9409	9146
	1912 (19)	29	7690		4290*			415	277	8382	8359
	1913 (20)	22	7690		4290*			580	301	8571	8482
	1914 (21)	24	10126		4290*			690	889	11705	10969
КРУ, 1904	1905-1906 (22)	141			1915	2424		2600		6939	7279,10
	1907 (22)	155			4810	2098		2605	2396,13	11909,13	11475,65
	1908 (22)	154	2700		3485	1820		2565	397,20	10967,20	8809,26
	1909 (1)	119	4370		3750			1900	200	10220	8120
	1909 (22)	119	3810		3070	2230		2435	225,83	11770,83	10543,83
	1911 (22)	91	7565		3250*				2264,97	9829,97	7558,50
	1912 (22)	86	7565		3250*				1480	9045	7669,08
	1913 (22)	80	7564		3250*				1695,45	9259,45	9418,95
	1914 (22)		7556		3250*				1322,78	8878,78	9629,77
ОРУ, 1911	1914-1915 (23)	49	5109		2000*			330		5439	5109
Средние сельскохозяйственные учебные заведения, включая землемерное училище											
КЗУ, 1864	1897 (24)	186	44136,50					12175		56311,50	82435,43
	1898 (25)	182	46887					12357	28982,42	86726,42	70546,48
	1902 (26)	199	44195					10875		55070	55067
	1909 (1)	116	52934	-			-	90		53024	53024
	1909 (27)	118	59089					105	19662	78856	52930
	1912 (28)	168	64484						17390	81874	78955
	1914 (29)	185	70704						18540	89244	89244

Название училища, дата открытия	Год (источник)**	Число учащихся, чел.	Средства на содержание учебного заведения и мастерских при нем в течение года, руб.						Сумма расходов, руб.	
			Из гос. казначейства	Сбор с словесных и промысл. свид.	От города или земства	Пособие от обществ или частн. лиц	Плата за право учения	Из других источников		Всего
СамСХУ, 1899	1902 (26)	76	22180		22180		6045		50405	102525
	1909 (1)	195	24823		22500				47323	47323
	1909 (27)	195	44700		22500			36410	103610	71100
	1912 (28)	240	176949					51721	228670	96586
	1914 (29)	243	52535			24175		63450	140160	105685
С(М)ЗУ, 1865	1897 (24)	222	55213,71			150	16670	16978,09	89011,80	63218.31
	1898 (25)	226	47312,40			150	16745	12952,92	77160,32	67511,50
	1902 (26)	241	53231			150	19195		72576	63158
	1909 (1)	139	45990						45990	45979
	1909 (27)	139	127928					28565	156493	67227
	1912 (28)	218	105948					1455	107403	87419
	1914 (29)	221	94459					5368	99827	91415
СимЗУ, 1912	1912 (30)	53	15221				530		15751	15271
	1914 (31)	140	30779				1780		32559	29803,94

Условные обозначения:

* – суммы, поступающие в казначейство, в возмещение части расходов казны на учебные заведения. В бюджетах школ не отображались и в таблице должны быть указаны по нулям.

Год (источник)** – финансовый год, по которому представлены данные и номер источника по следующему за примечаниями списку «Источники», из которого черпались сведения для заполнения данных по соответствующему году.

Примечание: в финансовых показателях 1909 г. статья (графа) «Из других источников» включает, в том числе, и такие показатели, которые для других лет в ряде случаев отображены отдельно (в отдельных графах), а именно: «Сбор с словесных и промысл. свид.», «Пособие от обществ или частн. лиц».

Сокращения:

- АКУ – Астраханское восьмиклассное коммерческое училище
АМУ – Астраханское мореходное училище
БКУ – Балаковское коммерческое училище
ВКУ – Вятское коммерческое училище
ВСМТУ – Воткинское среднее механико-техническое училище
ВССХТУ – Вятское среднее сельскохозяйственное техническое училище
КЗУ – Казанское земледельческое училище
ККУ – Казанское коммерческое училище
КПУ – Казанское промышленное училище
КРУ – Казанское речное училище
КССХУ – Казанское среднее сельскохозяйственное училище
ОРУ – Орловское речное училище
СимЗУ – Симбирское землемерное училище
СимКУ – Симбирское коммерческое училище
СамКУ – Самарское коммерческое училище
САСХУ – Самарское Алексеевское среднее сельскохозяйственное училище
СамГЖДУ – Самарское техническое железнодорожное училище
СарКУ – Коммерческое училище Саратовского купеческого общества
СМЗУ – Саратовское Мариинское земледельческое училище
СТУ – Саратовское среднее соединенное механико и химико-техническое училище

Источники:

- (1) Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России: Ч. 2. СПб., 1910. С. 6-7, 68-69, 78-79, 130-135, 338-339, 350-351, 392-393, 398-399, 402-403.
- (2) РГИА. Ф. 741. Оп. 5. Д. 427. Л. 162об.-163, 169об.-170.
- (3) АУАВ. Ф. 319а. Оп. 1. Д. 6. Л. 47об., 64-65, 67.
- (4) ГАРТ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 459а. Л. 24, 35.
- (5) ГАРТ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 623. Л. 5об., 19об.
- (6) Саратовское промышленное училище (соединенное среднее механико- и химико-техническое). 1899-1903. Саратов, 1903. С. 34-35, 49, 66, 68, 88, 119-120, 139, 214-215, 380.

- (7) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1913-1914 учебный год. Пг., 1916. С. 12-15, 18-19, 23, 25, 27, 29, 34-35, 37, 66-67, 73, 81.
- (8) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1910-1911 учебный год. СПб., 1912. С. 12-15, 18-23, 26-27, 32-35, 58-59, 76-77, 88.
- (9) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1911-1912 учебный год. СПб., 1913. С. 12-15, 18-23, 26-27, 32-33, 35, 68-69, 76-77, 88.
- (10) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1912-1913 учебный год. СПб., 1914. С. 12-15, 18-19, 22-25, 28-29, 37-38, 40, 80-81, 88-89, 100.
- (11) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1908-09 учебный год. СПб., 1910. С. 20-23, 26-29, 35-36, 66-67, 72-73, 79.
- (12) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1909-10 учебный год. СПб., 1911. С. 10-11, 14-15, 18-19, 22-23, 30, 32, 64-65, 70-71, 79.
- (13) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1906-1907 учебный год. СПб., 1908. С. 6-13, 16-17.
- (14) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1907-1908 учебный год. СПб., 1909. С. 34-37, 40-43, 49-50.
- (15) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности за 1908 год. СПб., 1910. С. 4, 8-9, 14.

- (16) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1910 года. СПб., 1911. С. 4, 8-9, 14.
- (17) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1911 года. СПб., 1912. С. 4, 8-9, 14.
- (18) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1912 года. СПб., 1913. С. 4, 8-9, 14.
- (19) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1913 года. СПб., 1914. С. 4, 8-9, 14.
- (20) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1914 года. Пг., 1915. С. 4, 8-9, 14.
- (21) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1915 года. Пг., 1915. С. 4, 8-9, 14.
- (22) Очерк десятилетней деятельности Казанского речного училища 1-го разряда. Казань, 1915. С. 16-23; ЦАНО. Ф. 1770. Оп. 549. Д. 7. Л. 56, 62об.-63, 64, 101, 114, 139, 151-152, 202об.-206.
- (23) Отчет о состоянии и деятельности Орловского речного училища Министерства путей сообщения за 1914-1915 учебный год. Орлов, 1915. С. 6, 12-13.
- (24) Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию: Вып. II. СПб., 1899. Ч. III. С. 2-3, 16-17, 28-29.
- (25) Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию: Вып. IV. СПб., 1900. С. 88-89, 108-109, 124-125.
- (26) Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию: Вып. VIII. СПб., 1905. Ч. IV. С. 2, 22-23, 40.
- (27) Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. XVI. С. 214-215, 224-225, 276-277.
- (28) Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям к 1 января 1913 г. Вып. 2. СПб., 1913. С. 4-5, 64-66.

- (29) Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям. Вып. 4. Пг., 1915. С. 4-7, 76-78.
- (30) ГАУО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 15. Л. 5об.-9, 11.
- (31) ГАУО. Ф. 402. Оп.1 Д. 29. Л. 4-6, 8.

**Источники финансирования средних профессиональных учебных заведений Казанского учебного округа
(обобщенные и сравнительные показатели)**

Показатель (группы учебных заведений)	Кол-во учебн. заведен.	Год, тип по- казателя	Число учащих- ся, чел.	Средства на содержание учебного заведения и мастерских при нем в течение года, руб.						Сумма расходов, руб.	
				Из гос. казначей- ства	Сбор с со- словных и промысл. свид.	От горо- да или земства	Пособие от об- ществ или частн. лиц	Плата за право уче- ния	Из других источни- ков		Всего
Все средние профессиональ- ные школы КУО	14	1909, в руб.	2990	258644		80035		134200	52876	525755	538003
		1909, в %	100 %	49,19 %		15,22 %		25,53 %	10,06 %	100 %	102,33 %
Все средние и низшие учеб- ные заведения империи, кроме Финляндии	3036 (355 ср. и 2661 низш.)	1909, в %	213860	23,9 %		13,2 %		31,9 %	31 %	100 %	98,34 %
		1909, в руб.	849	122987		15750		30366	5220	174323	170924
Все средние профессио- нальные школы Казанской губернии	4	1909, в %	100	70,55		9,04		17,42	2,99	100	98,05
		1909, в руб.	849	122987		15750		30366	5220	174323	170924
Соотношение показателей СПШ Казанской губернии к КУО	4 из 14 28,57 %	1909, в %	28,39	47,55		19,67		22,62	9,87	33,16	31,77
Все средние сельскохозяй- ственные учебные заведения КУО	3	1902, в руб.	516	119606		22180	150	36115		178051	
		1902, в %		67,17		12,47	0,08	20,28		100	
		1909, в руб.	450	123747		22500		90		146337	
		1909, в %		84,56		15,38		0,06		100	
		1909, в руб.	851	130527		24495		25844	9369	190235	
Все средние технические учебные заведения КУО	4	1909, в %		68,61		12,88		13,59	4,92	100	
		1914, в руб.	1107	166589,18		1681	275	28490,42	13364,69	210400	
		1914, в %		79,18		0,8	0,13	13,54	6,35	100	
		1909-1910, в руб.	1500		13380,4	26998,25	24396,41	111675,9	109114,75	285265,61	260349,96
Все коммерческие училища КУО	5	1909-1910, в %				4,7	9,5	8,5	39,1	38,2	100
		1909, в руб.	1529			25000		106366	39637	171003	
		1909, в %				14,6		62,2	23,2	100	
		1909, в % от всех СПШ КУО				31,2		79,3		32,5	
	7	1913-1914, в руб.	2422	4584	27024,99	34050	38047,74	178104,12	84629,67	366440,52	342507,04
		1913-1914, в %		1,25	7,37	9,3	10,38	48,6	23,1	100	93,46
		1909-1910, в %									

Примечание: таблица составлена на основе таблицы 1. Подсчет авт.

Таблица 3.

Расходы средних профессиональных учебных заведений Казанского учебного округа

Название училища, дата открытия	Год (источник)*	Число учащихся, чел.	Основные статьи расходов учебного заведения в течение года, руб.							Всего расходов, руб.	Сумма доходов, руб.
			Наем и содержание помещений	Содержание адм. и учебн. персонала	Учебн. пособия	Хозяйств. и канц. расходы	Пособия и стипендии учащимся*	Единовременные расходы на постройку, оборудование и т.д.	Иные расходы		
Средние технические училища											
ВССХТУ, 1901	1909 (1)	160								35046	35046
	1909 (1)	118								13864	11922
ВСМТУ, 1907	1912 (3)	167		16896,90	2790,99	1669,28	421,67		605,84	22384,68	23503,57
	1913 (4)	165		17747,41	3291,57	1629,91	554,84	102	679,09	24004,82	24198,82
КПУ, 1897	1909 (1)	265								76183	76183
	1912 (5)	336	7617,64	54812,51	7613,05	375,42**		2400,15	4497,43	77315,90	85587,27
	1914 (2)	416	11360,37	55662,76	8245,27	471,62**		1701,87	7818,09	85040,38	90753
СТУ, 1899	1899 (6)	56	933,32	5202,37	1918,69	1239,75			640	10025,13	12263,25
	1900 (6)	129	466,68	15154,69	34702,80	8752,26	45		1150	60435,68	55376,75
	1901 (6)	220		22008,17	31451,21	11396,20	67,10			65451,18	68229,75
	1902 (6)	211	4249,42	35677,38	6212,11	2357,96			11022,71	59519,40	59519,40
1909 (1)	308								59524	67084	
Коммерческие училища											
АКУ, 1913	1913-1914 (7)	151		2064,62	148,60	566,49			2483,70	5245,41	8600
	1910-1911 (8)	100		10930,88	501,82	1590,04			951,79	15039,14	14240
БКУ, 1910	1911-1912 (9)	133		14345	1504,30	3101,54				838,83	19789,67
	1912-1913 (10)	159		17412,72	2652,91	6186,75			485,04	29197,42	27750
	1913-1914 (7)	176		21145,28	5595,64	962,70			1702,75	3015,05	32421,42
	1908-1909 (11)	78	900	2631,29	1494,43	841,99			900,78	2008,38	8776,87
ВКУ, 1908	1909 (1)	93								8777	10010
	1909-1910 (12)	74	900	4673,84	990,01	827,45	720		610,55	1367,16	10089,01
	1910-1911 (8)	93	1322,46	6993,03	1904,84	1580,59	900		200,71	4099,61	17001,24
	1911-1912 (9)	137	1843,80	11941	3134,43	1536,75	1080		315,91	3745,27	23597,16
	1912-1913 (10)	165	2025	11976	3321,61	2458,96				4445,12	24226,60
	1913-1914 (7)	188	2670	16181	3837,88	2306,76				5623,97	30619,61
	1906-1907 (13)	96	2215,35	13789,23	2650,90	962,44	75		11078,04	181,09	30952,05
ККУ, 1905	1907-1908 (14)	140	2668,25	16467,91	1515,95	1397,87	175		140240,26	118,91	162584,15
	1908-1909 (11)	264	1190	19027,10	3274,23	3950,65	350		135114,56	348,48	163255,02
	1909 (1)	349								33597	34896
	1909-1910 (12)	347		24276,24	693,08	8315,24	300		56362,07	312,41	93259,04
	1910-1911 (8)	402		30436,23	2018,42	12213,02	290		42502,90	380,78	87841,35
	1911-1912 (9)	443		36950,39	2278,12	13598,53	275		17442,15	4203,45	74747,63
	1912-1913 (10)	455		41471,59	3561,34	17093,39	275		23854,10	4002,96	90258,38
1913-1914 (7)	471		45367,90	6220,24	12293,86	312,50		12472,95	5931,86	82599,31	

Название училища, дата открытия	Год (источник)*	Число учащихся, чел.	Основные статьи расходов учебного заведения в течение года, руб.							Всего расходов, руб.	Сумма доходов, руб.	
			Наем и содержание помещений	Содержание адм. и учебн. персонала	Учебн. пособия	Хозяйств. и канц. расходы	Пособия и стипендии учащимся*	Единовременные расходы на постройку, оборудование и т.д.	Иные расходы			
СамКУ, 1902	1906-1907 (13)	339	1297,12	31516,15	3415,43	2722,88				38951,58	40034,44	
	1907-1908 (14)	360	8718,60	35636,73	5237,33	3563,23			230,33	53386,22	56464,07	
	1908-1909 (11)	412		45221,80	4981,74	7608,24			5394,05	327,72	63533,55	66152,88
	1909 (1)	397									55000	55000
	1909-1910 (12)	393		49304,71	2267,18	5330,90	870	185,60	1305,21	59236,60	60819,79	
	1910-1911 (8)	389		47604,30	1020,60	7998,81	1080	188,83	280,84	58173,28	59138,87	
	1911-1912 (9)	407		48752,38	2371,11	7646,75	1230	1451,63	3497,62	64749,49	65916,30	
	1912-1913 (10)	422		48257,75	1794,09	7089,71	1265	877,35	11527,71	70811,61	77221,69	
	1913-1914 (7)	453		48854,04	1698,81	9249,68	1005	82,45	8194,29	69084,27	74506,46	
	1906-1907 (13)	249	6722,73	29763,45	5456,88	4868,49	2136,68		1196,13	50144,36	37916,14	
1907-1908 (14)	295	4873,23	31979,99	3150,35	4820,13	2816,71		992,29	48632,70	42908,74		
1908-1909 (11)	423		35027,20	879,15	9903,58	1848,40		1947,73	8000	57606,06	47097,70	
1909 (1)	513									57606	47097	
1909-1910 (12)	516		38209,16	1168,37	10305,08	1659,44	1548,23	13000	65890,28	56899,44		
1910-1911 (8)	538		40576,49	1954,25	10462,61	2463,94	2276,48	12500	70233,77	57861,83		
1911-1912 (9)	648		41399,27	988,99	11985,46	1780,11	7590,17	14778,30	78472,30	78969,41		
1912-1913 (10)	730		51688,70	1180,27	14142,99	1930,03	3368,51	14790,91	87101,41	87454,99		
1913-1914 (7)	804		58435,12	980,17	12660,80	2494,16	3956,76	15409,86	93936,87	95410,81		
1906-1907 (13)	258	1863,44	34635,25	2662	2844,56			78,80	42024,65	44427,60		
1907-1908 (14)	219	1730,50	30370,42	1975,85	1747,33	71,23		97,99	35993,32	41674,47		
1908-1909 (11)	188		24827,55	321,35	2861,80			2916,46	30927,16	31216,23		
1909 (1)	177								36000	24000		
1909-1910 (12)	170		24533,16	324,33	2617,04			4400,50	31875,03	32519,85		
1910-1911 (8)	167		23054,99	499,10	3055,88			2184,44	28794,41	34980,23		
1911-1912 (9)	165		24025,33	439,72	3353,57			1357,86	29376,48	31522,83		
1912-1913 (10)	160		23613,63	386,04	3377,32			2654,30	30031,29	30316,94		
1913-1914 (7)	179		25111,01	296,60	2786,22			407,32	28601,15	28826,62		
Учебные заведения водного транспорта												
АМУ, 1903	1908 (15)	39	1780	5445	702	300**	235		1289	9811	10682	
	1909 (1)	41								7960	7960	
	1909 (16)	47	1661	5125	1354	300**	260		249	8949	9507	
	1910 (17)	41	1303	5600	1046	300**	135		907	9291	9297	
	1911 (18)	44	1138	5650	549	300**	310		1199	9146	9409	
	1912 (19)	29	1378	5500	196	300**	135		850	8359	8382	
	1913 (20)	22	1238	5530	390	300**			868	8482	8571	
	1914 (21)	24	2840	6336	605	350**	150		728	10969	11705	

Название училища, дата открытия	Год (источник)*	Число учащихся, чел.	Основные статьи расходов учебного заведения в течение года, руб.						Всего расходов, руб.	Сумма доходов, руб.	
			Наем и содержание помещений	Содержание адм. и учебн. персонала	Учебн. пособия	Хозяйств. и канц. расходы	Пособия и стипендии учащимся*	Единовременные расходы на постройку, оборудование и т.д.			Иные расходы
КРУ, 1904	1905-1906 (22)	141	386	4583,95	1398,84	845,31			65	7279,10	6939
	1907 (22)	155	141,65	6874,38	2162,78	653,44		1643,40		11475,65	11909,13
	1908 (22)	154	653,12	6403,88	1092,55	627,71			32	8809,26	10967,20
	1909 (1)	119								8120	10220
	1909 (22)	119	1826,91	6441,88	1685,68	589,36				10543,83	11770,83
	1911 (22)	91	1345,68	6016	187,71	580,92				7558,50	9829,97
	1912 (22)	86	639,23	6064	408,23	503,62			54	7669,08	9045
	1913 (22)	80	1549,83	6079	808,60	597,07			384,45	9418,95	9259,45
	1914 (22)		2047,82	6262	538,75	686,20			95	9629,77	8878,78
ОРУ, 1911	1914-1915 (23)	49	166,23	4238	84,42	495,58			124,77 ***	5109	5439
Средние сельскохозяйственные учебные заведения, включая землемерное училище											
КЗУ, 1864	1897 (24)	186	4872,16 *****	37337,44	5742,57		208 (+11942,80)	13073,95 ****	9257,51	82435,43	56311,50
	1898 (25)	182	4560,53 *****	28468,74	1081,66		114,59 (+15404,44)		20916,52	70546,48	86726,42
	1902 (26)	199	4843 *****	17948	3602		106 (+16526)	4209 ****	12042	55067	55070
	1909 (1)	116								53024	53024
	1909 (27)	118	10898 *****	20465	1848	386**	94 (+14126)	618 ****	5113	52930	78856
	1912 (28)	168		35708	4635	17165	(+21447)	1772 ****	21362 *****	78955	81874
	1914 (29)	185		33538	7003	21763	(+26940)		18701 *****	89244	89244
СамСХУ, 1899	1902 (26)	76	1226 *****	20720	3450		(+6929)	54038 ****	16162	102525	50405
	1909 (1)	195								47323	47323
	1909 (27)	195	22385 *****	25031	5378	242**	(+26788)	4549 ****		71100	103610
	1912 (28)	240		32120	8659	20284	(+35523)	82820 ****	19000 *****	96586	228670
	1914 (29)	243		42564	8029	25372	(+29720)	8422 ****	25145 *****	105685	140160

Название училища, дата открытия	Год (источник)*	Число учащихся, чел.	Основные статьи расходов учебного заведения в течение года, руб.						Всего расходов, руб.	Сумма доходов, руб.	
			Наем и содержание помещений	Содержание адм. и учебн. персонала	Учебн. пособия	Хозяйств. и канц. расходы	Пособия и стипендии учащимся*	Единовременные расходы на постройку, оборудование и т.д.			Иные расходы
С(М)ЗУ, 1865	1897 (24)	222	3587,25 ****	27264,51	4967,29		111,93 (+15775,84)	8111,01 ****	3401,48	63218,31	89011,80
	1898 (25)	226	5689,44 ****	36314,74	3822,88		137,85 (+16738,83)		4807,76	67511,50	77160,32
	1902 (26)	241	6591 ****	28555	473		184 (+23583)	9357 ****	3772	63158	72576
	1909 (1)	139								45979	45990
	1909 (27)	139	15611 ****	22688	2440	944**	(+17620)	47547 ****		67227	156493
	1912 (28)	218		39578	6561	16492	(+24788)	31698 ****	27263 *****	87419	107403
	1914 (29)	221		41177	5664	15163	(+29411)	4243 ****	28990 *****	91415	99827
СимЗУ, 1912	1912 (30)	53		2546,66	558,54		510		11655,8	15271	15751
	1914 (31)	140	5898,5	10382,16	578,33	2750,17	6050		4144,78	29803,94	32559

Условные обозначения:

Год (источник)* – финансовый год, по которому представлены данные и номер источника по следующему за примечаниями списку «Источники», из которого черпались сведения для заполнения данных по соответствующему году.

Пособия и стипендии учащимся* – для сельскохозяйственных учебных заведений дополнительно в скобках указаны расходы на содержание учащихся для 1897, 1898 и 1902 гг. и расходы на содержание пансиона и служащих для 1909 г.

** – только канцелярские расходы.

*** – остаток.

**** – для сельскохозяйственных учебных заведений указаны расходы на новые постройки и ремонт для 1897, 1898 и 1902 гг., для 1909 г. – строительные расходы, учтенные в отдельных статьях расходов и поэтому в общей сумме расходов не учитывающиеся, для 1912 и 1914 гг. – строительные расходы, выделявшиеся отдельной строкой, вне сумм общих текущих расходов.

***** – освещение, страхование и отопление

***** – для сельскохозяйственных учебных заведений для 1912 и 1914 гг. указаны расходы по ведению фермерского хозяйства, выделявшиеся отдельной строкой, вне сумм общих текущих расходов.

Примечание: в данных по СамКУ, СарКУ и СимКУ за 1911-1912 уч.год, возможно, спутаны строки по показателям «Учебные пособия» и «Наем помещений», отчего мы поменяли местами сведения по данным показателям расходов. Стандартное расположение первого показателя в источнике № 9 по всем страницам, кроме как по указанным училищам, соответствует третьему столбцу показателей расходов, а по второму показателю – первому столбцу. Однако в данном случае (с. 26) эти столбцы поменяны местами. Дополнительным фактором в пользу вероятности путаницы выступает отсутствие данных по показателю «Найм помещений» для этих трех училищ за предыдущие годы и, наоборот, наличие – по показателю «Учебные пособия».

Источники:

- (1) Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России: Ч. 2. СПб., 1910. С. 6-7, 68-69, 78-79, 130-135, 338-339, 350-351, 392-393, 398-399, 402-403.
- (2) Отчет о состоянии Казанского промышленного училища за 1914 гражданский год. Казань, 1915. С. 15, 70-71.
- (3) АУАВ. Ф. 319а. Оп. 1. Д. 6. Л. 47об., 64-67.
- (4) АУАВ. Ф. 319а. Оп. 1. Д. 7. Л. 10об., 54, 55-55об., 58.
- (5) ГАРТ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 623. Л. 5об., 19об.
- (6) Саратовское промышленное училище (соединенное среднее механико- и химико-техническое). 1899-1903. Саратов, 1903. С. 34-35, 49, 66, 68, 88, 119-120, 139, 214-215, 380.
- (7) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1913-1914 учебный год. Пг., 1916. С. 12-15, 18-19, 23, 25, 27, 29, 34-35, 37, 66-67, 73, 81.
- (8) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1910-1911 учебный год. СПб., 1912. С. 12-15, 18-23, 26-27, 32-35, 58-59, 76-77, 88.
- (9) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1911-1912 учебный год. СПб., 1913. С. 12-15, 18-23, 26-27, 32-33, 35, 68-69, 76-77, 88.
- (10) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1912-1913 учебный год. СПб., 1914. С. 12-15, 18-19, 22-25, 28-29, 37-38, 40, 80-81, 88-89, 100.
- (11) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1908-09 учебный год. СПб., 1910. С. 20-23, 26-29, 35-36, 66-67, 72-73, 79.
- (12) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышлен-

- ленности. 1909-10 учебный год. СПб., 1911. С. 10-11, 14-15, 18-19, 22-23, 30, 32, 64-65, 70-71, 79.
- (13) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1906-1907 учебный год. СПб., 1908. С. 6-13, 16-17.
- (14) Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу министерства торговли и промышленности. 1907-1908 учебный год. СПб., 1909. С. 34-37, 40-43, 49-50.
- (15) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности за 1908 год. СПб., 1910. С. 4, 8-9, 14.
- (16) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1910 года. СПб., 1911. С. 4, 8-9, 14.
- (17) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1911 года. СПб., 1912. С. 4, 8-9, 14.
- (18) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1912 года. СПб., 1913. С. 4, 8-9, 14.
- (19) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1913 года. СПб., 1914. С. 4, 8-9, 14.
- (20) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1914 года. Пг., 1915. С. 4, 8-9, 14.
- (21) Свод статистических данных о мореходных учебных заведениях ведомства Министерства торговли и промышленности к 1 января 1915 года. Пг., 1915. С. 4, 8-9, 14.
- (22) Очерк десятилетней деятельности Казанского речного училища 1-го разряда. Казань, 1915. С. 20-23; ЦАНО. Ф. 1770. Оп. 549. Д. 7. Л. 56, 62об.-64, 101, 114, 139, 151-152, 204об.-206.
- (23) Отчет о состоянии и деятельности Орловского речного училища Министерства путей сообщения за 1914-1915 учебный год. Орлов, 1915. С. 6, 12-13.

- (24) Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию: Вып. II. СПб., 1899. Ч. III. С. 2-3, 16-17, 28-29.
- (25) Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию: Вып. IV. СПб., 1900. С. 88-89, 108-109, 124-125.
- (26) Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию: Вып. VIII. СПб., 1905. Ч. IV. С. 2, 22-23, 40.
- (27) Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. XVI. СПб., 1911. С. 214-215, 224-225, 276-277.
- (28) Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям к 1 января 1913 г. Вып. 2. СПб., 1913. С. 4-5, 64-66.
- (29) Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям. Вып. 4. Пг., 1915. С. 4-7, 76-78.
- (30) ГАУО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 15. Л. 5об.-9, 11.
- (31) ГАУО. Ф. 402. Оп.1 Д. 29. Л. 4-6, 8.

Список литературы

1. Великопольский А.А. Записки педагога. СПб., [1909].
2. Виноградов В.В. Торгово-мореходное образование в России. СПб., 1912.
3. Вольман В. Краткая историческая записка о 25 летнем существовании Казанского ремесленного училища Императора Александра II. Казань, 1906.
4. Вся Астрахань и весь Астраханский край: Памятная книжка Астраханской губ. на 1915 год. Астрахань, 1915.
5. Вятская речь. 1910. 30 июня. № 160.
6. Государственный архив Кировской области, г. Киров (ГАКО).
7. Государственный архив Республики Татарстан, г. Казань (ГАРТ).
8. Государственный архив Саратовской области, г. Саратов (ГАСО).
9. Государственный архив Ульяновской области, г. Ульяновск (ГАУО).
10. Днепров Э.Д. Российское образование в XIX – начале XX века. Т. 2. М., 2011.
11. Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия и Лесному департаменту: 1907. СПб., 1908.

12. Журнал Симбирской городской думы. 1904. № 18.
13. Календарь сельского хозяина на 1912 год. СПб., 1912.
14. Каргин Ю. На краю... Глава 1. Накануне. URL: <https://www.proza.ru/2014/03/29/2499> (дата обращения: 14.08.2022).
15. Коммерческое образование : [в 2 ч.]. Ч. 1 / под ред. А.Н. Глаголева; Имп. Рус. техн. о-во. Третий Съезд рус. деятелей по техн. и проф. образованию в России. 1903-1904 г. Секция 4. Москва, 1904.
16. Краткие сведения о Казанском промышленном училище и условия приема. Казань, 1907.
17. Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям. Вып. 3. Пг., 1914.
18. Курушин А.С. Первые молодежные организации в Симбирске // За власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбир. губ. / [Ред. и авт. предисл. Н. Д. Фомин]. Саратов, 1967. С. 148-159.
19. Максин И.М. Очерк развития промышленного образования в России 1888-1908. СПб., 1909.
20. Материалы по коммерческому образованию: [Вып. I-V]. Вып. IV. Отчет о состоянии коммерческого образования в России за 1903-4 учебный год в учебных заведениях ведомства Министерства финансов. СПб., 1905.
21. Материалы по коммерческому образованию: [Вып. I-V]. Вып. V. Сведения о состоянии коммерческих учебных заведений ведомства Министерства торговли и промышленности в 1904-5 учебном году. СПб., 1906.
22. Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия за 1907 и 1908 гг. СПб., 1909.
23. Положение о землемерных училищах [Утв. 26 апр. 1909 г.]. Житомир, 1914.
24. Российский государственный исторический архив, г. Санкт Петербург (РГИА).
25. Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009.

26. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию: Вып. IV. Сельскохозяйственные учебные заведения по сведениям к 1 января 1899 г. СПб., 1900.
27. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. XVI. Сельскохозяйственные учебные заведения в 1910 году. СПб., 1911.
28. Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России. Ч. 2. СПб., 1910.
29. Сведения о Казанском среднем сельскохозяйственном училище и правила для поступления в него. Казань, 1913.
30. Симбирская народная газета. 1917. 6 декабря.
31. Танеев В.В. Казанское сельскохозяйственное училище. Пг., 1915.
32. Управление по делам архивов Администрации муниципального образования «Город Воткинск» Удмуртской Республики, г. Воткинск (АУАВ).
33. Центральный архив Нижегородской области, г. Нижний Новгород (ЦАНО).
34. Центральный государственный архив Самарской области, г. Самара (ЦГАСО).
35. Чарнолуцкий В.И. Основные вопросы организации школы в России. СПб., 1909.

References

1. Velikopolsky A.A. *Zapiski pedagoga* [Memoirs of a teacher]. St. Petersburg, 1909.
2. Vinogradov V.V. *Torgovo-morekhodnoe obrazovanie v Rossii* [Merchant marine education in Russia]. St. Petersburg, 1912.
3. Volman V. *Kratkaya istoricheskaya zapiska o 25 letnem sushchestvovanii Kazanskogo remeslennogo uchilishcha Imperatora Aleksandra II* [A short historical note on 25 years of existence of Kazan trade school of the Emperor Alexander II]. Kazan, 1906.
4. *Vsya Astrakhan' i ves' Astrakhanskiy kray: Pamyatnaya knizhka Astrakhanskoy gub. na 1915 god* [The whole Astrakhan and the whole Astrakhan region: Commemorative book of Astrakhan province for 1915]. Astrakhan, 1915.
5. *Vyatskaya rech* [Vyatka speech]. 1910. 30 June. № 160.

6. *Gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti* [State Archives of the Kirov Oblast], Kirov (GAKO).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan], Kazan (GART).
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti* [State Archive of Saratov Oblast], Saratov (GASO).
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Ul'yanovskoy oblasti* [State Archive of Ulyanovsk Region], Ulyanovsk (SAUO).
10. Dnieprov E. D. *Rossiyskoe obrazovanie v XIX – nachale XX veka* [Russian education in the 19th - early 20th century]. Vol. 2. Moscow, 2011.
11. *Ezhegodnik Glavnogo upravleniya zemleustroystva i zemledeliya po Departamentu zemledeliya i Lesnomu departamentu: 1907* [Yearbook of the Main Directorate of Land Management and Agriculture of the Department of Agriculture and Forestry Department: 1907]. St. Petersburg, 1908.
12. *Zhurnal Simbirskoy gorodskoy dumy* [Journal of Simbirsk City Duma]. 1904. № 18.
13. *Kalendar' sel'skogo khozyaina na 1912 god* [The Countryman's Calendar for 1912]. St. Petersburg, 1912.
14. Kargin Yu. *Na krayu... Glava 1. Nakanune* [On the Edge. Chapter 1. On the eve]. URL: <https://www.proza.ru/2014/03/29/2499> (accessed 14.08.2022).
15. Glagolev A.N. (ed.) *Kommercheskoe obrazovanie* [Commercial education]. Vol. 1. Section 4. Moscow, 1904.
16. *Kratkie svedeniya o Kazanskom promyshlennom uchilishche i usloviya priema* [Brief information about Kazan Industrial School and conditions of admission]. Kazan, 1907.
17. *Kratkie statisticheskie svedeniya po podvedomstvennym Departamentu zemledeliya sel'skokhozyaystvennym uchebnym zavedeniyam* [Brief statistical information about agricultural schools under the Department of Agriculture]. Vol. 3. St. Petersburg, 1914.
18. Kurushin A.S. *Pervye molodezhnye organizatsii v Simbirsk* [The first youth organizations in Simbirsk]/ Fomin N.D. (ed.) *For the power of Soviets. Memories of participants of the October Revolution in Simbirsk Province*. Saratov, 1967, pp. 148-159.

19. Maksin I.M. *Ocherk razvitiya promyshlennogo obrazovaniya v Rossii 1888-1908* [Sketch of the development of industrial education in Russia 1888-1908]. St. Petersburg, 1909.
20. *Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu* [Materials on commercial education]. Vol. IV. St. Petersburg, 1905.
21. *Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu* [Materials on commercial education]. Vol. V. St. Petersburg, 1906.
22. *Obzor deyatel'nosti Glavnogo upravleniya zemleustroystva i zemledeliya za 1907 i 1908 gg.* [Review of the activities of the General Directorate of Land Management and Agriculture for 1907 and 1908]. St. Petersburg, 1909.
23. *Polozhenie o zemlemernykh uchilishchakh* [Provision about surveyor schools]. Zhitomir, 1914.
24. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive], St. Petersburg (RGIA).
25. Saprykin D.L. *Obrazovatel'nyy potentsial Rossiyskoy Imperii* [Educational Potential of the Russian Empire]. Moscow, 2009.
26. *Sbornik svedeniy po sel'skokhozyaystvennomu obrazovaniyu* [Collection of information on agricultural education]. Vol. IV. St. Petersburg, 1900.
27. *Sbornik svedeniy po sel'skokhozyaystvennomu obrazovaniyu* [Collection of information on agricultural education]. Vol. XVI. St. Petersburg, 1911.
28. *Sbornik statisticheskikh svedeniy o sostoyanii srednego i nizshego professional'nogo obrazovaniya v Rossii* [Collection of statistical data on the state of secondary and lower vocational education in Russia]. Part 2. St. Petersburg, 1910.
29. *Svedeniya o Kazanskom srednem sel'skokhozyaystvennom uchilishche i pravila dlya postupleniya v nego* [Information about Kazan secondary agricultural school and rules for its enrollment]. Kazan, 1913.
30. *Simbirskaya narodnaya gazeta* [Simbirsk national newspaper]. 1917. 6 December.
31. Taneyev V.V. *Kazanskoe sel'skokhozyaystvennoe uchilishche* [Kazan Agricultural College]. St. Petersburg, 1915.
32. *Upravlenie po delam arkhivov Administratsii munitsipal'nogo obrazovaniya «Gorod Votkinsk» Udmurtskoy Respubliki* [Archives Administration of Municipal Formation “Votkinsk City” of the Udmurt Republic], Votkinsk (AUAV).

33. *Tsentral'nyy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti* [Central Archive of Nizhniy Novgorod Oblast], Nizhniy Novgorod (TsANO).
34. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti* [Central State Archive of Samara region], Samara (TsGASO).
36. Charnolusky V.I. *Osnovnye voprosy organizatsii shkoly v Rossii* [Basic issues of school organization in Russia]. St. Petersburg, 1909.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Магсумов Тимур Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики; заместитель заведующего лабораторией профессиональной и педагогической подготовки *Набережночелнинский государственный педагогический университет; Черкас глобальный университет*
ул. Низаметдинова, д. 28, г. Набережные Челны, 423806, Российская Федерация; 1717, улица Норт-Вест, офис 1, г. Вашингтон, 20036, США
nabonid1@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Timur A. Magsumov, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of Pedagogics Department; Deputy Head of the Laboratory of Professional and Pedagogical Training
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University; Cherkas Global University
28, Nisametdinova Str., Naberezhnie Chelny, 423806, Russian Federation; 1717, N Street NW, Suite 1, Washington, District of Columbia 20036, USA
SPIN-code: 1329-1458
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0117-7513>
ResearcherID: I-5300-2013
Scopus Author ID: 55799874500

Поступила 07.06.2022
После рецензирования 15.06.2022
Принята 20.06.2022

Received 07.06.2022
Revised 15.06.2022
Accepted 20.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-61-77

УДК 94(47).084.6

**ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ 20-Х – 30-Е ГГ. XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОЙ
И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)**

З.В. Галлямова

Обоснование. Модернизационные процессы конце 20-х – 30-е гг. XX века внесли качественные изменения во все сферы жизни российского общества. Радикальное обновление промышленного производства сопровождалось созданием сложной социальной инфраструктуры. Это обуславливает интерес к организации системы здравоохранения, как критерия социально-ориентированного управления в условиях масштабной трансформации государства.

Цель. Проанализировать здравоохранение как модернизационный элемент социальных и экономических изменений периода «большого скачка».

Материалы и методы. Источниковая база состоит из неопубликованных архивных материалов, материалов местной периодической печати, нормативных актов советской власти. При анализе материала были использованы специальные методы исторического исследования: сравнительно-исторический, статистический.

Результаты. В конце 20-х – 30-е гг. XX века здравоохранение становится одним из важнейших направлений государственной политики, гибко инкорпорируясь в модернизационный курс. Организация здравоохранения проходила в сложных условиях складывания новой государственности, восстановления послевоенной разрухи, в параллели с решением вопросов борьбы с эпидемиями. Выбранный вектор социально-экономического курса определил для здравоохранения социальные приоритеты. Дифференцированный, классовый подход к

медицинскому обслуживанию населения шел в соответствии с программными установками, обозначенными в планах пятилеток. Поддержание здоровья рабочего класса рассматривалось как один из ведущих факторов производства. В условиях нехватки рабочих кадров одним из важнейших направлений государственной политики было вовлечение в производство женщин и как следствие – развертывание санитарно-профилактических мероприятий в детских учреждениях. В то же время, прослеживается явный перекоп в медицинском обслуживании в пользу городской местности. В условиях форсированной индустриализации, ограниченности ресурсов, аграрный сектор рассматривался больше как источник финансирования, нежели как объект инвестиции. В целом, выстроенная по принципам Н.А. Семашко, система здравоохранения предусматривала единоначалие, широкий территориальный охват, включающий обеспечение медицинской помощи всего населения. Но исторические условия не позволяли реализоваться заявленным положениям в полном объеме.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов по социальной политике государства в 20-30 гг. XX века.

Ключевые слова: СССР; государственные приоритеты; здравоохранение; индустриализация; коллективизация; медицинское обеспечение; социальная политика

HEALTHCARE IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE LATE 1920S-30S OF THE XXTH CENTURY (BY THE MATERIALS OF NIZHNY NOVGOROD AND KIROV REGIONS)

Z.V. Galliamova

Background. The processes of modernisation in the late 20s-30s of the 20th century (or in the 20-30s of the 20th century) resulted in qualitative changes in all life spheres of the Russian society. The radical renewal of industrial production was accompanied by the creation of a

complex social infrastructure. This causes interest in the organization of the healthcare system as a criterion for socially-oriented management under a large-scale transformation of Russia.

Purpose. *The aim of the article is to analyse health care as a modernisation element of social and economic changes during the Great Leap.*

Materials and methods. *The author bases his research on unpublished archival materials, materials of local periodicals, normative acts of the Soviet government. When analysing the material, the author resorts to special methods of historical research.*

Results. *The results of the study show that in the 20-30s of the 20th century, health care becomes one of the most important areas of state policy, flexibly incorporating into the modernisation course. The organisation of health care took place in difficult conditions of forming a new state, restoring after post-war devastation and combating epidemics. The chosen vector of the socio-economic course determined social priorities for healthcare. A differentiated, class approach to medical care for the population proceeded in accordance with the program guidelines outlined in the five-year plans. Maintaining the health of the working class was regarded one of the leading factors of production. Under the lack of workers, one of the most important public policies was the involvement of women in production and, as a result, the deployment of preventive medical measures in childcare centres.*

At the same time, there is an apparent bias in medical care in favor of urban areas. In the conditions of forced industrialisation, limited resources, the agricultural sector was considered more a source of financing than an object of investment. In general, the health care system built according to the principles of N.A. Semashko provided for the unity of command, a wide territorial coverage, including the provision of medical care to the entire population. But historical conditions did not allow the declared provisions to be realised full-scale.

Practical implications. *The results of the study can be used in writing generalizing works on the social policy in the late 1920s-30s of the XXTH century.*

Keywords: *USSR; state priorities; healthcare; industrialisation; collectivisation; health maintenance, social policy*

Введение

Цель. Проанализировать основы построения системы здравоохранения в период индустриализации, выявить принципы организации социального обеспечения населения в условиях активной модернизации промышленности .

Актуальность. Период конца 20-х – 30-е гг. XX века, получивший глубокий анализ в отечественной и зарубежной историографии, и на сегодняшний день представляет актуальный предмет исследования. Сжатые темпы индустриализации сформировали социальные приоритеты правительственного курса. Это обуславливает интерес к сфере здравоохранения в рамках которой были апробированы основные принципы социальной ориентированности в условиях модернизации.

Степень изученности темы. В последние годы в современной историографии особое внимание уделяется вопросу источников модернизации СССР. Большинство авторов придерживается позиции, что в условиях фактической изоляции Советского союза, единственным источником индустриализации выступала деревня. Коллективизация рассматривается в контексте продуманной целенаправленной социально-экономической государственной политики, предусматривающей создание механизма перекачки людских и материальных ресурсов из аграрного сектора в индустриальный. Публикуются региональные исследования, посвященные методам и последствиям политики коллективизации в хлебозаготовительных районах. В частности, это работы Е.Н. Осколкова [15] и В.В. Кондрашина [12] По мнению авторов, прямым следствием политики коллективизации стал голод, унесший жизни миллионов крестьян. О явных перекосах социально-экономической политики государства в сторону активного развития промышленности в ущерб деревни, отмечается в работе И.Н. Караваевой [9]. На примере анализа государственного бюджета, автор прослеживает эволюцию отчислений на нужды сельского хозяйства и промышленности. Автор приходит к выводу, что если на первом этапе индустриализации, инвестиции в аграрный и индустриальный секторы были приблизительно одинаковыми, то в последу-

ющем деревня практически выпадает из области государственного финансирования [9, с. 36]. Аналогичной точки зрения придерживается Ш. Фицпатрик. Отмечая практически бесправное положение крестьян, автор проводит параллель между статусом крестьян в колхозах и крепостным правом [21, с. 145]. Анализ регионального материала на примере системы здравоохранения также выявляет приоритеты социально-экономической политики государства, в виде создания мощной технической базы медицинского обслуживания промышленной сферы. Сельское хозяйство практически выпало из поля зрения социального обеспечения.

Материалы и методы

Методологическую основу составили теоретические воззрения современных отечественных и зарубежных историков в отношении приоритета социально-экономической политики СССР в 20-30-е годы XX века (Б.А. Шпотов [22], Ш. Фицпатрик [21], Е.А. Осокина [16], М. Кивинен [10], Н. Раффел [26]).

В целом, научную базу исследования составляют принципы историзма, системности. В процессе исследования широко использовался сравнительный-исторический метод, на основе которого было определено соотношение социальных расходов в рамках городской и сельской среды. На базе данного метода были раскрыты огромные разрывы в социальном обеспечении села и деревни. Применение статистического метода дало возможность создать картину соотношения расходов на медицинское обслуживание жителей города и села, определить удельный вес расходов на медицинское обеспечение городской промышленной сферы.

Территориальные рамки исследования охватывают Нижегородскую и Кировскую области. Это обусловлено территориальными изменениями, которые отражались на статусе регионов в структуре здравоохранения. Так, до 1929 г. центральным органом здравоохранения в Вятской губернии был Вятский губздрав. С вхождением Вятской губернии в Нижегородский край центр здравоохранения сосредотачивается в Горьковском крайздраве. С 1934 г. с образованием Кировской

области функции центрального органа здравоохранения начинает выполнять Кировский крайздрав (позже переименованный в облздрав).

Результаты и обсуждение

Постановка системы здравоохранения в молодой республике проходила в несколько этапов. 18 июля 1918 года был создан центральный государственный орган управления здравоохранением Наркомздрав РСФСР. Учитывая, что до революции в России не было единой системы здравоохранения, это был серьезный шаг на пути к организации разветвленной сети медицинских учреждений. Первым наркомом здравоохранения стал Н.А. Семашко, выступивший одним из главных организаторов системы здравоохранения СССР. Именно он разработал базовые принципы послереволюционной системы здравоохранения, которые включали в себя широкий социальный охват, доступность, единство профилактики и лечения, ликвидацию социальных основ болезней. Первые шаги в этом направлении проходили в сложных условиях военного времени, когда эпидемиологическая ситуация по стране требовала огромных финансовых, кадровых ресурсов. Только эпидемия сыпного тифа с 1918 по 1922 года унесла от 2 до 3 миллионов жизней [24, р. 361]. Степень преобразований на первых порах варьировалась территориальной спецификой. Так, на Чукотке оказание медицинской помощи сосредотачивалось в кульбазах. При этом, в кульбазах, кроме медицинских, сосредотачивались ветеринарные, образовательные, хозяйственные учреждения [27, р. 130].

Активные модернизационные процессы по стране внесли серьезные корректировки в организацию и принципы медицинского обслуживания. Приоритетным направлением здравоохранения в условиях индустриализации становится медицинское обеспечение промышленности. В 1926 году вышло положение Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, согласно которому работники предприятий обеспечивались квалифицированной врачебной помощью [8, с. 44]. По положению «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» от 18 декабря 1929 года рабочие промышленных предприятий обозначались как приоритетный контингент лечебно-профилактического

обслуживания [7, с. 278]. На крупных промышленных предприятиях Горьковского края были открыты здравпункты. Положительная динамика по работе здравпунктов не заставила себя долго ждать: «Заболеваемость на предприятиях края снижена больше чем на 10 %. ... Снижение заболеваемости на 10% дало в 1931 г. около 450 000 рабочих дней промпредприятиям нашего края. Это значит дополнительная продукция создана предприятиями края, вследствие снижения заболеваемости. Вот где подлинное участие медработников в выполнении промфинплана нашей промышленности на базе успехов соцстроительства» [14, с. 13]. В 1933 г. в Горьковском крае было организовано 89 врачебных контрольных пункта, на которых работало около 100 врачей [4, с. 28]. Кроме здравпунктов, на промышленных предприятиях с численностью более 5000 человек создавались фабрично-заводские амбулатории, а на предприятиях, численность рабочих на которых составляла 10000 тыс. и более – поликлиники [17, с. 94].

В условиях приоритетного обеспечения медицинской помощью рабочего класса, здравоохранение фактически было включено в структуру промышленного производства. Как отмечалось в этот период на страницах местной печати, «внимание и сила медицинских работников должна быть сосредоточена на проблемах заболеваемости и травматизма среди рабочих, в первую очередь ведущих отраслей промышленности, на проблеме оздоровления труда и быта рабочих, чтобы тем самым активно и действенно включиться в борьбу за выполнение народно-хозяйственного плана. ... Совершенно очевидно, что мы, работники медицины, обязаны включиться для выполнения возложенных на нас партией задач, в частности, для выполнения задач повышения труда» [5, с. 10-11]. «Все здравоохранение повернулось лицом к производству, оно стало существенным народнохозяйственным фактором, максимально помогая выполнению общего плана народного хозяйства» [6, с. 2].

Кроме традиционной лечебной деятельности, функции здравпунктов состояли в учете заболеваемости рабочих, влияния этого фактора на производительность труда. Медицинское обслуживание становится неотъемлемой частью производства. Положение «О медицинском

обслуживании рабочих и крестьян» от 18 декабря 1929 года выделяло основные индустриальные районы страны, в которых преобладали ведущие отрасли тяжелой промышленности. Медицинское обеспечение предприятий по Нижегородскому краю в 1934 г. позволяет говорить о наиболее благоприятной ситуации в машиностроительной и химической отраслях промышленности, в то время как в металлургической отрасли наблюдалась нехватка медицинских кадров. Наименее обеспеченной медицинским обслуживанием оказалась кожевенная, традиционная отрасль промышленности, где на 14 предприятий приходилось 9 здравпунктов и 10 врачей [5, с. 10]. По городу Горькому также наблюдалась неравномерность между медицинским обслуживанием населения и работников предприятий. Заявленный положением принцип дифференцированного социального обслуживания просматривается в статистике Нижегородского края за 1934 год: число врачебных посещений на одного рабочего в год составляло в среднем от 9,5 до 10, на одного городского жителя – 6,6 [6, с. 10]. Социальная направленность здравоохранительной политики включала в себя как медицинское обеспечение производства, так и организацию профилактической системы в рамках устройства быта рабочего класса и городского населения в целом. Так, в сентябре 1931 года вышло постановление Совнаркома СССР «О мероприятиях по улучшению санитарного состояния рабочих районов и поселков, рабочих общежитий и учреждений общественного питания». Согласно постановлению, в местных органах здравоохранения была создана специальная санитарная инспекция [20, с. 689]. В дальнейшем законодательная государственная политика будет развиваться в сторону расширения функций и полномочий органов санитарной инспекции.

Вовлеченность женщин в производство рассматривалась как одно из важнейших направлений нового социального курса. Так, в Горьковском медицинском журнале за 1934 г. была опубликована статья «К вопросу о внедрении женского труда на автозаводе им. Молотова». Основная идея статьи состояла в следующем: «доказать, что женщина ГАЗа не менее, а порой и более полноценна и экономически выгоднее, чем мужчина» [6, с. 15]. На медицинские

учреждения возлагались обязательства по организации детских санаторно-профилактических учреждений, в рамках секции Матмлада (матери и младенчества). К 1937 году их число в Горьковской области достигло 1938 (согласно приведенным в исследовании данным), из них 28 родильных домов [18, с. 159].

Таким образом, первоочередное обслуживание промышленности становится базовым звеном системы здравоохранения. Дифференцированный подход проявлялся в обеспечении услугами здравоохранения жителей сельской местности. Существовал значительный разрыв между городом и деревней по численности коечных мест. С 1929 по 1934 годы в Горьковском крае на одного городского жителя в среднем приходилось 0,6 койки, на одного сельского в среднем 0,05. При этом численность сельских жителей по краю превышало численность городских в 5 раз. Число коек в городе превышало число коек на селе в 1,9 раз в 1931 году и в 1,7 раз в 1934 г. [6, с. 12].

Второстепенность медобслуживания сельской местности была одним из характерных явлений данного периода, когда в условиях индустриального роста аграрный сектор рассматривался с потребительских позиций. Не менее красноречивы данные по отчислению на услуги здравоохранения в бюджет Кировской области в 1939 году. Из суммы, отчисленной на здравоохранение по области, 5 % приходилось на областную центр, 40% на районный бюджет и только 7 % на село. [1, ф. Р-2248, оп. 1, д. 77, л. 3]. При этом городское население в области на 1939 год составляло 14,8%. В целом показатели обеспечения городского населения по койкам в Кировской области были достаточно высоки – 9,15 на 1 000 человек, в то время как по РСФСР 7,5. Но из-за недостаточного обеспечения коечными местами сельского населения, 40% мест в городских больницах приходилось на сельских жителей. Это снижало показатель коечных мест на 1000 городских жителей до 5,5. Число коек на селе на 1 000 жителей в среднем составляло 1,44, т.е. почти в 4 раза меньше, чем в городе. Огромный разрыв между городом и деревней прослеживался и в обеспечении врачебной помощью. Если по г. Кирову на 10 000 тыс. жителей приходилось 16,2 врачей, по другим городам области – 9,1,

то по сельской местности – 0,76, т.е. меньше более чем в 16 раз по Кирову и в 9 раз по другим городам [1, ф. Р-2248, оп. 1, д. 77, л. 71 об.]. При этом наблюдалась значительная отдаленность села от медицинской помощи и неравномерность ее распределения: из общего числа сельских врачей 60 % работали в райцентрах. В целом такая ситуация по области была определена слабой постановкой медицинского обслуживания — Кировская область по основным показателям здравоохранения по РСФСР была в числе отстающих. Схожая ситуация на селе наблюдалась и в других регионах. Имело место несбалансированное распределение медицинских кадров между сельской местностью и городами в пользу последних [13, с. 22, 24].

Приоритет города в оказании лечебной помощи и ее остаточный принцип на селе был обусловлен характером реформаторского курса в условиях ограниченности бюджета.

Особое место в системе местных органов здравоохранения занимала деятельность парторганизаций. Партийная система присутствовала во всей структуре здравоохранения, контролируя организацию пропагандистско-просветительской работы. Так, Кировский горком ВКП (б) на заседании 5 мая 1939 г., подводя итоги по работе горздрава, отмечал явные улучшения по организации медицинского обслуживания населения (расширение ясельной сети, улучшение работы родильных домов, перевод на бесплатное лечение грязелечебниц и т. д.). При этом, серьезной критике в деятельности горздрава была подвергнута массово-воспитательная работа. [2, ф. 1293, оп. 1, д. 1, л. 50-52]. И только потом отмечались недостатки, непосредственно касающиеся работы здравоохранения: грубое отношение врачей к больным, недостаточный санитарный контроль над состоянием городских улиц и т.д.

Силами партийных комитетов при медицинских организациях создавались политические кружки, социалистические соревнования и движения ударничества, осуществлялась агитационно-пропагандистская деятельность. В 1938 г. в соц. соревнованиях партийных организаций Кировского облздрава приняло участие 355 человек (65% всего числа медицинских работников), из которых 147 были зачислены в ударники, 33 – в отличники) [2, ф. 1898, оп. 1, д. 6, л. 30].

Важным направлением работы парткомитетов в системе здравоохранения было доведение до работников лечебных учреждений решений ЦК партии и других установок. При этом предполагалась встречная инициатива и от работников самих учреждений. Так, в 1938 г. в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП (б)» собрание интеллигенции областных медучреждений облздрави изъявило желание изучать краткий курс, чтобы «повышая политический, уровень мы могли применить его на работе». [ГАСПИ, Ф. 1898, Оп. 1, Д. 6., Л. 33.].

Развернутые по стране кампании по борьбе с вредительством не могли не оказать влияния и на оценку партийными комитетами ряда событий на местах. Как вредительство были расценены действия медсестры Котельнического роддома Мельчаковой, которая дала опиум семерым детям, «чтобы не плакали» [2, ф. 1898, оп. 1, д. 6, л. 35]. Как отмечалось на заседании парткома облздрави «нельзя рассматривать дело как халатность, надо этот факт рассматривать как политический, и нет никакой гарантии, что этот факт – акт вредительства». Аналогичным образом были расценены выдача в Кирове питательной смеси для ребенка, в которой содержался 0,5% раствор сулемы, отравление беленой 6 детей в детсаде Халтуринского района.

«Большая смертность в яслях города Кирова и во многих домах младенца указывают на то, что в нашей области враги народа ведут свою подрывную работу в области охраны Матмлада» – говорилось на заседании парткома [2, ф. 1898, оп. 1, д. 6, л. 37об.]. Предположения о вредительстве выдвигались в 1938 г. при случаях отравления в столовой на Машстройзаводе [2, ф. 1898, оп. 1, д. 1, л. 39].

Вопрос о том, насколько такая оценка действий медицинских работников соответствовала действительности, является предметом отдельного исследования. Но придание фактам детской смертности и отравлений политической окраски развернуто раскрывает идеологическую картину эпохи.

Заключение

Как показывает анализ постановки дела здравоохранения по Кировской области в 1920-30-е годы, организация работы медицинского

обслуживания населения протекала в русле правительственной политики и четко руководствовалась партийными задачами. Это обуславливало следующие факторы в системе социального обеспечения:

1. Тесная взаимосвязь здравоохранения с производством. Главная задача здравоохранения в условиях модернизации – обслуживание производства, как гарантия оптимального функционирования производительных сил (человеческое здоровье как фактор производства).
2. Приоритетное обслуживание промышленных центров в ущерб селу (социальная дифференциация медобслуживания).
3. Партийные органы в структуре органов здравоохранения как проводники правительственной политики.

Деятельность партийных организаций в системе здравоохранения позволяет выявить претворение в жизнь основных положений правительственной политики данного периода. Это отчетливо прослеживается в формулировании первоочередных задач, предполагающих приоритетное обслуживании промышленного производства, а также в руководящей роли партийных органов в структуре здравоохранения. Форсированные темпы индустриализации обуславливали внедрение административно-командных методов во все сферы общественной жизни, в том числе и в социальную. Это означало утверждение остаточного принципа директивной экономики к проблемам социальной сферы и уровню жизни. Этим обусловлен очевидный разрыв между медицинским обслуживанием сельского и городского населения, в пользу последнего. Деревня выступала не как объект инвестиций, а рассматривалась как поставщик сельскохозяйственной продукции и рабочей силы. В условиях роста темпов индустриального развития, система медицинского обеспечения инкорпорировалась в структуру промышленного производства, становясь его неотъемлемой частью. В то же время реализация форсированных темпов модернизации была напрямую связана с производительным потенциалом непосредственных исполнителей и, как следствие, выдвигало необходимость повышения образовательного уровня и улучшения условий жизни масс. В этом смысле определенный прогресс в сфере быта, явился одной их составных частей

форсированной индустриализации. Изменения в условиях жизни населения должны были быть выражены в ликвидации безработицы, включении в производство женщин. При этом провозглашение всеобщего, социального обеспечения в 1930-е годы имело большое идеологическое значение. Идеологическая природа социальной государственной политики сосредотачивалась в партийном базисе организации и в функционировании медицинского обеспечения.

Список литературы

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО), г. Киров.
2. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ), г. Киров.
3. Вятско-Ветлужский край. 1926. № 8.
4. Горьковский медицинский журнал. 1933. №7-8.
5. Горьковский медицинский журнал. 1933. № 9-10.
6. Горьковский медицинский журнал. 1934. № 6-7.
7. Двадцать пять лет советского здравоохранения: 1918—1943 / под ред. Г. А. Митерева. М.: Гос. изд-во мед. лит., 1944. 294 с.
8. Завалищенко Л.И. Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. 1925-1940: сборник документов и материалов. М.: Медицина, 1973. 328 с.
9. Караваева И. Н. Формирование финансового фундамента советской промышленности в преддверии Второй мировой войны // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2012. № 2. С. 26-36.
10. Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб.: Академический проект, 2001. 272 с.
11. Клементьева Н.В. Здравоохранение Южного Урала (1917 – 1936 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2013. 26 с.
12. Кондрашин В.В. Голод 1932-33 годов: голод российской деревни. М: РОССПЭН, 2008. 519 с.
13. Леонтьева Л.А. Социальная политика советского государства и ее реализация на Южном Урале (1934-1940 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. Наук. Оренбург, 2012. 30 с.

14. Нижегородский медицинский журнал. 1932. №3-6.
15. Осколков Е.Н. Голод 1932/33 г. Хлебозаготовки и голод 1932/33 гг. в Северо-Кавказском крае. Ростов н /Д: Изд-во Рост. ун-та, 1991. 91 с.
16. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 271 с.
17. Русаков С.Н. Эволюция советского законодательства в области здравоохранения промышленного рабочего класса // Вестник Вятского гуманитарного университета. 2012. № 12. С. 92-96.
18. Сакович Н.В. Здравоохранение Горьковской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2005. № 4(31). С. 159-162.
19. Сарычева Т.В. Организация краевого научно-исследовательского кабинета врачебного контроля в Западной Сибири и его деятельность в 1930-е гг. // Бюллетень сибирской медицины. 2015. Т. 14. № 4. С. 119-124.
20. Собрание законов и распоряжений СССР. 1931. № 59. Ст. 382.
21. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30 годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.
22. Шпотов. Б. М. Социальная история индустриализации СССР по материалам американской и советской печати // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. В 3 тт. Т. 3. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 133-197.
23. Field M.G. The position of the Soviet physician: the bureaucratic professional // *Milbank Quarterly*. 1988. Vol. 66. Suppl. 2. P. 182-201
24. David P.K. Typhus and its control in Russia, 1870-1940 // *Medical History*. 1993. Vol. 37. P. 361-381.
25. Raffel N.K. Health Service in the Union of Soviet Socialist Republics. Philadelphia, 1985. 503 p.
26. Sablin I. Transcultural Interactions and Elites in Late Pre-Soviet and Early Soviet Chukotka, 1900–1931 // *Social Evolution & History*. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 115-148.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti* [State Archive of Kirov Oblast] (GACO), Kirov.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Kirovskoy oblasti* [State Archive of Social and Political History of Kirov Oblast] (GASPI), Kirov.
3. *Vyatko-Vetluzhskiy kray* [Vyatka-Vetluga Region]. 1926, no. 8.
4. *Gor'kovskiy meditsinskiy zhurnal* [Gorky Medical Journal]. 1933, no. 7-8.
5. *Gor'kovskiy meditsinskiy zhurnal* [Gorky Medical Journal]. 1933, no. 9-10.
6. *Gor'kovskiy meditsinskiy zhurnal* [Gorky Medical Journal]. 1934, no. 6-7.
7. Miterev G.A. (ed.) *Dvadsat' pyat' let sovetskogo zdravookhraneniya: 1918-1943* [Twenty-five years of Soviet health care: 1918-1943]. Moscow, 1944, 294 p.
8. Zavalishchenko L.I. *Zdravookhranenie v gody vosstanovleniya i sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva SSSR. 1925-1940: sbornik dokumentov i materialov* [Public Health in the years of reconstruction and socialist reconstruction of national economy of the USSR. 1925-1940: collection of documents and materials]. Moscow, 1973, 328 p.
9. Karavaeva I. N. Formirovanie finansovogo fundamenta sovetskoy promyshlennosti v preddverii Vtoroy mirovoy voyny [The formation of the financial foundation of the Soviet industry on the eve of the Second World War]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2012, no. 2, pp. 26-36.
10. Kivinen M. *Progress i khaos. Sotsiologicheskyy analiz proshlogo i budushchego Rossii* [Progress and Chaos. Sociological Analysis of Russia's Past and Future]. St. Petersburg, 2001, 272 p.
11. Klementyeva N.V. *Zdravookhranenie Yuzhnogo Urala* [Healthcare of the Southern Urals (1917 – 1936)]: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Orenburg, 2013, 26 p.
12. Kondrashin V.V. *Golod 1932-33 godov: golod rossiyskoy derevni* [The Hunger of 1932-33: Hunger of the Russian Village]. Moscow, 2008, 519 p.
13. Leontyeva L.A. *Sotsial'naya politika sovetskogo gosudarstva i ee realizatsiya na Yuzhnom Urale (1934-1940 gg.)* [Social policy of the Soviet

- state and its implementation in the South Urals (1934-1940)]: ph. Candidate of Historical Sciences. Orenburg, 2012, 30 p.
14. *Nizhegorodskiy meditsinskiy zhurnal* [Nizhny Novgorod Medical Journal]. 1932, no. 3-6.
 15. Oskolkov E.N. *Golod 1932/33 g. Khlebozagotovki i golod 1932/33 gg. v Severo-Kavkazskom krae* [The famine of 1932/33. Grain procurements and the famine of 1932/33 in the North Caucasus region]. Rostov on Don, 1991, 91 p.
 16. Osokina E.A. *Za fasadom «stalinskogo izobiliya»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927-1941* [Behind the facade of «Stalin's abundance»: Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927-1941]. Moscow, 1999, 271 p.
 17. Rusakov S.N. *Evolutsiya sovetskogo zakonodatel'stva v oblasti zdravookhraneniya promyshlennogo rabocheho klassa* [Evolution of the Soviet legislation in the field of industrial working class health care]. *Vestnik Vyatskogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka Humanitarian University], 2012, no. 12, pp. 92-96.
 18. Sakovich N.V. *Zdravookhranenie Gor'kovskoy oblasti nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Healthcare Gorki Oblast eve and during the Great Patriotic War]. *Klio* [Clio], 2005, no. 4(31), pp. 159-162.
 19. Sarycheva T.V. *Organizatsiya kraevogo nauchno-issledovatel'skogo kabineta vrachebnogo kontrolya v Zapadnoy Sibiri i ego deyatel'nost' v 1930-e gg.* [Organization of the regional research office of medical control in Western Siberia and its activities in the 1930s]. *Byulleten' sibirskoy meditsiny* [Bulletin of Siberian Medicine], 2015, vol. 14, no. 4, pp. 119-124.
 20. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy SSSR* [Collection of Laws and Orders of the USSR]. 1931, no. 59, art. 382.
 21. Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Social History of Soviet Russia in the 30s: The Village*. Moscow, 2001, 336 p.
 22. Shpotov. B. M. *Sotsial'naya istoriya industrializatsii SSSR po materialam amerikanskoy i sovetskoy pechati* [The Social History of Indus-

- trialization in the USSR in American and Soviet Press]. *Mify i realii amerikanskoj istorii v periodike XVIII–XX vv.* [Myths and Realities of American History in Periodicals of the 18th-20th Centuries]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow, 2010, pp. 133-197.
23. Field M.G. The position of the Soviet physician: the bureaucratic professional. *Milbank Quarterly*, 1988, vol. 66, suppl. 2, pp. 182-201.
24. David P.K. Typhus and its control in Russia, 1870-1940. *Medical History*, 1993, vol. 37, pp. 361-381.
25. Raffel N.K.. Health Service in the Union of Soviet Socialist Republics. Philadelphia, 1985, 503 p.
26. Sablin I. Transcultural Interactions and Elites in Late Pre-Soviet and Early Soviet Chukotka, 1900-1931. *Social Evolution & History*, 2013, vol. 12, is. 1, pp. 115-148.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Галлямова Земфира Виленовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории
Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, 423699, Российская Федерация
zemfiera_9@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zemfira V. Gallyamova, Cand. sci. (Hist.), Associate Professor of Department of General and National History,
Elabuga Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya Str., Yelabuga 423699, Russian Federation
zemfiera_9@mail.ru
SPIN-code: 7959-2184
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1777-7230>

Поступила 05.06.2022

После рецензирования 15.06.2022

Принята 20.06.2022

Received 05.06.2022

Revised 15.06.2022

Accepted 20.06.2022

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-78-93

УДК 172.1

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ РАБОТ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

О.Н. Горячева, М.Г. Яковлева

Одним из определяющих факторов развития современных обществ является их цифровизация. Построение информационного общества с внедрением цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности предусмотрено национальными программами различных государств, в том числе и России. Наряду с безусловными преимуществами данной трансформации социальной системы цифровой технологический вектор развития обществ содержит и значимые риски. Целью работы является выявление гуманистических рисков цифровизации социальной системы. В качестве методологической базы исследования использовались теория социальной системы Н. Лумана, концепция микрофизики власти М. Фуко, анализ логики функционирования Big Data Н. Больца, исследования в области социологии материальности В. Вахштайна. Авторами был выявлен ряд принципов функционирования социальной цифровой среды, противоречащих гуманистическим традициям демократических обществ с их гражданско-правовой ориентацией и свободами граждан. В числе подобных принципов – принцип тотальности, принцип прозрачности, принцип объективации и принцип программирования социальных практик. Результаты исследования имеют практический потенциал при оценке и нейтрализации рисков построения цифрового общества в России.

Ключевые слова: *цифровизация; цифровые технологии; цифровое общество; гуманистические риски; система социального рейтинга КНР*

HUMANISTIC RISKS OF DIGITAL DEVELOPMENT OF SOCIETY: ANALYSIS OF WORKS BY FOREIGN AUTHORS

O.N. Goryacheva, M.G. Yakovleva

Digitalization is one of the most factors in the development of post-modern societies. Building an information society with the introduction of digital technologies in various spheres of life is provided for by national programs of various states, including Russia. Despite advantages of this transformation of the social system, the digital technological vector of the development of societies also contains significant risks. The aim of the work is to identify the humanistic risks of digitalization social system. The methodological basis of the research were the theory of the social system by N. Luhmann, the concept of microphysics of power by M. Foucault, the analysis of the logic Big Data by N. Boltz, research in the field of sociology of things by V. Vakhstein. The authors have identified a principles of functioning social digital environment that contradict the humanistic traditions of democratic societies with their ensuring the rights and freedoms of citizens. Among such principles are the principle of totality, the principle of transparency, the principle of objectification and the principle of programming social practices. The results of the research have practical potential in the development of programmes for building a digital society.

Keywords: *digitalization; digital technologies; digital society; humanistic risks; China's social rating system*

Введение

Развитие информационного общества – задача, реализуемая сегодня многими странами, в том числе и Россией. 9 мая 2017 года указом президента РФ была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». В ней обозначены необходимость формирования национального информационного пространства, развития информационной и коммуникационной инфраструктуры РФ, создания новой техноло-

гической основы для развития экономики и социальной сферы, обеспечения национальных интересов в области цифровой экономики [10]. В документе в качестве приоритетных направлений разработки указываются такие инфокоммуникационные технологии, как сети связи нового поколения, обработка больших объемов данных, искусственный интеллект, облачные и туманные вычисления, интернет вещей, индустриальный интернет и некоторые другие [10]. Цифровизация – внедрение инфокоммуникационных технологий в различные сферы жизнедеятельности общества – становится одним из определяющих факторов социальных, культурных, экономических и политических изменений; способствует прозрачности операций, данных и социальных практик. Смысл цифровизации заключается в сведении инертной материальности вещей, многообразия социальных практик и личной уникальности индивидов к набору стандартных сведений цифровой системы. Безусловно, цифровизация имеет свои преимущества, как и риски – социально-политические, культурно-образовательные, экономические, гуманистические. Данная статья посвящена исследованию гуманистических рисков цифровизации.

Цель и методологическая база исследования

Целью работы является выявление гуманистических рисков вследствие цифровизации социальной системы. Под гуманистическими рисками мы понимаем возможные неблагоприятные последствия инфокоммуникационных технологических изменений, упраздняющих значимость гуманистических ценностей в развитии общества и совместной жизнедеятельности индивидов. К гуманистическим ценностям мы относим ценность человеческой жизни, ценности свободы и самоопределения человека, ценность творческого саморазвития личности, ценность гуманного отношения к людям [12].

Методологической базой исследования послужили работы по системной теории общества Н. Лумана и анализ логики функционирования Big Data Н. Больца, объясняющие такие эффекты цифрови-

зации, как тотальность и программирование социальной системы; также мы использовали концепцию микрофизики власти М. Фуко для исследования эффектов прозрачности социальных практик и объективации индивидов; помимо этого мы обратились к ряду идей В. Вахштайна о технологических агентах, включенных в социальные практики на основе технологии Big Data.

Результаты исследования и их обсуждение

Тотальность социальной системы века цифровых технологий оптимально описывать в рамках системной теории немецкого социолога Н. Лумана [9]. Строго говоря, согласно Н. Луману, *любая* социальная система *тотальна* по своей природе, поскольку она самоорганизуется, самовоспроизводится и структурно дифференцируется в процедурах аутопоэтического разграничения себя и внешней среды, в результате чего стремится к операциональной замкнутости, всеохватности и целостности [9, с. 68-71]. Процесс цифровизации только усиливает данную тенденцию, обеспечивая систему совершенными технологическими средствами. Остановимся на этом подробнее.

Н. Луман считает, что в основе аутопоэтической самоорганизации общества лежит коммуникация: «Система общества характеризуется, соответственно, не определенной «сущностью» <...> ее характеризует та операция, в ходе которой производится и воспроизводится общество. И эта операция – коммуникация» [9, с. 72]. Коммуникация в понимании Н. Лумана наиндивидуальна; не персональна, но функциональна [8, с. 267-268]. Коммуникация производит различия, является механизмом самореференции/инореференции социальной системы, рекурсивно замыкает систему, реализуется в различных медиа. В качестве медиа Н. Луман полагает язык, но также письменность, книгопечатание, электронные медиа [8, с. 267-269]. К электронным медиа автор относит коммуникационные устройства «от телефона и телефакса вплоть до электронных почтовых сообщений» [8, с. 135], особое внимание он уделяет компьютерам [8, с. 137-141]. В своей последней (при

жизни изданной) работе «Die Gesellschaft der Gesellschaft» (1997) Н. Луман указывает на то, что пока еще трудно спрогнозировать изменения коммуникации и социальной системы вследствие широкого внедрения компьютеров [8, с. 138]. В качестве предполагаемых социальных эффектов он отмечает рост уровня контроля [8, с. 262], более высокую организацию сложности [8, с. 137], интенсификацию и ускорение коммуникации [8, с. 137], дистанционный характер телекоммуникаций планетарного масштаба [8, с. 140], расщепление предметного измерения смысла коммуникации (или сдвиг от кодирования в языке с людьми как внешними агентами коммуникации к использованию компьютерного кода и программам в качестве агентов коммуникации) [8, с. 143]. Помимо этого он говорит, что компьютеры (или «невидимые машины») представляют собой особо эффективные инструменты для операций различения и обозначения – маркировки форм (выработки сообщений/информации) в процессе коммуникации и сводят на нет возможность аргументации для спора (ответа) социальной системе [8, с. 139]. Можно предположить, что функцию наблюдателя, постулируемую Н. Луманом, вполне могут взять на себя эти «невидимые машины», чем и объясняется их «невидимость»: наблюдатель невидим для самого себя. То, о чем Н. Луман теоретизировал в конце 90-х годов XX века, становится частью нашей повседневности: отдельные социальные практики атомизируются (дискретно обособляются), стандартизируются, оцифровываются, автоматизируются и реализуются как взаимодействие человека-пользователя и программного алгоритма. В качестве примеров можно привести телефонную роботизированную коммуникацию, электронное голосование, платежные системы, кассы самообслуживания, дистанционные курсы электронного обучения и пр. Социальное взаимодействие здесь осуществляется как запрограммированное взаимодействие человека и робота / программы / автоматизированной машины. Согласно теории социологии вещей: «Материальные объекты не просто являются «ресурсами» интеракции, они не просто инкорпорированы, «встроены» в социальные взаимодействия – они играют ключевую

роль в том, как эти взаимодействия упорядочены» [2, с. 7]. Материальные объекты (вещи) понимаются социологами данного направления как «операторы» (и даже гаранты) порядка интеракции, что становится особо актуальным в отношении smart-вещей. Более радикальные взгляды на роль, функции и уровень агентности вещей в социальном взаимодействии высказывает социолог В. Вахштайн, рассуждая о smart-объектах, включенных в систему сбора, анализа и реагирования умной цифровой среды, использующей технологии машинного обучения и Big Data [3]. Социологи концептуализируют технологических агентов на базе больших данных по модели трехчлена: сенсор (считывает информацию), алгоритм (обрабатывает информацию) и актуатор (переводит результаты расчетов в действие). «Данные – это не то, что предназначены быть агрегированными, – отмечает В. Вахштайн. – Данные – это то, что предназначены быть действующими. На смену большим данным приходят активные данные: не репрезентация, а действие, не сцепка, а расцепление. <...> Данные – это то, что позволяет совершить делегирование, передать право действовать технологическому объекту» [3]. В качестве примера В. Вахштайн приводит гипотетическую ситуацию, когда кабинка туалета задерживает индивида до прибытия полиции в связи с обнаружением в его моче метаболитов психоактивных веществ [3]. Жизненные траектории и поведение индивидов становятся прозрачными в тотальной цифровой среде, чьим технологическим агентам делегируются право действовать (в том числе – применять санкции в отношении индивидов) на основе анализа больших данных. При этом индивид утрачивает позицию субъекта и становится объектом наблюдения, принятия решений и объектом воздействия smart-среды. Здесь себя проявляет такой принцип функционирования цифровой системы, как объективация индивидов.

Обратимся к другому теоретику медиакommunikации – немецкому исследователю Н. Больцу. Тотальность цифровой системы легко обосновывается при помощи некоторых его идей, в частности, идеи тотальной мобилизации образов [1, с. 65]. Операция тотальной мобилизации образов лежит в основе различных военных технологий,

нацеленных на обнаружение врага, прогнозирование его действий и дальнейшее уничтожение. Н. Больц упоминает изобретение полковника Э. Штайхена, который в 1917 году вместе с 50 офицерами и 1000 добровольцами организовал воздушную фотографическую разведку во Франции [1, с. 65]. Как определить дислокацию войск противника, оценить военные ресурсы и спрогнозировать поведение? Пролететь над территорией противника и полностью ее сфотографировать! – в этом и состояла задумка американского полковника. Пожалуй, это наиболее показательный случай для описания логики функционирования Big Data (большого массива данных). Действительно, функция контроля территории в данном случае может быть достигнута через сбор и анализ большого массива данных. Единичные данные этого массива не представляют никакой ценности (что значит отдельная фотография этой миссии без других фотографий? – ничего): данные имеют смысл только в своей тотальности. Более того, требуется не просто массив данных, но постоянное его обновление (ситуация ежечасно меняется): «образ теперь не просто образ, но исчезающе малый момент данных» говорит Н. Больц [1, с. 65]. При этом требуется особая инфраструктура по сбору, обработке, хранению и анализу данных (без цифровых технологий невозможно создание и оперирование Big Data). «Сегодня управляемые компьютером видеокамеры дают возможность автоматического восприятия, видения без взгляда, где машина сама осуществляет анализ реальности; система автоматического наблюдения делает ненужным человека за камерой», – делает вывод Н. Больц [1, с. 65]. Современные военные технологии используют машинную логику восприятия: «Зенитное орудие представляет собой наблюдателя, регистрирующего статистику движений, способную обучаться машину и вычислитель, умеющий благодаря обратной связи менять программу» [1, с. 66]. Подобные военные технологии уже давно используются как smart-технологии в быту и градоуправлении (в умных домах, логистике движения транспорта, регулировании объемов выработки электроэнергии для городской инфраструктуры и т.д.). Технология интернет-свя-

зи позволяет обеспечить тотальное единство вещей, включенных в систему: интернет вещей и индустриальный интернет, согласно упомянутой стратегии [10], должны стать частью российской действительности к 2030 году. По логике развития цифрового общества, следующим этапом совершенствования системы должен стать этап включения в нее людей. Разработки в этой сфере ведутся по различным направлениям: создание нейросетей, съемные гаджеты на теле человека (фитнес-браслеты, гугл-очки и т.д.), чипирование, биометрия. Опасения писателей-утопистов XX века – Евгения Замятина [5], Джорджа Оруэлла [11] – о том, что единственным тайным местом, неподконтрольным Благодетелю / Большому Брату будут мысли людей, начинают зловеще сбываться. Однако и здесь, благодаря развитию средств и форм коммуникации, в частности – появлению социальных сетей, все не так однозначно. Разграничение сфер жизни на публичную и интимную, характерное для капиталистических обществ XIX-XX вв., все более размывается: мысли, образ жизни, ценности и установки людей транслируются ими в социальных сетях, становясь доступными и прозрачными для окружающих и поисковых алгоритмов. Впрочем, и это еще не все. Современные физики прогнозируют, что в результате технологических разработок человеческий интеллект может быть перенесен с биологического на кибернетический носитель. Профессор физического факультета Оксфордского университета, научный руководитель группы квантовой оптики Российского квантового центра Александр Львовский в качестве значимого направления квантовых разработок называет создание интерфейса между мозгом и компьютером, а следующим этапом – копирование содержания мозга: «Мозг, по сути, – это компьютер, у него есть память, код, данные. Соответственно, мы в будущем научимся копировать содержимое этого компьютера на какой-то другой носитель – на кибернетический носитель, а не биологический» [6]. Философия трансгуманизма и постгуманизма [13] ещё вчера вызывавшая недоумение и воспринимаемая как разновидность научной фантастики, сегодня выглядит все более реалистичной.

Вторая квантовая революция, с ее техническими изобретениями и технологиями, основной из которых является иной тип компьютера – квантовый компьютер – открывают новые возможности для сбора, анализа, обработки огромных массивов информации, машинного обучения, создания искусственного интеллекта. Благодаря этим вновь появившимся цифровым возможностям «микрoфизика власти» дисциплинарного общества М. Фуко [15] становится совершенной. Власть распространяется не только на индивидуализированные тела и социальные практики, но и – благодаря камерам, датчикам, сенсорам, технологиям Bluetooth, RFID и GPS – пронизывает саму материальность социальной среды. Благодаря подобной технической оснащенности, модель паноптикона Иеремии Бентама, упоминаемая М. Фуко [15] для описания современного дисциплинарного общества, становится вполне реализуемой. По мысли Фуко, начиная с XVIII века, в европейских обществах проявляют себя новые механизмы власти, своим объектом имеющие живые тела. Эта власть приходит на смену концепции юридической власти, основанной на праве и государственных институтах, обеспечивающих осуществление «общественного договора» и воздействующей, по преимуществу, на умы граждан. После Французской революции юридическое «оказывается уже абсолютно чужеродным тем новым приемам власти, которые функционируют не на праве, а на технике, не на законе, а на нормализации, не на наказании, а на контроле, и которые отправляются на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за границы государства и его аппаратов», – считает Фуко [14, с. 189]. Этот новый тип власти Фуко называет «капиллярной», поскольку она пронизывает все общество; паноптической как всеохватно обзоревающей тела индивидов, и дисциплинарной как закрепляющейся на уровне самоконтроля дисциплинированного тела. Власть становится тотальной и вездесущей, поскольку толпа устраняется и заменяется совокупностью отдельных индивидов: «С точки зрения охранника, толпа заменяется исчислимым и контролируемым множеством, с точки зрения заключенных – изоляцией и поднадзорным одиночеством. Отсюда – основная цель паноптико-

на: привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти» [15, с. 294]. Современные технологии предлагают все необходимые средства для реализации паноптической схемы: «И для того чтобы действовать, эта власть должна получить инструмент постоянного, исчерпывающего, вездесущего надзора, способного все делать видимым, при этом оставаясь невидимым. Надзор должен быть как бы безликим взглядом, преобразующим все тело общества в поле восприятия: тысячи глаз, следящих повсюду, мобильное, вечно напряженное внимание, протяженная иерархическая сеть» [15, с. 313]. М. Фуко говорит и о такой функции паноптических систем, как изменение (и программирование) поведения индивидов: «Паноптикон – лаборатория; он может использоваться как машина для проведения экспериментов, для изменения поведения, для муштры или исправления индивидов.<...> Везде, где приходится иметь дело с множественностью индивидов, которым надо навязать определенное задание или конкретную форму поведения, может быть использована паноптическая схема» [15, с. 298; 301].

Китай сегодня является одним из государств, наиболее активно внедряющих цифровизацию для эффективного управления обществом. Результатом этой деятельности, в частности, стала система социального кредита – постоянная маркировка по шкале социального рейтинга граждан страны. Данная программа реализуется на основе документа «О планировании строительства системы социального кредита (2014-2020)», принятого Государственным советом КНР 14 июля 2014 г. [7, с. 40]. Показатель социального рейтинга отдельного индивида складывается на основе применения инструментов массового наблюдения и технологии анализа больших данных. При этом используется информация из различных источников: данные видеонаблюдения (42% всех камер наблюдения, существующих в мире, находятся в Китае) [7, с. 40], технологии отслеживания трафика в Интернете, информация о пользовании смартфоном, активность и контакты в социальных сетях, информация по правонарушениям (неуплата налогов и штрафов, уклонение от при-

зыка в армию и т.д.), активность в финансовой области (характер расходов и доходов, кредитная история), перемещения индивида (посещение нежелательных локация и мероприятий, контакты с лицами из черных списков), а также характеристика индивида его ближайшим окружением (соседи, родные и близкие, коллеги по работе и пр.) [4, с. 253]. В разных регионах страны действуют различные вариации системы социального кредита: региональные и муниципальные власти формируют собственные критерии оценки поведения индивидов. Таким образом, власти Китая реализуют масштабный социальный эксперимент по выработке желательных массовых реакций и линий поведения индивидов. Исследователи системы социального рейтинга отмечают, что эффективным принципом ее деятельности является «занавес неведения»: нарушитель может делать выводы о «механизме наказания» только апостериори, точно не зная, за какие именно действия у него будут сняты баллы. «Подобно судье, который слушает, но не объясняет свое решение, принимаемое за закрытыми дверями, «занавес неведения» должен вызвать у индивидуума ощущение беззащитности и неопределенности перед тотальной осведомленностью системы социального рейтинга о его поступках» [4, с. 253]. Данный цифровой проект трансформации китайского общества показывает, что власти КНР делегировали право принятия решений цифровой системе – человек вносится в список «плохих» или «хороших» людей автоматически, на основе алгоритмов машинного обучения и больших баз данных.

Принимая во внимание гуманистические риски построения цифрового общества, нам представляется значимым, что в российской «Стратегии...» декларируется «приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий» [10]. Вместе с тем, далее эти ценности в тексте документа никак не рассматриваются и не определяются. Считаем, что данный вопрос требует более детальной проработки со стороны ученых, представителей общественных организаций, профессиональных сообществ и гражданского

общества. Ситуация пандемии и ковидных ограничений показала, насколько быстрыми и радикальными могут быть изменения в области гражданских прав и свобод, резкого сужения горизонта возможностей и ухудшения качества жизни населения, когда народ утрачивает хотя бы номинальный статус легитимного политического субъекта и становится прямым объектом контроля и регулирования со стороны государства. Цифровые технологии – начиная с образовательных и заканчивая Интернетом вещей – могут эффективно использоваться для закрепления социального неравенства, ограничения личной свободы и моделирования массового поведения. В данном вопросе интересы граждан прямо противоположны интересам государства, а также политических и экономических элит, лоббирующих выгодные для себя цифровые проекты.

Заключение

Развитие инфокоммуникационных технологий ведет к созданию нового типа общества – цифрового. Цифровизация социальной системы сопровождается ее дегуманизацией: отчуждением характерных для классического субъекта свойств в пользу самой системы. Так, тотальность системы способствует атомизации индивидов: задача системы – выделить и идентифицировать индивида из множества других, собрать данные о нем, создать уникальный профиль для дальнейшего использования информации. Тотальная система принуждает человека быть фрагментарным: хорошо исполнять контролируемые системой роли – покупателя, гражданина, работника, соседа и т.д. Прозрачность индивида в системе способствует непрозрачности системы для индивида. Паноптическое зрение цифровой системы рассеивается в социальной материи вещей, машинная логика построения алгоритмов надзора остается скрытой для индивида. Индивид рассматривается как потенциальный хаосогенный элемент системы – объект, который необходимо нейтрализовать и инкорпорировать в целое. Эффективная реализация власти строится на асимметричных отношениях: использование технологических агентов в качестве нечеловеческих субъектов

власти делает асимметрию совершенной – индивид утрачивает способность какого-либо ответа системе. Атомизация и расщепление территорий, мест, социальных ситуаций, индивидов и социальных практик представляет возможности для программирования желаемого поведения в ходе социального моделирования. При этом рациональность и планирование деятельности отчуждается у индивида и делегируется системе. Логика развития цифрового общества, по сути, противоречит демократическим правам и свободам человека, традициям индивидуализма и приоритету интересов индивида над интересами общества. Индивид для цифровой системы является простым набором данных и объектом управления. В этом и заключается ее антигуманизм.

Список литературы

1. Больц Н. Азбука медиа. М.: Издательство «Европа», 2011. 135 с.
2. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПКМ-1 // Философско-литературный журнал Логос. 2017. Т. 27. № 2 (117). С. 1-48.
3. Вахштайн В. Датаизм и цифровое дюркгеймианство: социологическое воображение после Big Data / лекция в Тюменском государственном университете, 10.10.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=QK80EuSfC3E&list=PLQUG_xE0UCx4Eubv pduFOfbpav8ZEwEpt&index=7 (дата обращения: 19.04.2022).
4. Графов Д.Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. 2020. № 2. С. 250-259.
5. Замятин Е.И. Мы. Новосибирск: Сибир. унив. изд-во, 2009. 158 с.
6. Карась Л. Кванты как всемирный технологический тренд / конспект лекций А. Львовского. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/18178-kvanty-kak-vsemirnyy-tekhnologicheskij-trend> (дата обращения 12.04.2022)
7. Климович А.П. Влияние цифровых технологий на современное общество. Пример системы рейтинга социального кредита в Китае // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 3. С. 35-44.

8. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Издательство «Логос», 2005. 280 с.
9. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Издательство «Логос», 2004. 236 с.
10. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы / Указ Президента РФ от 09.05.2017 №203. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 19.04.2022)
11. Оруэлл Дж. 1984. М.: Эксмо-Пресс, 2021. 608 с.
12. Ромашкина Е.Ю. «Гуманитарный» и «гуманистический»: из истории понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 1 (11). С. 116-121.
13. Тлостанова М.В. Постантропоцентрический антигуманизм против другого гуманизма как гуманизма Другого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2015. № 1. С. 33-48.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
15. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

References

1. Bol'ts N. *Azbuka media* [Abc Media]. М.: Izdatel'stvo «Evropa», 2011, 135 p.
2. Vakhshayn V. *Filosofsko-literaturnyy zhurnal Logos* [Philosophical and literary magazine Logos], 2017, vol. 27, no 2 (117), pp. 1-48.
3. *Dataizm i tsifrovoye dyurkgeymianstvo: sotsiologicheskoye voobrazhenie posle Big Data* [Dataism and Digital Durkheimianism: The Sociological Imagination after Big Data]. https://www.youtube.com/watch?v=QK80EuSfC3E&list=PLQUG_xE0UCx4EubvpduFOfbpav8ZEwEpt&index=7 (accessed April 19, 2022).
4. Grafov D.B. *Vlast'*, [Power], 2020, no 2, pp. 250-259.
5. Zamyatin E.I. *My* [We]. Novosibirsk: Sibir. univ. izdatelstvo, 2009, 158 p.

6. *Kvanty kak vseмирnyy tekhnologicheskiy trend* [Quanta as a global technological trend]. <https://theoryandpractice.ru/posts/18178-kvanty-kak-v-semirnyy-tekhnologicheskiy-trend> (accessed April 12, 2022).
7. Klimovich A.P. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital Sociology], 2020, vol. 3, no 3, pp. 35-44.
8. Luman N. *Media kommunikatsii* [Media communications]. М.: Izdatel'stvo «Logos», 2005, 280 p.
9. Luman N. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. М.: Izdatel'stvo «Logos», 2004, 236 p.
10. *O strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017-2030 gody* [On the strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030]. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed April 19, 2022).
11. Oruell Dzh. *1984* [1984]. М.: Eksmo-Press, 2021, 608 p.
12. Romashkina E.Yu. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of Volgograd State Pedagogical University], 2005, no 1 (11), pp. 116-121.
13. Tlostanova M.V. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy], 2015, no 1, pp. 33-48.
14. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [To supervise and punish. The Birth of the prison]. М.: Ad Marginem, 1999, 480 p.
15. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. М.: Kastal', 1996, 448 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Горячева Ольга Николаевна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, кандидат филологических наук, доцент
Набережночелнинский институт Казанского федерального университета
проспект Мира, 68/19, г. Набережные Челны, Республика Татарстан, 423812, Российская Федерация
olganikgor@mail.ru

Яковлева Марина Геннадьевна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, кандидат философских наук, доцент
Набережночелнинский институт Казанского федерального университета
проспект Мира, 68/19, г. Набережные Челны, Республика Татарстан, 423812, Российская Федерация
marrayk@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Goryacheva, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University
68/19, Prospekt Mira, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423812, Russian Federation
olganikgor@mail.ru
SPIN-code: 1967-1376
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1156-9679>
ResearcherID: N-8280-2015
Scopus Author ID: 56296843600

Marina G. Yakovleva, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University
68/19, Prospekt Mira, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423812, Russian Federation
marrayk@yandex.ru
SPIN-code: 6932-5457
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8801-9747>
ResearcherID: O-6303-2015

Поступила 25.04.2022
После рецензирования 05.05.2022
Принята 07.06.2022

Received 25.04.2022
Revised 05.05.2022
Accepted 07.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-94-115

УДК 215

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ И НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т.Н. Клементьева

Обоснование. В современной философской литературе выделены три позиции взаимоотношения науки и религии в современном мире – конфликт, дополнение и диалог, синтез и интеграция. Для определения отношения к данной проблеме самих участников этого взаимодействия, верующих и ученых, было проведено социологическое исследование.

Цель. Целью исследования стало изучение отношения к науке представителей религиозных конфессий современной России. Достижение поставленной цели предполагало изучение отношения представителей религиозных конфессий к научному сообществу, к науке как к способу познания реальности, к конфликту между наукой и религией, а также к возможности научного доказательства религиозных представлений.

Материалы и методы. В качестве основного метода исследования использовался экспертный опрос, который проводился в форме глубинного интервью и анкетного опроса. Всего было опрошено 23 эксперта, которые были разделены на две группы, представляющие библейские и восточные религии.

Результаты. На основе анализа полученных результатов был сделан вывод о том, что из трех точек зрения на взаимоотношения религии и науки наименьшей популярностью пользуется позиция конфликта. Однако среди представителей библейских религий больше сторонников идеи конфликтного противостояния религии и науки, чем среди представителей восточных религий. Точка зрения, утверждающая возможность синтеза религии и науки, также

не является широко распространенной, и характерна в основном для представителей восточных религий, имеющих глубокие знания в области естественных наук. Самой распространенной точкой зрения является позиция взаимодополнения науки и религии, которое выражается в возможности использовать научные данные для подтверждения основных положений религиозного мировоззрения.

Ключевые слова: наука; религия; конфликт; взаимодополнение; диалог; синтез; научное сообщество; религиозные конфессии

RELATIONSHIPS RELIGIOUS DENOMINATIONS AND THE SCIENTIFIC COMMUNITY IN MODERN RUSSIA

T.N. Klementyeva

Background. *In modern philosophical literature, three positions of the relationship between science and religion in the modern world are highlighted – conflict, complementarity and dialogue, synthesis and integration. To determine the attitude of the participants of this interaction themselves, believers and scientists, a sociological study was conducted.*

Purpose. *The purpose of the study was to research the attitude of representatives of religious denominations of modern Russia to science and the scientific community. Achieving this goal involved studying the attitude of representatives of religious denominations to the scientific community, to science as a way of knowing reality, to the conflict between science and religion, as well as to the possibility of scientific proof of religious beliefs.*

Materials and methods. *The main research method was an expert survey, which was conducted in the form of an in-depth interview and a questionnaire survey. A total of 23 experts were interviewed, who were divided into two groups representing biblical and Eastern religions.*

Results. *Based on the analysis of the results obtained, it was concluded that of the three points of view on the relationship between religion and science, the position of conflict is the least popular. However, there are more supporters of the idea of a conflict between religion and*

science among representatives of biblical religions than among representatives of Eastern religions. The point of view that asserts the possibility of a synthesis of religion and science is also not widespread, and is typical mainly for representatives of Eastern religions who have deep knowledge in the field of natural sciences. The most common point of view is the position of complementarity of science and religion, expressed in the possibility of using scientific data to confirm the main provisions of the religious worldview.

Keywords: *science; religion; conflict; complementarity; dialogue; synthesis; scientific community; religious denominations*

Введение

Проблема взаимоотношений науки и религии в современном мире является одной из самых неоднозначных и привлекающих внимание многих современных теологов, философов и ученых. Несмотря на то, что в реальной жизни деятельность научного сообщества и религиозных конфессий практически не пересекается, в области мировоззренческих представлений наука и религия предлагают разные решения одних и тех же метафизических вопросов, что неизбежно приводит к необходимости взаимодействовать друг с другом. В современной философской и научной литературе существует три основных позиции по данному вопросу.

Сторонники первой позиции настаивают на том, что наука и религия – независимые друг от друга и противоположные области познания и деятельности человека, между которыми продолжается конфликтное противостояние [6, 9, 11, 12]. Это обусловлено противоположностью фундаментальных идей, лежащих в основе научного и религиозного мировоззрения. Несмотря на отсутствие открытого конфликта, наука и религия остаются конкурентами, борющимися за монополию в решении главных метафизических вопросов бытия человека. Для данной точки зрения характерно рассматривать науку как прогрессивное явление, сменяющее старое религиозное мировоззрение, полное различных заблуждений и предрассудков. Именно борьба между старым и новым взглядом

на природу мироздания является причиной продолжающегося противостояния. В более мягком варианте данная позиция сводится к утверждению независимого статуса религии и науки и к оценке существующего конфликта между ними как преувеличения [13].

Согласно второй точке зрения, религия и наука не противостоят, а дополняют друг друга [1, 4, 7]. Это обусловлено тем, что они изучают разные аспекты реальности и жизни человека. Науку интересует материальный мир, окружающая природа и изменение материальной среды жизни человека, а религия сосредоточена на изучении идеального мира и духовном развитии человека. По этой причине между ними нет, и не могло быть конфликта, т.к. сферы их интересов не пересекаются. Наоборот, с этой точки зрения между ними возможен диалог, который может восполнить недостаток знаний о той или иной части реальности.

Наконец, третья позиция утверждает возможность не только согласия, но и синтеза науки и религии в будущем [2, 3, 5, 8, 10, 14, 15]. Сторонники данной точки зрения уверены, что по мере развития науки предмет ее исследования все больше выходит за границы материального мира и вступает в область традиционных религиозных представлений. В связи с этим возникает уникальная возможность проверить и даже доказать научными методами ряд основных идей религиозного мировоззрения. Этот процесс, начавшийся в XX веке, в перспективе может преодолеть мировоззренческие противоречия между наукой и религией и привести к их синтезу, результатом которого станет единая картина мира.

Цель исследования

Все эти позиции являются результатом авторского философского анализа данной проблемы, который не является в полной мере объективным и часто не отражает ее понимание самими участниками этого взаимодействия – верующими и учеными. В связи с тем, что социологических исследований данной проблемы проводится очень мало, реальное положение дел в этой сфере практически неизвестно. Поэтому была поставлена цель, выяснить, как к

взаимоотношениям между наукой и религией в современном мире относятся сами представители религиозных конфессий и научного сообщества и какую из вышеперечисленных позиций они поддерживают. Достижение этой цели предполагает решение нескольких исследовательских задач. Первая задача заключается в выяснении отношения к данной проблеме религиозных конфессий современной России. Решение этой задачи, в свою очередь, включает в себя изучение отношения представителей религиозных конфессий к научному сообществу и к возможности сотрудничества с ним, к науке как к способу познания и объяснения реальности, к конфликту между наукой и религией, а также к возможности научного доказательства религиозных представлений. Вторая задача состоит в изучении отношения к проблеме взаимоотношения науки и религии со стороны научного сообщества, которая также включает в себя исследование отношения ученых к религиозным конфессиям современной России, к религии в целом, к конфликту между наукой и религией и к научным теориям, доказывающим ряд религиозных представлений. Сравнительный анализ полученных результатов может дать реальную картину взаимоотношений научного сообщества и религиозных конфессий в современной России.

Материалы и методы исследования

В 2019-2022 гг. было проведено социологическое исследование, предметом которого стало изучение отношения к науке и научному сообществу представителей основных религиозных конфессий, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Основным методом исследования стал экспертный опрос, который проводился в форме глубинного интервью и анкетного опроса.

Всего было опрошено 23 эксперта. Доля каждой из религиозных организаций в выборке отражена в таблице 1.

В качестве экспертов выступили представители вышеперечисленных религиозных организаций, являющиеся настоятелями храмов, преподавателями религиозных учебных заведений, а также занимающие другие руководящие должности. 78,3% опрошенных

имеют высшее светское образование, из них 13% имеют ученую степень, а именно, кандидата биологических, философских и экономических наук.

Таблица 1.

<i>Религиозная организация</i>	<i>Количество опрошенных</i>
Русская православная церковь	5
Евангельские христиане	4
Международное общество Сознания Кришны	4
Духовное управление мусульман г. Москвы	3
Буддийская традиционная сангха России	3
Римско-католическая церковь	2
Федерация еврейских общин России	1
Зороастрийская община г. Москвы	1

Характер высшего светского образования у большинства респондентов гуманитарный, но также присутствует техническое, естественнонаучное и медицинское образование. Все эксперты имеют высшее религиозное образование, некоторые имеют степень магистра теологии или кандидата богословских наук. Необходимо также отметить, что все респонденты являются зрелыми и опытными людьми. Большинство экспертов относятся к возрастной категории от 40 до 60 лет (см. Таблицу 2.) и являются последователями своего вероучения более 25 лет.

Таблица 2.

<i>Возраст респондентов</i>	31-40 лет	41-50 лет	51-60 лет	61 и более лет
<i>% опрошенных</i>	21,7%	34,8%	26,1%	17,4%

Все эксперты были разделены на две группы. В первую группу входили представители библейских религий, в частности, Русской православной церкви, евангельских христиан, Римско-католической церкви, Духовного управления мусульман г. Москвы и Федерации еврейских общин России (15 человек). Вторую группу

составляли эксперты, представляющие восточные религии – Международное общество Сознания Кришны, Буддийскую традиционную сангху России и зороастрийскую общину г. Москвы (8 человек). Данное деление использовалось при анализе результатов, т.к. оно дает возможность оценить влияние особенностей религиозного мировоззрения на отношение к науке.

Результаты и их обсуждение

Отношение к научному сообществу. Анализ результатов показал, что отношение опрошенных экспертов к научному сообществу лучше, чем к науке в целом. Подавляющему большинству из них (95,6%) приходилось встречаться и взаимодействовать с учеными. Почти у половины экспертов (47,8%) от этого взаимодействия осталось хорошее впечатление, а у некоторых (17,3%) – даже отличное. Однако треть респондентов (30,4%) оценила свое взаимодействие с научным сообществом как удовлетворительное. Главными причинами этого стали, прежде всего, низкий уровень религиозных знаний ученых и высокомерное отношение к верующим. Кроме того, в качестве причин были названы отсутствие взаимопонимания и общих интересов, негативное отношение к религии вообще и к вероучению респондента, в частности.

Несмотря на отмеченные трудности, абсолютное большинство экспертов (86,9%) считает, что сотрудничество религиозных конфессий и научного сообщества возможно. Среди форм подобного сотрудничества респонденты назвали организацию обучающих и просветительских семинаров по теме взаимодействия науки и религии, проведение совместных конференций, организацию совместных образовательных проектов для молодежи, издание популярных книг и журналов, а также проведение совместных исследований. Вместе с тем, был выделен целый ряд проблем, затрудняющих организацию взаимодействия религиозных конфессий и научного сообщества. Интересно, что большая часть экспертов выделила, прежде всего, проблемы организационного характера, такие как отсутствие финансирования совместных проектов и заинтересованных лиц, готовых заниматься этой деятельностью. Лишь треть респондентов понима-

ет, что трудности в организации такого сотрудничества обусловлены причинами более глубокого характера. В частности, такими причинами были названы низкий уровень знаний верующих людей в области науки и, наоборот, ученых – в области религии, а также непонимание, как верующими, так и учеными цели подобного взаимодействия.

Сравнительный анализ результатов интервью и анкетного опроса двух выделенных групп экспертов показал, что их отношение к научному сообществу различно. Среди представителей библейских религий удовлетворенность взаимодействием с научным сообществом выше, чем среди представителей восточных религий: 26,6% экспертов, представляющих иудаизм, христианство и ислам оценили свое взаимодействие с учеными как отличное, тогда как эксперты от восточных религий вообще не выбрали эту позицию. Также показательно, что с негативным отношением к собственному вероучению сталкивались именно эксперты, представляющие восточные религии, тогда как эксперты от библейских религий, более распространенных на территории нашей страны, вообще не говорили о подобных случаях.

Интересно, что эксперты, представляющие восточные религии, более глубоко рассматривают причины затруднений во взаимодействии с научным сообществом. В частности, именно ими была названа проблема различия научного и религиозного языка, что сильно затрудняет взаимопонимание, а иногда делает процесс объяснения философской концепции той или иной религии крайне трудным. Кстати, ими же было предложено одно из направлений возможного сотрудничества с научным сообществом, а именно, приведение к общему пониманию терминологии, используемой в Священных Писаниях и современной науке. Такая работа могла бы предотвратить недопонимание того, что стоит за теми или иными терминами, сделать возможным диалог и поиск точек соприкосновения.

Отношение к науке. Что касается отношения к науке как к способу познания и объяснения реальности, то в целом его можно охарактеризовать как достаточно сдержанное. Только меньшинство полностью удовлетворено тем, как научные теории объясняют окружающую реальность, но такое же меньшинство относится к науке

крайне отрицательно и считает ее заблуждением. Основная часть опрошенных экспертов (65,2%) удовлетворена научным объяснением действительности частично и считает истинными отдельные научные теории. На наш взгляд, это указывает на то, что часть современного научного мировоззрения не рассматривается ими как нечто неприемлемое и принципиально противоречащее их собственному религиозному мировоззрению.

Главной причиной своей неудовлетворенности научным знанием респонденты назвали фрагментарность описания реальности и отсутствие, как следствие, целостной картины мира. Причем этот фрагментарный характер научного описания реальности выражается в двух аспектах, которые были выделены разными экспертами. Для одних он проявляется в том, что науки по-разному описывают различные сферы реальности, используя разные «языки», символические системы и т.д. Все это не образует единого научного мировоззрения, в котором все части связаны и согласованы друг с другом. Для других же экспертов эта фрагментарность и неполнота научного описания реальности обусловлена тем, что в него не входит трансцендентный мир и божественные явления, которые наука не может изучать и объяснять. Если в первом случае речь идет о разнообразии и несогласованности «языков» различных наук, то во втором случае главной причиной неудовлетворенности научным знанием является материалистический характер научного мировоззрения. Не удивительно, что именно второй аспект данной проблемы преобладал в высказываниях опрошенных экспертов. Многие из них прямо говорили о том, что наука изучает только материальные, «ощутимые» аспекты реальности, исключает Бога из картины мира и не учитывает более фундаментальных законов, которые не могут быть изучены научными методами и средствами.

Также существенными причинами критического отношения к науке, которые назвали респонденты, стали отсутствие научного объяснения для целого ряда явлений, известных в религии, быстрая изменчивость научных теорий, а также отсутствие доверия к ученым, которые игнорируют факты, опровергающие их теории.

Очевидно, что представители всех религиозных конфессий хотели бы видеть научное мировоззрение не только более целостным, но и более стабильным, подобным достаточно консервативному религиозному мировоззрению. Кроме того, для многих экспертов важным фактором является честность ученых, их объективность и бескомпромиссное отношение к различным «уловкам» и «подделкам» в научной деятельности. Например, один из респондентов сравнил научное сообщество с корпорацией следующим образом: «Современные ученые, несмотря на внутренние сомнения и разногласия, каким-то образом смогли представить единый фронт ненаучной публике. Порой их поведение напоминает худшее в политической и корпоративной хитрости».

Анализ результатов не показал особенных различий в отношении к науке между представителями библейских и восточных религий. Однако эксперты от восточных религий дали развернутые комментарии по этой теме, что свидетельствует об их хорошей осведомленности в подобных вопросах. Они подробно обсуждали проблему неполноты и фрагментарности научного знания, а также ограниченности научных методов познания. По мнению одного из респондентов, наука представляет собой «восходящий» процесс познания, основанный на возможностях человека и расширяющий его знания о мире. Религия же является «нисходящим» процессом познания, т.е. основана на знании, полученном из высшего источника, и направляющая человечество в его поисках истины. В идеале эти два способа должны не противоречить, а дополнять друг друга, но отрицание одного из них всегда будет порождать неполное знание или просто заблуждения.

Отношение к конфликту между религией и наукой. Одной из главных задач исследования было изучение отношения представителей религиозных конфессий современной России к конфликту между религией и наукой. Большинство опрошенных экспертов (69,5%) считают, что в современном мире между религией и наукой отсутствует конфликтное противостояние. Респонденты выделили целый ряд факторов, способствующих этому. Почти половина

экспертов считает, что причина для конфликта между религией и наукой отсутствует просто потому, что они изучают разные объекты реальности. Для науки таким объектом является материальный мир, а для религии – мир трансцендентальный. Сферы их интересов пересекаются, но не тождественны, что является основанием для отсутствия противостояния. Скорее, религиозные и научные представления могут дополнять друг друга, образуя целостную картину мира.

Однако существенная часть экспертов полагает, что этому способствуют и другие факторы, свидетельствующие о непосредственном взаимодействии и сближении науки и религии как социальных институтов. В частности, в качестве таких факторов было названо появление научных теорий, подтверждающих или объясняющих некоторые религиозные представления, рост числа ученых, являющихся верующими или дружественно относящихся к религии, а также сотрудничество некоторых религиозных конфессий с научным сообществом. Важную роль в этом процессе играет расширение возможностей религии как социального института. За последние десятилетия деятельность религиозных конфессий в нашей стране развивалась, и они получили такие же возможности для распространения своих взглядов, как и научное сообщество. Один из респондентов отметил, что у религии и науки одна цель – постижение законов мироздания для того, чтобы сделать людей счастливыми, и это делает их более близкими друг другу, чем принято считать.

Но не все представители религиозных конфессий столь миролюбиво смотрят на взаимоотношения между наукой и религией. Примерно треть из опрошенных экспертов настаивает на продолжающемся конфликте между ними. Главной причиной этого они считают исключение Бога из картины мира. Истинная религия никогда не согласится с этим, вследствие чего конфликт в явной или скрытой форме будет продолжаться. Также часть экспертов указала на наличие существенных противоречий научного и религиозного мировоззрения в целом, что является причиной для продолжающейся идейной борьбы, а также на материалистические взгляды ученых и

их враждебное отношение к верующим. Конфликт может возникать, в том числе, из-за неправильного понимания религиозных учений учеными или научных теорий верующими. Это обусловлено часто стереотипными представлениями и низким уровнем знаний ученых о религии или верующих людей о науке. Кроме мировоззренческих причин, эксперты выделили и социально-политические причины конфликта между наукой и религией. В частности, были названы неравные возможности науки и религии как социальных институтов, а также масштабная государственная поддержка науки при явном или скрытом давлении на религиозные конфессии со стороны государственной власти.

Сравнительный анализ результатов интервью и опроса двух групп экспертов выявил различия в их отношении к конфликту религии и науки. Среди экспертов, представляющих библейские религии, больше тех, кто считает, что между наукой и религией конфликт продолжается. Несмотря на то, что лишь меньшинство открыто согласилось с этой точкой зрения, практически все представители библейских религий подробно проанализировали причины, приводящие к возникновению и продолжению этого конфликта. Среди экспертов, представляющих восточные религии, ситуация иная: число согласных с тем, что конфликт между религией и наукой продолжается, соответствует числу респондентов, назвавших его причины. Это указывает на то, что представители библейских религий стараются, открыто не выражать свое мнение по этому вопросу, которое в действительности может быть более радикальным, чем это допустимо в современном обществе.

Отличается у выделенных категорий опрошенных экспертов и оценка причин, способствующих возникновению данного конфликта. В частности, эксперты от библейских религий большое значение придают социально-политическим причинам, таким как неравные возможности науки и религии как социальных институтов и давление на религиозные конфессии со стороны государства. Кроме того, четверть из них настаивает на продолжении идейной борьбы между наукой и религией, причиной которой являются материалистиче-

ские взгляды ученых и их враждебное отношение к верующим. При этом лишь 12,5% экспертов от восточных религий выделили вышеперечисленные причины и оценили их влияние на возникновение конфликта между религией и наукой. Это явно свидетельствует о том, что тема конфликтного противостояния религии и науки более актуальна для библейских религий. Под утверждением о том, что между религией и наукой нет конфликта, часто подразумевалось отсутствие открытого конфликта, к которому могут привести как обострение мировоззренческих противоречий, так и вмешательство в религиозную жизнь со стороны государства.

Отношение к научному доказательству религиозных представлений. В ходе исследования также было изучено отношение представителей религиозных конфессий к возможности научного доказательства религиозных представлений. Большинство опрошенных экспертов (65,2%) уверены в том, что некоторые положения их вероучения можно доказать научно. В целом респонденты достаточно свободно ориентируются в науках, в рамках которых могут проводиться подобные исследования. Явными лидерами в этом процессе они считают естественные науки, в частности, физику, биологию и генетику. Среди гуманитарных наук предпочтение отдается истории и психологии.

Однако при высокой степени уверенности в том, что религиозные представления можно доказать научно, лишь 30,4% респондентов смогли конкретно назвать научные теории и исследования, которые это делают. Большинство не только не ориентируется в современных научных исследованиях, но даже не знает, какие именно положения религиозного мировоззрения сегодня можно обсуждать в научном контексте.

Тем не менее, некоторые эксперты достаточно конкретно назвали религиозные идеи, которые, по их мнению, можно доказать научно. Некоторые из них являются общими для всех религиозных конфессий. Это, прежде всего, касается существования Создателя мира в целом и жизни на Земле в частности. И восточные, и библейские религии одинаково не приемлют идею случайного возникно-

вения и развития Вселенной, Земли, жизни на ней и разумного человека. Поэтому все эксперты в связи с этим вспомнили теорию о Вселенной как об открытой системе, второй закон термодинамики, теорию о расширяющейся Вселенной и «Большого Взрыва». Также были названы исследования, доказавшие, что водород не является возобновляемым источником и мог быть произведен из энергии в экстремальных условиях в начале существования Вселенной. Что касается происхождения и развития жизни на Земле, то многие эксперты указали на различные опровержения дарвинизма со стороны генетики и палеонтологии.

Исследование показало, что отношение к теме научного доказательства религиозных представлений существенно отличается у представителей восточных и библейских религий. Подавляющее большинство экспертов от восточных религий (87,5%) уверено в том, что такое доказательство возможно, тогда как среди экспертов от библейских религий с этим согласились только 53,3% респондентов. При этом треть из них считает, что это в принципе невозможно. Таким образом, очевидно, что представители восточных религий более оптимистично смотрят на этот вопрос и уверены, что постепенно все их представления будут доказаны научно.

На выбор наук, которые более всего близки к доказательству религиозных представлений, также сильное влияние оказывали особенности собственного мировоззрения респондентов. Эксперты от восточных религий, в основном, выбирали физику и психологию. Представители библейских религий предпочтение отдавали истории, биологии и генетике. Данный выбор достаточно показателен и отражает специфику религиозного мировоззрения экспертов. Восточные религии более ориентированы на изучение мироздания в целом, а также внутреннего мира человека. Эксперты от восточных религий действительно продемонстрировали хорошее знание современной физики, космологии и психологии. Библейские религии больше ориентированы на историю сотворения человека, развитие человеческого рода вообще и историю еврейского народа, в частности. Не удивительно, что история здесь рассматривается как

основная наука, которая может подтвердить библейские представления. Лидерство биологии и генетики среди естественных наук также обусловлено тем, что они имеют непосредственное отношение к происхождению жизни и человека. Физика, космология и психология пользуются меньшей популярностью у экспертов от библейских религий, т.к. они только косвенно относятся к библейским верованиям и не могут точно и однозначно подтвердить содержание Священного Писания.

Что касается научных теорий и исследований, доказывающих религиозные представления, то их выбор в двух группах экспертов имел свою специфику. Для представителей библейских религий большое значение имеют исторические, археологические и лингвистические исследования, подтверждающие существование процессов и событий, описанных в Священном Писании. Их вообще больше интересуют гуманитарные исследования в различных направлениях, например, изучение формирования и развития понятий, ценностей, различных культурных явлений, в том числе влияние религиозных ценностей на развитие общества и т.п.

У экспертов от восточных религий интерес к историческим исследованиям крайне низкий. Вместо этого они обращают свое внимание на квантовую физику, которая доказывает одно из самых важных представлений всех восточных религий о взаимосвязи всех объектов и явлений во Вселенной. Также отмечается важность изучения сознания человека вообще и, особенно, его изменений в процессе духовного развития, например, получение опыта установления отношений с Богом или достижения состояния просветления. Например, один из респондентов считает, что в Священных Писаниях приводятся пошаговые инструкции для экспериментатора – человека, вступившего на духовный путь, – с контрольными тестами после каждого этапа и условиями перехода на следующий уровень. Там же описывается конечная цель этого эксперимента и то, что испытывает человек, достигший этого высшего уровня. Этот процесс можно и нужно изучать научно, и это делают те направления современной психологии, которые исследуют духовное

развитие человека, например, гуманистическая и трансперсональная психология.

Среди тех, кто считает невозможным научное доказательство религиозных представлений, большинство объясняет это ограниченностью эмпирического опыта человека, а также научных методов, основанных на нем. Эти эксперты склонны жестко разделять предметы изучения физики и метафизики, полагая, что трансцендентный мир нельзя изучать с помощью науки. С их точки зрения, наука и религия изучают разные объекты реальности, причем часть реальности, изучаемая религией, гораздо шире и сложнее. Вследствие этого, научные методы для этого в принципе не подходят.

Вместе с тем, некоторые эксперты придерживаются более мягкой позиции по этому вопросу, и она достаточно сильно обусловлена типом их религиозного мировоззрения. Для представителей библейских конфессий традиционно большое значение имеет вера человека, его убежденность в каких-либо принципах и идеалах. В связи с этим одним из респондентов, например, было высказано мнение, что «научные теории вообще не доказывают и не опровергают религиозные представления. Ученые собирают различные данные, а научные теории - просто разные интерпретации этих данных, которые могут быть сделаны либо в религиозном контексте, либо в контексте материалистическом и атеистическом. Это зависит от мировоззрения ученого, от его общего взгляда на мир и веры в него».

Представители восточных религий предлагают более позитивное решение проблемы ограниченности научных методов познания. Они не отвергают возможности изменения самой науки с целью лучшего изучения духовных явлений. Например, один из экспертов предположил, что «это может потребовать введения новых научных концепций, которые будут отличаться от общепринятых теорий как квантовая и обычная физика, описывающие одну и ту же реальность, но на разных уровнях и поэтому противоречащие друг другу». Однако именно такой процесс развития науки может привести к ее радикальному изменению и полному доказательству религиозных представлений.

Отношение к проведению совместных исследований. Несмотря на разное отношение к возможностям науки, все опрошенные респонденты проявили высокую заинтересованность в проведении научных исследований предложенных им феноменов, традиционно считающихся религиозными. Большинство экспертов считает, что интересно и целесообразно изучать клиническую смерть и молитвенное состояние человека. Примерно треть респондентов выбрала для научного изучения медитацию и явления исцеления, а также экстрасенсорные способности человека и чудесные явления. В качестве предмета научного исследования, предложенного самими экспертами, было названо изучение влияния на материю звука молитв и мантр, различных состояний верующего человека во время поста, размышления, благоговения и т.д., а также в целом сознания человека и его изменение в процессе духовной практики. Также было указано на то, что изучение всего, что связано со сферой духовности, требует междисциплинарного подхода и серьезной подготовки, как научной, так и духовной, самих исследователей.

Меньшинство респондентов считает, что проводить подобные исследования нецелесообразно. Главным аргументом в пользу такой точки зрения стал акцент на практической стороне молитвы, медитации и других религиозных практик. Эта категория опрошенных считает, что научное изучение этих явлений ничего не прибавит к тому, что говорится в духовных учениях, и они настаивают на том, что важно не изучать молитву или медитацию, а заниматься ими. Также было высказано мнение, что вышеперечисленные явления касаются внешних аспектов духовной жизни, поэтому их изучение не имеет большого значения. Настоящий духовный опыт не может быть изучен обычными методами, к нему надо применять духовную методику, описанную в священных писаниях.

Заключение

Анализ полученных результатов показал, что для представителей религиозных конфессий в современной России характерно достаточно позитивное отношение к научному сообществу и заин-

тересованность в сотрудничестве с ним. При наличии соответствующих возможностей все опрошенные эксперты сочли необходимым не только проводить просветительскую деятельность по теме взаимодействия науки и религии, но и участвовать в совместных исследованиях.

На основе изучения общего отношения экспертов к науке был сделан вывод о том, что из трех представленных взглядов на взаимоотношения религии и науки в современном мире наименьшей популярностью пользуется позиция конфликта. Несмотря на все противоречия между научным и религиозным мировоззрением, а также ограниченность научного метода познания, эксперты в основном не видят в этом причин для конфликта. Однако стало также понятно, что среди представителей библейских религий больше сторонников идеи конфликтного противостояния религии и науки, чем среди представителей восточных религий. Многие из них считают, что в современном мире этот конфликт просто находится в скрытом состоянии, и о нем не принято говорить.

Тем не менее, самой распространенной точкой зрения стала позиция взаимодополнения и диалога науки и религии. Большинство экспертов рассматривают науку и религию как разные сферы познания и деятельности человека, поэтому им не понятна как позиция конфликта, так и синтеза. С этой точки зрения религии и науке нечего делить, но и объединять их тоже не имеет смысла. Взаимодополнение и диалог для опрошенных экспертов выражается в возможности использовать научные данные или теории для подтверждения своих взглядов. Показательно, что достаточно большой оптимизм в отношении возможности научного доказательства религиозных представлений сопровождается низким уровнем знаний в области современных научных теорий. Это явно указывает на низкую актуальность данного вопроса для опрошенных респондентов и отсутствие достаточно значимого мотива для восполнения своих знаний в сфере современной науки. С нашей точки зрения, сторонники рассматриваемой позиции хотели бы диалога с наукой, но не владеют необходимыми для этого знаниями. Только небольшое число

экспертов продемонстрировали достаточную компетентность для того, чтобы вести равный диалог с научным сообществом.

Что касается позиции, утверждающей возможность синтеза религии и науки в будущем, она тоже не является широко распространенной. В ходе исследования удалось выделить два основных фактора, обуславливающих принятие респондентами этой точки зрения. Это уровень образования и принадлежность к восточным религиям. Высшее светское образование, особенно, его естественнонаучный характер, а также наличие ученой степени в этой области дают возможность легко ориентироваться в современном научном знании и понимать, где и каким образом оно пересекается с религиозным мировоззрением. Принадлежность к восточным религиям формирует очень миролюбивое отношение к науке, обусловленное отсутствием конфликта между религией и наукой в истории восточных цивилизаций. Большинство из опрошенных экспертов, выразившие уверенность в возможном союзе религии и науки в будущем, представляли восточные религии и имели глубокие и всесторонние знания в области естественных наук.

Список литературы

1. Александер Д., Уайт Р. Наука и религия: друзья или враги? Христианский взгляд на последние научные достижения. Пер. с англ. СПб: Издательство «Шандал», 2009. 336 с.
2. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Религиозное и научное познание. М.: Научный эксперт, 2013. 344 с.
3. Барбур И. Религия и наука: история и современность. Пер. с англ. СПб: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001. 428 с.
4. Бонет Э. Основные принципы соотношения веры и разума в документе «Fidea et Ratio» // Наука и религия: в поисках единой картины мира: материалы международного «круглого стола», Москва, 19 марта 2015. М.: РИТМ, 2015. С.100 -107.
5. Бутру Э. Наука и религия в современной философии. Пер. с франц. М.: КРАСАНД, 2010. 360 с.
6. Докинс Р. Бог как иллюзия. Пер. с англ. М.: КоЛибри, 2010. 560 с.

7. Койне Дж. Традиция и сегодняшний день: религия и наука // Религия и культура: Реф. Сб. / РАН ИНИОН. М., 2000. 228 с. С.195-200.
8. Отюцкий Г. Религиозная и научная картина мира: точки соприкосновения и взаимодействия. // Наука и религия: в поисках единой картины мира: материалы международного «круглого стола», Москва, 19 марта 2015. М.: РИТМ, 2015. С. 7-14.
9. Щавелёв С.П. Демаркация типов знания: по «горизонтали» или по «вертикали» пространства культуры. // Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд. М.: ИФРАН, 2008. С. 25–29.
10. Barbour I. G. When Science Meets Religion: Enemies, Strangers, or Partners? San Francisco: Harper Collins Publishers, 2000. 224 p.
11. Coyne J.A. The Faith That Dare Not Speak Its Name. The case against intelligent design. // The New Republic. August 22 & 29, 2005. P. 21–33.
12. Coyne J.A. Faith Versus Fact: Why Science and Religion Are Incompatible. New York: Viking, 2015. 336 p.
13. Gould S.J. Rocks of Ages. Science and Religion in the Fullness of Life. New York: Ballantine Publishing Group, 1999. 222 p.
14. Polkinghorne J.C. Theology in the Context of Science. New Haven: Yale University Press, 2009. 166 p.
15. Polkinghorne J. Science and Religion in Quest of Truth. New Haven, Yale University Press, 2011. 160 p.

References

1. Alexander D., White R. *Nauka i religiya: druz'ya ili vragi? Hristianskij vzglyad na poslednie nauchnye dostizheniya* [Science and religion: friends or enemies? Christian view of the latest scientific achievements.] Translated from English. St. Petersburg, Shandal Publ., 2009, 336 p.
2. Bagdasaryan V.Je., Sulakshin S.S. *Religioznoe i nauchnoe poznanie*. [Religious and scientific knowledge]. Moscow, Nauchyi jekspert Publ., 2013, 344 p.
3. Barbour I.G. *Religiya i nauka. Istoriya i sovremennost'*. [Religion and Science: Historical and Contemporary Issues]. Translated from English. St. Petersburg, Bibleisko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreyana, 2000, 205 p.

4. Bonet J. Osnovnye printsiipy sootnosheniya very i razuma v dokumente “Fidea et Ratio” [The basic principles of the relation between faith and reason in the document “Fides et Ratio”]. *Nauka I religiya v poiskah ed-inoi kartiny mira: materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola* [Science and religion: in search of a unified picture of the world: materials of the international “round table”]. Moscow, Ritm Publ., 2015, pp. 100-107.
5. Butru J. *Nauka i religiya v sovremennoi filosofii* [Science and Religion in Modern Philosophy]. Translated from French. Moscow, Krasand Publ., 2010, 360 p.
6. Dawkins R. *Bog kak illyuziya* [The God Delusion]. Translated from English. Moscow, KoLibri Publ., 2010. 560 p.
7. Koine J. Traditsiya i segodnyashij den’: religiya i nauka. [Tradition and today: religion and science]. *Religiya i kul’tura* [Religion and culture]. Moscow, RAN INION Publ., 2000, pp. 195-200.
8. Otyutskiy G. I. Religioznaya i nauchnaya kartiny mira: tochki sopriko-snoveniya i vzaimodeistviya [Religious and scientific picture of the world: points of contact and interaction]. *Nauka i religiya v poiskah ed-inoi kartiny mira: materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola* [Science and religion: in search of a unified picture of the world: materials of the international “round table”]. Moscow, Ritm Publ., 2015, pp. 7-14.
9. Shchhavelev S.P. Demarkatsiya tipov znaniya: po “gorizontali” ili po “vertikalni” prostranstva kul’tury. [Demarcation of types of knowledge: Across and down of the the space of culture]. *Problema demarkatsii nauki i teologii: sovremennyy vzglyad* [The problem of demarcation of science and theology: the modern view]. Moscow, IF RAN Publ., 2008, pp. 25–29.
10. Barbour I.G. When Science Meets Religion: Enemies, Strangers, or Partners? San Francisco: HarperCollins Publishers, 2000, 224 p.
11. Coyne J.A. The Faith That Dare Not Speak Its Name. The case against intelligent design. *The New Republic*, 22nd & 29th August, 2005, pp. 21–33.
12. Coyne J.A. Faith Versus Fact: Why Science and Religion Are Incompatible. New York: Viking, 2015, 336 p.
13. Gould S.J. Rocks of Ages. Science and Religion in the Fullness of Life. New York: Ballantine Publishing Group, 1999, 222 p.

14. Polkinghorne J.C. *Theology in the Context of Science*. New Haven: Yale University Press, 2009, 166 p.
15. Polkinghorne J.C. *Science and Religion in Quest of Truth*. New Haven: Yale University Press, 2011, 160 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Клементьева Татьяна Николаевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
*Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Новосибирский государ-
ственный медицинский университет» Министерства здра-
воохранения Российской Федерации*
*Красный проспект, 52, г. Новосибирск, 630091, Российская
Федерация*
tklementyeva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tatyana N. Klementyeva, Cand. Phil. (Philosophy), Associate Profes-
sor, Department of Philosophy
Novosibirsk State Medical University
52, Krasniy Prospect, Novosibirsk, 630091, Russian Federation
tklementyeva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7314-4633>

Поступила 05.05.2022
После рецензирования 15.05.2022
Принята 02.06.2022

Received 05.05.2022
Revised 15.05.2022
Accepted 02.06.2022

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-116-125

УДК 81'23

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В РОМАНЕ Б. МАКЛАВЕРТИ
«GRACE NOTES»***И. Ерланкызы, О.А. Хрущева*

В работе представлены результаты анализа романа Б. МакЛаверти «Grace Notes», в частности тех текстовых фрагментов, где находят свое отражение эмоции главной героини. Авторы делают акцент на исследовании синтаксических средств выражения эмоционального состояния персонажа.

Обоснование. *Спектр эмоций, испытываемых героиней, показан писателем с уникальной глубиной и с помощью разнообразия художественных средств выразительности. В ходе анализа было выявлено, что преобладающее количество языковых средств является именно синтаксическими.*

Цель. *Цель данной работы – выявить и рассмотреть синтаксические средства выражения эмоций главной героини романа Кэтрин МакКенны, а также провести их лингвостилистический анализ.*

Материалы и методы. *В качестве материала работы выступают труды ученых-лингвистов по стилистике и категории эмотивности. При обработке материала был использован метод контент-анализа.*

Результаты. *В ходе исследования нами были выявлены и проанализированы 24 примера использования синтаксических средств выражения эмоций главной героини из текста романа Б. МакЛаверти «Grace Notes». Результаты исследования показали, что из общего количества примеров 11 выражают такую эмоцию, как горе (grief), 5 – печаль (sadness), 4 – интерес (interest), 2 синтаксических сред-*

ства выражают чувство удовлетворения (*satisfaction*), 1 – удивление (*surprise*). Благодаря выявлению синтаксических средств, использованных автором, мы можем проследить изменение эмоционального состояния главной героини романа, ее восстановление после потери близкого ей человека, а именно такой спектр эмоций, как *gore* (*grief*), печаль (*sadness*), интерес (*interest*), удовлетворение (*satisfaction*), удивление (*surprise, negative surprise*).

Область применения результатов. Исследование синтаксических средств выражения эмоций, использованных в романе, может послужить источником для выполнения дальнейших работ в схожем аспекте другими исследователями и позволит повысить качество анализа средств на всех уровнях языка.

Ключевые слова: средство; эмоции; чувства; повтор; синонимическая вариация; стилистическая инверсия; обособление

SYNTACTICAL MEANS OF EXPRESSING EMOTIONS IN BERNARD MACLAVERTY'S NOVEL GRACE NOTES

I. Erlankyzy, O.A. Khrushcheva

The paper presents the results of the analysis of B. McLaverty's novel Grace Notes, in particular, those text fragments that reflect the emotions of the main character. The authors focus on the study of syntactic means of expressing the emotional state of the character.

Background. *The range of emotions experienced by the heroine is shown by the writer with unique depth and with the help of a variety of expressive means. In the course of the study, it was revealed that the predominant number of language means are syntactic.*

Purpose. *The purpose of this work is to identify and consider the syntactic means of expressing Catherine McKenna's emotions, as well as to analyze them.*

Materials and methods. *The material of the survey is found in the works of linguists on style and the category of emotiveness. When analyzing the material, the method of content analysis was used.*

Results. *In the course of the study, we identified and analyzed 24 examples from the text of B. McLaverty's novel Grace Notes, that is, 24 cases of using the syntactic means of expressing the emotions of the main character. The results of the study showed that out of the total number of examples, 11 express the emotion of grief, 5 express sadness, 4 – interest, 2 syntactic means express a sense of satisfaction, 1 – a feeling of surprise.*

Thanks to the identification of the syntactic means used by the author, we can trace the change in the emotional state of the main character of the novel, her recovery after the loss of a person close to her, namely the following range of emotions: grief, sadness, interest, satisfaction, surprise.

Practical implications. *The study of the syntactic means of expressing emotions used in the novel can serve as a source for further work in a similar aspect by other researchers and might improve the quality of the analysis of means at all language levels.*

Keywords: *means; emotions; feelings; repetition; synonymous variation; stylistic inversion; isolation*

Изучению стилистической репрезентации различных явлений, в том числе эмоций, свои труды посвятили такие ученые, как И.В. Арнольд [1], И.Р. Гальперин [3], В.И. Шаховский [13; 14]. Языковые способы выражения эмоций подробно изучены в научных трудах И.А. Морозовой [5], Н.Н. Орловой [7], Л.Н. Петровой [8], Д.А. Романова [9], И.В. Романовой [10], М.С. Соболевой [11], Ж.В. Трофимовой [12]. В трудах Н.В. Баниной, М.В. Мельничук, В.М. Осиповой [2], С.В. Ионовой [4], М.Р. Нашхоевой [6] также рассматриваются языковые способы вербализации эмоций.

Практическая часть нашего исследования опирается на классификацию, составленную нами на основе типологий трёх американских психологов: П. Экмана, Р. Плутчика, К. Изарда; в ней нашли отражение 14 таких эмоций, как удовлетворение (satisfaction), интерес (interest), удивление (surprise), печаль (sadness), гнев (anger), страх (fear), радость (joy), отвращение (disgust), предвкушение (ожидание, причем «радостное» ожидание») (anticipation), доверие

(trust), горе (grief), презрение (contempt), стыд (shame), вина (fault). К методам исследования относятся лингвостилистический анализ художественного текста, метод сплошной выборки и статистической обработки фактического материала.

В ходе исследования нами были проанализированы синтаксические средства выражения эмоционального состояния персонажа.

Из общего количества примеров одиннадцать выражают горе (grief). В соответствии с результатами нашего исследования, горе (grief) репрезентируется через использование таких синтаксических средств, как синонимическая вариация (synonymic variation), односоставное (назывное) предложение (one-member (nominative) sentence), обособление (detachment), бессоюзие (asyndeton), повтор (repetition) и эллипсис (ellipsis).

Случаи выражения горя (grief) преобладают, так как с начала и до середины произведения автор показывает тяжелое эмоциональное состояние главной героини, так как она горевала и тосковала по своему умершему отцу: “There was *no future*. The only things which *were real were in the past*. The future doesn't exist. She was forced to look back because it was impossible to look forward”. В данном случае средством, использованным автором, является синонимическая вариация (synonymic variation).

Печаль (sadness) является второй по частоте выражения эмоцией после горя (grief). Это даёт нам понять, что Кэтрин МакКенна таким образом переходит на следующую стадию принятия смерти своего отца – печаль. Изначально она испытывала горе, а далее эта эмоция постепенно сменяется печалью, которая является менее трагической по степени выражения: “Each tread was *the same*, each thought was *the same*”. Синтаксическое средство, использованное автором, – повтор, эпифора (repetition, epiphora). Стилистическая функция данного средства заключается в том, чтобы сделать акцент на последних словах в предложении.

Такая эмоция, как интерес (interest) находит свое отражение в 4 примерах: присоединение (attachment), бессоюзие (asyndeton), обособление (detachment), частичная инверсия (partial inversion). По степени сложности указанная эмоция переживается в менее легкой

форме, нежели предыдущая (печаль). То есть, пианистка испытывает интерес к жизни в определенные моменты, что говорит о ее скором восстановлении: “She recalled it with great vividness, maybe because of the flu. Whatever viruses or chemicals were around in her brain had fixed the images and sounds forever. Now when she felt the flu coming on she needed *to write music, to work like a demon, to get things on paper*. And no matter what idea she put down it would lead to another idea. She truly worked “feverishly”. For a few hours at least. Until she took to her bed”. В приведенном нами примере автор использовал такое синтаксическое средство, как бессоюзие (asyndeton).

Удовлетворение (satisfaction) находит свое отражение в тексте через использование синонимической вариации (synonymic variation). Общее эмоциональное состояние героини романа тяжелое, как у любого человека, испытавшего потерю близкого, однако в определенные моменты жизни она испытывает чувство удовлетворения: “But slipping back was so awful ... it was *the last thing she wanted*”.

Из общего количества проанализированных нами примеров один выражает чувство удивления (surprise); оно выражено через использование такого синтаксического средства, как односоставное (назывное) предложение (one-member (nominative) sentence): “When Catherine took a look at her father, she was negatively surprised: “Aw, *Jesus ...*”.

Такая эмоция, как отвращение (disgust) передана автором через обособление (detachment), что может быть проиллюстрировано следующим примером: “Catherine could only manage two drinks. She hated the feeling of being out of control. *Or throwing up*”.

Заключение

Таким образом, роман Бернарда МакЛаверти «Grace Notes» полон описаний эмоций и чувств главной героини, Кэтрин МакКенны, так как он повествует о событиях в жизни музыканта, о её чувствах и переживаниях и эмоциональном состоянии в целом. Преобладающее количество примеров, проанализированных нами в ходе исследования, являются синтаксическими средствами их репрезентации в различных вариациях.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. М.: Флинта, 2002, 384 с. URL: <https://www.flinta.ru/book.php?id=129> (дата обращения: 03.06.2022)
2. Банина Н.В., Мельничук М.В., Осипова В.М. Основы теории и практики стилистики английского языка. М.: Финансовый университет, 2017. 136 с. URL: http://elib.fa.ru/fbook/Banina_60730.pdf/download/Banina_60730.pdf (дата обращения: 03.06.2022)
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 459 с. URL: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/GalperinIR/GalperinIR.pdf> (дата обращения: 03.06.2022)
4. Ионова С.В. Лингвистика эмоций – наука будущего // Известия ВГПУ. 2019. №1(134). С. 124-131. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/134/124-131.pdf> (дата обращения: 03.06.2022)
5. Морозова И.А. Языковые средства и способы выражения эмоций в лирике И.А. Бунина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 20 с. URL: <https://cheloveknauka.com/yazykovye-sredstva-i-sposoby-vyrazheniya-emotsiy-v-lirike-i-a-bunina> (дата обращения: 03.06.2022)
6. Нашхоева М.Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2011. №1(218). С. 95-98.
7. Орлова Н.Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект: на материале современной английской прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 25 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004329107.pdf?ysclid=I3y7axa2c (дата обращения: 03.06.2022)
8. Петрова Л.Н. Языковые средства выражения эмоций в английском языке // Научный диалог. 2017. № 6. С. 72-82. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-6-72-82>
9. Романов Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: На материале русского языка: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Белгород, 2004. 48 с. URL: <https://>

- new-disser.ru/_avtoreferats/01002748782.pdf?ysclid=13y7cmjtl4 (дата обращения: 03.06.2022)
10. Романова И.В. Языковые способы выражения эмоций во французском художественном тексте (на материале романа Амели Нотомб «Катилинарии») // Вестник КемГУ. 2013. №2(54). С. 148-151. URL: <https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/156> (дата обращения: 03.06.2022)
 11. Соболева М.С. Способы выражения эмоций в английском языке // Вестник науки. 2018. №8(8). С. 61-65. URL: <https://www.xn---8sbempclcwd3bmt.xn--plai/article/248> (дата обращения: 03.06.2022)
 12. Трофимова Ж.В. Способы языкового выражения эмоций в психологической прозе К. Мэнсфилд: когнитивно-лингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011. 23 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004955167.pdf?ysclid=13y7ed187u (дата обращения: 03.06.2022)
 13. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
 14. Шаховский В.И. Типы языковых значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20-26.
 15. MacLaverly B. *Grace Notes*. London: Vintage Books, 1998, 277 p.

References

1. Arnol'd I.V. *Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk: uchebnik dlja vuzov* [Stylistics. Modern English: a textbook for universities]. Moscow: Flinta Publ., 2002, 384 p. <https://www.flinta.ru/book.php?id=129>
2. Banina N.V., Mel' nichuk M.V., Osipova V.M. *Osnovy teorii i praktiki stilistiki anglijskogoazyka*. [Fundamentals of the theory and practice of English stylistics]. Moscow: Finansovyy universitet Publ., 2017, 136 p. http://elib.fa.ru/fbook/Banina_60730.pdf/download/Banina_60730.pdf
3. Gal'perin I.R. *Ocherki po stilistike angliyskogoazyka*. [Essays on the style of the English language]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykhazykakh, 1958, 459 p. <http://www.helpforlinguist.narod.ru/GalperinIR/GalperinIR.pdf>

4. Ionova S.V. Lingvistika emotsiy – nauka budushchego [Linguistics of emotions – the science of the future]. *Izvestiya VGPU* [VGPU Bulletin], 2019, no. 1(134), pp. 124-131. <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/134/124-131.pdf>
5. Morozova I.A. *Yazykovye sredstva i sposoby vyrazheniya emotsiy v lirike I.A. Bunina*. [Language means and ways of expressing emotions in the lyrics of I.A. Bunin]. Voronezh, 1999, 20 p. URL: <https://cheloveknauka.com/yazykovye-sredstva-i-sposoby-vyrazheniya-emotsiy-v-lirike-i-a-bunina> (accessed June 03, 2022)
6. Nashkhoeva M.R. Lingvisticheskaya kontseptsiya emotsiy i emotivnosti teksta [Linguistic concept of emotions and text emotiveness]. *Vestnik YuUrGU* [SUSU Bulletin], 2011, no. 1(218), pp. 95-98.
7. Orlova N.N. *Yazykovye sredstva vyrazheniya emotsiy: sintaksicheskij aspekt: na materiale sovremennoj angliyskoy prozy* [Language means of expressing emotions: syntactic aspect: on the material of modern English prose]. Abstract of PhD dissertation. Rostov-na-Donu, 2009, 25 p. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004329107.pdf?ysclid=l3y7axa2c (accessed June 03, 2022)
8. Petrova L.N. Yazykovye sredstva vyrazheniya emotsiy v angliyskom yazyke [Language means of expressing emotions in English]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2017, no. 6, pp. 72-82. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-6-72-82>
9. Romanov D.A. *Yazykovaya reprezentatsiya emotsiy: urovni, funkcionirovanie i sistemy issledovaniy: Na materiale russkogo yazyka* [Language representation of emotions: levels, functioning and research systems: On the material of the Russian language]. Abstract of PhD dissertation. Belgorod, 2004, 48 p. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002748782.pdf?ysclid=l3y7cmjtl4 (accessed June 03, 2022)
10. Romanova I.V. *Yazykovye sposoby vyrazheniya emotsiy vo frantsuzskom khudozhestvennom tekste (na materiale romana Ameli Notomb «Katilinarii»)* [Linguistic ways of expressing emotions in a French literary text (based on Amelie Nothombe's novel *Catilinaria*)]. *Vestnik KemGU* [KSU Bulletin], 2013, no. 2(54), pp. 148-151. <https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/156>

11. Soboleva M.S. Sposoby vyrazheniya emotsiy v angliyskom yazyke [Ways of expressing emotions in English]. *Vestnik nauki* [Science Bulletin], 2018. no. 8(8), pp. 61-65. <https://www.xn----8sbempclwd3bmt.xn--plai/article/248>
12. Trofimova Zh.V. *Sposoby yazykovogo vyrazheniya emotsiy v psikhologicheskoy proze K. Mensfeld: kognitivno-lingvisticheskiy aspekt* [Ways of linguistic expression of emotions in psychological prose K. Mansfield: cognitive-linguistic aspect]. Abstract of PhD dissertation. Ufa, 2011, 23 p. https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004955167.pdf?ysclid=I3y7ed187u
13. Shakhovskiy V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy: monografiya* [Linguistic theory of emotions: monograph]. Moscow: Gnozis, 2008, 416 p.
14. Shakhovskiy V.I. Tipy yazykovykh znacheniy emotivnoy leksiki [Types of language meanings of emotive vocabulary]. *Voprosy yazykoznavaniya* [Questions of Linguistics], 1994, no. 1, pp. 20-26.
15. MacLaverty B. *Grace Notes*. London: Vintage Books, 1998, 277 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ерланкызы Инжумаржан, студент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, город Оренбург, 460018, Российская Федерация
24062000inzhu@mail.ru

Хрущёва Оксана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, город Оренбург, 460018, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Inzhumarzhan Erlankyzy, Student of the Faculty of Philology
Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
24062000inzhu@mail.ru

Oksana A. Khrushcheva, Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of English Philology and
Methods of Teaching English
Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
SPIN-code: 2452-4588
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5640-4165>
Scopus Author ID: 552903

Поступила 01.05.2022
После рецензирования 31.05.2022
Принята 09.06.2022

Received 01.05.2022
Revised 31.05.2022
Accepted 09.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-126-141

УДК 81-25

ОБРАЗ КИТАЙСКОЙ ЕДЫ И ЛЮДЕЙ В ОТЗЫВАХ РОССИЙСКИХ ТУРИСТОВ О КИТАЕ

Сунь Вэйфан

Цель. Настоящее исследование посвящено выявлению лексико-репрезентативных характеристик китайской еды и людей в отзывах русских туристов о Китае.

Методы или методология проведения работы. Методами исследования послужили описательный метод, включающий приёмы наблюдения, обобщения, контент-анализа и сравнения; метод сплошной выборки и анализа лексических единиц.

Результаты. В статье представлены результаты анализа лексико-репрезентативных характеристик китайской еды и людей в отзывах русских туристов, размещённых на интернет-сайтах и в социальных сетях. В работе представлены такие критерии, как названия блюд, внешний вид, вкус и аромат, ингредиенты, виды напитков, организация места питания, цены, а также культура питания.

Область применения. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения изложенных теоретических положений и практических результатов исследования в лекционных курсах по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: туристический дискурс; социальная сеть; отзыв туриста; китайская еда; китайцы

LEXICAL REPRESENTATION OF FOOD AND THE CHINESE PEOPLE CHARACTERISTICS IN THE REVIEWS OF RUSSIAN TOURISTS ON CHINA

Sun Weifang

Purpose. This study is devoted to identifying lexical and representative features of Chinese food and people in the reviews of Russian tourists on China.

Methodology. *The study is based on the descriptive method, including observation, generalization, content analysis and comparison; continuous sampling method and analysis of lexical units.*

Results. *This study presents the results of the analysis of lexical and representative features of Chinese food and people in the reviews of Russian tourists posted on Internet sites and social networks. The study presents criteria such as: name, taste, appearance, products for manufacturing, nutritional values of Chinese people within the framework of food, according to which Russian tourists evaluate Chinese food.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in teaching culture-oriented linguistic and cultural studies.*

Keywords: *tourist discourse; social network; tourist review; Chinese food; Chinese people*

Введение

Актуальность настоящей работы определяется вниманием современной лингвистики к исследованию особенностей туристического отзыва. Изучение отзывов – одно из актуальных направлений в современной парадигме лингвистических исследований. Появление и развитие в современном мире новых информационных технологий привело к существенным изменениям в различных сферах человеческой деятельности, в том числе и в сфере общения. С развитием технологий появились и специальные площадки для публикации туристических интернет-отзывов. Такие интернет-площадки могут быть разделены на сайты профессиональных туристических организаций и сервисов бронирования [10, с. 333]. Также возникают самостоятельные веб-порталы, например, IRecommend, где туристы могут обменяться мнениями не только в сфере туризма, но и в сфере продуктов и услуг. В популярных социальных сетях, таких как ВКонтакте и Инстаграм, также возникают сообщества о туризме, где туристы активно обсуждают впечатления о своей поездке и ищут новые направления для путешествия. В последнее время многие исследователи обращают внимание на изучение интернет-отзывов в туристическом дискурсе (Е.Ю. Аликина, Л.Ю. Говорунова,

Д.И. Егорова, Л.Р. Сакаева). Кроме того, национально-культурная специфика речевого поведения туристов имеет большое значение в современной коммуникации и влияет на эффективность межкультурной коммуникации: «Для современных коммуникативных практик актуально выявление национально-культурной специфики речевого поведения туристов, влияющей на эффективность межкультурной коммуникации в активно развивающейся сфере туризма» [3, с. 198]. Исследование туристических отзывов русских туристов также способствует углублению понимания русской культуры, поскольку дает представление о мнениях групп иностранных потребителей, тем самым внося вклад в корпус лингвистической теории на теоретическом уровне, а также способствует всестороннему пониманию специфического состояния представлений иностранных туристов о туризме в КНР.

Новизна исследования заключается в том, что впервые осуществляется изучение лексических особенностей характеристик китайской еды и самих китайцев на материале текстов туристических отзывов.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили тексты отзывов русских туристов о Китае. Источником являются официальные сайты туристических агентств: Тонкости туризма (<https://tonkosti.ru/>), Туризм.ру (<https://www.turizm.ru>); официальный сайт Интернет-площадки для размещения отзывов: Irecommend (<https://irecommend.ru/>); официальный сайт клуба путешественников: Turtella (<https://turtella.ru>); социальные сети Вконтакте (<https://vk.com>) и Инстаграм (<https://www.instagram.com>). В ходе исследования были проанализированы 108 отзывов, оставленных в период с 2006 г. по 2021 г., в которых выражены концепты «китайская еда» и «китайцы». Отзывы отобраны из раздела «Отзывы о Китае» (https://tonkosti.ru/Отзывы_о_Китае) на официальном сайте туристического агентства «Тонкости туризма» и раздела «Отзывы туристов» (<https://www.turizm.ru/china/>) на сайте туристического агентства Туризм.ру.

Примеры взяты из сообществ в социальной сети ВКонтакте «Туризм в Китае» (<https://vk.com/tourisminchina>), «Вся информация о Чжанцзяцзе» (<https://vk.com/avatartrip>), «Учебная поездка в Китай (г. Вэйхай)» (<https://vk.com/weihai>), «ТАРТУС ТУР – Горящие туры в Китай!» (<https://vk.com/tartustourhainan>), «Учёба в Китае! Курсы китайского языка! Языковой тур!» (https://vk.com/china_bao), «Китай» (<https://vk.com/kitay1>). Примеры из социальной сети Инстаграм отобраны по хэштегу «поездка в Китай».

Результаты и обсуждение

Понятие «дискурс» стало активно использоваться с середины 1970-х гг. Американский ученый З. Харрис определил дискурс как «сложное высказывание, которое состоит из нескольких предложений» [14, р. 23]. Другие исследователи рассматривают дискурс как «языковое выражение или языковой коррелят определённой общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность» [13, с. 135-135]. С развитием глобальной сети Интернет и появлением виртуального дискурса с его специфическими характеристиками стало возможным говорить об образовании такого комплексного явления, как туристический интернет-дискурс, который представлен различными речевыми жанрами (сайты отелей и турагентств, туристическая интернет-реклама, рассказы путешественников в блогах, живых журналах, сообщения на форумах путешествий) [2, с. 1]. Под интернет-отзывом понимается асинхронное речевое произведение, размещённое в Сети, содержащее мнение автора о продуктах и услугах [9, с. 150]. Интернет отзыв – это «речевой жанр, реализующийся в рамках жанра коммуникативного события – асинхронной виртуальной коммуникации» [Там же]. В работе И.В. Савельевой интернет-отзыв определяется как «сообщение о реальном событии из личной жизни субъекта, опосредованное электронным средством передачи, написанное автором, который, как правило, совпадает с субъектом сообщения, содержащее мнение данного субъекта об

определенном товаре или услуге, и предназначенное для неограниченного числа адресатов» [10, с. 334]. С появлением онлайн-площадок туристы получили возможность выразить свое мнение о субъектах и объектах туристической сферы, и интернет-отзыв стал наиболее перспективным туристическим жанром [8, с. 62]. На настоящий момент довольно полное описание получили интернет-отзывы в туристическом дискурсе.

Благодаря интенсивному процветанию мировой экономики в настоящее время туристическая индустрия быстро развивается, став важным сектором экономики. Е.Ю. Аликина определяет туристический дискурс следующим образом: «Туристический дискурс — это совокупность текстов, представляющих собой продукт речевой деятельности в сфере туризма» [1, с. 60]. Эту точку зрения разделяют такие ученые, как Л.Р. Сакаева и Л.В. Базарова. Они определяют туристический дискурс как коммуникацию в туристической сфере, которая обладает национальной спецификой и многоаспектным характером [10, с. 160]. По их мнению, туристические дискурсы разделяются на «вербальные» и «невербальные» жанры. Вербальные жанры включают диалог туроператора и экскурсию, проводимую гидом. А к невербальным жанрам могут быть отнесены тексты в письменных и печатных формах: брошюры, буклеты, путеводители, туристические справочники, энциклопедии [Там же].

Туристический отзыв в социальных сетях — это новая форма взаимодействия путешественников. Л.М. Гончарова определяет отзыв туриста как один из жанров тревел-текста [5, с. 775]. На многих сайтах гостиниц и турагентств можно оставлять комментарии о своих путешествиях или условиях турагентства, описать свои впечатления, дать советы другим туристам или потенциальным туристам. Прежде чем планировать своё путешествие или выбрать какой-нибудь тур, поехать в какое-нибудь место, многие предпочитают узнать мнение тех, кто уже воспользовался той или иной услугой. Таким образом, изучение туристического отзыва в социальных сетях стало особенно актуальным. Л.Ю. Говорунова определяет интернет-отзыв туриста как «оформленный тип высказывания, содержащий авторскую

оценку туристических услуг или продуктов, размещенный в сети Интернет после путешествия или получения автором оцениваемой услуги» [4, с. 43]. Она считает, что «интернет-отзыв туриста» – это «тип высказывания, содержащий авторскую оценку туристических услуг или продуктов, размещенный в сети интернет после путешествия или получения автором оцениваемой услуги / продукта». В нашем исследовании понятие «туристический комментарий в социальных сетях» понимается сходным с понятием «интернет-отзыв туриста». Оно представляет собой тип высказывания в социальных сетях в разделе «комментарии», которое содержит мнения и оценки интернет-пользователей, о каком-то определенном месте, услугах турагентств и советы другим туристам или потенциальным туристам [Там же]. Д.И. Егорова рассматривает интернет-отзыв туриста как «оформленный тип текста, содержащий авторскую оценку путешествия и сопутствующих ему туристических услуг, размещенный в сети Интернет с целью обмена информацией между туристами» [6, с. 138]. Таким образом, интернет-отзыв туриста определяется как сообщение или высказывание о реальном событии из личной жизни субъекта, размещенный в сети Интернет с целью обмена информацией между туристами, содержащий авторскую оценку туристических услуг или продуктов.

В последнее время обращают внимание на изучение проблемы взаимодействия языка и культуры. Анализ культурных концептов важен для выявления универсального и специфического восприятия реальности носителей данного языка. В.И. Карасик утверждает, что концепт как единица культуры есть «фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [7, с.139]. Концепт «еда» приобретает огромное значение в сознании каждой национальности. Феномен еды в современном обществе характеризуется как основополагающая часть культурно-бытового уклада жизни человека [12, с. 71]. В нашем исследовании выявлены характеристики отзывов русских туристов о Китае в социальных сетях.

Нами не было обнаружено нейтральных комментариев, при этом 69% авторов отзывов дают положительную оценку китайской

кухне, используя такие прилагательные, как «незабываемый», «изумительный», «полезный», «низкокалорийный», «вкусный», «красивый»: например, «*Это самый забываемый чай в моей жизни. Честно, мы не любители чая, но этот приготовлен по особенно-му рецепту*» (Кира, 16 февраля 2018 г., <https://www.turizm.ru>); «*Вы будете поражены, удивлены, потрясены, но никогда не забудете изумительный вкус многих блюд*» (translation.okis, 09 июня 2020 г., <https://tonkosti.ru/>); «*Кстати, пища в Китае очень полезная и низкокалорийная*» (Contact, 26 июня 2013 г., <https://tonkosti.ru/>). А 31% авторов – негативную оценку: «*Не доводилось лакомиться китайскими деликатесами 🙄*» (molodaya_loshad, 24 июня, 2019 г., instagram); «*Пусть меня закидают танками и помидорами, но не люблю я китайскую еду, за редким исключением*» (Лариса, 29 марта 2018 г., <https://www.turizm.ru>).

Для характеристики китайской кухни чаще всего указываются названия блюд, внешний вид, вкус и аромат, ингредиенты, виды напитков, организация места питания, цены, а также культура питания.

Названия блюд

В отзывах русских туристов о китайской еде важное место занимают названия китайских блюд и напитков, такие как «*Те Гуаньинь*», «*свинина Гу Бао Джоу*», «*утка по пекински*», «*китайский самовар*», «*Хогу*», «*пельмешки димсамы*», «*Рыба с мандариновым джемом*», «*Свинина в карамельном соусе*», «*Хеле Краб (Hele Crab)*», «*Курица Вэньчан (Wenchang Chicken)*», «*Баранина Доншан (Dongshan Mutton)*», названия фруктов: «*папайя*», «*хлебное дерево*», «*манго*», «*мангустин*», «*личи*», «*дуриан*». Среди китайских блюд самым популярным блюдом для русских туристов является «*утка по-пекински*» (7 упоминаний при 50 отобранных примерах): «*Побывать в Китае и не попробовать настоящую «Утку по-пекински» было бы крайне глупо.*» (Вероника, 23 января 2014, turtella.ru). Второе место занимает «*Свинина Гу Бао Джоу*»: «*Приехав на юг страны, обязательно стоит отведать свинину в кисло-сладком соусе. Необычное сочетание жирного мяса и сладкого соуса позволит насладиться блюдом*» (Марина Сергиенко, 06 ноября 2014 г., turtella.ru).

Внешний вид

Русские туристы часто описывают китайскую еду по ее внешнему виду. Китайская еда представляется красивой: «*А как красиво выглядели...*» (Шухер, 12 апрель 2018 г. <https://www.turizm.ru>), «*мммм выглядит очень аппетитно!*» (Евгения Чебаненко, 11 января 2021 г., ВКонтакте).

Вкус и аромат

Русских туристов впечатляет вкус китайской кухни. В 22% отобранных нами примерах китайскую еду определяют «вкусной»: «*У них очень вкусные йогурты*» (Ольга Бекешева, 18 июня 2020 г., ВКонтакте). Китайская кухня воспринимается русскими туристами как «*божественная*», «*потрясающая*», «*изумительная*», «*неземная*»: «*Китай – это потрясающая кухня*», «*Он был просто неземной!*» (translation.okis, 09 июня 2020 г., <https://tonkosti.ru/>). В то же время вкус китайской еды многие русские туристы определяют как «*странный*», «*непонятный*». Так, в 18% зафиксированных нами примеров авторы характеризуют китайскую еду как «необычную», например: «*В китайских супермаркетах можно высмотреть необычные на наш взгляд товары*» (Ольга Ермоленко, 8 марта 2018 г., <https://www.turizm.ru>); «*Ужин у нас был очень необычный для русского, но привычный для китайца.*» (Дарья, 26 ноября 2017 г., <https://www.turizm.ru>). Русские не привыкли к смешанному вкусу и удивляются, что в китайских супермаркетах продается «сладкая копченая колбаса, мясные конфеты из филе акулы, куриные копченые лапки», «пирожное, по вкусу и внешнему виду слепленное из крабовых чипсов», «картофельные чипсы со вкусом шоколада, лимона, огурца, меда». Китайская еда впечатляет русских туристов «сладким», «кисло-сладким», «острым» вкусом: «*Обожаю нетривиальные сочетания в еде и особенно кисло-сладкий соус ♥*» (karina.pofashion, 23 июня, 2019 г., Instagram). По результатам нашего исследования можно сделать вывод о том, что русские отдают предпочтение сладкому вкусу, который также является очень важным стандартом для оценивания еды, поскольку 30% из найденных нами отзывов о китайской еде являются обсуждением сладкого вкуса

китайской еды: *«Пекинская кухня вся сладкая. Самая вкусная еда сбалансирована на севере Китая»* (kostenko.ekaterina, 13 октября 2019 г., Instagram).

Китайская кухня отличается использованием различных специй, пряностей, соусов. По такому критерию русские называют китайскую еду «довольно специфичной»: *«То ли суп, то ли пельмени со свойственным только китайским блюдам ароматом и набором специй. Вообще, китайская кухня довольно специфична и не всем по вкусу»* (Дарья, 26 ноября 2017 г., <https://www.turizm.ru>).

Несмотря на то, что не всем туристам нравится китайская кухня, сами туристы считают, что это во многом связано с тем, что русским туристам непривычно есть китайскую еду: *«Возможно, все дело во вкусовых предпочтениях и привычках.»* (Лариса, 29 марта 2018 г., <https://www.turizm.ru>), *«Вопрос привычки. Я люблю азиатскую кухню. И японскую, и китайскую»* (mary_shik_, 24 июня, 2019 г., Instagram), *«Пусть меня закидают тапками и помидорами, но не люблю я китайскую еду, за редким исключением. Возможно, у меня просто было мало практики.»* (Лариса, 29 марта 2018 г., <https://www.turizm.ru>).

Продукты для приготовления

Русских туристов удивляет, что китайцы могут приготовить еду из всевозможных продуктов: *«Меня усаживают за стол и как-то странно вопросительно смотрят. Наконец Леша озвучивает вопрос: «Ты собаку ешь?» Все замирают в ожидании моего ответа»* (DanielYozhik, 29 июля 2015 г., <https://www.turizm.ru>); *«Китайцы едят все, что движется и летает, шевелиться кроме самолетов»* (Лариса, 29 марта 2018 г., <https://www.turizm.ru>).

Напитки

Типичным китайским напитком для русских туристов является китайский чай. В отзывах русских туристов встречаются следующие названия китайского чая: *«Те Гуаньинь», «имбирный чай»* («Внутри бесплатно предоставляют имбирный чай.») (Кира, 16 февраля 2018 г., <https://www.turizm.ru>). При характеристике китайского чая указывается вкус и аромат, цвет чая, привычки чаепития, место его хране-

ния: *«Зеленый чай у китайцев несомненно в фаворе, в отличие от черного. Бесконечное разнообразие сортов, видов скрутки чайных листочков, и т.д.»* (Ася, 22 мая 2018 г., <https://www.turizm.ru>).

Организация места питания

Русские туристы обращают внимание на то, где и как китайцы питаются. Русские туристы замечают, что во многих китайских ресторанах клиенты могут сами выбирать продукты для приготовления, что помогает им понять, насколько свежими являются эти продукты. Эта привычка кажется русским туристам немного странной: *«Сначала вы проходите мимо сотен клеток, вольеров, аквариумов, где ходят, ползают и плавают разные виды куриц, змей, ящериц, рыб.»* (translation.okis, 09 июня 2020 г., <https://tonkosti.ru>).

По результатам нашего исследования было выявлено, что русские туристы также интересуются и китайской уличной едой: *«Мы вернулись на ту же станцию, с которой стартовали. Около неё под открытым небом жарили что-то гриль... Прямо на столе лежат различные виды еды в сыром виде. То, что показалось знакомым или вызывало доверие, мы попросили приготовить»* (Дарья, 26 ноября 2017 г., <https://www.turizm.ru>). Что касается китайской уличной еды, авторы комментариев описывают ее более выразительно: *«Китайцы круглые сутки там сидят и что-то жуют, даже поздно вечером или рано утром, многие забегаловки выглядят очень обширными, где-то можно увидеть как собственно готовят блюда и это не стерильные кухни с белыми стенами»* (Лариса, 29 марта 2018 г., <https://www.turizm.ru>).

Цены на еду

В отзывах также встречаются описания цен: *«Цены на еду в Хуньчуне очень приятные»* (Вероника, 16 января 2014 г., turtella.ru). По результатам нашего исследования цены на китайскую еду представляются русским туристам доступными, стандартной характеристикой в отзывах выступает прилагательное «дешёвый». Исключением является кофе, который остается «дорогим»: *«В Пекине очень дорогой кофе. Хлеб тоже дорогой»* (anton_borodachev, 13 октября 2019 г., [Instagram](https://www.instagram.com)).

Культура питания

На основании уже выявленных характеристик логично предположить, что китайский народ впечатляет русских туристов своей необычной культурой питания. Так, туристы замечают, что порции блюд в Китае очень большие: *«они подаются на компанию, а не на отдельного человека»* (Лариса, 29 марта 2018 г., <https://www.turizm.ru>). В китайской культуре принято, чтобы еды было много. Поэтому, угощая гостей, хозяин всегда боится, что еды может оказаться недостаточно, и готовит большие порции. Только тогда хозяин будет чувствовать себя достойно и комфортно [15, p. 127]. Во-вторых, отличительной особенностью китайских заведений для русских туристов является «шум». Туристы говорят, что *«Когда китайцев больше, чем один, они очень и очень шумные. Мне кажется, они вообще тихо не умеют разговаривать»* (Travelworld, 29 августа 2020 г., <https://irecommend.ru/>). Здесь стоит обращать внимание на то, что китайцы предпочитают ужинать всей семьей: *«Ходят ужинать семьями или компаниями. Для этого установлены специальные круглые столы с вращающейся подставкой»* (Лариса, 29 марта 2018 г., <https://www.turizm.ru>). Значимость семьи является основой системы китайских ценностей: согласно китайским традициям, люди, которые уходят из дома, считаются психически неуравновешенными, теми, кто не понимает ценность домашнего очага. [16, p. 20]. Семейные ужины – это самое простое выражение ценности семьи в жизни китайцев.

Кроме того, русские туристы определяют китайцев как «небрежных»: *«Плюют и харкают. У них, кажется, нет таких правил приличия как у нас»* (prostotak, 22 март 2013 г., <https://irecommend.ru/>); *«Вода там очень грязная, т.к. китайцы чистоплотностью не особо грешат»* (SCORPION84, 31 январь 2017 г., <https://irecommend.ru/>). Действительно, во время приема пищи китайцы не обращают должного внимания на свое поведение: *«Даже в статусных ресторанах под столом можно обнаружить накиданные кости. Либо их складывают на стол»* (Лариса, 29 марта 2018 г., <https://www.turizm.ru>). За свою долгую историю китайцы накопили много привычек, которые неприемлемы как для иностранцев, так и для самих

современных китайцев. Изучая отзывы туристов, мы заметили, что проблема гигиены китайцев во время еды и в местах приема пищи стала серьезной и уже оставила негативное впечатление о стране.

Заключение

Проанализировав результаты исследования, мы пришли к следующим выводам:

1. Отзывы туристов на различных социальных сетях выполняют оценочную функцию. Анализ текстов показывает, что в них аккумулируется информация о специфике китайской культуры и китайской национальной картины мира, национального характера китайцев.

2. С точки зрения смыслового наполнения отзывов о китайской еде, российские туристы обращают внимания на такие особенности, как *названия блюд, внешний вид, вкус и аромат, ингредиенты, виды напитков, организацию места питания, цены, а также культуру питания*. Китайская еда по внешнему виду в отзывах характеризуется с использованием эпитетов *«красиво», «выглядит аппетитно»*. Вкус китайской еды для русских туристов кажется *«необычным»*. Для описания такого впечатления используются лексемы *«странный», «необычный», «непонятный», «кисло-сладкий», «удивительный», «приятный», «неприятный»*.

3. В отзывах о еде представлены такие заголовки, как *«организация и обстановка питания»* и *«разнообразии продуктов»*. Китайские рестораны характеризуются следующими эпитетами: *«птичий рынок», «странный», «непонятный»*. Особое внимание уделяется в отзывах туристов уличной еде в Китае. Китайская еда впечатляет российских туристов тем, что в традиционной китайской кухне возможности использования продуктов для приготовления еды представляются *«безграничными»*.

4. Чаепитие в Китае определяется русскими туристами как *«церемония»*. Обращается внимание на такие аспекты, как *названия чая, цвет и традиции чаепития*. Восхищение российских туристов по отношению к китайскому чаю выражается такими эпитетами, как *«божественный», «шедевр», «церемония», «волшебство»*.

Список литературы

1. Аликина Е.Ю. Особенности функционирования метафоры в туристском дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4. С. 80-86.
2. Аникина Т.В. Особенности языкового оформления интернет-отзыва туриста // Инновационные технологии в науке и образовании. 2016. № 3(7). С. 1–7.
3. Говорунова Л.Ю. Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 198-203.
4. Говорунова Л.Ю. Речевой жанр «Интернет-отзыв туриста» в разных типах дискурса // Известия ВГПУ. 2014. № 2(87). С. 43-47.
5. Гончарова Л.М., Курченкова О.В. Трэвел-тексты и их роль в современном туристическом дискурсе // Тезисы докладов XIX Кирилло-Мефодиевских чтений: Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур. М., 2018. С. 774-777.
6. Егорова Д.И. Речевой жанр интернет-отзыв туриста в англоязычном туристическом дискурсе // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации. 2017. С. 137-141.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Липириди С.Х. Семантико-аксиологические и когнитивно-прагматические особенности сетевых английских неологизмов туристического дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар. 2021. 221 с.
9. Погорелова И.В. Лингвосемиотический аспект интернет-отзыва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017, № 10-3 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvosemioticheskiy-aspekt-internet-otzyva> (дата обращения: 19.02.2022).
10. Савельева И.В. Отзыв туриста как вид коммуникативной практики (на материале отзывов о Кузбассе) // Современная коммуникативистика: наука – практика – специальность. 2020. С. 332-343.

11. Сакаева Л.Р., Базарова Л.В. Понятия «туризм» и «туристический дискурс» в современной научной парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-1. С. 159-161.
12. Судина Л.В. Особенности концепта «еда» в рекламном радиодискурсе // Вестник СВФУ, 2021. № 2(82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kontsept-a-eda-v-reklamnom-radiodiskurse> (дата обращения: 19.02.2022).
13. Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / Т.Б. Австрина, Н.Н. Акулова, В.И. Аннушкин, А.А. Бернацкая. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2014. 854 с.
14. Harris Z.S. Discourse Analysis // Language, 1952. No. 8, pp. 1-30.
15. 尹冰璇浅析中俄饮食文化的异同. 学理论. 2019 (3), pp. 126-127.
16. 李宁宁, 高韶晗论中国人的家族观念. 安阳师范学院学报. 2014 (3), pp. 20-21.

References

1. Alikina E.Yu. Osobennosti funktsionirovaniya metafory v turistskom diskurse [Features of the Functioning of the Metaphor in the Tourist Discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Bulletin. Russian and Foreign Philology], 2020, no. 4, pp. 80-86.
2. Anikina T.V. Osobennosti yazykovogo oformleniya internet-otzyva turista [Peculiarities of the linguistic Design of the Tourist's Online Feedback]. *Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii* [Innovative Technologies in Science and Education], 2016, no 3 (7), pp. 1-7.
3. Govorunova L.Yu. Otzyv turista kak novyy rechevoy zhanr turistskogo internet-diskursa [Tourist review as a new speech genre of online tourism discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2013, no. 1 (292), pp. 198-203.
4. Govorunova L.Yu. Rechevoy zhanr «Internet-otzyv turista» v raznykh tipakh diskursa [Speech genre “Internet feedback of the tourist” in various discourse types]. *Izvestiya VGPU* [VGPU Proceedings], 2014, no. 2(87), pp. 43-47.

5. Goncharova L.M., Kurchenkova O.V. Trevel-teksty i ikh rol' v sovremennom turistichestkom diskurse [Travel texts and their role in contemporary tourism discourse]. *Tezisy dokladov XIX Kirillo-Mefodievskie chteniya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh Mezhdunarodno-go Kirillo-Mefodievskogo festivalya slavyanskikh yazykov i kul'tur* [Theses of reports XIX of the Cyril and Methodius Readings: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference within the framework of the International Cyril and Methodius Festival of Slavic Languages and Cultures], Moscow, 2018, pp. 774-777.
6. Egorova D.I. Rechevoy zhanr internet-otzyv turista v angloyazychnom turistichestkom diskurse [Speech genre Internet review of a tourist in the English-speaking tourist discourse]. *Voprosy filologii i mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Questions of Philology and Intercultural Communication], 2017, pp. 137-141.
7. Karasik V.I. *Yazykovy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002, 477 p.
8. Lipiridi S.Kh. *Semantiko-aksiologicheskie i kognitivno-pragmaticheskie osobennosti setevykh angliyskikh neologizmov turistichestkogo diskursa* [Semantic-axiological and cognitive-pragmatic features of network English neologisms of tourist discourse]. PhD dissertation. Krasnodar, 2021, 221 p.
9. Pogorelova I.V. Lingvosemioticheskiy aspekt internet-otzyva [The linguosemiotic aspect of Internet feedback]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2017, no. 10-3 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvosemioticheskiy-aspekt-internet-otzyva> (accessed February 19, 2022).
10. Savel'eva I.V. Otzyv turista kak vid kommunikativnoy praktiki (na materiale otzyvov o Kuzbasse) [The tourist's review as a type of communicative practice (on the material of reviews about Kuzbass)]. *Sovremennaya kommunikativistika: nauka – praktika – spetsial'nost'* [Modern Communication Studies: Science – Practice – Specialty], 2020, pp. 332-343.

11. Sakaeva L.R., Bazarova L.V. Ponyatiya «turizm» i «turisticheskij diskurs» v sovremennoy nauchnoy paradigmat [The concepts of “tourism” and “tourist discourse” in the modern scientific paradigm]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Problems of Theory and Practice], 2014, no. 6-1, pp. 159-161.
12. Sudina L.V. Osobennosti kontsepta «eda» v reklamnom radiodiskurse [Peculiarities of the concept “food” in the advertising radio-discourse]. *Vestnik SVFU* [SVFU Bulletin], 2021, no. 2(82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kontsepta-eda-v-reklamnom-radiodiskurse> (accessed February 19, 2022).
13. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii)* [Effective Speech Communication (Basic Competencies)]. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2014, 852 p.
14. Harris Z.S. Discourse Analysis. *Language*, 1952, no. 8, pp. 1-30.
15. 尹冰璇浅析中俄饮食文化的异同. 学理论. 2019 (3), pp. 126-127.
16. 李宁宁, 高韶晗论中国人的家族观念. 安阳师范学院学报. 2014 (3), pp. 20-21.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Сунь Вэйфан, аспирант кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им.
А.С. Пушкина»
ул. Валгина, 6, г. Москва, 117485, Российская Федерация
aleksandravna91@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sun Weifang, Postgraduate Student, Russian Literature and Intercultural Communication
Pushkin State Russian Language Institute
6, Valgin Str., Moscow, 117485, Russian Federation
aleksandravna91@bk.ru

Поступила 27.02.2022

Received 27.02.2022

После рецензирования 20.03.2022, 04.04.2022

Revised 20.03.2022, 04.04.2022

Принята 07.04.2022

Accepted 07.04.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-142-154

УДК 811.112,2(436)

АВСТРИЙСКИЙ ВАРИАНТ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

М.А. Радович, Я.В. Лазарева

Обоснование. *Статья посвящена исследованию специфики австрийского варианта современного литературного немецкого языка. Изучаются этапы исторического развития Австрии как основа формирования собственного языкового варианта немецкого языка. Рассматриваются особенности лексико-семантических расхождений между вариантами немецкого языка Австрии и Германии. Указывается факт возможного выделения нескольких групп расхождений лексем с учетом особенностей соотношения их формы и содержания в системах немецкого языка Австрии и Германии. Устанавливается, что весь ход историко-культурного развития Австрии оказывал влияние на появление, адаптацию и закрепление в системе литературного языка, лексем – австрицизмов, не используемых на территории Германии.*

Цель статьи. *Рассмотреть наиболее частотные черты австрийского варианта современного литературного немецкого языка в сфере кулинарии.*

Метод и методология проведения работы. *Использовался сравнительный метод, метод анализа и синтеза, лингвистический анализ.*

Результаты. *Наибольшее число расхождений, которые выявлены в ходе анализа лексем австрийского варианта современного литературного немецкого языка в сфере кулинарии обнаружены на лексическом уровне.*

Область применения результатов. *Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования особен-*

ностей австрийского варианта современного литературного немецкого языка в различных сферах функционирования.

Ключевые слова: варианты немецкого языка Австрии и Германии; лексико-семантические расхождения; социокультурные факторы

AUSTRIAN GERMAN STANDARD AS A REFLECTION OF THE COUNTRY'S SOCIOCULTURAL MENTALITY

M.A. Radovich, Y.V. Lazareva

Background. *The article is devoted to the study of Austrian specific features in the standard literary German language. The stages of the historical development of Austria are studied as the basis for proper Austrian German formation. The particularities of lexical-semantic differences in German and in Austrian German are considered. The article deals with differences in lexical units with due consideration of the expression and meaning of the word. It is established that the historical and cultural development of Austria influenced the appearance, adaptation and consolidation in the literary system of Austrian German, and Austriacisms, not used in Germany.*

Purpose. *To consider the most frequent features of Austrian German standard in the field of cooking.*

Materials and methods. *Comparative method, analytical and synthesis method, linguistic analysis.*

Results. *The largest number of differences that were revealed during the analysis of the lexemes of Austrian German standard in the field of cooking were found at the lexical level.*

Practical implications. *The results obtained can be used to further study the features of Austrian German standard in various areas of functioning.*

Keywords: *German and Austrian German language varieties; lexical-semantic differences; sociocultural factors*

Современный литературный немецкий язык Германии характеризуется наличием национальных вариантов, функционирующих на территории Австрии и определенных регионов Швейцарии. В классических лингвистических работах область распространения немецкого языка соотносится с баварской диалектной областью [1], что подтверждается исследованиями А.И. Домашнева [2].

На становление австрийского варианта современного литературного немецкого языка (далее: АВ) повлиял ряд внешних и внутренних факторов. Все этапы исторического развития страны, взаимодействие с другими государствами и народами, вхождение и выход из состава империй – составляют ряд экстралингвистических факторов. Но следует помнить и о внутренних факторах, вызванных социальной дифференциацией общества [3].

Данные археологии и других наук помогают установить, что в эпоху Каролингов (IX – X вв.) баварцы стали переселяться на территорию, которая позже станет принадлежать Австрии. Этот экстралингвистический фактор объясняет некоторые языковые явления, характерные для австрийских и баварских диалектов. В X в. в письменных памятниках появляется название Ostarrichi «Австрия». Далее, отделившись от Баварии, Австрия становится самостоятельным герцогством [4]. Формирование системы АВ проходило в течении нескольких столетий. По материалам письменных памятников становится возможным установить, что уже в XV в. на территории, которая позже будет известна как Австрия, сосуществовали несколько местных форм немецкого языка, каждая из которых функционировала в разных регионах и имела свои собственные специфические черты.

Для нашего исследования наибольший интерес представляет южнонемецкая диалектная зона, т.к. в этом регионе были созданы письменные памятники, которые обнаруживают австрийские языковые формы. Э. Кранцмайер, описывая этапы развития АВ, уточняет, что в XII в. тексты письменных памятников стали усложняться новыми элементами: терминами, которые относились к сфере религии и права. Эта лексика была характерна для речи представителей рыцарского сословия, которые постоянно бывали

при дворе и привозили оттуда в свои регионы не только модные туалеты, но и новые слова и выражения. В связи с этим Э. Кранцмайер считает, что роль рыцарства в процессе распространения специфического языка Вены в регионы является одной из определяющих [5]. Представители рыцарского сословия, распространяя язык столицы, создавали условия для появления особенной формы немецкого языка, не связанной с определенной местностью и поэтому находящейся над системами местных диалектов. Она получила название *überlandschaftliche Hoch- und Herrensprache* [Там же].

Середина XIV в. – судьбоносное время для Австрии, открывающее новый этап в истории страны: с приходом к власти династии Люксембургов двор переезжает в Прагу. Система АВ литературного немецкого языка в период существования Австро-Венгерской империи активно развивается: с одной стороны, она постоянно взаимодействует с системами местных диалектов и находится под их влиянием. С другой стороны, АВ взаимодействует с системами языков стран, которые были включены в состав Австро-Венгерской империи. Анализ письменных памятников этого периода выявляет особенности АВ и многочисленные несоответствия АВ в области фонетики и лексики нормам немецкого языка Германии того периода [6].

Языковая ситуация (далее: ЯС) Австрии сложна и многогранна, так же неоднозначен и сам термин, ее обозначающий. ЯС – термин социолингвистической парадигмы языкознания, но тем не менее он важен для нашего исследования, т.к. необходимо определить иерархию языка и его форм существования, которые были характерны для Австрии XXI в.

В соответствии с классификацией российского лингвиста А.Д. Швейцера ЯС возможно разделить на два основных типа: экзогlossные и эндогlossные [7, с. 133]. К первой группе относятся страны или регионы, на территории которых сосуществуют несколько языков. Вторую группу составляют страны или регионы, для территории которых характерно функционирование подсистем одного языка. Мы считаем, что ЯС Австрии на современном уровне ее развития является эндогlossной, т.к. в стране сосуществуют АВ и его разновидности.

В монографии В.А. Аврорина описаны два типа ЯС: одноязычная и многоязычная. «Одноязычная языковая ситуация представляет собой совокупность функций всех форм существования языка во всех сферах общественной деятельности при определенных социальных установках жизни данного коллектива» [8, с. 120]. При этом, по мнению В.А. Аврорина, многоязычная ЯС определяется «как реальное соотношение ролей различных языков в жизни того или иного народа, его частей или отдельных представителей» (Там же). Основываясь на приведенном определении, можно говорить об одноязычной ЯС Австрии.

Анализ теоретических исследований в области ЯС позволил сформулировать рабочее определение понятия «ЯС» как социально-коммуникативной системы, которая представляет собой единую, организованную иерархию разновидностей существования национального языка, в которую входят литературный язык, обиходно-разговорные разновидности языка и местные диалекты (среднеавстрийский и южноавстрийский ареалы).

Верхушку иерархии языковых форм существования немецкого языка составляет АВ. Он официально принят в стране на законодательном уровне, функционирует во всех официальных сферах жизни общества Австрии и имеет специфические черты на всех уровнях языковой системы. Этот факт доказывается в научных работах И. Хайнриха [9], М. Катербау [10], П. Визингера [11], Р. Седлажек [12] и др. Следует особо отметить, что диалектам Австрии присущи поддиалектные типы, среди которых выделяются поддиалекты Вены, Клагенfurта и Линца. Самым известным является венский поддиалект, он считается престижным, и именно он составляет одну из основ обиходно-разговорной разновидности АВ и используется в ситуациях повседневного общения.

Определенные параметры статьи не позволяют рассмотреть инновации на каждом уровне языковой системы АВ, вследствие этого хотелось бы остановиться на наиболее частотных чертах, представляющих наибольший интерес.

Лексический уровень языковой системы, наряду с фонологическим уровнем, является наиболее открытым уровнем для инноваций. На

этом уровне становится возможным отметить наибольшее число лексико-семантических расхождений, которые выявлены в ходе анализа лексем АВ и вариантов лексем в системе современного литературного немецкого языка Германии (далее: НЯГ – немецкий язык Германии).

Анализ корпуса лексического материала был проведен на основании классификации А.И. Домашнева, предложенной им в монографии «Современный немецкий язык в его национальных вариантах» [2], в которой особое место уделялось лексико-семантическим расхождениям. Изучение корпуса фактического материала исследования позволяет условно сформировать несколько групп лексем, которые обнаруживают лексико-семантические расхождения.

В первую группу вошли лексемы, которые в АВ и в НЯГ имеют одинаковую форму, но при этом дополнительно существует синонимичная лексема. В этой группе выделены две подгруппы.

Подгруппу А составили примеры, когда в АВ обнаруживается одна лексема, семантика которой совпадает с семантикой эквивалентной лексеме НЯГ. При этом в НЯГ одной лексеме АВ соответствуют две лексемы, содержащиеся в лексикографических источниках, например:

Лексема *Dampfnudel, die* «горячие кнедли из дрожжевого теста» является частотной лексемой как для АВ, так и для НЯГ. В системе НЯГ существует еще одна лексема с таким же значением – *Hefeteigkugel, die*.

Dampfnudel und Germknödel: Mehlspeisen-Rezepte, Hefeteig und Rohrnucln. Rezepte Zum Nachbacken (Кнедли и клецки из дрожжевого теста: рецепты выпечки, дрожжевое тесто и трубчатая лапша. Рецепты запекания) [13]. Автор книги рецептов М. Хинтермозер родилась и живет в Австрии, поэтому в названии своей книги она использует австрийский вариант названия блюда.

Er streute Mehl aus, holte einen Bottich mit einer Hefeteigkugel aus dem Kühlschrank und teilte sie in Bällchen auf (Он рассыпал муку, достал из холодильника дрожжевое тесто и сделал из него кнедли) [14]. Немецкий автор итальянского происхождения Ф. Паретта (F. Paretta) использует характерный для НЯГ синоним названия блюда.

Подгруппа Б образована из лексем, у которых в АВ выявляются две синонимичные лексемы, которым соответствует одна эквивалентная лексема в НЯГ. В АВ существует два варианта для обозначения капусты кольраби: Kohlrabi, der = Kohlrübe, die. При этом в НЯГ обнаруживается одна лексема – Kohlrabi, der.

Eine rote Steckerübe (Kohlrübe) – Bilder kaufen (Красная кольраби – купить изображение) [15]. Stockfood (<https://www.stockfood.at/>) – это австрийский сайт, занимающийся продажей изображений. На принадлежность доменного имени к Австрии как географической зоны указывает расширение сайта – at, что делает оправданным выбор именно австрийского варианта лексемы и употребление его в названии статьи: «Variationen vom Kohlrabi mit gebratenem Saibling. Klein, rund und erfrischend hellgrün – das ist der Kohlrabi. Wie vielfältig er in der Küche daher kommen kann, zeigen wir Ihnen! (Варианты кольраби с жареным гольцом. Маленькие, круглые и освежающие светло-зеленые кусочки – это кольраби. Мы покажем вам, насколько универсальной может быть капуста кольраби на кухне!») [16]. Das Erste (ARD 1) – это один из популярных телевизионных каналов Германии. Одна из страниц сайта – ARD-Buffer (<https://www.swr.de/buffer>) – содержит разнообразные материалы по кулинарии. Автор статьи использует единственно возможное в НЯГ название капусты кольраби.

Характерной чертой второй группы лексем является единство формы лексем в двух вариантах немецкого языка, в семантике которых при совпадающем общем значении наблюдается одна или несколько сем, отсутствующих в другом варианте.

В системе общенемецкой лексики лексема Bäckerei, die имеет значение «пекарня, выпечка хлебобулочных изделий». Но в АВ у лексемы отмечается еще один лексико-семантический вариант «маленькие сладкие булочки» [17].

Ein Erbe, dessen Ursprung in der langjährigen Beziehung ihrer Familie zur Bäckerei Serra zu liegen schien, als hätte sich ein unsichtbares Band aus Zuckerwerk mit ihren Genen vermischt, um in ihr eine Gabe zum Blühen zu bringen... (Наследие, которое, казалось, возникло из давних отношений ее семьи с пекарней Серра, как будто невидимая лен-

та конфет смешалась с ее генами, чтобы дар расцвел в ней...) [18]. Контекст взят из книги К. Эскриба, который пишем на стандартном немецком языке, используя НЯГ для широкой публики немецкоязычных читателей. В связи с этим изучаемое имя существительное использовано с общим для всех вариантов немецкого языка значением.

Die süßen Wiener Bäckereien: Apfelstrudel, Topfenknödel und andere süße Verführungen (Сладкие венские булочки: яблочный штрудель, творожные кнедлики и другие соблазны) [19]. Данный контекст взят со страницы австрийского сайта Stadt Wien Bekannt (<https://lokal Fuehrer.stadtbekannt.at/>), который описывает виды досуга в Вене, знакомит посетителей с наиболее интересными достопримечательностями и приглашает посетить уютные кофейни столицы Австрии, где сладкие венские булочки пекутся по старинным рецептам. Исследование семантики имени существительного Bäckerei, die в данном контексте указывает на значение «маленькие булочки», которое имеется в АВ и отсутствует в НЯГ.

Отдельную группу составляют лексемы, которые в двух вариантах немецкого языка Австрии и Германии имеют единое содержание, но выражают его разными формами. Появление и закрепление в системе АВ таких лексем подтверждает идею австрийцев о самовыражении, которая воплощается в желании вкладывать в лексемы АВ собственные культурные традиции, отличающиеся от традиций Германии.

В сфере кулинарии внутри системы АВ лексема Aranzini, die «цукаты из кожуры цитрусовых фруктов» характеризуется высокой частотностью. Лексикографические источники указывают, что лексема принадлежит АВ [20; 17]. На территории Германии эта лексема функционирования не имеет, т.к. существует ее аналог Orangeat, das, обозначающий то же лакомство.

Популярный австрийский сайт по кулинарии GUSTO (<https://www.gusto.at/>) предлагает своим подписчикам рецепт приготовления кекса, где в пошаговой инструкции используется лексема АВ Aranzini, die: «Weiche Butter mit Staubzucker, Vanillezucker und wenig Salz cremig rühren. Eier nach und nach einrühren, Mehlmischung und die Aranzini unterheben (Смешайте мягкое масло с сахарной пудрой,

ванильным сахаром и небольшим количеством соли до кремообразного состояния. Постепенно вбейте яйца, добавьте мучную смесь и потертую кожуру цитрусовых» [21].

Лексема представляет собой заимствование из итальянского языка и является отсылкой к обширному культурному фону. Тесные приграничные связи Австрии и Италии привели к тому, что в АВ существует множество заимствований из итальянского языка, которые прошли разные этапы адаптации. Начиная с эпохи Средневековья Австрия оказывала влияния на итальянские государства той эпохи, воюя с ними, устанавливая относительно мирные отношения и параллельно обогащая свой собственный язык и культуру.

Интересно отметить, что на немецком сайте Gesundheit (<https://www.gesundheit.de/>) как в названии статьи *Zitronat und Orangeat* (Молотая цедра лимона и апельсина), так и в самом тексте используется лексема Orangeat, das: «Orangeat stammt aus den Schalen der Bitterorange oder Pomeranze (*Citrus aurantium*). Diese Frucht wächst in fast allen subtropischen Regionen dieser Welt (Тертая апельсиновая цедра делается из кожуры горького апельсина (*Citrus aurantium*)). Этот фрукт растет практически во всех субтропических регионах мира) АВ» [22].

Подводя итоги краткому исследованию лексико-семантических расхождений в системах двух вариантов немецкого языка АВ и НЯГ, следует подчеркнуть, что на современном уровне развития Австрия переживает неоднозначный этап самоопределения и формирования национальной идентичности. Вследствие этого идея «Мы не немцы» воплощается в различных сферах австрийского общества и находит яркое выражение в АВ немецкого языка, в рамках которого отмечается наличие австрицизмов и использование нехарактерных для НЯГ языковых единиц разных уровней системы языка.

Список литературы

1. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.; Л.: Академия наук СССР, 1956. 638 с.
2. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Ленинград: Наука, 1989. 231 с.

3. Десницкая А.В. Как создавалась теория национального языка // Современные проблемы литературоведения и языкознания. К 70-летию академика М.Б. Храпченко. М.: Наука, 1974. С. 398-415.
4. Бабенко Н.С. Особенности взаимодействия устного и письменного языка в Германии XVI века // Устные формы литературного языка. История и современность. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 87-105.
5. Kranzmayer E. Mundart und Geschichte // Studien zur österreichisch-bairischer Dialektkunde 4. Mundart und Geschichte. Wien, 1967, S. 1-24.
6. Seidler H. Sprachkunst in der Mundart // Studien zur österreichisch-bairischen Dialektkunde 4. Mundart und Geschichte. Wien, 1967, S. 129-180.
7. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика // Теория. Проблемы. Методы. М.: URSS, 2018. С. 133-134.
8. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. 276 с.
9. Heinrich I. Österreichisches Deutsch in Lehrbüchern der Sekundarstufe I für Deutsch als Muttersprache. Wien, 2010, 217 S. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/11589262.pdf> (дата обращения: 16.02.2021).
10. Katerbow M. Moderne Regionalsprachen als multidimensionales Forschungsfeld. Hildesheim, Zürich: Georg Olms Publ., 2010, 208 S.
11. Wiesinger P. Das österreichische Deutsch als eine Varietät der deutschen Sprache. Frankfurt am Main, Wien, 2015, 392 S.
12. Sedlaczek R. Das österreichische Deutsch. Wien: Verlag C. Ueberreuter, 2004, 314 S.
13. Hintermoser M. Dampfnudel und Germknödel: Mehlspeisen-Rezepte, Hefeteig und Rohrnudeln. Rezepte Zum Nachbacken. Berlin: Karin Heigl, 2018, 113 S.
14. Paretta F. Trügerisches Neapel: Ein Fall für Commissario De Santis. München: Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH, 2018, 384 S.
15. Stockfood.at URL: <https://www.stockfood.at/bilder/00132158-Eine-rote-Steckeruebe-Kohlruebe> (дата обращения: 15.03.2021).
16. ARD-Bufferet. Variationen vom Kohlrabi mit gebratenem Saibling. URL: <https://www.swr.de/buffet/rezepte/variationen-vom-kohlrabi-mit-gebratenem-saibling/-/id=257024/did=.html> (дата обращения: 15.03.2021).
17. Ebner J. Duden, österreichisches Deutsch: Wörterbuch der Gegenwartssprache in Österreich. Berlin: Dudenverlag, 2019, 510 S.

18. Escribà C. Die Bäckerei der Wunder: Roman. Munich: Heyne Verlag, 2020, 288 S. URL: <https://books.google.ru/books?id=JPG6DwAAQBA-J&dq=> (дата обращения: 15.03.2021).
19. Stadt Wien Bekannt. URL: <https://lokalfuehrer.stadtbekannt.at/die-suessen-wiener-baeckereien/> (дата обращения: 15.03.2021).
20. Duden Wörterbuch. Bramburi, die. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Bramburi> (дата обращения: 16.02.2021).
21. GUSTO. Aniskuchen mit Aranzini. URL: <https://www.gusto.at/rezepte/aniskuchen-aranzini-6551641> (дата обращения: 17.03.2021).
22. Gesundheit. Zitronat und Orangeat. URL: <https://www.gesundheit.de/ernaehrung/gesund-durchs-jahr/gesunde-weihnachten/zitronat-und-orangeat-suedliche-fruechte-im-weihnachtsgebaeck> (дата обращения: 17.03.2021).

References

1. Zhirmunskij V.M. *Nemetskaja dislektologija* [German dialectology]. Moscow; Leningrad: Akademija nauk SSSR, 1956, 638 p.
2. Domashnev A.I. *Sovremennyi nemetskij jasyk v ego natsionalnyh variantah* [Modern German in its national variants]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, 231 p.
3. Desnitskaja A.V. Kak sozdavalas teorija natsionalnogo jasyka [How the theory of national language was created]. *Sovremennye problemy literaturovedenija i jasykosnanija* [Modern problems of literary criticism and linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 398-415.
4. Babenko N.S. Osobennosti vsaimodejstvija ustnogo i pismennogo jasyka v Germanii XVI veka [Special aspects of oral and written language in Germany of the XVI century]. *Ustnye formy literaturnogo jasyka. Istorija i sovremennost* [Oral forms of the literary language. History and modernity]. Moscow: Editorial URSS, 1999, pp. 87-105.
5. Kranzmayer E. Mundart und Geschichte. *Studien zur osterreichisch-bairischer Dialektkunde 4. Mundart und Geschichte*. Wien, 1967, S. 1-24.
6. Seidler H. Sprachkunst in der Mundart [Artistry in the dialect]. *Studien zur osterreichisch-bairischen Dialektkunde 4. Mundart und Geschichte*. Wien, 1967, S. 129-180.
7. Shveitser A.D. *Sovremennaja sotsioligvistika* [Modern sociolinguistics]. *Teorija. Problemy. Metody* [Theory. Problems. Methods]. Moscow: URSS, 2018, pp. 133-134.

8. Avrorin V.A. *Problemy izuchenija funkcionalnoi storony jasyka* [Study of language' functionality]. Leningrad: Nauka Publ., 1975, 276 p.
9. Heinrich I. Österreichisches Deutsch in Lehrbüchern der Sekundarstufe I für Deutsch als Muttersprache. Wien, 2010, 217 S. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/11589262.pdf> (accessed February 16, 2021).
10. Katerbow M. Moderne Regionalsprachen als multidimensionales Forschungsfeld. Hildesheim, Zürich: Georg Olms Publ., 2010, 208 p.
11. Wiesinger P. Das österreichische Deutsch als eine Varietät der deutschen Sprache. Frankfurt am Main, Wien, 2015, 392 S.
12. Sedlaczek R. Das österreichische Deutsch. Wien: Verlag C. Ueberreuter, 2004, 314 S.
13. Hintermoser M. Dampfnudel und Germknödel: Mehlspeisen-Rezepte, Hefeteig und Rohrnudeln. Rezepte Zum Nachbacken. Berlin: Karin Heigl, 2018, 113 S.
14. Paretta F. Trügerisches Neapel: Ein Fall für Commissario De Santis. München: Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH, 2018, 384 p.
15. Stockfood.at URL: <https://www.stockfood.at/bilder/00132158-Eine-rote-Steckeruebe-Kohlruebe> (accessed March 15, 2021).
16. ARD-Bufferet. Variationen vom Kohlrabi mit gebratenem Saibling. URL: <https://www.swr.de/buffet/rezepte/variationen-vom-kohlrabi-mit-gebratenem-saibling/-/id=257024/did=.html> (accessed March 15, 2021).
17. Ebner J. Duden, österreichisches Deutsch: Wörterbuch der Gegenwartssprache in Österreich. Berlin: Dudenverlag, 2019, 510 S.
18. Escribà C. Die Bäckerei der Wunder: Roman. Munich: Heyne Verlag, 2020, 288 S. URL: <https://books.google.ru/books?id=JPG6DwAAQBAJ&dq=> (accessed March 15, 2021).
19. Stadt Wien Bekannt. URL: <https://lokal Fuehrer.stadtbekannt.at/die-suessen-wiener-baeckereien/> (accessed March 15, 2021).
20. Duden Wörterbuch. Bramburi, die. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Bramburi> (accessed February 16, 2021).
21. GUSTO. Aniskuchen mit Aranzini. URL: <https://www.gusto.at/rezepte/aniskuchen-aranzini-6551641> (accessed March 17, 2021).
22. Gesundheit. Zitronat und Orangeat. URL: <https://www.gesundheit.de/ernaehrung/gesund-durchs-jahr/gesunde-weihnachten/zitronat-und-orangeat-suedliche-fruechte-im-weihnachtsgebaeck> (accessed March 17, 2021).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Радович Минара Алибеговна, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
Minara.radovic@gmail.com

Лазарева Яна Владимировна, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
yana.lazareva.82@inbox.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Minara A. Radovich, Postgraduate, Department of Romano-Germanic Philology and Cross-Cultural Communication
Belgorod State University
85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodsky Oblast, 308015, Russian Federation
Minara.radovic@gmail.com

Yana V. Lazareva, Postgraduate, Department of Romano-Germanic Philology and Cross-Cultural Communication
Belgorod State University
85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodsky Oblast, 308015, Russian Federation
yana.lazareva.82@inbox.ru

Поступила 10.03.2022
После рецензирования 18.03.2022
Принята 05.04.2022

Received 10.03.2022
Revised 18.03.2022
Accepted 05.04.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-155-167

УДК 81'374.26

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДВУЯЗЫЧНОГО ТЕЗАУРУСА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ

А.А. Шагеева, Е.В. Жучкова, В.Г. Солодкина

Статья посвящена принципам моделирования двуязычного русско-английского словаря-тезауруса области инвестиционной деятельности на фондовом рынке. В статье описывается подготовительный этап работы над составлением терминологического тезауруса, включающий исследование методологической базы и определение методики работы. В соответствии с параметрическим подходом, лежащим в основе создания тезауруса, выявлен ряд ключевых параметров мега-, макро-, микроструктур словаря.

Обоснование. *Создания такого типа словаря обусловлено рядом причин, основными из которых являются недостаточная изученность терминосистемы инвестиционной деятельности на фондовом рынке, которая постоянно и достаточно интенсивно пополняется, а также ничтожно малое присутствие на рынке словарной продукции подобного типа словаря, что имеет значение не только для лиц, профессионально связанных с данной сферой деятельности, переводчиков и языковедов, но и для лиц, стремящихся участвовать в инвестиционной деятельности для собственных частных целей.*

Цель. *Описание принципов и этапов составления двуязычного словаря-тезауруса по теме инвестиционной деятельности.*

Материалы и методы. *Материалом послужили экономические статьи и обзоры фондовых рынков, лексика, используемая на инвестиционных онлайн-платформах, а также правовые документы, регулирующие инвестиционную деятельность на фондовом рынке. Методы исследования – метод сплошной выборки, сравнительный метод, стратификационный метод.*

Результаты. Представлен алгоритм практического этапа работы с языковым материалом на примере моделирования словарной статьи указанного словаря-тезауруса на уровне представления термина «Фондовый индекс».

Область применения результатов. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования принципов и этапов составления словаря-тезауруса и описанной модели словарной статьи при составлении других словарей тезаурусного типа лингвистами и переводчиками.

Ключевые слова: язык для специальных целей; терминография; терминологическая лексика; словарь; тезаурус

MODELING BILINGUAL THESAURUS OF INVESTMENT TERMS

A.A. Shageeva, E.V. Zhuchkova, V.G. Solodkina

The paper is devoted to the principles of compiling a bilingual dictionary of investment terms. In the article, a preparatory stage of thesaurus modeling, including analysis of methodological base and identification of methods, is described. According to the parametric approach underlying the creation of a thesaurus, a number of key parameters of dictionary structures is identified.

Background. *The terminology system in the field of the investment activity on the equity market is constantly and intensively updated with new terms. The lack of such type of dictionaries, which are essential for linguists, translators and other professionals in linguistics as well as investors and traders, makes the compiling of the dictionary quite relevant.*

Purpose. *Identification and description of principles and stages of compiling a bilingual dictionary of investment terms.*

Materials and methods. *The materials for the study include financial market articles and reviews, fund platforms vocabulary as well as legal documents, governing investments on the stock market. Research methods include continuous sampling method, comparative method and stratification method.*

Results. *The algorithm for practical stage of working with linguistic material on the example of modeling a dictionary entry of specified dictionary, which describes the term “Stock market index”, is presented.*

Practical implications. *The practical significance of the research results lies in the possibility of using described principles and stage of compiling a thesaurus as well as a dictionary entry for compiling other dictionaries by linguists and translators.*

Keywords: *language for specific purposes; terminography; terminological lexis; dictionary; thesaurus*

В быстроразвивающемся современном мире любые социальные, экономические, политические изменения, а также преобразования в сфере науки и техники напрямую влияют и видоизменяют состав русского языка. Одни термины, вышедшие из употребления, сменяются другими, отражающими актуальные концепты. По понятным причинам в таких условиях наиболее интенсивно пополняется словарный запас языка для специальных целей, то есть языка, посредством которого специалисты общаются на профессиональные темы, используя терминологическую лексику, которая является совокупностью лексических средств, кроме общенародных и общенаучных, употребляемых в специальных областях человеческой деятельности: науке, технике, экономике, промышленности и др. [6]. Так, например, экономическая терминосистема используется в текстах экономической направленности.

Особую роль в развитии языка для специальных целей и использовании терминологической лексики специалистами той или иной области знаний играют терминологические словари, в особенности тезаурусы, которые позволяют тематически представить и классифицировать терминологию конкретной области знания, отразить взаимоотношения и взаимозависимости между терминами и, таким образом, создать цельную картину предметной области [12, с. 143]. Эта ключевая характеристика тезауруса отражена в определении, данном Ю.Н. Карауловым: «тезаурусом является всякий словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами» [5, с. 148].

Следовательно, тезаурус является наиболее эффективным способом аккумуляции и систематизации терминов, относящихся к специальным областям человеческой деятельности. В данной статье в качестве такой области деятельности выбрана актуальная на сегодняшний день сфера экономики, а именно инвестиционная деятельность, которая связана с функционированием рынка капиталов, другими словами, фондового рынка. Инвестиционная деятельность – это деятельность, связанная с вложением средств в объекты инвестирования с целью получения дохода (эффекта) [11, с. 17].

Целью данной статьи является описание принципов и этапов составления двуязычного словаря-тезауруса по теме инвестиционной деятельности.

Актуальность составления двуязычного словаря-тезауруса по теме инвестиционной деятельности на фондовом рынке обусловлена рядом причин. Инвестиционная деятельность в настоящее время доступна каждому, особенно с появлением возможности создания брокерского счета в основных российских коммерческих банках с помощью мобильных приложений или онлайн. Существуют специальные онлайн-платформы для выхода на фондовый рынок, такие как «Тинькофф Инвестиции», «Сбербанк Инвестор» и «Открытие Инвестиции». «Сбербанк», «Тинькофф Банк» и банк «ФК Открытие» получили лицензию на осуществление брокерской деятельности [10].

Для того чтобы эффективно участвовать в инвестиционной деятельности, а также понимать интерфейс данных платформ, необходимо знать узкоспециализированную терминологию сферы инвестиций, которая на данный момент малоизучена. Терминологические словари по данной теме авторами на момент исследования практически не обнаружены, исключением являются глоссарии или так называемые «словари инвестора» (например, «Словарь инвестора: про биржу и ценные бумаги» [13]), в которых даются определения общим и наиболее частотным терминам данной области знаний.

Поэтому составление словаря-тезауруса по теме инвестиционной деятельности на фондовом рынке имеет исключительное значение не только для лиц, профессионально связанных с данной сферой

деятельности, в том числе лингвистов и переводчиков, изучающих такую терминологию, но и для лиц, стремящихся участвовать в инвестиционной деятельности для собственных частных целей.

Исследование любого типа словаря традиционно основывается на параметрическом принципе, в основе которого лежит понятие лексикографического параметра, впервые представленное Ю.Н. Карауловым [5, с. 42]. При рассмотрении и выделении композиционных параметров мы опирались на работы С.В. Гринева, З.И. Комаровой, Ю.Н. Марчука, В.Д. Табанаковой и др., согласно которым любое исследование словаря осуществляется по определенным заданным параметрам.

Анализ научных исследований в области лексикографии и терминологии показывает, что при создании словаря составители выбирают в качестве основных параметров прежде всего функцию словаря, его предметную область, адресную ориентацию, объем, уровни описания термина, а также источники, которые послужат основой. Эти параметры так или иначе связаны с анализом мега-, макро- и микроструктуры словаря [3], в том числе на этапе его проектирования.

Данный тезаурус составляется в соответствии со следующим набором параметров: отрасль знаний, функциональное назначение словаря, число языков перевода, состав словника, расположение терминов, адресная ориентация. Данный терминологический словарь смешанного типа: толковый с элементами переводческой информации. В соответствии с классификацией З.И. Комаровой, тип словаря – узкоспециализированный двуязычный словарь терминов инвестиционной деятельности, имеющий идеографическое расположение терминов [6]. Целевая аудитория словаря – студенты, практики и пользователи платформ для выхода на фондовый рынок.

Данный словарь-тезаурус должен реализовывать основные словарные функции, а именно:

1. Справочная функция, в рамках которой дается толкование термина, его эквиваленты в других языках. Иногда включаются этимология термина и его иллюстративное представление.

2. Систематизирующая функция, которая отражает парадигматические отношения между терминами. В словаре с этой целью создается тематический указатель, проводится анализ терминологической сочетаемости, а также включаются синонимы и антонимы термина.

3. Нормативная функция, целью которой является определение нормативной принадлежности термина к той или иной области знаний, фиксация значения и употребления слова.

4. Учебная функция, которая состоит в возможности поиска информации в словаре и в создании доступной навигации между терминами [14, с. 164].

Данные функции традиционно являлись типологическим параметром словаря. Однако современные словари реализуют в той или иной степени каждую из этих функций, что является целесообразным и для данного словаря. В нашем случае полифункциональность словаря обусловлена, прежде всего, адресной ориентацией, а именно: пользователи платформ для выхода на фондовые рынки стремятся быстро и доступно получить информацию о профессиональных терминах, что соответствует учебной функции данного словаря, тогда как лингвистов и переводчиков интересует более глубокий объем информации, начиная от определения и иностранного эквивалента, заканчивая терминологической сочетаемостью и наличием контекстов, в которых употребляется термин.

При составлении словаря-тезауруса мы рекомендуем придерживаться следующего алгоритма. Во-первых, необходимо определить тип словаря и его характерные признаки: отрасль знаний, функциональное назначение словаря, целевая аудитория, число языков перевода, состав словника, расположение терминов, объем словаря (в соответствии с классификацией З.И. Комаровой).

Следующим этапом является отбор терминов и определение границ понятийного аппарата сферы инвестиционной деятельности на фондовом рынке, а также составление словника. Сначала определяется материал и методы отбора необходимой лексики. Так, в качестве материала данного словаря-тезауруса выступают экономические статьи и обзоры фондовых рынков, лексика, используемая на ин-

вестиционных онлайн-платформах, а также правовые документы, регулирующие инвестиционную деятельность на фондовом рынке. Методом сплошной выборки производится отбор терминов инвестиционной деятельности, формируется список терминов. Кроме того, для уточнения и классификации терминов применяются сравнительный и стратификационный методы, проводится логико-понятийный и категориальный анализ терминологии, моделирование логико-понятийной схемы [1]. Далее оформляется словник, который упорядочивает отобранный материал. Как правило, терминологический словник составляется в виде списка терминов в алфавитном порядке, к каждому термину дается иностранный эквивалент.

На следующем этапе формируется корпус словаря. При этом структура словаря-тезауруса состоит из нескольких частей:

- классификационная часть с логико-семантическими структурами тем и подтем;
- контекстуальная часть, представленная дефинициями ведущих слов-понятий тем;
- идеографическая часть, в которой даются словарные понятийные статьи ведущих слов-понятий темы;
- русско-английский алфавитный указатель [12, с. 143].

Формирование корпуса словаря имеет собственные подэтапы. В первую очередь отобранные термины распределяются по понятийным группам, устанавливается определенная иерархия, конкретизируются выделяемые темы и подтемы, формируется логико-семантическая структура. Во-вторых, уточняется список ключевых терминов и подбираются дефиниции к ним. В-третьих, создается энциклопедическая часть словаря. В-четвертых, производится повторный анализ текстов для формирования словарных понятийных статей ключевых терминов.

Рассмотрим основные элементы и способ оформления словарной статьи тезауруса на уровне представления термина «Фондовый индекс». Дескриптором обозначается ключевой термин, которому дается определение и эквивалент на английском языке, согласно Таблице 1.

Таблица 1.

Дескриптор	
<i>Название термина</i>	Фондовый индекс
<i>Язык</i>	Русский
<i>Эквивалент на английском языке (Trans)</i>	Stock market index
<i>Определение</i>	Средневзвешенный показатель курсов по определенному числу компаний различных отраслей экономики, банков и других кредитно-финансовых учреждений [Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. – М.: Дело. Л. И. Лопатников. 2003].
Связи	
<i>Синоним (Synonym)</i>	Фондовый показатель, биржевой индекс
<i>Ассоциативный дескриптор (Related term)</i>	Валютный индекс
<i>Вышестоящий дескриптор (Broader term)</i>	Фондовая торговля, индексный фонд
<i>Нижестоящий дескриптор (Narrower term)</i>	Индексы крупнейших стран, индекс NIKKEI 225, индекс S&P500, индекс Доу-Джонса DJI, индекс DAX, индекс московской биржи IMOEX.

В данном случае, фондовый индекс (stock market index) – средневзвешенный показатель курсов по определенному числу компаний различных отраслей экономики, банков и других кредитно-финансовых учреждений [8]. Также может быть включен комментарий с правилами и рекомендациями использования термина или замечания и пояснения автора словарной статьи [4].

Заглавный дескриптор связан парадигматическими отношениями с другими дескрипторами, например, ему соответствуют синонимы фондовый показатель, биржевой индекс. В число связей также входят недифференцированные иерархические отношения (вышестоящий и нижестоящий дескрипторы) и ассоциативные отношения (ассоциативный дескриптор) [15]. Так, понятие фондовый индекс ассоциируется с валютным индексом. Более общими понятиями для фондового индекса выступают фондовая торговля

и индексный фонд. К фондовому индексу относятся индексы крупнейших стран, а именно индекс Доу-Джонса DJI, индекс DAX и др.

Последним этапом составления словаря-тезауруса является оформление итоговых результатов в виде бумажного словаря и его подготовка к изданию. Оформляется предисловие, содержание, правила пользования словарем, список используемых сокращений и т.д. [12, с. 143].

Таким образом, составление двуязычного словаря-тезауруса по теме инвестиционной деятельности на фондовом рынке несомненно актуально и имеет важное значение для раскрытия терминов, связанных с инвестиционной деятельностью и использующихся на брокерских (торговых) платформах. Более того, создание словаря связано с моделированием языковой системы подъязыка, что вносит вклад не только в словарное дело, но в лексикологию и лексикографию в целом. В данной статье рассмотрены принципы и этапы составления такого типа словаря, что служит опорным материалом при реализации практической части исследования, а именно, при непосредственном создании двуязычного словаря-тезауруса по теме инвестиционной деятельности на фондовом рынке.

Список литературы

1. Арзамасцева И.В. Управление терминологией: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2016. 156 с.
2. Гринев С.В. Введение в терминологическую лексикографию: Уч. пособие. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1986. 98 с.
3. Жучкова Е.В. Моделирование отраслевой словарной типологии: на материале словарей по психологии в русском и английском языках: Автореферат дис. ... канд. ... филол. наук. Екатеринбург, 2008. 23 с.
4. Загорулько Ю.А., Боровикова О.И., Кононенко И.С., Соколова Е.Г. Методологические аспекты разработки электронного русско-английского тезауруса по компьютерной лингвистике // Информатика и ее применения. М: Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, 2012. С. 22-31.
5. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка М.: Наука, 1981. 367 с.

6. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 155 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 506 с.
8. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь соврем. экон. науки. М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2003. 519 с.
9. Марчук Ю.Н. Основы терминографии: методическое пособие. М.: ЦИИ МГУ, 1992. 76 с.
10. Реестр брокеров. Банк России. URL: https://cbr.ru/securities_market/registries/ (дата обращения 30.03.2022).
11. Руткаускас Т.К. Инвестиции и инвестиционная деятельность организаций: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 316 с.
12. Серова Т.С. Содержание поэтапной разработки учебного терминологического словаря тезаурусного типа // Педагогическое образование в России. 2015. № 2. С. 143-150.
13. Словарь инвестора: про биржу и ценные бумаги. Часть 1. URL: <https://bcs.ru/blog/slovar-investora-pro-birzhu-i-cennye-bumagi-part-1> (дата обращения 01.03.2022).
14. Табанакова В.Д., Ковязина М.А. Функциональная модель переводного специального словаря // Вестник Тюменского гос. ун-та. Соц.-экон. и правовые исследования. 2006. С. 158-165. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9208247> (дата обращения 04.03.2022).
15. Экономика. Демография: информационно-поисковый тезаурус. М.: ИНИОН РАН, 2019. 506 с.

References

1. Arzamasceva I.V. *Upravlenie terminologiej: uchebnoe posobie* [Terminology management: textbook]. Ul'yanovsk: ULSTU, 2016, 156 p.
2. Grinev S.V. *Vvedenie v terminologicheskuyu leksikografiyu: Uch. posobie* [Introduction to terminological lexicography: textbook]. Moscow: MSU Publ., 1986, 98 p.

3. Zhuchkova E.V. *Modelirovanie otraslevoj slovarnoj tipologii: na materiale slovarej po psihologii v rusском i anglijskom yazykah* [Modelling industry-specific typology of dictionaries: on the basis of Russian and English psychology dictionaries]: Abstract of PhD dissertation. Ekaterinburg, 2008, 23 p.
4. Zagorul'ko Yu.A., Borovikova O.I., Kononenko I.S., Sokolova E.G. Metodologicheskie aspekty razrabotki rusско-anglijskogo tezaurusa po komp'yuternoj lingvistike [Methodological aspects of developing Russian-English thesaurus on computational linguistics]. *Informatika i ee primeneniya* [Computer science and its application]. Moscow: FRC CSC RAS, 2012, pp. 22-31.
5. Karaulov Yu.N. *Lingvisticheskoe konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka* [Linguistic construction and the thesaurus of literary language] Moscow: Nauka Publ., 1981, 367 p.
6. Komarova Z.I. *Semanticheskaya struktura special'nogo slova i ee leksikograficheskoe opisaniye* [Semantic structure of a special word and its lexicographic description]. Sverdlovsk: UFU Publ., 1991, 155 p.
7. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1990, 506 p.
8. Lopatnikov L.I. *Ekonomiko-matematicheskij slovar': Slovar' sovrem. ekon. nauki* [Economic and mathematical dictionary: Dictionary of modern economics]. Moscow: RANEPА: Delo Publ., 2003, 519 p.
9. Marchuk Yu.N. *Osnovy terminografii* [Fundamentals of terminology]. Moscow: CII MSU, 1992, 76 p.
10. *Reestr brokerov. Bank Rossii*. [Register of brokers. Bank of Russia]. URL: https://cbr.ru/securities_market/registries/ (accessed March 30, 2022).
11. Rutkauskas T.K. *Investicii i investicionnaya deyatel'nost' organizacij* [Investment and investment activities of enterprises]. Ekaterinburg: UFU Publ., 2019, 316 p.
12. Serova T.S. Soderzhanie poetapnoj razrabotki uchebnogo terminologicheskogo slovaryа tezaurusnogo tipа [The content of step-by-step development of thesaurus type of terminology dictionary]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Teacher training education in Russia], 2015, no. 2, pp. 143-150.

13. *Slovar' investora: pro birzhu i cennye bumagi. Chast' 1* [Investor Dictionary: regarding stock market and securities. Part 1]. URL: <https://bes.ru/blog/slovar-investora-pro-birzhu-i-cennye-bumagi-part-1> (accessed March 03, 2022).
14. Tabanakova V.D., Kovyazina M.A. Funkcional'naya model' perevodnogo special'nogo slovarya [Functional model of specialized dictionary]. *Vestnik Tyumenskogo gos. un-ta* [TSU Bulletin], 2006, pp. 158-165. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9208247> (accessed March 04, 2022).
15. *Ekonomika. Demografiya: informacionno-poiskovyj tezaurus* [Economics. Demographics: Information retrieval thesaurus]. Moscow: INION RAN, 2019, 506 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Шагеева Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620002, Российская Федерация

a.a.shageeva@urfu.ru

Жучкова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620002, Российская Федерация

e.v.zhuchkova@urfu.ru

Солодкина Вера Григорьевна, магистрант направления «Лингвистика»

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

*ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620002, Российская Федерация
solodkina.vera97@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Shageeva, Cand. Phil. (Philosophy), Associate Professor, Department of Foreign Languages

Ural Federal University

19, Mira Str., Ekaterinburg, 62000, Russian Federation

a.a.shageeva@urfu.ru

Elena V. Zhuchkova, Cand. Phil. (Philosophy), Associate Professor, Department of Foreign Languages

Ural Federal University

19, Mira Str., Ekaterinburg, 62000, Russian Federation

e.v.zhuchkova@urfu.ru

Vera G. Solodkina, candidate for a master's degree in linguistics

Ural Federal University

19, Mira Str., Ekaterinburg, 62000, Russian Federation

solodkina.vera97@gmail.com

Поступила 01.04.2022

После рецензирования 25.04.2022

Принята 10.05.2022

Received 01.04.2022

Revised 25.04.2022

Accepted 10.05.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-168-190

УДК 811.161.1'373.43::392.77

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЛИДАРНОСТИ КОЛЛОКАЦИЯМИ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Л.Н. Ребрина

Цель. Исследование направлено на определение общих и лингвокультурно-специфичных характеристик лексико-семантической репрезентации феномена солидарности в русской и германской лингвокультурах посредством полиаспектного анализа глагольных коллокаций с ключевым словом солидарность / *Solidarität*.

Метод или методология проведения работы. Коллокации рассматриваются как статистически устойчивые словосочетания, отражающие языковой узус и общие представления носителей языка об обозначаемом феномене. Описываются структура, внутренняя и внешняя переходность / непереходность, объектность, субъектность, серийность, структурно-семантические модели, реализуемые тематические коды, прагматический компонент значения коллокаций. Сопоставляются установленные характеристики лексико-семантической репрезентации солидарности в двух лингвокультурах. Используются описательный, сравнительный метод, структурно-семантическое моделирование, семантический, дистрибутивный анализ, метод классификации, количественных подсчетов.

Результаты. Установлен векторный характер соответствия русскоязычного ключевого слова немецкоязычному ключевому слову; преобладание позитивной презентации солидарности в обеих лингвокультурах; лингвокультурные различия в представлении ситуаций солидарности как иницилируемых субъектом / произвольных, частотных сферах отождествления солидарности, тенденции к образованию серий коллокаций, степени лексико-семантической дифференциации разных сопряженных с солидарностью

денотативных ситуаций, в основаниях негативной презентации солидарности.

Область применения результатов. Результаты могут найти применение в лексикографической практике, при разработке дизайна исследований по смежной тематике; в образовательной деятельности при подготовке курсов лексикологии и семантики.

Ключевые слова: глагольные коллокации; ключевое слово; лексико-семантическая репрезентация; солидарность; германская лингвокультура; русская лингвокультура

LEXICAL-SEMANTIC REPRESENTATION OF SOLIDARITY THROUGH COLLOCATIONS IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

L.N. Rebrina

Purpose. *The study is aimed at determining the general and linguo-cultural specific characteristics of the lexico-semantic representation of the phenomenon of solidarity in the Russian and German linguocultures through a multi-aspect analysis of verb collocations.*

Methodology. *Collocations are considered as statistically stable phrases that reflect the language usage as well as the native speakers' concept of solidarity. The structure, internal and external transitivity / intransitivity, objectivity, subjectivity, seriality, structural-semantic models, thematic codes, pragmatic component of the meaning of collocations are described. The established characteristics of the lexical-semantic representation of solidarity in two linguistic cultures are compared. The descriptive, comparative method, structural-semantic modeling, semantic, distributive analysis, classification method, quantitative calculations are used.*

Results. *The vector nature of the keywords interlingual correspondence, the predominance of a positive presentation of solidarity in both languages are established; differences in the presentation of solidarity situations as initiated by the subject / involuntary, in frequency subject*

codes and a tendency to form a series of collocations, in lexical-semantic differentiation of various solidarity situations and grounds for a negative assessment of solidarity are identified.

Practical implications. *The results can be used in lexicographic practice, in research on related topics; in university courses on lexicology and semantics.*

Keywords: *verb collocation; keyword; lexical and semantic representation; solidarity; Russian linguoculture; German linguoculture*

Введение: феномен солидарности как актуальный объект исследования в гуманитарном знании

Наше исследование нацелено на определение закономерностей лексико-семантической репрезентации в русской и германской лингвокультурах заново открываемого в социологии феномена «солидарность», неоднозначного, значимого для формирования социального сознания современного человека и интегративных процессов в социумах и столкнувшегося в сегодняшнем обществе с рядом вызовов современности на фоне противоборства тенденций консолидации и обособления, обострения конфронтаций разного рода и растущего индивидуализма, умножающихся социальных рисков. Данный феномен изучается в основном в контексте его частных аспектов. В социологическом знании солидарность получала разные прочтения: теологическое (единение в Боге), этическое (во взаимосвязи с понятиями свободы, воли, альтруизма, произвола), функциональное (как фактор общественной организации, сознательного формирования консолидации, моральными аспектами которого выступают коллективные ценности) [13; 18; 19]. В политических науках солидарность интерпретируется как проявление общности интересов; протестный феномен; характеристика коммуникативной среды в рамках общественных отношений; явление инструментально-технологического характера, поддерживаемое институтами национальных государств, а также ситуативно опирающееся на неинституциональные основания; критическая легитимация сложившегося политического порядка; феномен,

конституируемый взаимодействием социальной и политической солидарности [7; 12; 29]. В лингвистике солидарность исследуется как явление, сопряженное с коммуникативной этикой, категориями вежливости, интересубъективности, воздействия, конструированием властных отношений; получающий отражение в языке фрагмент концептосферы [1; 2; 6, с. 15-22; 22-73]. Как и многие другие социальные категории, солидарность получает разнообразную лексико-семантическую репрезентацию в языке. Лингвокультурная специфика репрезентации наиболее отчетливо проявляется при сопоставлении материала разных языков. С учетом данного факта предлагаемое исследование ориентировано на сопоставительное изучение репрезентации феномена солидарности посредством глагольных коллокаций русского и немецкого языков с ключевым словом *солидарность* / *Solidarität* для определения общих и лингвокультурно специфичных закономерностей ментального и языкового отражения данного социально значимого явления. Обобщая вышесказанное, отметим, что актуальность работы обусловлена самой социальной значимостью самого репрезентируемого феномена солидарности, востребованностью и дефицитом исследований лингвокультурной специфики его ментального и языкового отражения, насущным требованием широкого охвата языковых фактов и привлечения их количественных данных (что предполагает использование корпусов). Комплексный характер анализа и межъязыковое сравнение позволяют получить новые научные результаты.

Методология исследования:

изучение коллокаций как средства лексико-семантической репрезентации фрагмента реальности

В качестве репрезентантов изучаемого фрагмента действительности (солидарность) нами анализируются глагольно-именные коллокации (ГИК) с ключевыми словами (КС) *солидарность* и *Solidarität*, отражающие актуальный языковой узус, общие представления носителей языка об обозначаемом, выступающие эффективным средством семантизации ключевого слова. Под колло-

кациями мы понимаем статистически устойчивые сочетания КС и коллоката любого типа (свободные, идеоматические), являющиеся типичными для языка / типа текстов, комбинаторно обусловленными, семантически и синтаксически целостными единицами, в которых коллокат определяется выбором КС (см. положения теории «Смысл ↔ Текст»); компоненты коллокаций семантически и грамматически взаимообусловлены [9; 17; 23; 26]. С позиций комбинаторной лексикологии и контекстно-ориентированных исследований коллокации представляют собой разнородные в семантическом и функциональном планах единицы: общеупотребительные, экспрессивные, авторские (как правило, образованные с нарушением сочетаемости единиц и комбинирования смыслов, используемые для выражения субъективного и нетривиального, формирования авторской эстетики), этнокультурные; терминологические [8; 21]. В ГИК, реализующих взаимодействие лексического и синтаксического уровней языка, происходит узуальная актуализация и уточнение значений КС, сочетаемых с разными коллокатами [16; 23]. Исследуемые ГИК – образования предикативного характера, тяготеют к синтаксическому полюсу [9; 11; 25].

Для определения особенностей лексико-семантической репрезентации феномена «солидарность» в двух лингвокультурах (России и Германии) реализуются следующие шаги:

I. Полиаспектная характеристика ГИК – описание структурных, семантических, синтагматических признаков ГИК: 1) количество компонентов, простая / сложная структура словосочетания (отсутствие / наличие других связей помимо связи между КС и коллокатом); 2) субъектность (описание ситуации как предполагающей наличие одушевленного и / или неодушевленного субъекта действия), объектность (описание ситуации как предполагающей наличие объекта), внутренняя / внешняя переходность ГИК (включение в состав прямого дополнения / способность ГИК присоединять прямое дополнение); 3) образуемые серии ГИК, т.е. ГИК со схожей языковой репрезентацией обозначаемых ситуаций (сочетания конкретного КС в одинаковой падежной форме и семантически, синтаксически

близких коллокатов) [27], денотат наиболее многочисленных серий;

4) реализуемые структурно-семантические модели ГИК как схематизированные корреляции их структурных и семантических признаков; 5) систематизированные регулярные сферы отождествления денотативных ситуаций (определяются семемной структурой коллоката; например: а) в русскоязычной ГИК *построить* / *строить на солидарности* глагол имеет значение «соорудить, возвести, воздвигнуть (*построить на песке*); построить на чём. - взять что-л. в качестве основы, главного» / «сооружать, возводить, воздвигать; строить что и на чём. - брать что-л. в качестве основы, базы; основывать; [5]; задает конкретно-чувственную (пространственную) интерпретацию солидарности как некоей опоры, основания; в ГИК *разрушить* / *разрушать солидарность* производящее прямое значение глагола («ломаю, разбивая, уничтожить, развалить; уничтожить, превратить в развалины» [Ушаков]) обуславливает отождествление солидарности с неким предметом; значение коллоката в ГИК *породить* / *порождать солидарность* (родить; вызвать к жизни, послужить причиной появления чего-л.» [5] способствует одушевлению солидарности; б) в немецкоязычной ГИК *Solidarität einklagen* глагол имеет значение «durch Klage vor einem Gericht einzutreiben, zu erlangen suchen; mit Nachdruck [und moralischem Rechtsanspruch] fordern», называет характерное для судебной сферы действие, отсылает к объектам данной сферы, например, права, долги и пр. [14]; б) актуализируемый прагматический компонент значений ГИК [27], выражаемое ценностное отношение к называемому ключевым словом явлению (об отражении ценностных ориентиров в синтагматике см. [20; 24]), например: а) посредством ГИК *отречься* / *отрекаться от солидарности* (*отрекаться* означает [4] «отказываться от кого-либо близкого (отца, сына, соратников и т.п.), не признавать своим; отказываться от чего-либо, не признавать себе принадлежащим; 2. перен. переставать следовать чему-либо, придерживаться чего-либо» [4] солидарность представляется как нечто чуждое, неважное, ненужное; б) в рамках ГИК *апеллировать к солидарности* (апеллировать имеет значение «юр. подать – подавать апелляцию

куда-л.; к кому-чему. – обратиться – обращаться за пониманием, поддержкой, советом и т.п.» [5] солидарность интерпретируется как некая инстанция / персона, способная помочь, понять, поддержать; в) посредством немецкоязычной ГИК *jemanden in die Solidarität zwingen* (глагол имеет значение: «durch Drohung, Anwendung von Gewalt o. Ä. dazu veranlassen, etwas zu tun; zu etwas bringen; nötigen; mit Gewalt veranlassen, an einen bestimmten Ort zu gehen; gewaltsam bewirken, sich an eine bestimmte Stelle, in eine bestimmte Lage zu begeben» – «посредством угрозы, применения силы заставить сделать что-либо; принудить к чему-либо, силой загнать в определенное место, положение» [14]) солидарность изображается как нечто нежелаемое, недобровольное;

II. Сопоставление результатов, выявляющее отражаемые языком универсальные и этноспецифичные представления двух разных лингвокультур о солидарности, соответствующих денотативных ситуациях.

Источник материала – веб-коллекции корпусов DWDS, LEEDS; Sketch Engine [15; 22; 28], в корпусных менеджерах которых для извлечения коллокаций используются аналогичные меры ассоциаций (logDice, Loglikelihood score), учитывающие частоты компонентов коллокации, их совместной встречаемости в соотношении с частотами случайных сочетаний.

Результаты и дискуссия:

общее и лингвокультурно-специфичное

в лексико-семантической репрезентации понятия

«солидарность» в германской и русской лингвокультурах

ЛЕ русского языка (*солидарность*) и немецкоязычное соответствие (ЛЕ *Solidarität*) представляют собой интернационализмы, заимствованы из французского языка (начало 19 в., прилагательное *solidaire*, производно, в свою очередь, от латинского *solidus* «плотный, твёрдый, целый, полностью»), изначально использовались в юридическом языке для обозначения совместной ответственности [15]. Приведенные в таблице №1 толкования русско- и немецкоя-

зычного КС по данным нескольких словарей свидетельствуют о принадлежности данных ключевых слов к семантическому полю «единение» (на что в толковании слов присутствуют эксплицитные указания посредством, например, следующих компонентов толкований: «единство», «общность», «одинаковый», «единодушие», «совместный»; «Zusammengehörigkeitsgefühl», «gleich», «Eintreten füreinander», «Zusammenhalten», «Unterstützung».

Таблица 1.

Значение КС *солидарность* / *Solidarität*

Значение ЛЕ <i>солидарность</i>	Значение немецкоязычных соответствий по данным
<p><i>солидарность</i> [3]: 1. Активное сочувствие каким-л. действиям или мнениям, единство мыслей, интересов. 2. (юр.) Совместная ответственность. [10]: 1. Активное сочувствие каким-нибудь мнениям или действиям, общность интересов, одинаковый образ действий или убеждений. 2. Круговая порука, совместная ответственность (юр.). [4]: 1. Активное сочувствие чьим-л. действиям или мнениям; общность интересов, единодушие. 2. Совместная ответственность (в юриспруденции).</p>	<p>[14]: <i>Solidarität</i>: a) unbedingtes Zusammenhalten mit jemandem aufgrund gleicher Anschauungen und Ziele; b) (besonders in der Arbeiterbewegung) auf das Zusammengehörigkeitsgefühl und das Eintreten füreinander sich gründende Unterstützung (<i>Spenden für die internationale Solidarität</i>) [15]: auf das Wissen um gemeinsame Interessen und Ziele oder das Zusammengehörigkeitsgefühl sich gründendes Zusammenhalten von Personen oder Personengruppen und ihr Eintreten füreinander sowie die darauf beruhende gegenseitige Unterstützung (объединение приведенных в Duden online ЛСВ).</p>

При этом русскоязычный ЛСВ *солидарность*² представляет собой лауну относительно немецкого языка; немецкоязычным соответствием не реализуется семантический признак «разделение ответственности». С другой стороны, немецкоязычный ЛСВ *Solidarität*² [14], обозначающий поддержку (в рабочем движении, часто финансовую), базирующуюся на чувстве единения и чувстве взаимопомощи, представляет собой этнокультурную семему относительно русского языка (акцентируется именно деятельностный

характер солидарности; следует указать, однако, на компенсацию ЛСВ *Solidarität*² в русскоязычном ЛСВ *солидарность*¹ посредством семантического признака «активное (сочувствие)» в его значении).

Рассмотрим структурные и синтагматические характеристики отобранных ГИК с КС *солидарность / Solidarität*. Большинство исследуемых ГИК русского и немецкого языков имеют простую структуру, в которой реализуется одна грамматическая связь КС и коллоката (например, *выразить солидарность, подорвать солидарность, апеллировать к солидарности, Solidarität beschwören, Solidarität beteuern, Solidarität bröckelt, nach Solidarität schreien*); ГИК со сложной структурой немногочисленны, например: а) *солидарность покоится на (чем-либо)* – для семантической целостности, уточнения и реализации значения коллоката «лежать, прочно опираться на какое-нибудь основание» [10] значимым является компонент со значением локализации (в отличие от значения глагола *покоиться* «отдыхать, находиться в спокойствии») [10]; *рассчитывать на солидарность* – предлог выступает значимым элементом коллокации, ограничивающим реализуемое значение глагола «надеяться на осуществление чего-либо» от значений «определять размер, количество чего-либо, производя подсчёт, вычисление», «оценивать, взвешивать что-либо, обдумывая, размышляя», «выдавать вознаграждение за труд по окончании всей работы или какой-либо её части» [4]; *солидарность проявилась / проявляется в (чем-либо)* - предложная группа является обязательным элементом при реализации значения глагола «находить себе выражение в чем-нибудь, проявляться» в отличие от значений «употреблять какие-нибудь выражения, изъясняться» и «ругаться, произносить бранные слова» [10]; б) *Solidarität gründet sich auf etw.* — предлог позволяет ограничить актуализируемое значение глагола «sich auf etwas stützen; auf etwas beruhen, aufbauen, fußen» [Duden online] от значения «sich formieren» [Duden online]; в) *Solidarität stößt auf (etw.)* — значимым компонентом коллокации выступает предлог, позволяющий конкретизировать значение многозначного коллоката «unvermutet finden, entdecken, auf etwas treffen», з. В. *sie stieß mit ihrem Plan auf Ablehnung, Kritik, Unverständnis; beim*

Aufräumen auf alte Fotos stoßen – «натолкнуться на что-либо» (в отличие от значений «выложить прямо кому-либо что-либо», «втолковывать», «толочь, измельчать», «толкнуть, столкнуть», «столкнуться с кем-либо», «стукнуть, ударить», «воткнуть, пронзить», «сотрясать, трясти», «примкнуть к кому-либо / группе», «граничить», «выходить (о дороге)», «упираться во что-либо», «стукнуться обо что-либо», предполагающих употребление других предлогов / одушевленных существительных; см. [14]).

Русскоязычные ГИК преимущественно двукомпонентные (72,6%); немецкоязычные ГИК с КС *Solidarität* состоят из 2 (54,17%) или 3-х (45,86%) компонентов (предлог часто выступает необходимым элементом для формирования семантически целостной единицы). Среди русскоязычных ГИК преобладают субъектные (82,3%, например: *выступить за солидарность*), примерно половина – субъектно-объектные (54,8%; например: *соблюдать солидарность*), несубъектные ГИК, описывающие связанные с солидарностью ситуации как произвольные, представляют собой периферийное явление (17,7%; например: *солидарность выиграла*). Большая часть немецкоязычных ГИК также является субъектными коллокациями, обозначая иницируемые субъектом ситуации (71,7%; например: *Solidarität verweigern*). Несубъектные ГИК, т.е. описывающие связанные с солидарностью ситуации как не иницируемые, произвольные (часто, персонифицирующие солидарность; например: *Solidarität rettet*) составляют 30,9% всех извлеченных из веб-коллекций корпусов ГИК; субъектно-объектные ГИК (т.е. описывающие сопряженные с солидарностью ситуации как направленные на объект действия субъекта; например: *(jmdn.) zur Solidarität ermutigen, Solidarität unterstreichen*) – 28,3%. Русско- и немецкоязычные ГИК являются преимущественно односубъектными, обозначая ситуации с одушевленным субъектом (могут сочетаться с неодушевленными существительными – собирательными метонимическими обозначениями коллективного субъекта). При этом русскоязычные ГИК внешне непереходны; почти одинаково представлены внутренне переходные (54,8%, например: *выразить*

солидарность), внешне и внутренне непереходные (45,2%, например: *выступить за солидарность*) ГИК. Среди немецкоязычных ГИК более многочисленны внешне и внутренне непереходные (это ГИК с КС в роли синтаксического субъекта или в составе предложной группы – 55,3%, например: *Solidarität leben*); одинаково менее представлены внешне непереходные ГИК и внутренне переходные ГИК (26,3%: *Solidarität untergraben* и 26,9%: *Solidarität stärken*); наименее представлены внешне переходные ГИК (21,7%, например: *Solidarität ausschließen*).

Рассмотрим структурно-семантические характеристики анализируемых ГИК. В русском языке выделено 15 серий ГИК с КС *солидарность*, самые многочленные серии: *выражать, выразить / демонстрировать, продемонстрировать / выказать, выказывать / проявить, проявлять / показать, показывать солидарность; отречься, отрекаться / отказываться от солидарности; надеяться / рассчитывать на солидарность; нарушать / разрушить, разрушать солидарность*. Наиболее развитые серии ГИК описывают ситуации выражения, иницилируемого укрепления, ощущения, требования, осознания необходимости солидарности. В немецком языке выявлено существенно больше серия с повторяющимся КС *Solidarität* (41), наиболее многочленные серии: *Solidarität zusichern / versichern / beteuern / beschwören / zusagen; Solidarität bezeugen / zeigen / demonstrieren / erweisen / beweisen / bekunden; Solidarität bekräftigen / festigen / stärken / verstärken; Solidarität einfordern / fordern / erfordern / predigen / beschwören / anmahnen; Solidarität bröckelt / zerbricht / zerbröckelt / zerschlägt sich / bricht; Solidarität gebietet / verlangt / erfordert / fordert / setzt voraus; zu der Solidarität aufrufen / auffordern / ermutigen / mahnen; nach Solidarität verlangen / schreienrufen; jemanden in die Solidarität zwingen / drängen / treiben / einbeziehen*. Наиболее развитые серии описывают ситуации: требование, демонстрация, распад солидарности, заверение в солидарности, связываемые с ней обязательства, функционирование солидарности как основы, укрепление солидарности, призыв быть солидарным, вовлечение в солидарность.

Опишем структурно-семантические модели ГИК, учитывающие компонентный состав, структуру ГИК, формы компонентов, категориальное значение КС и обобщенное лексическое значение коллокативов. Распространенные модели русскоязычных ГИК: 1) *выражать / выразить солидарность, демонстрировать / продемонстрировать солидарность, проявить / проявлять солидарность, показать / показывать солидарность, выказать / выказывать солидарность, доказывать солидарность, подтвердить солидарность, подчеркивать солидарность, отражать солидарность, провозглашать / провозгласить солидарность* и др. (глагол с обобщенным значением «демонстрировать, делать явным» + существительное в функции прямого дополнения в винительном падеже) – «делать явным ЧТО»; 2) *поддерживать солидарность, крепить солидарность, укрепить / укреплять солидарность, усиливать / усилить солидарность* и др. – «усиливать ЧТО»; 3) *подорвать / подрывать солидарность, ослабить / ослаблять солидарность, нарушать солидарность, разрушить / разрушать солидарность* – «ухудшать ЧТО»; 4) *обеспечить / обеспечивать солидарность, соблюдать солидарность, сохранять солидарность* – «сохранять ЧТО»; 5) *формировать солидарность, порождать солидарность* – «создавать ЧТО»; 6) *требовать солидарность, предполагать солидарность, воспитать / воспитывать солидарность* и др. – «каузировать иметь (необходимое) ЧТО»; 7) *испытывать солидарность, ощущать солидарность, чувствовать / почувствовать солидарность* – «ощущать ЧТО»; 8) *призывать / призвать к солидарности, апеллировать к солидарности* – «побуждать К ЧЕМУ»; 9) *заявить / заявлять о солидарности, объявить / объявлять о солидарности, свидетельствовать о солидарности* – «каузировать знать О ЧЕМ»; 10) *основываться на солидарности, построить / строить на солидарности* – «быть, каузировать быть НА ЧЕМ»; 11) *надеяться на солидарность, рассчитывать на солидарность* – «полагаться на ЧТО»; 12) *отречься / отречься от солидарности, отказываться от солидарности* – «уклоняться ОТ ЧЕГО»; 13) *солидарность проявилась / проявляется, солидарность выразилась / выражается, солидарность*

взыграла – «ЧТО становится явным»; 14) *солидарность крепнет, солидарность укрепилась / укрепляется* – «ЧТО развивается».

Распространенные модели немецкоязычных ГИК: 1) *Solidarität versichern, Solidarität beteuern, Solidarität zusichern, Solidarität beschwören, Solidarität zusagen* (модель: существительное в функции прямого дополнения в аккумулятиве + глагол с обобщенным значением «обещать») – «обещать ЧТО»; 2) *Solidarität demonstrieren, Solidarität betonen, Solidarität bekunden, Solidarität ausdrücken, Solidarität bezeugen, Solidarität beweisen, Solidarität zeigen, Solidarität hervorheben, Solidarität aussprechen* – «делать явным ЧТО»; 3) *Solidarität beschwören, Solidarität einfordern, Solidarität erfordern, Solidarität fordern, Solidarität predigen, Solidarität anmahnen* – «желать иметь (необходимое) ЧТО»; 4) *Solidarität bekräftigen, Solidarität festigen, Solidarität stärken, Solidarität verstärken, Solidarität fördern* – «усиливать ЧТО»; 5) *Solidarität aufkündigen, Solidarität untergraben, Solidarität verweigern* – «не развивать, не сохранять ЧТО»; 6) *jmdn. zu der Solidarität aufrufen, zu der Solidarität auffordern, zur Solidarität ermutigen, zu der Solidarität mahnen, Solidarität erziehen* – «побуждать к ЧЕМУ»; 7) *nach Solidarität verlangen, sich nach Solidarität sehnen, nach Solidarität schreien, Solidarität rufen, nach Solidarität streben* – «жаждать ЧЕГО»; 8) *Solidarität leben, in Solidarität zusammenstehen, in Solidarität beistehen, sich in Solidarität zusammenschließen, sich in Solidarität verbinden* – «быть (вместе) ГДЕ / В ЧЕМ»; 9) *in die Solidarität einbeziehen, in die Solidarität eingebettet sein, jemanden in die Solidarität zwingen, in die Solidarität drängen* – «помещать / быть помещенным КУДА / ВО ЧТО»; 10) *aus der Solidarität ausscheren, Solidarität ausschließen, Solidarität entlassen* – «убирать ИЗ ЧЕГО»; 11) *auf der Solidarität fußen, auf der Solidarität beruhen, auf der Solidarität basieren, auf Solidarität gründen* – «быть, основываться НА ЧЕМ»; 12) *für Solidarität werben, für Solidarität plädieren, für Solidarität eintreten, sich für Solidarität einsetzen, für Solidarität einstehen* – «действовать ЗА ЧТО»; 13) *aus Solidarität streiken, aus Solidarität boykottieren, aus Solidarität demonstrieren* – «действовать ИЗ-ЗА ЧЕГО»; 14) *sich auf Solidarität verlassen, auf*

Solidarität hoffen, auf Solidarität vertrauen – «полагаться на ЧТО»; 15) *Solidarität entziehen, sich der Solidarität verweigern* – «избегать ЧЕГО»; 16) *Solidarität aufrechterhalten, Solidarität wahren* – «сохранять ЧТО»; 17) *Solidarität erfahren, Solidarität empfinden* – «ощущать ЧТО»; 18) *in Solidarität protestieren, in Solidarität demonstrieren* – «действовать вместе В ЧЕМ»; 19) *Solidarität bröckelt, Solidarität zerbricht, Solidarität zerbröckelt, Solidarität zerschlägt sich, Solidarität bricht, Solidarität schwindet, Solidarität verschwindet, Solidarität erschöpft sich, Solidarität hört auf, Solidarität lässt nach, Solidarität nimmt ab, Solidarität versagt, Solidarität verkommt* – «ЧТО пропадает»; 20) *Solidarität bewährt sich, Solidarität hält an* – «ЧТО сохраняется»; 21) *Solidarität wächst, Solidarität erstreckt sich auf / für* – « ЧТО прибывает»; 22) *Solidarität gebietet, Solidarität setzt voraus, Solidarität verlangt, Solidarität erfordert, Solidarität fordert* – «ЧТО требует»; 23) *Solidarität stiftet, Solidarität resultiert, Solidarität erzeugt, Solidarität ermöglicht etw.* – «ЧТО создает»; 24) *Solidarität sichert, Solidarität bekräftigt, Solidarität stärkt, Solidarität hilft, Solidarität rettet* – «ЧТО улучшает»; 25) *Solidarität gefährdet, Solidarität begrenzt* – «ЧТО ухудшает»; 26) *Solidarität basiert auf, Solidarität beruht auf, Solidarität gründet sich auf* – «ЧТО имеет основанием»; 27) *Solidarität herrscht, Solidarität siegt* – «ЧТО демонстрирует силу».

Важную информацию о ментальной и лексической репрезентации солидарности в двух культурах предоставляет анализ тематических кодов – регулярных сфер отождествления обозначаемого. Посредством русскоязычных ГИК регулярно актуализируется отождествление солидарности с неким содержанием (21,9%; *заявить / заявлять о солидарности*); ощущениями, эмоциями, состоянием, настроениями (18,7%; *чувствовать / почувствовать солидарность*); идеей, идеологией (16,1%; *выступить за солидарность*); предметом (15,3%; *разрушить / разрушать солидарность*); объектами судебной сферы, например, нормами, правилами (8%; *нарушать / соблюдать солидарность*); фрагментом пространства (8,3%; *построить / строить на солидарности*); живым лицом (4,8%; *по-*

рождать солидарность). В немецкоязычных ГИК солидарность уподобляется живому лицу (25,6%; *Solidarität siegt*); предмету (15,2%; *Solidarität wahren*); объектам психической сферы – ощущению, эмоции, состоянию, настроению, свойству (12,5%; *Solidarität empfinden*); объектам и явлениям судебной сферы (12,4%; *Solidarität einklagen*); фрагменту пространства, движущемуся объекту (11,8% *Solidarität erstreckt sich auf*); некому содержанию (7,2%; *Solidarität aussprechen*); событию, процессу (3,3%; *Solidarität resultiert*); органу, способности (3,3%; *Solidarität üben*); ресурсу (2,6%; *Solidarität erschöpft sich*); устройству (1,3%; *Solidarität versagt*); организации (1,2%; *Solidarität stiften*); объекту религиозной сферы (1,2%; *sich zur Solidarität bekennen, Solidarität predigen*).

Лексико-семантическая репрезентация солидарности посредством ГИК характеризуется отражением преимущественно положительного отношения к солидарности, которая описывается как нечто нужное, что требуют, доказывают, проявляют, формируют, обеспечивают, воспитывают, развивают, поддерживают, укрепляют, сохраняют, к ней призывают, на нее рассчитывают, в ней нуждаются; она выступает фундаментом, но ее можно ослабить, подорвать, нарушить, разрушить; с другой стороны от нее могут отречься как от ненужного, вредного. Немецкоязычные ГИК также позитивно характеризуют солидарность: солидарность обещают и проявляют, нацелено создают, стремятся сохранить, усилить, к ней призывают; солидарность может помочь, спасти, укрепить, соединить, на нее рассчитывают, надеются; при этом это нечто шаткое, нуждающееся в основе, то, что может исчерпаться, развалиться, исчезнуть, ослабнуть, закончиться; с другой стороны, солидарность предъявляет определенные требования, она может ограничивать, ставить под угрозу, к ней могут принуждать, из нее могут исключить.

Заключение

Лексико-семантическая репрезентация солидарности посредством глагольно-именных коллокаций в русском языке (как и в немецком языке) характеризуется превалированием представле-

ния соответствующих, связанных с солидарностью денотативных ситуаций как осознанных, инициируемых неким единичным или коллективным субъектом. По сравнению с немецким языком изученные русскоязычные коллокации существенно реже интерпретируют солидарность как самостоятельную силу, сопряженные с ней ситуации - как произвольные; т.е. для русской лингвокультуры менее типичны изображение солидарности как неконтролируемой, независимой от субъекта, персонификация солидарности. Для русскоязычной лексико-семантической репрезентации солидарности, в отличие от немецкоязычной, оказывается малозначимой пространственная семантика (отождествление феномена солидарности с фрагментом пространства). Для немецкой лингвокультуры оказывается более важной детальная репрезентация процессуального компонента ситуации, что отражается в большом количестве серий глагольных коллокаций, по сравнению с русским языком. Наличие серий коллокаций, в особенности многочленных серий, указывает на особую потребность носителей языка в точной дифференциации признаков обозначаемых ситуаций. Наиболее значимыми и поэтому получающими разнообразную, уточняющую репрезентацию посредством многочленных серий коллокаций в русском языке являются ситуации выражения, укрепления, ощущения, необходимости солидарности. Получающие отражение в распространенных немецкоязычных сериях коллокаций ситуации требования, распада солидарности, осознания связываемых с ней обязательств, вовлечения в солидарность оказываются менее значимыми для русской лингвокультуры. В русской лингвокультуре солидарность уподобляется преимущественно некому содержанию, объектам психической, ментальной сферы, предмету; по сравнению с немецким языком менее релевантно отождествление солидарности с живым лицом, объектами судебной сферы, фрагментом пространства или движущимся объектом. Лексико-семантическая репрезентация солидарности в русском языке (как и в немецком) отражает превалирующее положительное отношение к солидарности: солидарность – нечто необходимое, культивируемое, полезное, но хрупкое, при этом свя-

зываемое с усилиями и обязательствами. Негативное представление солидарности в обоих языках носит периферийный характер; при этом в немецком языке отрицательная интерпретация, как правило, сопрягается со смыслами «принуждение», «ограничение» (что не является релевантным для лексико-семантической репрезентации солидарности русскоязычными коллокациями).

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс» [The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”]).

Список литературы

1. Баев Е.В. Формы обращений и регулярность их использования как инструменты вербализации солидарности в русской языковой среде // Вестник Московского государственного областного университета Серия: Русская филология. 2021. 4. С 6-12. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-4-6-12>
2. Бенкендорф Г.Д. Языковой концепт «солидарность» в языке национал-социализма // Теоретические и методологические проблемы современного гуманитарного знания: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2001. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет. 2001. С. 18-20.
3. Евгеньева А.П. (общ. ред.) Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стер. РАН, ИЛИ. М.: Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
4. Ефремова Т.Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык, 2000. 889 с.
5. Кузнецов С.А. (гл. ред.) Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2010. Авт. ред. 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 30.08.2021)

6. Леонтьева Т.В. (ред.) (2017), Исследования русской социальной лексики: библиография. Леонтьева Т.В., Щетинина А.В., Феоктистова Л.А., Еремина М.А., Блинова А.Н., Кучко В.С. Екатеринбург: Ажур, 2017. 332 с.
7. Окара А.Н. Солидаризм: забытая идеология XXI в. // Политическая наука. 2013. 4. С. 146-155.
8. Онал И.О. Терминологические коллокации как объект изучения // Научный диалог. 2019. № 1. С. 73-87.
9. Резанова З., Буб А. Коллокации-биномиалы в русской речи: семантические типы, объективная и субъективная частотность // *Quaestio Rossica*. 2017. № 5(4). С. 1164-1177.
10. Ушаков Д.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка: в 4 т. Москва: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935-1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 21.06.2021)
11. Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М. От коллокаций к конструкциям // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2014. № X (2). С. 568-618.
12. Bock V. Internationale Solidarität ‘international solidarity’ as a buzzphrase (banner phrase) in the ideological discourse of the German Democratic Republic // *Sprache & Sprachen*. 2020. SI, S. 43-56.
13. Cureton A. Solidarity and Social Moral Rules // *Ethical Theory & Moral Practice*. 2012. Vol. 15. Issue 5, pp. 691-706.
14. Duden online. Электронный толковый словарь немецкого языка издательства Duden. URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 25.02.2022)
15. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 30.03.2022)
16. Echeverria S.A. Committing Crimes and Issuing Sentences: Collocations in Corpus Studies. Past and future // *Lengua y Habla*. 2019. № 23, pp. 131-156.
17. Kang B.M. Collocation and word association Comparing collocation measuring methods // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2018. 23, pp. 85-113.
18. Kapeller J., Wolkenstein F. The grounds of solidarity: From liberty to loyalty // *European Journal of Social Theory*. 2013. Vol. 16. Issue 4, pp. 476-491.

19. Kolers A. A Moral Theory of Solidarity. Oxford: Oxford University Press. 2016, 194 p.
20. Krasnobayeva-Chorna Z. The Qualification of Value in a Linguistics // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2019. № 10(1), pp. 453-462.
21. Lai H.L. Collocation analysis of news discourse and its ideological implications // *Pragmatics*. 2019. № 29 (4), pp. 545-570. <https://doi.org/10.1075/prag.17028.lai>
22. LEEDS. Russian corpora, University Leeds. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html> (дата обращения: 20.03.2022)
23. Lin Z., Jin Sh. Metonymic and metaphoric meaning extensions of Chinese FACE and its collocations // *Pragmatics and Society*. 2019. № 11(1), pp. 96-123.
24. Marinova E. Present-day Value Orientations through the Prism of Actual Word Compatibility // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2018. № 8(2), pp. 273-282. <https://doi.org/10.31648/pw.3586>
25. Masini F. Multi-word Expressions between Syntax and the Lexicon: the case of Italian Verb-particle Constructions // *Journal of Linguistics*. 2005. № 18. pp. 145-173.
26. Phoocharoenil S. Semantic prosody and collocation: A corpus study of the near-synonyms persist and persevere // *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. 2021. № 7(1), pp. 240-258. <https://doi.org/10.32601/ejal.911269>
27. Rebrina L. Representation of memory processes by verbal collocations with the semantic component “time” // *XLinguae*. 2019. № 12(3), pp. 249-265. <https://doi.org/10.18355/XL.2019.12.03.19>
28. Sketch Engine. Text Corpus Sketch Engine. URL: <https://app.sketch-engine.eu/> (дата обращения: 20.02.2022)
29. Spiess C. Solidarity - between free will and institutionalization. A pragmalinguistic analysis of a high-value word in the current principle programme of CDU, CSU, SPD, Bündnis 90/The Greens, FDP and PDS // *Muttersprache*. 2006. № 116(2), S. 147-161.

References

1. Baev E.V. Formy obrashchenij i reguljarnost' ih ispol'zovaniya kak instrumenty verbalizacii solidarnosti v russkoj yazykovej srede [Forms of

- address and the regularity of their use as tools for the verbalization of solidarity in the Russian language environment]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University Series: Russian Philology], 2021, 4, pp. 6-12. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-4-6-12>
2. Benkendorf G.D. Yazykovoj koncept “solidarnost” v yazyke nacional-socializma [The language concept of “solidarity” in the language of National Socialism]. *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovremennogo gumanitarnogo znaniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Theoretical and methodological problems of modern humanitarian knowledge: materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Komsomol'sk-na-Amure: AHPSU, 2001, pp. 18-20.
 3. Evgen'eva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]: 4V. 4th ed. Institute for Linguistic Studies, RAS. Moscow: Poligrafresursy, 1999, 702 p.
 4. Efremova T.F. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational derivational]. Moscow: *Russkij yazyk*, 2000, 889 p.
 5. Kuznecov S.A. (ed.) *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The great dictionary of Russian language]. St. Petersburg: Norint, 2010. Author's edition 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (accessed August 30, 2021)
 6. Leont'eva T.V. (ed.), Shchetinina A.V., Feoktistova L.A., Eremina M.A., Blinova A.N., Kuchko V.S. *Issledovaniya russkoj social'noj leksiki: bibliografiya* [Studies of Russian social vocabulary: bibliography]. Ekaterinburg: Azhur, 2017, 332 p.
 7. Okara A.N. Solidarizm: zabytaya ideologiya XXI v. [Solidarism: a forgotten ideology of the 21st century], *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2013, no. 4, pp. 146-155.
 8. Onal I.O. Terminological collocation as object under study [Terminological collocations as an object of study]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2019, no. 1, pp. 73-87. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-73-87>

9. Rezanova Z., Bub A. Kollokacii-binomialy v russkoj rechi: semanticheskie tipy, objektivnaja i subjektivnaja chastotnost' [Binomials in Russian speech: semantic types and objective and subjective frequency]. *Quaestio Rossica*, 2017, no. 5(4), pp. 1164-1177. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.4.273>
10. Ushakov D.N. (ed.) *Tolkovyj slovar 'russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija: OGIZ, 1935-1940. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%B3%D0%B%D1%83%D0%BC>. (accessed March 31, 2022)
11. Yagunova E.V., Pivovarova L.M. Ot kollokacij k konstrukcijam [From collocations to constructions]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2014, no X (2), pp. 568-618.
12. Bock B. Internationale Solidaritat 'international solidarity' as a buzzphrase (banner phrase) in the ideological discourse of the German Democratic Republic. *Sprache & Sprachen*, 2020, SI, pp. 43-56.
13. Cureton A. Solidarity and Social Moral Rules. *Ethical Theory & Moral Practice*, 2012, Vol. 15, no. 5, pp. 691-706.
14. Duden online. URL: <https://www.duden.de> (accessed February 25, 2022).
15. DWDS. URL: <https://www.dwds.de> (accessed March 30, 2022).
16. Echeverria S.A. Committing Crimes and Issuing Sentences: Collocations in Corpus Studies. Past and future. *Lengua y Habla*, 2019, no. 23, pp. 131-156.
17. Kang B.M. Collocation and word association Comparing collocation measuring methods. *International Journal of Corpus Linguistics*, 2018, no. 23, pp. 85-113.
18. Kapeller J., Wolkenstein F. The grounds of solidarity: From liberty to loyalty. *European Journal of Social Theory*, 2013, Vol. 16, no. 4, pp. 476-491.
19. Kolars A. *A Moral Theory of Solidarity*. Oxford: Oxford University Press, 2016, 194 p.
20. Krasnobayeva-Chorna Z. The Qualification of Value in a Linguistics. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2019, no. 10(1), pp. 453-462. Doi: <https://doi.org/10.31648/pw.4537>

21. Lai H.L. Collocation analysis of news discourse and its ideological implications. *Pragmatics*, 2019, 29 (4), pp. 545-570. <https://doi.org/10.1075/prag.17028.lai>
22. LEEDS. Russian corpora, University Leeds. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html> (accessed March 20, 2022).
23. Lin Z., Jin Sh. Metonymic and metaphoric meaning extensions of Chinese FACE and its collocations. *Pragmatics and Society*, 2019, no. 11 (1), pp. 96-123.
24. Marinova E. Present-day Value Orientations through the Prism of Actual Word Compatibility. *Przełąd Wschodnioeuropejski*, 2018, 8(2), pp. 273-282.
25. Masini F. Multi-word Expressions between Syntax and the Lexicon: the case of Italian Verb-particle Constructions. *Journal of Linguistics*, 2005, no. 18, pp. 145-173.
26. Phoocharoenil S. Semantic prosody and collocation: A corpus study of the near-synonyms persist and persevere. *Eurasian Journal of Applied Linguistics*, 2021, no. 7 (1), pp. 240-258. <https://doi.org/10.32601/ejal.911269>
27. Rebrina L. Representation of memory processes by verbal collocations with the semantic component “time”. *XLinguae*, 2019, no. 12 (3), pp. 249-265. <https://doi.org/10.18355/XL.2019.12.03.19>
28. Sketch Engine. Text Corpus Sketch Engine. URL: <https://app.sketch-engine.eu/> (accessed February 20, 2022).
29. Spiess C. Solidarity - between free will and institutionalisation - A pragmalinguistic analysis of a high-value word in the current programme of CDU, CSU, SPD, Bündnis 90/The Greens, FDP and PDS. *Muttersprache*, 2006, vol. 116, no. 2, pp. 147-161.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ребрина Лариса Николаевна, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник кафедры языков массовой коммуникации *Волгоградский государственный университет; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

пр. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация; ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620002, Российская Федерация

LNrebrina@volsu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Larisa N. Rebrina, leading scientific worker, professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Doctor of Philology; leading research scientist, Department of Mass Communication Languages

Volgograd State University; Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

100, Prospekt Universitetskiy, Volgograd, 400062, Russian Federation; 19, Mira Str., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

LNrebrina@volsu.ru

ORCID: <https://doi.org/0000-0003-0512-980X>

SPIN-code: 3971-1615

ResearcherID: G-6420-2015

Scopus Author ID: 56241972800

Поступила 25.04.2022

После рецензирования 25.05.2022

Принята 29.05.2022

Received 25.04.2022

Revised 25.05.2022

Accepted 29.05.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-191-206

УДК 811.133.1

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАНЦУЗСКИХ ПОСЛОВИЦ С КОНЦЕПТОМ «RAIN»

Е.В. Козтева

Обоснование. В случае с человеком, говорящим на иностранном языке, пословица выступает не только в качестве аргументации собственного высказывания, но и средством экономии языка, в результате чего высказывание становится более ярким, значимым при использовании меньшего количества слов. Так как «rain» является одним из базовых пословичных концептов французского языка, то именно такие пословицы и стали объектом исследования.

Цель. В статье выявлены и рассмотрены пословицы с концептом «rain» в ракурсе грамматической и синтаксической структуры, а также их семантического значения.

Материалы и методы. Фактическим материалом для исследования послужили открытые электронные издания. При анализе материала были использованы метод сплошной выборки, а также методы анализа и синтеза.

Результаты. Результаты исследования показали, что в пословицах с концептом «rain» отмечается нехарактерный порядок слов. В исследованных пословицах выявлены как сложноподчинённые предложения, зависимая часть которых чаще всего начинается с *si*, *quand*, *qui*, так и простые, среди которых достаточно большое количество конструкций является авербальным. Не выявлено ни одного случая использования вопросительных конструкций, среди побудительных наиболее частотными оказались глаголы в повелительном наклонении, оборот *Il faut*, *Subjonctif*.

Были отмечены случаи отсутствия артикля, параллелизма, анафоры, особенно в препозиции, а также оппозиции или противопоставления.

Выявлена высокая вариативность исследованных пословиц (до 30 вариантов), выраженную в использовании различных лексических средств при сохранении общего смысла.

Отмечена двуплановость пословиц, так как большинство из них имеют как буквальное, так и переносное значение.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы для повышения лингвокультурной компетентности студентов.*

Ключевые слова: *пословица; поговорка; концепт; хлеб; структурно-семантический анализ*

STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF FRENCH PROVERBS WITH THE CONCEPT OF “PAIN”

E. V. Kogteva

Background. *In the case of a person speaking foreign language the proverb acts not only as an argument of their own statement but also as a mean of saving language. Therefore, the statement becomes more vivid, meaningful when using fewer words. Since “pain” is one of the basic proverbial concepts of the French language, such proverbs have become the object of the study.*

Purpose. *The article deals with the proverbs with the concept “pain” in grammatical and syntactic structure as well as their semantic meaning.*

Materials and methods. *The actual material for the study was open electronic publications. Analyzing the material, the author of the article used the method of continuous sampling, as well as methods of analysis and synthesis.*

Results. *The results of the analysis showed that there was an uncharacteristic word order in the proverbs with “pain”. The studied proverbs revealed both complex sentences, the dependent part of which most often begins with *si, quand, qui*, and simple ones, among which a fairly large number of constructions are averbal. Not a single case of the use of interrogative constructions was revealed. Among the motivational*

verbs, the most frequent were verbs in the imperative mood, the phrase Il faut, Subjonctif.

There were cases of absence of the article, parallelism, anaphora, especially in the preposition, as well as oppositions.

The high variability of the studied proverbs (up to 30 variants) is revealed, expressed in the use of various lexical means while preserving the general meaning.

The plurality nature of proverbs is noted, since most of them have both literal and figurative meanings.

Practical implications. *The results of the study can be used to improve the linguistic and cultural competence of students.*

Keywords: *proverb; paremia; concept; bread; structural-semantic analysis*

Введение

Цель. Выявить и проанализировать в структурном и семантическом аспектах французские пословицы с концептом «rain», представляющие собой значимую часть паремиологического корпуса французского языка.

Актуальность. В основе использования пословицы в речи лежит намерение говорящего выразить оценку, одобрение, порицание какого-то действия, поступка, явления, портретирование личности через сентенцию [13], т.е. высказать свою личную точку зрения через «коллективную», в качестве аргументации собственного высказывания.

Французское слово «proverbe» произошло от латинского «proverbium», где приставка «про» – латинский предлог, означающий цель, которую нужно достичь, дословно переводящийся как «вместо», а корень «verbi» означает «выражение» или «речь».

Действительно, человек использует пословицу, когда обнаруживает, что ситуация, в которой он находится, сравнима с ситуацией пословицы, которая приходит ему на ум. Стоит отметить, что пословица в этой ситуации является также средством экономии языка, так как в результате её использования высказывание становится

более ярким, значимым при использовании меньшего объёма слов.

Французский семиотик А.Ж. Греймас одним из первых проанализировал пословицы с точки зрения их морфосинтаксических структур и рассматривал пословицу как элемент определенного кода внутри сообщений, которыми обмениваются говорящие [10].

Исходя из этого, можно отметить важность изучения пословиц, особенно с архетипическими концептами такими как «rain» для знакомства с языковым и культурным кодом нации изучаемого языка и повышения лингвокультурной компетентности.

Материалы и методы

Фактическим материалом для исследования послужил корпус французских пословиц о хлебе, как общеизвестных, так и присущих разным провинциям Франции из электронных источников (200 единиц). При анализе материала были использованы метод сплошной выборки для подбора пословиц, а также методы анализа и синтеза при структурно-семантическом анализе подобранных единиц.

Результаты и обсуждение

Общепринятым во французской лингвокультуре считается определение *le proverbe* как короткое высказывание, выражающее народную мудрость, очевидную истину или основанный на опыте вывод и которое вошло во всеобщее употребление [8].

Среди лингвистов, внесших значительный вклад в развитие современной паремиологии необходимо отметить К. Буридана и Ф. Сюара, исследовавших пословицы в аспекте синтаксиса и методологии их анализа.

По мнению П.Ж.-Л. Арно, пословицы – это застывшие фразы, имеющие неизменную ценность истины, не подлежащие трансформации и не допускающие синонимических парадигм [7].

Бельгийский этнолог Ф.-М. Родежем предложил в качестве критериев идентификации и классификации паремий, их характерные признаки: ритмичную форму, определённую структуру, основанную на аналогии, и нормативный статус [13].

В начале 90-х гг. в отечественной лингвистике начинает активно употребляться термин «концепт», под которым понимается единица мыслительного образования динамического характера и общей значимости, имеющая отражение в языке и неразрывно связанная с миром культуры [6].

По мнению В.А. Масловой, слово может считаться концептом только в том случае, если оно общеупотребительное, частотное и входит в состав устойчивых выражений фразеологизмов, пословиц, поговорок и т.д. [4, с. 65].

Среди огромного разнообразия лингвокультурных концептов отдельных языков существуют так называемые макроконцепты – вневременные, вненациональные маркеры, к которым бесспорно можно отнести «хлеб».

Во французской культуре макроконцепт «rain» является одной из самых значимых культурно-маркированных единиц языка [2] и заключает в себе не только аппликативный смысл еды, пропитания, средства жизнеобеспечения, но и целый спектр духовных смыслов в жизни человека и всего общества.

Так как «rain/хлеб» признан архетипичным концептом [1], во французском языке фиксируется много пословиц, имеющих тысячелетнюю историю, одной из которых является *Ne refusez du pain à personne, pas même à celui que vous ne devez jamais revoir*, зафиксированной в «Les proverbes au vilain» – XII в. Она носит нравоучительный характер и гласит «*Не отказывайте в хлебе никому, даже тому, кого вы никогда не увидите*». Существует её более поздний аналог *Un morceau de pain refusé, on s'en repent toute sa vie / Отказав однажды в куске хлеба, жалеют об этом всю жизнь*.

В результате анализа синтаксиса пословиц с концептом «rain» выяснилось, что несмотря на то, что в современном французском языке прямой порядок слов является обязательным, среди исследуемых единиц есть примеры нарушения данного правила, основанные на желании сохранить рифму, либо на архаичности высказывания: *Où il y a du pain, tout s'oublie. / Где есть хлеб, всё забывается. Rompre ne doit un œuf mollet avant que ton pain soit bien prêt. / Не разбивай яйцо всмятку прежде, чем твой хлеб будет готов*.

Отмечается также порядок слов, нехарактерный для современного французского языка: наличие в начале предложения дополнения *Avec la farine du diable, on ne peut pas faire de bon pain.* / С мукой от дьявола нельзя сделать хороший хлеб. *En une main il tient le pain, en l'autre le baston* / В одной руке он держит хлеб, а в другой палку. Все приведённые примеры взяты из сборника пословиц 1568 г.

В структурно-семантическом отношении пословица, в отличие от поговорки, является законченным предложением, смысловой основой которого считается не понятие, а суждение. Анализ показал, что среди исследуемых пословиц встречаются как простые, так и сложноподчинённые конструкции.

Простые предложения представлены как двусоставными предложениями, *Le pain d'autrui est amer.* / Хлеб чужбины горек. *Chaque grain augmente le pain.* / Каждое зернышко добавляет хлеба, так и односоставными, чаще всего авербальными: *A pain dur, des dents aigues.* / Чёрствому хлебу- острые зубы. *A bon appétit, pain amer et vin aigre.* / При хорошем аппетите хлеб -горький, а вино- кислое. *Ail et pain, repas de paysan.* / Чеснок да хлеб – крестьянская еда. *Faute de charon, pain avec oignon pour le réveillon.* / Если нет каплуна, так и хлеб с луком на рождественский стол сойдем. *Selon le pain le couteau.* / По хлебу и нож.

В составе сложноподчинённых предложений придаточные чаще всего начинаются со слов *si, quand, qui*: *Tel croit n'avoir pas assez de farine qui a déjà trop de pain cuit* / У того муки не хватает, у кого испечённого хлеба достаточно. *Quand le pain manque a la huche, l'amour roule le long d'escalier et quitte le logis* / Когда в закrome нет хлеба, любовь скатывается по лестнице и покидает дом. *Si tu manges ton pain blanc en premier, tu manges ton pain noir plus tard.* / Если ты съешь белый хлеб первым, потом ты будешь есть только чёрный.

В ходе исследования было выявлено, что достаточно продуктивными оказались конструкции, начинающиеся с:

- *il vaut mieux (vaut mieux)*

Il vaut mieux pain sans nappe que nappe sans pain / Лучше хлеб без скатерти, чем скатерть без хлеба.

Il vaut mieux manger du pain de son que de n'en manger pas du tout.
/ Лучше есть хлеб с отрубями, чем не есть совсем (довольствоваться малым).

Vaut mieux donner un morceau de pain à un chien que de se faire mordre.
/ Лучше дать собаке кусок хлеба, чем быть ею укушенным (пожертвовать малым для большего).

• Qui / celui qui

Qui de pain sec se contente, trouve à se nourrir en tout lieu. / Кто довольствуется сухим хлебом, везде еду найдёт.

Qui a pain et vin peut inviter le roi à son festin. / У кого есть хлеб и вино, может и короля на свой праздник позвать.

*Qui mange du **pain** moisi trouve des sous.* / Тот, кто ест плесневелый хлеб, становится богаче.

*Qui mange **pain** blanc, pain blanc lui vient* / Тому, кто ест белый хлеб, белый хлеб и даётся.

Характерной чертой многих пословиц является отсутствие артикля, что подтверждает их «архаичность», иными словами, их появление в языке до того, как артикль приобрёл статус детерминанта во французском языке. *Farine fraîche et **pain** chaud, n'enrichissent pas la maison.* / Свежая мука да горячий хлеб не обогащают (разоряют) дом. *Pâte brune fait bon pain* / Из ржаной муки хороший хлеб получается.

С точки зрения грамматической формы, пословицы – это чаще всего повествовательные предложения с предикатом в настоящем времени, отражающем вневременной непреходящий характер высказываемого суждения. *Le pain tendre se fait entendre (coûte cher)* / Мягкий хлеб дорого обходится.

В ходе исследования не было обнаружено ни одного примера использования вопросительной формы. В то же время было выявлено, что повелительное наклонение, достаточно часто используемое в пословицах с концептом «rain» выражается при помощи:

• повелительной формы глагола, *Attends que le blé soit mur, si tu veux manger du **pain**.* / Подожди пока пшеница станет спелой, если хочешь есть хлеб. *Sème de bonne heure et taille tard, tu recueilliras pain et vin.* / Сеи рано, коси поздно, соберёшь хлеб и вино.

• оборота *il faut* (либо его усечённой формы *faut*) *Faut gagner son pain soi-même, pour savoir combien il coûte* / Нужно зарабатывать хлеб самому, чтобы знать сколько он стоит. *Faut regarder de quel pain on mange.* / Нужно смотреть какой хлеб едят. *Le pain, faut le gagner!* / Хлеб, его нужно зарабатывать!

• а также через Subjonctif. *Si tu te trouves sans chapon, sois content de pain et d'oignon.* / Если у тебя нет каплуна, довольствуйся хлебом и луком.

Среди изученных единиц был выявлен единственный случай использования *Gérondif*: *En voyant le chien gros et sain, nul n'est besoin de voir le pain.* / Видя собаку большой и здоровой, незачем видеть хлеб (Если у хозяина большая здоровая собака, то и хлеба у него достаточно).

Существует целый пласт пословиц, состоящих из двух частей, разделённых паузой, заменяющей пунктуацию в устной речи и привлекающей внимание аудитории к тому, что произойдёт дальше, к последствиям, т.е. к основному смыслу, передаваемому пословицей: *Qui tout mange du soir lendemain ronge son pain noir.* / Кто съедает всё вечером, грызёт чёрный хлеб утром.

Частотным элементом пословиц можно считать указательное местоимение *tel*, занимающее иницирующую позицию в предложении: *Tel a du pain quand il n'a plus de dent.* / Хлеб появляется, когда зубов уже нет. *Tel croit n'avoir pas assez de farine qui a déjà trop de pain cuit.*

В ходе работы с фактическим материалом были отмечены случаи параллелизма, анафоры, особенно в препозиции: *Tel grain, tel pain.* / Какое зерно, такой и хлеб. *Tel pain tel levain.* / Какой хлеб, такая и опара. *De tel pain telle soupe.* / К такому хлебу, такой суп. *Nul pain sans peine, nul bien sans haine.* / Нет хлеба без боли, нет добра без ненависти.

Анализ исследуемых пословиц показал наличие в их конструкциях оппозиции, противопоставления: *L'ordre amène le pain, le désordre la faim.* / Порядок ведёт к хлебу, беспорядок- к голоду.

Некоторые французские пословицы отличаются высокой вариативностью, разноформленностью, что может выражаться как в

использовании различных лексических средств, так и отличных грамматических структур при сохранении общего смысла [5]. Ярким примером может служить пословица, в которой называются три условия, способствующих разрушению, обнищанию «дома» или человека *Bois vert, pain frais, femme neuve sont trois mauvaises choses dans un ménage.* / Сырые дрова, свежий хлеб и новая жена вот три худшие вещи для хозяйства, имеющая как минимум 30 вариантов. Вариативность при этом выражается в некотором различии использованных лексем для выражения тех самых условий и определяющих их эпитетов: *Jeune femme, bois vert et pain chaud, font la ruine de la maison. Pain tendre, bois vert, filles à marier ruinent la maison. Pain frais, trop de filles et bois vert transforment vite la maison en désert. Bois vert, pain frais et belle fille sont la ruine d'une maison.* Отмечаются также различия в выражении семы «разрушение, обнищание», а также обозначении дома: *Pain frais trop de filles et bois vert mettent la maison à desert. Pain frais filles à marier et bois vert appauvrissent le ménage.*

Некоторым вариантам присуща рифма: *Jeune fille, pain frais et bois vert mettent une ferme à désert. Farine fraîche et pain tendre aident la maison à descendre. Jeune femme bois vert et pain tendre font bientôt maison à vendre. Jeune femme pain tendre et bois vert mettent la maison à l'envers.*

Среди рассмотренных пословиц обнаружился бретонский вариант, в котором использован продукт, характерный для данной провинции: *Bois vert, pain chaud et cidre nouveau mettent la maison à vau l'eau.* / Сырые дрова, горячий хлеб и свежий сидр спускают дом вниз по течению.

Стоит отметить, что при анализе фактического материала были выявлены пословицы-антиподы: *Le bois sec le pain dur la femme vieille tiennent la maison sure.* / Сухие дрова (древесина), чёрствый хлеб и старая жена держат дом крепким. *En bonne maison, pain rassis et bois sec.* / В хорошем доме хлеб черствый, а дрова сухие.

Важными характеристиками пословиц в семантическом аспекте являются целостность их смыслового содержания, основанного на

суждении, а не на понятии, а также их двуплановость или дуализм, так как большинство из них могут иметь как буквальное, так и переносное значение: *Mieux vaut pain en poche que plume au chapeau.* / *Лучше хлеб в кармане, чем перо на шляпе.* *Aucun pain de maïs n'égale le pain de froment.* / *Никакой кукурузный хлеб не сравнится с пшеничным.* *Pain coupé n'a plus de maître.* / *Отрезанный ломоть не имеет хозяина.* *Il ne faut pas promettre plus de beurre que de pain.* / *Не нужно обещать масла больше, чем хлеба (с три короба).* *Les mains noirs font le pain blanc.* / *Чёрными руками делают белый хлеб.* *Chacun a sa miche de pain noir à manger.* / *У каждого есть своя буханка чёрного хлеба.* *Pain donné à la porte, revient par la cheminée.* / *Хлеб, что отдашь в дверь, вернётся через печь.* *Pâte brune fait bon pain.* / *Из коричневого (ржаного) теста хороший хлеб получается*

Существуют пословицы, употребляющиеся только в переносном значении в результате сочетания формы семантического преобразования с метафорическим, реже метонимическим переосмыслением [9]: *Celui qui est né pour un petit pain n'en aura jamais un gros.* / *У того, кто родился для малого хлеба, никогда не будет большого.* *Pain de vieillesse se pétrit en jeunesse.* / *Хлеб старости замешивается в молодости.*

На основе семантического анализа фактического материала концепт «pain» может получить свою экспликацию в следующих наиболее содержательных тематических группах:

1. Библейское учение

L'homme ne vit pas seulement de pain.	Не хлебом единым жив человек*
Celui qui manque trop du pain quotidien n'a plus aucun goût au pain éternel.	Тот, у кого слишком мало хлеба насущного, больше не захочет хлеба вечного.
Gaspiller le pain, c'est gaspiller le bien de Dieu.	Разбрасываться хлебом, значит разбрасываться даром божьим.

* имеет аналоги почти во всех языках и несёт отрицательный нюанс коннотации данного концепта, что представляется очень редким явлением.

2. Работай до поту, поешь хлеба в охоту

Qui ne pétrit, bon pain ne mange.	Кто не месит, не ест хорошего хлеба.
Le meilleur pain et le plus salubre est le sué pour l'ordinaire.	Самый лучший и полезный хлеб обычно тот, что потом полит.

Tant en Brie qu'en Champagne il n'a
du pain qui ne le gagne.

Что в Бри, что в Шампани нет хлеба,
который не нужно заработать.

3. Голодному хлеб и во сне видится.

Qui a faim, mange tout pain. A la faim
tout bon pain.

Кто голоден любой хлеб ест.

L'homme affamé ne pense qu'à pain

У голодного человека только хлеб и
на уме

Pour celui qui a faim, tout est pain

Для того, кто голоден всё -хлеб

A l'affamé pas de mauvais pain

Для голодного нет плохого хлеба

La faim fait trouver le pain tendre

Голод заставляет считать хлеб мягким

La faim se contente de pain

Голод довольствуется хлебом

Mauvais pain n'est pas faim

Если хлеб плохой, то это не голод

Pain rassis ne déplaît pas où il est lui
seul le repas

Хлеб всегда понравится, если это
единственная еда

4. Горек хлеб чужбины

Le pain d'autrui est amer.

Хлеб чужбины -горек.

Le meilleur pain est celui de la maison.

Самый лучший хлеб, хлеб своего
дома.

5. Запретный плод - сладок

Среди исследованного массива были обнаружены сразу несколько пословиц, в которых концепт «rain» используется для передачи переносного значения «запретный плод».

Le pain défendu réveille l'appétit.

Запрещённый хлеб пробуждает
аппетит.

Pain dérobé réveille l'appétit.

Украденный хлеб пробуждает аппетит.

Pain qu'on dérobe et qu'on mange en
cachette vaut mieux que le pain qu'on
cuit ou qu'on achète.

Хлеб, который украли и едят
украдкой, лучше, чем тот, что испекли
или купили.

6. Сельскохозяйственные/крестьянские

Несмотря на то, что в пословицах данной группы отражены народные наблюдения о погоде, о важности качества зерна и удобрения, многие из них употребляются в переносном значении, близком русской пословице «Что посеешь-то и пожнёшь».

Qui vend son fumier, vend son pain.

Кто продает свой навоз, продаёт свой
хлеб.

Où il y a du fumier plein la cour, il y a
plus d'une miche de pain sur la table.

Там, где полон двор навоза и на столе
хлеба больше буханки.

Eau de mai, c'est du pain pour toute
l'année.

Майская вода, хлеб на весь год.

Frais mai et chaud juin, amènent pain et vin.

Qui moissonne et sème soudain, sur chaque sillon perd un pain.

De mauvais grain, jamais de bon pain.

Chaque grain augmente le pain.

Qui sème bon grain, récolte bon pain.

Vaut mieux donner un morceau de pain à un chien que de se faire mordre.

Chaque goutte croît la motte, chaque grain croît le pain.

On prête facilement du pain à celui qui a de la farine.

Прохладный май и теплый июнь, хлеб и вино принесут.

Кто жнёт и сеет вдруг, на каждой борозде каравай теряет.

Из плохого зерна никогда не будет хорошего хлеба.

Каждое зёрнышко хлеба прибавляет.

Кто сеет хорошее зерно, собирает хороший урожай.

Лучше дать собаке кусок хлеба, чем дать себя укусить.

От каждой капли получится комок, от каждого зерна вырастет хлеб.

Легко одолжить хлеб тому, у кого много муки.

7. Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою.

Mieux vaut un morceau de pain sec avec la paix, qu'une maison pleine de viandes, avec des querelles.

Mieux vaut du pain sec avec de l'amour que des poulets avec de la brouille.

Mieux vaut avoir une miette de pain avec amour, que poules grasses avec douleurs (occitane)

Il vaut mieux un morceau de pain sec avec appétit que chapons et poules avec dégoût.

Mieux vaut sans dette un pain d'orge qu'en prêt un pain de froment.

Лучше кусок чёрствого хлеба с миром, чем дом полный мяса со ссорами.

Лучше чёрствый хлеб с любовью, чем цыплята со ссорой.

Лучше иметь крошку чёрствого хлеба с любовью, чем жирных кур с болью (бедою).

Лучше кусок чёрствого хлеба с аппетитом, чем каплуна и курицу без него.

Лучше свой хлеб ячменный, чем пшеничный, но в долг.

8. Лучше синица в руке, чем журавль в небе

Il vaut mieux du pain dans l'armoire qu'un bel homme dans la rue.

Il vaut mieux du pain dans la panetière qu'un beau garçon dans la rue.

Mieux vaut tourte de pain sur la table que miroir sur la fenêtre. (*bretonne*)

Лучше хлеб в шкафу, чем красивый мужчина на улице.

Лучше хлеб в хлебнице, чем красивый парень на улице.

Лучше буханка хлеба на столе, чем зеркало на окне.

9. Бытовые наблюдения, приметы

Le pain d'un gendre n'est jamais tendre le pain d'une tante n'a rien qui tente.

Où il y a pain, il y a souris.

Pain de boulanger, le ventre vide et l'échine sèche.

Хлеб зятя никогда не бывает мягким, а хлеб тёти ничего не стоит.

Там, где хлеб, там и мыши.

Хлеб булочника – пустой живот и сухая спина.

Changement de corbillon, fait trouver
le pain bon.

A mal enfourner on fait les pains
cornus.

Смена корзинки (хлебницы) делает
хлеб вкуснее.

В неразогретой духовке получается
хлеб рогатый (плохой)

Заключение

Использование пословиц в речи похоже на игру в языке, которая открывает код значимых образов. Французские пословицы, представляющие концепт «pain», уникальны и в то же время универсальны. Они отражают значение хлеба в жизни народа, а также множество смыслов, порожденных коллективным сознанием, мудростью французского народа.

Список литературы

1. Козлова И.Е., Гребёнкина И.Н., Голубева В.В. Французская образная лексика с наименованиями архетипически значимых продуктов питания (сопоставительный, лингвокультурологический и дискурсивный аспекты) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 4(193). С. 128-132. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-128-132>
2. Козлова И.Е., Гребенкина И.Н. Образные выражения с наименованием «хлеб» во французском и русском языках: лингвокультурологический и дискурсивный аспекты // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2017. Вып. 10. С. 107-111.
3. Кушакова И.И. Лингвокультурологический аспект формирования языковой картины мира (на материале фразеологических единиц лингвокультурологического поля «Aliments faits de farine» в современном французском языке) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 2. С. 208-215.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. Нелюбова Н.Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 323-335. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335>

6. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Ан-тология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 15-19.
7. Arnaud P.J.L. Réflexions sur les proverbes // Cahiers de lexicologie, 1991, № 59, pp. 5-27.
8. Buridant C., Suard F. Richesse du proverbe. vol. 2: typologie et fonctions. Lille: Université de Lille III, 1984, 275 p.
9. Connena M., Kleiber G. De la métaphore dans les proverbes // Langue française, 2002, no 134, pp. 58-77.
10. Greimas A. Idiotismes, proverbes, dictons // Cahiers de lexicologie, 1960, vol. 2, pp. 41-61.
11. Maloux M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes. Larousse, 1980, 652 p.
12. Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. Paris : Dict. Le Robert, 1989, 756 p.
13. Rodegem F.M. Un probleme de terminologie: les locutions sentencieuses // Cahiers de l'Institut de Linguistique, 1972, no.1, pp. 677-703.
14. <https://www.proverbes-francais.fr/proverbes-pain/> (дата обращения: 28.04.2022)
15. <http://www.expressio.fr/expressions/ca-ne-mange-pas-de-pain.php> (дата обращения: 28.04.2022)

References

1. Kozlova I.E., Grebenkina I.N., Golubeva V.V. Frantsuzskaya obraznaya leksika s naimenovaniyami arkhетipicheski znachimyykh produktov pitaniya (sopostavitel'nyy, lingvokul'turologicheskii i diskursivnyy aspekty) [French figurative vocabulary representing archetypically essential foods (comparative, linguocultural and discourse studies)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2018, no. 4 (193), pp. 128-132. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-128-132>
2. Kozlova I.E., Grebenkina I.N. Obraznye vyrazheniya s naimenovaniem «khleb» vo frantsuzskom i russkom yazykakh: lingvokul'turologicheskii i diskursivnyy aspekty [Figurative expressions denominating “bread” in

- the French and Russian languages (linguoculturological and discursive aspects)]. *Vestn. Tomskogo gos. ped. un-ta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2017, no. 10, pp. 107-111.
3. Kushakova I.I. Lingvokul'turologicheskii aspekt formirovaniya yazykovoy kartiny mira (na materiale frazeologicheskikh edinit lingvokul'turologicheskogo polya «Aliments faits de farine» v sovremennom frantsuzskom yazyke) [Linguo-culture aspect of the linguistic world-image construction (linguoculturological field “aliments faits de farine” phraseological units analysis in the modern French)]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Bulletin]. 2015, no. 2, pp. 208-215.
 4. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Cultural Linguistics]. Moscow: Akademiya, 2001, 208 p.
 5. Nelyubova N.Yu. Otrazhenie etnokul'turnykh tsennostey v poslovitsakh frankoyazychnykh stran [Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2019, vol. 10, no. 2, pp. 323-335. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335>
 6. Pimenova M.V. Metodologiya kontseptual'nykh issledovaniy [Methodology of conceptual research]. *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts], vol. 1. Volgograd: Paradigma, 2005, pp. 15-19.
 7. Arnaud P.J.L. Réflexions sur les proverbes. *Cahiers de lexicologie*, 1991, no. 59, pp. 5-27.
 8. Buridant C., Suard F. Richesse du proverbe. Vol. 2: typologie et fonctions. Lille: Université de Lille III, 1984, 275 p.
 9. Connena M., Kleiber G. De la métaphore dans les proverbes. *Langue française*, 2002, no. 134, pp. 58-77.
 10. Greimas A. Idiotismes, proverbes, dictons. *Cahiers de lexicologie*, 1960, vol. 2, pp. 41-61.
 11. Maloux M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes. Larousse, 1980, 652 p.
 12. Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. Paris : Dict. Le Robert, 1989, 756 p.

13. Rodegem F.M. Un probleme de terminologie: les locutions sentencieuses. *Cahiers de l'Institut de Linguistique*, 1972, no. 1, pp. 677-703.
14. <https://www.proverbes-francais.fr/proverbes-pain/> (accessed April 28, 2022)
15. <http://www.expressio.fr/expressions/ca-ne-mange-pas-de-pain.php> (accessed April 28, 2022)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Когтева Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»
ул. Гагарина, 42, г. Королёв, Московская область, 141070, Российская Федерация
helene_kogteva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Kogteva, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Foreign Languages
Leonov Moscow Region University of Technology
42, Gagarin Str., Korolev, Moscow Region, 141070, Russian Federation
helene_kogteva@mail.ru
SPIN-code: 1384-0777
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6570-7790>

Поступила 01.05.2022

После рецензирования 05.06.2022

Принята 19.06.2022

Received 01.05.2022

Revised 05.06.2022

Accepted 19.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-207-221

UDC 811

NEGATIVE PREFIXES IN THE LANGUAGE OF FINANCE: CAN THEY BE THOUGHT-SHAPING?

A.V. Terenin, A.L. Kormiltseva

Purpose. *The article highlights the research aimed at assessing correlation between the frequency of negatively prefixed terms in financial discourse and the outlook of the speakers on their economy. The article opens with a historical reference, which briefly features the problems of Sapir-Whorf theory, its achievements and the stages of its development.*

Materials and methods. *The authors turn to the description of the research procedure, which involved the study of financial texts, their statistical processing, work with respondents and analysis of their feedback. With the focus on the Russian language the study nonetheless employed English texts as its aims required a comparative study.*

Results. *The discussion centres on the idea that the reasons of the pessimistic view of Russians on their economy may include a language factor; notably the abundant use of negatively prefixed terms.*

Practical implications. *The authors are assured that the language conceals more phenomena nourishing Russian pessimism about the economy. The study has opened new language areas that can supposedly be viewed as pessimism shaping.*

Keywords: *Sapir-Whorf hypothesis; linguistic relativity; language of finance; negative prefixes*

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕФИКСЫ В ЯЗЫКЕ ФИНАНСОВ: МОГУТ ЛИ ОНИ БЫТЬ МЫСЛЕОБРАЗУЮЩИМИ?

А.В. Теренин, А.Л. Кормильцева

Цель. *Представленная статья освещает исследование, направленное на оценку корреляции между частотностью терминов с негативными префиксами в финансовом дискурсе и взглядами до-*

кладчиков на их экономику. Статья подкрепляется исторической справкой, в которой кратко представлены проблемы теории Сепира-Уорфа, её достижения и этапы её развития.

Материалы и методы. Авторы представляют процедуру исследования, которая предполагала изучение финансовых текстов, их статистическую обработку, работу с респондентами и анализ их отзывов. Акцент в исследовании сделан на русский язык, хотя для анализа были использованы англоязычные тексты, поскольку цели исследования подразумевали сопоставительный аспект.

Результаты. Одним из основных выводов авторы считают то, что причины пессимистичного взгляда россиян на свою экономику могут включать языковой фактор, в частности обильное использование терминов с негативными префиксами.

Практическое применение. Авторы уверены, что язык скрывает больше явлений, питающих русский пессимизм в отношении экономики. Исследование открывает новые языковые области, которые можно рассматривать с точки зрения выявления факторов, влияющих на формирование пессимизма.

Ключевые слова: гипотеза Сепира-Уорфа; лингвистическая отнесенность; язык финансов; отрицательные префиксы

Introduction

Over years, the Russian economy has been subject to criticism from all the possible parties. It has been criticized by Russia's partners, Russia's opponents, and by Russians themselves. Fair as it might be, this criticism shows different attitudes of the authors. Some speak of Russia's problems with outright cynicism, some with sympathy, still others with annoyance. It would also seem that the causes of the Russian economic constraints are listed all: from severe climate conditions to ethno-psychological background of the Russians themselves. However, there is an aspect of language that has hardly been mentioned.

In much the same way as a word can render a speaker's attitude to the object it denotes, the varieties of language can reflect the outlook of a community on the sphere where this variety occurs. Thus, assess-

ing the language of science, education or engineering one can judge not only about the sphere itself, but also about speakers' attitude towards the particular field.

In the following sections we will try to relate Russian pessimism about economy to the overuse of negative prefixes in the Russian language of finance.

Background

At various periods of human history, the problem of relation between language and world outlook gave rise to a wide diversity of opinions. Different as they might be most of these opinions centre around two viewpoints that have rivaled each other since classical antiquity.

The adherents of conflicting views have been arguing about the primacy issue: is it language that shapes one's outlook, or is it thought that modifies language? The idea of language primacy took definite outlines in the early 19th century when von Humboldt developed the theory of linguistic inequality and proclaimed that language was the vehicle of development. In the 20th century Humboldt's assumption was followed by E. Sapir and later by his student B. Whorf. Following the succeeding confirmations and refutations Sapir-Whorf ideas evolved into two versions: linguistic determinism or language-determines-thought conception and linguistic relativity or language-shapes-thought theory.

In the second half of the 20th century the Sapir-Whorf hypothesis gave rise to heated discussions. The main Whorf's opponents were the Universalists. Much of the dispute centered on colour terminology. The Whorfians claimed that the systems of colour terms in different languages influenced the way the colours are perceived by the speakers [15], while the Universalists showed that the sphere of colour terms is arranged on the basis of common patterns [5]. Another milestone was the book by E. Malotki [16] who featured the spatial category in the Hopi language and totally disproved Whorf's conclusions on the issue.

The debates also involved several other issues which allegedly argued in favour of Whorf's conception. These included "no word for X" and "lots of words for X" formulas, and the experiment of Bloom [6] con-

cerning ways of forming a hypothesis in Chinese and English. However, the researches of the Universalists disconfirmed Whorfian approach [1; 21]. All this contributed to the loss of interest in relativistic ideas.

But even under severe criticism the linguistic relativity has found its support in scientific society. Since the mid-20th century, the interest to linguistic relativity has been fueled by contrastive rhetoric that has researched the interdependency of national modes of thinking and writing [8; 13].

The later 20th and the early 21st century marked a new wave of interest in the Whorfian ideas. The empirical advances obtained new data, that argued Universalists' assumptions on colours [18; 9; 24], and extended the sphere of relativist approach on a number of other issues. The convincing results were obtained by Levinson [14], who proved that space, as a most probable domain to be linguistically universal, is not such. The cognitive force of language was confirmed by researches on bilinguals' style of thinking who, as case might be, turn to patterns of either language community [17].

Since recently Whorfian approach has been nourished by the feminist criticism of language, which contributed to relativistic judgment of gender categories [3; 22; 23]. Rather notable are researches on numerical concepts [20; 10; 11], contrastive rhetoric [2; 4], and culture as the alternative to language in its thought-shaping force [19].

On the whole, the total of the researches emerges now as a quantity of relativistic effects, scattered in different areas. As assessed in general the researches do confirm the idea of correlation between language coding, and the cognitive abilities of speakers. However, they are not free from contradictions, which enables scholars to come up with the idea to build up a new theoretical model of relativistic studies [7].

Research and methods

The idea to study the language of finance from the standpoint of linguistic relativity came to us in 2007 when we taught English to hospitality students. Their English syllabus required enacting role-plays in job-related situations, and as their teacher of English we were expected to have a feel of their profession. Actually, it was our first experience of

instructing hospitality students, and we thought that the best way to get our bearings in the maze of the hospitality industry was to turn over the pages of students' textbooks.

Assuming that Finance was the most difficult subject in their program, we took an accounting textbook and braced ourselves for irksome and tedious reading. But hardly had we run through the opening paragraphs when we realized that our ideas of finance as of a tiresome subject were not true. The textbook presented finance as an exciting activity, and much of this impression was due to the language. Puzzled by our discovery we took a Russian textbook, but even a cursory glance proved that the comparison will not favour the latter. That made us wonder why the Russian language, so powerful in the works of classics, does not display its best in financial reports and statements.

By force of circumstances, we started the research only in recent years. The study comprised several stages. At the first stage we resorted to exploratory reading in order to outline the framework of the study. The preliminary comparison allowed us to limit the research to the feature, which at that moment struck us as the most evident: the texts under comparison displayed strikingly unequal occurrences of special terms prefixed with negations. The second stage involved the statistical processing. The results are shown in Table 1.

Table 1.

Negative prefixes in Russian and English financial discourse

Prefixes	Occurrences	Pages (words)
не/вне	94	250 (64600)
без/бес	30	
Total	124	
un/in/im/ill/ir	23	250 (83700)
non	22	
dis	18	
Total	63	

The next step of statistical processing was calculating the p-value. The results assumed as expected were taken from Russian and English

dictionaries. They were determined as 3 to 2, the average ratio of Russian to English terms. The observed results were derived from the totals of Russian and English terms occurrences, which accounted for 2 to 1. Further calculation and references to chi square tables assessed the p-value as 0.005 – the threshold of statistical significance.

Russian preference to explicit negation is supported by Table 2 that shows quantitative distribution of negatively prefixed terms and their non-negative synonyms (Table 2 about here).

Table 2.

**Negative vs non-negative synonyms in Russian
and English financial documents**

Russian (per 100 pages)			
Negatively prefixed terms	Occurrences	Terms without negation	Occurrences
Незавершенное строительство (literally: construction non-completed)	18	Ведущееся строительство (literally: objects under construction)	0
Нераспределенная прибыль (literally: non-distributed profit)	14	Резервы от прибыли (literally: profit reserves)	1
Непроизводительные расходы (literally: non-productive expenditure)	21	Затраты на период (literally: costs over time)	4
Невозмestimые издержки (literally: unrecoverable costs)	6	Потерянные капиталовложения (literally: lost investments)	1
Неоплаченные счета (literally: unpaid accounts)	12	Счета к оплате (literally: accounts payable)	6
Безнадежные долги (literally: hopeless debts)	5	Плохие/сомнительные долги (literally: bad debts)	1
English (per 100 pages)			
Negatively prefixed terms		Terms without negation	
Non-completed construction	0	Construction in progress	19
Undistributed/non-distributed profits	2	Retained profit	27
Unproductive/non-productive expenses	0	Dead expenses	3
Intangible assets	3	Soft assets	4
Unpaid/unsettled accounts	2	Outstanding accounts	24
Uncollectable debts	2	Bad debts	14

Unlike Table 1 that focuses on texts structured as sentence succession, Table 2 reflects the frequency of terms laid out in a balance sheet manner, i.e., in tables of financial accounts and ledger books. The objective was to reveal the proportions between prefixed and non-prefixed synonyms in the texts directly attributable to the professional activity. As the table shows, the Russian texts display their preference for negatively prefixed units, whereas the English ones tend to avoid explicit negation.

The third stage of the research was the attempt to analyze the sampled units in respect to associations that may arise in the speakers' minds. The analysis was based on the feedback of 56 respondents, who assessed the terms in question by way of describing their associations and attitudes. The respondents were L2 learners of English who had had experience of employment in financial structures. The general overview of the analysis is presented in the following section.

Discussion

A negation as it were is not necessarily evidence of a negative attitude to a signified object. It is a language category that can testify for various intensions of a speaker [12]. However, it is widely known that a high recurrence of a language phenomenon can attest to some additional meaning. These connotations may have emotional or attitudinal nature, and, for that matter, the overuse of negative prefixes in the language of finance is assumed here as a factor that contributes to Russians' pessimism about the economy.

As said above, the study involved two types of texts: the ones structured as successions of sentences, and the ones where the terms appear as separate units. It seems appropriate therefore to mention that the two types show different distribution of the terms in question. The discourse structured as a narrative tends to absorb the terms and to weaken their attitude shaping force, whereas financial documents display the terms in a certain density. These circumstances were taken into account in interviewing the participants.

The terms to be assessed were presented in two manners: in succession of sentences, and in sets of units as they appear in a balance sheet.

In each of the cases the participants were required to comment on both Russian and English terms. The analysis of feedback gives ground to suppose that the Russian terms presented in a balance sheet manner do not give much credit to the whole picture. They produced on the respondents the impression of everything being unfinished, unpaid or uncollected. English terms received a more diverse treatment with little reference to negative or positive evaluation.

Mostly negative was also the assessment of Russian terms presented in sentences whereas English terms shared positive and neutral evaluation in approximately equal proportions. It is only natural that the respondents were individual in their speculations. However, their reasoning related to some of the terms may be generalized as follows.

Practically each industrial enterprise has at its disposal one or several objects under construction. All these objects are specified in Russian financial sheets as “незавершенное строительство” (literally: construction non-completed), and “construction in progress” in English ones. Similar in their subject-matter, the terms display difference in their emotional and attitudinal meanings. In respondents’ speculations the Russian term appeared as describing these objects only from the standpoint of the past, and the eventual success of the undertaking was called into question. Indeed, the term brings into one’s vision the images of unfinished construction objects. Inherited by Russia from the Soviet epoch they have stood abandoned and unclaimed contributing to the community’s belief that a construction begun is doomed to failure. Unlike the Russian one the English term was described as future-bound inspiring confidence that the project will be successfully completed.

Speculations in disfavour of the Russian terms may be continued after the comparison of another pair of English-Russian equivalents: “неоплаченные счета” (literally: unpaid accounts) – “outstanding accounts”. Alike the above counterparts they are identical in their denotation. The respondents’ reasoning, however, offered the terms different assessment. The word “неоплаченные” brings to the focus the idea of negative situation in this or that part of the business. The word “out-

standing” describes the problem as breaking the rank of business issues, thus recommending the manager to include this problem into the list of priorities.

Somewhat similar associations arise from comparing “безнадежные долги (literally: hopeless debts)” and “bad debts”. Pessimism inherent in the Russian term offers but only dark perspectives: the managers will have to raise financial reserves to cover losses. The English word “bad”, though negative in connotations, exhibits quite different communicative functions. It describes the debtor as an unreliable partner, and at the same time calls the partners for financial discipline.

Conclusion

Summing up the above speculations it seems reasonable to specify the following items. Any language is a system that involves innumerable relations between its elements, and the undertaken comparison features but only a small part of it. However, even this limited study fuels the researchers’ confidence that there is certain interdependence between the way the Russians think about their economy and the abundant use of negative prefixes in the language of finance. Furthermore, the authors are assured that the language conceals more phenomena nourishing Russian pessimism about the economy. The study opened new language areas that can supposedly be viewed as pessimism shaping. Such is, for instance, dry and official character of financial discourse or its remoteness from everyday communication.

Actually, the study has a speculative nature, and it might appear that it offers more hypothesis than proof. To get more reliable results, the researchers must draw up a wider guideline for the respondents’ activity, and the program of such communication is currently being developed. Yet, the aim of the study was to draw attention to the problem, and the ventured hypothesis might appear as a viable option.

Acknowledgements

This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program.

References

1. Au T.K. Chinese and English counterfactuals: The Sapir-Whorf hypothesis revisited. *Cognition*, 1983, vol. 15, no. 1-3, pp. 155-187. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(83\)90038-0](https://doi.org/10.1016/0010-0277(83)90038-0)
2. Babaii E., & Ramazani K. Reverse Transfer: Exploring the Effects of Foreign Language Rhetorical Patterns on L1 Writing Performance of Iranian EFL Learners. *RELC Journal*, 2017, no. 48(1), pp. 1-16. <https://doi.org/10.1177/0033688216687456>
3. Bassetti B., & Nicoladis E. Research on grammatical gender and thought in early and emergent bilinguals. *International Journal of Bilingualism*, 2016, no. 20(1), pp. 3-16. <https://doi.org/10.1177/1367006915576824>
4. Bennett K., & Muresan L-M. Rhetorical incompatibilities in Academic writing: English versus the Romance cultures. *Synergy*, 2016, no. 1, pp. 95-119. <http://synergy.ase.ro/issues/2016-vol12-no-1/10-Bennett-Muresan.pdf>
5. Berlin B., & Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley & Los Angeles: University of California, 1969, 178 p.
6. Bloom A.H. The linguistic shaping of thought: A study in the impact of language on thinking in China and the West. *The China Quarterly*, 1983, no. 96, pp. 749-750. <https://doi.org/10.1017/S0305741000024553>
7. Boroday S. Yu. Yazyk i poznanie: postrelativistskaya issledovatel'skaya programma [Language and cognition: A postrelativist research program]. *Voprosy yazykoznanija* [Problems of linguistics], 2019, no. 4, pp. 106-136. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0005709-8>
8. Connor U. Contrastive rhetoric: Cross-cultural aspects of second-language writing (3rd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996, 220 p.
9. Everett C. Independent cross-cultural data reveal linguistic effects on basic numerical cognition. *Language and Cognition*, 2012, no. 5(1), pp. 99-104. <https://doi.org/10.1515/langcog-2013-0005>
10. Everett C. Linguistic relativity: Evidence across languages and cognitive domains. Berlin: Walter De Gruyter, 2013, 306 p.
11. Frank M.C., Everett D.L., Fedorenko E., & Gibson E. Number as a cognitive technology: Evidence from Pirahã language and cognition.

- Cognition*, 2008, no. 108 (3), pp. 819-824. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2008.04.007>
12. Hamawand Z. The semantics of English negative prefixes. London: Equinox, 2009, 192 p. <https://b-ok.org/book/2341143/5f4cc7> (accessed September 19, 2021)
 13. Hinds J. Inductive, deductive, and quasi-inductive: Expository writing in Japanese, Korean, Chinese, and Thai. *Coherence in Writing: Research and Pedagogical Perspectives*, Arlington, VA TESOL, 1990, pp. 87-110.
 14. Levinson S.C. Space in language and cognition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003, 389 p.
 15. Lucy J. The linguistics of “color”. *Color Categories in Thought and Language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997, pp. 320-346.
 16. Malotki E. Hopi Time: A Linguistic Analysis of the Temporal Concepts in the Hopi Language. Trends in Linguistics. Studies and Monographs. Berlin, New York and Amsterdam: Mouton Publishers, 1983, 700 p.
 17. Pavlenko A. The bilingual mind... and what it tells us about language and thought. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014, 382 p. URL: https://www.academia.edu/19539473/The_Bilingual_Mind_and_what_it_tells_us_about_language_and_thought (accessed December 17, 2021)
 18. Roberson D., & Hanley J. Relatively speaking: An account of the relationship between language and thought in the color domain. *Words and the Mind: How Words Capture Human Experience*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010, pp. 165-182.
 19. Sharifian F. Cultural Linguistics and linguistic relativity. *Language Sciences*, 2016, no. 59, pp. 1-10. <http://dx.doi.org/10.1016/j.langsci.2016.06.002>
 20. Spelke E., & Tsivkin S. Initial knowledge and conceptual change: Space and number. *Language Acquisition and Conceptual Development*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001, pp. 70-100. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620669.005>
 21. Takano Y. Methodological problems in cross-cultural studies of linguist relativity. *Cognition*, 1989, no. 31, pp. 141-162. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(89\)90021-8](https://doi.org/10.1016/0010-0277(89)90021-8)

22. Vuksanović J., Bjekić J. & Radivojević N. Grammatical gender and mental representation of object: The case of musical instruments. *Journal of Psycholinguistic Research*, 2015, no. 44, pp. 383-397. <https://doi.org/10.1007/s10936-014-9293-7>
23. Wasserman B., & Weseley A. ¿Qué? Quoi? Do languages with grammatical gender promote sexist attitudes? *Sex Roles*, 2009, no. 61, pp. 634-643. <https://doi.org/10.1007/s11199-009-9696-3>
24. Winawer J., Witthoft N., Frank M. C., Wu L., Wade A. R., & Boroditsky L. Russian blues reveal effects of language on color discrimination. *Proceedings of The National Academy of Sciences of The United States of America*, 2007, no. 104(19), pp. 7780-7785. <https://doi.org/10.1073/pnas.0701644104>

Список литературы

1. Au T.K. Chinese and English counterfactuals: The Sapir-Whorf hypothesis revisited // *Cognition*, 1983, 15, pp. 155-187. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(83\)90038-0](https://doi.org/10.1016/0010-0277(83)90038-0)
2. Babaii E., & Ramazani K. Reverse Transfer: Exploring the Effects of Foreign Language Rhetorical Patterns on L1 Writing Performance of Iranian EFL Learners // *RELC Journal*, 2017, no. 48 (1), pp. 1-16. <https://doi.org/10.1177/0033688216687456>
3. Bassetti B., & Nicoladis E. Research on grammatical gender and thought in early and emergent bilinguals // *International Journal of Bilingualism*, 2016, no. 20 (1), pp. 3-16. <https://doi.org/10.1177/1367006915576824>
4. Bennett K., & Muresan L-M. Rhetorical incompatibilities in Academic writing: English versus the Romance cultures // *Synergy*, 2016, no. 1, pp. 95-119. <http://synergy.ase.ro/issues/2016-vol12-no-1/10-Bennett-Muresan.pdf>
5. Berlin B., & Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley & Los Angeles: University of California, 1969.
6. Bloom A.H. The linguistic shaping of thought: A study in the impact of language on thinking in China and the West // *The China Quarterly*, 1983, no. 96. pp. 749-750. <https://doi.org/10.1017/S0305741000024553>
7. Бородай С.Ю. Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа [Language and cognition: A postrelativist research

- program] // Вопросы языкознания, 2019. № 4. С. 106-136. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0005709-8>
8. Connor U. Contrastive rhetoric: Cross cultural aspects of second-language writing (3rd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996, 220 p.
 9. Everett C. Independent cross-cultural data reveal linguistic effects on basic numerical cognition // *Language and Cognition*, 2012, no. 5(1), pp. 99-104. <https://doi.org/10.1515/langcog-2013-0005>
 10. Everett C. Linguistic relativity: Evidence across languages and cognitive domains. Berlin: Walter De Gruyter, 2013, 306 p.
 11. Frank M.C., Everett D.L., Fedorenko E., & Gibson E. Number as a cognitive technology: Evidence from Pirahã language and cognition // *Cognition*, 2008, no. 108 (3), pp. 819-824. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2008.04.007>
 12. Hamawand Z. The semantics of English negative prefixes. London: Equinox, 2009, 192 p. URL: <https://b-ok.org/book/2341143/5f4cc7> (дата обращения: 19.09.21)
 13. Hinds J. Inductive, deductive, and quasi-inductive: Expository writing in Japanese, Korean, Chinese, and Thai // *Coherence in writing: Research and pedagogical perspectives*, Arlington, VA TESOL, 1990, pp. 87-110.
 14. Levinson S.C. Space in language and cognition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003, 389 p.
 15. Lucy J. The linguistics of “color”. // *Color Categories in Thought and Language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997, pp. 320-346.
 16. Malotki E. Hopi Time: A Linguistic Analysis of the Temporal Concepts in the Hopi Language. Trends in Linguistics. Studies and Monographs. Berlin, New York and Amsterdam: Mouton Publishers, 1983, 700 p.
 17. Pavlenko A. The Bilingual Mind... and what it tells us about language and thought. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014, 382 p. URL: https://www.academia.edu/19539473/The_Bilingual_Mind_and_what_it_tells_us_about_language_and_thought (дата обращения: 17.12.2021)

18. Roberson D., & Hanley J. Relatively speaking: An account of the relationship between language and thought in the color domain // *Words and the Mind: How Words Human Experience*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010, pp. 165-182.
19. Sharifian F. Cultural Linguistics and linguistic relativity // *Language Sciences*, 2016, no. 59, pp. 1-10. <http://dx.doi.org/10.1016/j.langsci.2016.06.002>
20. Spelke E., & Tsivkin S. Initial knowledge and conceptual change: Space and number // *Language Acquisition and Conceptual Development*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001, pp. 70-100. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620669.005>
21. Takano Y. Methodological problems in cross-cultural studies of linguist relativity // *Cognition*, 1989, no. 31, pp. 141-162. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(89\)90021-8](https://doi.org/10.1016/0010-0277(89)90021-8)
22. Vuksanović J., Bjekić J. & Radivojević N. Grammatical gender and mental representation of object: The case of musical instruments // *Journal of Psycholinguistic Research*, 2015, no. 44, pp. 383–397. <https://doi.org/10.1007/s10936-014-9293-7>
23. Wasserman B., & Weseley A. ¿Qué? Quoi? Do languages with grammatical gender promote sexist attitudes? // *Sex Roles*, 2009, no. 61, pp. 634-643. <https://doi.org/10.1007/s11199-009-9696-3>
24. Winawer J., Witthoft N., Frank M. C., Wu L., Wade A. R., & Boroditsky L. Russian blues reveal effects of language on color discrimination // *Proceedings of The National Academy of Sciences of The United States of America*, 2007, no. 104(19), pp. 7780-7785. <https://doi.org/10.1073/pnas.0701644104>

DATA ABOUT THE AUTHORS

Aleksander V. Terenin, Associate Professor, PhD, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan Republic, 423600, Russian Federation
tteerenin@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6212-1073>

Alevtina L. Kormiltseva, Associate Professor, PhD, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan Republic, 423600, Russian Federation
kormilcevaa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9652-2676>

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Теренин Александр Васильевич, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, республика Татарстан, 423600, Российская Федерация
tteerenin@ya.ru

Кормильцева Алевтина Леонидовна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, республика Татарстан, 423600, Российская Федерация
kormilcevaa@mail.ru

Поступила 01.05.2022
После рецензирования 05.06.2022
Принята 19.06.2022

Received 01.05.2022
Revised 05.06.2022
Accepted 19.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-222-237

УДК 821.161.1

**СЮЖЕТ ИНИЦИАЦИИ АЛЕКСЕЯ ТУРБИНА В РОМАНЕ
М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»***Г.М. Ибатуллина, М.М. Кривда*

Обоснование. Проблема функционирования архетипических сюжетов и связанных с ними образов и мотивов в художественной структуре романа М. Булгакова «Белая гвардия» остается практически неизученной в литературоведении. Это касается и эпизода встречи Алексея Турбина и Юлии Рейсс, в котором обнаруживается логика сюжета инициации, реализованная в тексте через систему фольклорно-сказочных и мифологических отсылок, требующих детального анализа и интерпретации.

Цель. Исследование образно-смысловой парадигмы сюжета инициации в истории знакомства Алексея Турбина и Юлии Рейсс является целью работы.

Материалы и методы. Материалом исследования служат эпизоды, представленные в десятой – тринадцатой главах романа. При этом анализируемые фрагменты рассматриваются с учетом художественно-смысловых контекстов произведения в целом. В процессе исследования использованы мифопоэтический, структурно-сопоставительный, системно-функциональный методы анализа текста.

Результаты. Результаты исследования показали, что в анализируемых фрагментах романа обнаруживаются параллели с системой мотивов волшебной сказки, связанных с архетипом инициации. В повествовательной логике эпизода выделяются основные этапы данного сюжета: уход // изоляция героя; испытания и искушения; символическая смерть; воскресение и преображение. Подобный же параллелизм выявляется в структуре хронотопа: Турбин, как и сказочно-мифологические герои, проходит инициацию в символи-

ческом иномирье, куда он перемещается из реально-эмпирического пространства. Ключевым в логике развития событий становится сказочный мотив бегства с рядом превращений героя и его «чудесным» спасением от преследования с помощью Юлии Рейсс. Турбин неоднократно переживает «встречи со смертью» как кульминационные этапы инициации, в финале сюжетной коллизии происходит возрождение и возвращение героя в реальный мир.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в курсах изучения русской литературы в вузе и школе.

Ключевые слова: М.А. Булгаков; «Белая гвардия»; архетип; инициация

ALEXEY TURBIN 'S INITIATION PLOT IN THE WHITE GUARD NOVEL BY M.A. BULGAKOV

G.M. Ibatullina, M.M. Krivda

Background. *The problem of the functioning of archetypal plots and related images and motifs in the artistic structure of the novel The White Guard by Mikhail Bulgakov remains practically unexplored in literary criticism. This also applies to the episode of the meeting between Alexei Turbin and Julia Reiss, in which the logic of the initiation plot is revealed, implemented in the text through a system of folklore-fairytale and mythological references that require detailed analysis and interpretation.*

Purpose. *The purpose of the article is to study the figurative and semantic paradigm of the initiation plot in the history of the acquaintance of Alexey Turbin and Julia Reiss.*

Materials and methods. *The material of the study is the episodes presented in Chapters 10–13 of the novel. At the same time, the analyzed fragments are considered taking into account the artistic and semantic contexts of the work as a whole. In the process of research, mythopoetic, structural-comparative, systemic-functional methods of text analysis were used.*

Results. *The results of the study showed that in the analyzed fragments of the novel detected parallels with the system of fairy tale motifs associated with the archetype of initiation. In the narrative logic of the episode, the main stages of this plot are highlighted: departure // isolation of the hero; trials and temptations; symbolic death; resurrection and transformation. A similar parallelism is revealed in the structure of the chronotope: Turbin, like fairy-tale and mythological heroes, undergoes initiation in a symbolic other world, where he moves from the real-empirical space. Pivotal to the logic of the development of events is the fabulous motive of flight with a number of transformations of the hero and his “miraculous” escape from persecution with the help of Julia Reiss. Turbin repeatedly experiences “meetings with death” as the culminating stages of initiation, in the finale of the plot collision there is a revival and the return of the hero to the real world.*

Practical implications. *The results of the study can be used in the courses of studying Russian literature at the university and school.*

Keywords: *M.A. Bulgakov; White Guard; archetype; initiation*

Введение

Актуальность. Мифопоэтические контексты в творчестве М.А. Булгакова, в том числе в романе «Белая гвардия», неоднократно были предметом пристального внимания исследователей. Ряд работ, посвященных мифологизированным принципам миромоделирования, библейским параллелям, роли символики в произведениях писателя, достаточно широк, см., например: [4; 6; 7; 8; 13; 14]. Вместе с тем проблема функционирования архетипических сюжетов и связанных с ними образов и мотивов в художественной структуре романа «Белая гвардия» остается недостаточно изученной, что определяет актуальность данной статьи.

Цель работы – исследование образно-смысловой парадигмы сюжета инициации в художественной системе романа М. Булгакова «Белая гвардия». Мы обратились здесь к анализу одной сюжетной коллизии произведения – истории знакомства Алексея Турбина и Юлии Рейсс. На наш взгляд, в основе этой коллизии отчетливо

обнаруживается логика археосюжета инициации (термин В.И. Тюпы: [11]), реализованная в повествовании через систему фольклорно-сказочных и мифологических отсылок, аллюзий, знаковых и символических деталей, в том числе связанных с пространственно-временной организацией текста.

Материалы и методы

Материалом исследования служат фрагменты романа М.А. Булгакова «Белая гвардия», изображающие кульминационные эпизоды в судьбе одного из главных героев произведения Алексея Турбина: бегство, ранение, встреча с Юлией Рейсс, болезнь. Эти эпизоды представлены в десятой – тринадцатой главах романа, которые стали непосредственным предметом исследования. Вместе с тем анализируемые сюжетные коллизии рассматриваются в образно-смысловых контекстах произведения в целом с учетом его общей художественной и смысловой проблематики. В процессе исследования использованы мифопоэтический, структурно-сопоставительный, системно-функциональный методы анализа текста.

Результаты и обсуждение

Архетип инициации, как известно, имеет не только ритуально-архаические корни, но и фольклорно-сказочные: согласно В.Я. Проппу, схема обрядов инициации определяет движение сюжета волшебной сказки [10, с. 112-437]. Эпизод бегства Алексея Турбина и встречи с Юлией Рейсс в изображении Булгакова буквально погружен в сказочную метафорику и органически вписан в мифологизированную парадигму романа в целом. Перипетийная структура эпизода также практически полностью коррелирует со схемой сюжета инициации, предполагающей четырехэтапное развитие событие (или трехэтапное, если вторую и третью фазы объединяют в одну, см.: [5, с. 544]): уход или изоляция героя; ряд испытаний и искушений; фаза символической смерти; возвращение в новом статусе, личностное воскресение и преображение [Там же]. Подобная же корреляция обнаруживается в структуре хронотопа: Турбин, как

и сказочно-мифологические герои, проходит инициацию в символическом иномирье, той «параллельной реальности», куда они попадают в результате ухода из «дома».

Следует отметить, что архетипическая логика развития событий живет в романе Булгакова в контрапунктных взаимоотражениях с логикой реалистического повествования, так что текст романа, разумеется, не превращается в сказку или миф: с точки зрения жанровой организации произведения, он представляет собой сложную диалогически сконструированную парадигму, в которой разные сюжетно-жанровые инварианты существуют в отношениях взаиморефлексии, что, на наш взгляд, можно считать одним из проявлений принципа художественной рефлексии, описанного нами в других работах, см., например: [2; 3].

Этапом исхода в анализируемом эпизоде романа можно считать уход Алексея Турбина из дома, наделенного в общем ассоциативно-символическом контексте произведения явными чертами мифологизированного хронотопа, что неоднократно отмечалось исследователями, см., например: [9; 15]. Покидая дом – олицетворение обжитого, «своего», защищенного пространства, – подобно герою волшебной сказки, Турбин оказывается во враждебном и «чужом» мире, где царят хаос и опасность. Отправка героя из дома – традиционная сказочная завязка, предвещающая превратности и беды, иногда само удаление из дома уже есть беда. Герой Булгакова, уйдя из дома и оказавшись во дворе мадам Анжу, интуитивно ощущает предвестие опасности: у Турбина «где-то под ложечкой томило и сосало предчувствие» [1, с. 174]; несмотря на это, герой продолжает путь. В плане реалистического повествования игнорирование подсказок собственной интуиции в дальнейшем приводит Турбина к целому ряду несчастий и катастроф. Однако, с точки зрения архетипической сюжетной логики, герой не игнорирует предчувствия, а, напротив, следует им: цель сюжета инициации состоит именно в том, чтобы встретиться с препятствиями и испытаниями, а не пытаться их миновать или обойти.

Повествование здесь насыщено целым рядом знаковых деталей с мифологизированной, в том числе и инфернальной, семантикой:

Турбин убегает «*по черному ходу* из магазина *неизвестно где находящейся и сладострастно пахнувшей* духами мадам Анжу» (курсивы здесь и далее принадлежат авторам статьи), по «*скользким ступеням*», чувствуя себя «*заблудшим*» [Там же, с. 173]. Он блуждает подобно фольклорному герою, который заблудился в сказочном «дремучем лесу», и одновременно подобно герою мифа, блуждающему в лабиринте. Знаковый характер в этом отношении приобретает детализированное, с реалистической точки зрения кажущееся даже избыточным, пространственное описание его пути во двор магазина Анжу; эта избыточная детализация в символическом контексте повествования воспринимается как аллюзийная отсылка к образу лабиринта: «Турбин, больше не раздумывая, бросился *вглубь* магазина и *по пути*, по которому ушел Малышев, *через маленькую дверь* выбежал в *темноватый коридор*, а *оттуда по черному ходу во двор*» [Там же, с. 138]. В сознании его актуализируется архетипическая оппозиция свой – чужой, знаковую окраску в контексте эпизода приобретает и образ «преследователей», и мотив «одиночества», и ряд других деталей, экспликация которых потребует более обширного исследования.

Сам магазин Анжу, где Турбин встречается с полковником Малышевым, предстает как переходный, гранично-промежуточный топос, как хронотоп междумирья, где в герое и его сознании происходят первые метаморфозы: «Мысли в голове у Турбина сбились в *бесформенную кучу*, и некоторое время он *совершенно бессмысленно* смотрел туда, где исчез побритый полковник» [Там же, с. 137]. «Бесформенность» и «бессмысленность», так же как сумеречность, «серенькие тени», амбивалентные – то багровые, то весело-красные – отблески пламени печи, – это знаки присутствия хтонических энергий, того иномирья, которое связано с недрами мифологического Хаоса и в которое перемещается герой волшебной сказки, покидая дом. Характерно, что мотив метаморфоз, происходящих в этом фронтальном топосе, связан не только с Турбиным, но и с Малышевым, который неоднократно уподобляется актеру, меняющему обличье. Именно здесь оба героя бросают в огонь погони как знаки их социальной

маркировки и принадлежности к реальному миру; здесь же Турбина «обожгла мысль: паспорт?» «Так и есть! Забыл, ах, это уже скандал. ... Шинель серая. *Спросят – кто? Доктор... а вот докажи-ка!*» [Там же, с. 139]. Символически герой Булгакова лишается не только социальной и профессиональной идентификации, вписывающей его в эмпирическую действительность, но и привычного ему экзистенциального и лично-бытийного статуса, что традиционно происходит и с героем сказки, который утрачивает все прежние свои характеристики и остается лишь «добрым молодцем». Даже если у фольклорного героя обозначена в редуцированной форме прежняя социальная маркировка – Иван-царевич или Иван-крестьянский сын, – на дальнейшее развитие событий она не оказывает никакого влияния.

Перемещение Турбина из реального пространства в мифологическое символически обозначено также образом *пустоты* – одним из синонимов Хаоса. Его путь в этой «инореальности», где он оказался после пребывания в междумирье магазина Анжу, начинается с того, что он «пересек пустыню» [Там же, с. 173]; улица, по которой он движется, оказывается «совершенно пуста»; «...ясно чувствовалось, что все управление *вымерло*» Герой начинает замечать, что мир вокруг меняется, его окружает не только пустота, но и неестественная тишина, он ощущает близость царства смерти. [Там же]. Актуализирована в тексте и знаковая для сюжетов *перехода* семантика ворот и дверей («Золотые ворота», «калитка, к великому удивлению Турбина, незапертая» [Там же], мифологизированные оппозиции верх – низ, черное – белое, свет – тьма и др.

Далее мы видим трансформацию хронотопа, который, в соответствии со структурой двупланового повествования, ориентированного и на достоверность, и на логику сказки // мифа, откровенно раздваивается: Алексеевский спуск в данном эпизоде романа – топос реальный, а Владимирская улица оказывается сказочно-мифологическим пространством. Отметим, что двуплановость хронотопа была проявлена и в предшествующих рассмотренных нами эпизодах, однако здесь она приобретает не только символический, но и конкретно-топографический смысл. Владимирская улица – место

пересечения Турбина со своими преследователями, которое одновременно становится для него аналогией сказочного перепутья, где совершается судьбоносный для героя выбор. «Нужно было бы Турбину повернуть сейчас от Золотых ворот влево по переулку <...>. Если бы сделал так Турбин, жизнь его пошла бы совсем по-иному, но вот Турбин так не сделал. <...> И, вместо того, чтобы свернуть, Турбин сделал десять лишних шагов и вышел на Владимирскую улицу» [Там же, с. 145]. Этот выбор определяет и дальнейший путь инициации героя, который идет навстречу испытаниям // искушениям, вплоть до испытания смертью.

Ключевым в логике развития инициационных событий становится сказочный мотив бегства с превращением и чудесным спасением от преследования. С изменением облика персонажа в волшебной сказке связана оппозиция истинный – преображенный. Происходит ряд превращений и с героем Булгакова: Турбин мысленно хочет «превратиться лезвие ножа» [Там же, с. 174], чтобы избавиться от преследователей; «затем Турбин почувствовал, что сам он обернулся в стрелу на Владимирской улице...» [Там же, с. 175]. И, наконец, спасаясь от погони, Турбин «превращается в мудрого волка» [Там же]; обращение людей в животных, как мы помним, – широко распространенный сказочный и мифологический мотив.

Зооморфная трансформация героя в повествовании неоднократно маркируется «волчьими» деталями: «по-волчьи обернувшись», «уже совершенно по-волчьи косил на бегу Турбин глазами», «скаля зубы» [Там же]. Волк как архетипический символ в мифе и фольклоре выполняет функции посредника между миром живых и миром мертвых. Турбин здесь уже явственно и в полной мере ощущает свою сопричастность «потустороннему» миру, оказываясь на грани жизни и смерти в буквальном смысле; по сути, эта граница становится в повествовании локусом пересечения реальности и мифа, «были» и «сказки». Аллюзийно возникают здесь отсылки к известной народной сказке «Иван-царевич и серый волк», где волк предстает не просто помощником, но и зооморфным двойником героя и где также сюжетно значим мотив бегства Ивана-царевича на «сером волке» по-

сле похищения Жар-птицы, коня и Елены Прекрасной. (Заметим, что с мифологемой волка, в том числе с образом волка-оборотня в культуре и искусстве связана и более обширная семантика, однако ее детальную экспликацию мы пока оставляем за рамками данной статьи).

Топография бегства Турбина от петлюровцев детализирована у Булгакова рядом пространственных деталей, олицетворяющих, как это бывает и в сказочном нарративе, множественные препятствия, встающие на пути перед героем. Сначала он бежал по Владимирской улице, затем «свернул на Мало-Провальную», которую автор называет «роковой» [Там же, с. 177] и «самой фантастической улицей в мире» [Там же, с. 176]. Здесь в судьбе Турбина происходит действительно «сверхъестественное» событие, совершается поистине сказочное чудо: оказавшись в результате погони в тупике («Дальше безнадежно: глухая запертая решетка, вон ворота громады заперты, вон заперто...» [Там же]) он неожиданно получает помощь от Юлии Рейсс, представшей в роли сказочной «спасительницы»: «И тут увидел ее в самый момент чуда, в черной мшистой стене, ограждавшей наглухо снежный узор деревьев в саду» [Там же]. «Турбин ... подбежал медленно к *спасительным* рукам и вслед за ними провалился в узкую щель калитки в деревянной черной стене» [Там же]. После встречи с Юлией герой вновь перемещается в другое пространство, тоже иномирное, где он видит «какой-то белый, сказочный многоярусный сад» и где «всё изменилось сразу» [Там же]. Сама героиня также воспринимается им как принадлежащая к некоему неведомому, таинственному миру: «Что за странный домик. Она одна. Кто такая? Спасла...» [Там же, с. 180].

Мифологема сада – один из традиционных фольклорных образов, в том числе он встречается в уже упомянутой сказке «Иван-царевич и серый волк». У Булгакова мы видим инверсию мотивов, связанных с данной мифологемой: если в сказке герой // волк похищает царевну из волшебного сада, Турбин находит спасение в зачарованном саду. Вместе с тем ряд деталей в булгаковском повествовании достаточно четко коррелирует со сказочным нарративом. Так, например, во многих сказочных и мифологических сюжетах, как и в романе Булгакова, волшебный сад – пространство героини, невесты // спасительницы //

царевны, и находится он за оградой. Сад для Юлии Рейсс – «свое», освоенное пространство, поэтому она свободно ориентируется в нем, для Турбина – это пространство «чужое», он не понимает, куда они бегут, сад для него похож на лабиринт: «Ишь, лабиринт... словно нарочно, – очень мутно подумал Турбин и оказался в белом саду, но уже где-то высоко и далеко от роковой Провальной» [Там же, с. 177]; «Тут такой лабиринт, что никто не отыщет следов. Мы пробежали три сада», – отвечает Юлия непроизнесенным словам-мыслям Турбина [1, с. 179]. «Сказочность» сада подчеркнута также тем, что символически он существует как бы вне времен года, здесь соседствуют сирени и снег, так что «белый сад» – это и деревья, покрытые снегом, и сад белых цветущих сиреней: «Увиделись расплывчато купы девственной и нетронутой сирени под снегом, дверь, стеклянный фонарь старинных сеней, занесенный снегом» [Там же, с. 177].

Чудесное спасение Турбина, как и в сказке, было бы невозможно без волшебных помощников, обладающих сверхъестественной силой. В.Я. Пропп выделяет следующие функции сказочного помощника: пространственное перемещение героя, ликвидация беды или недостачи, спасение от преследования, разрешение трудных задач и трансфигурация героя [10, с. 60-61]. Юлия Рейсс, выполняющая практически все эти функции, представлена у Булгакова не только как помощник и «даритель», но одновременно и в других архетипических ролях, которые мы уже называли выше: спасительница // царевна // невеста. Так, знаковыми для восприятия ее в роли невесты становятся слова самой Юлии о том, что она представит Турбина как своего мужа, если петлюровцы ворвутся в дом: «На случай, если все-таки появятся... Вы будете лежать, а я скажу, что вы мой муж больной...» [1, с. 179]. Характерно, что в русских волшебных сказках героиня, владеющая магическими силами, нередко является дочерью // внучкой или невестой врага героя. Юлия – любовница Шполянского, образ которого в романе окружен демонизированным ореолом. Соответственно, в анализируемой сюжетной коллизии Булгакова мы видим интеграцию двух инвариантных сказочных мотивов: добывания невесты и похищения невесты.

В логике повествования Булгакова обнаруживаются и существенные отклонения от архетипического канона, в том числе в структурных этапах инициации Турбина, для которого испытания после встречи с Юлией и совершившегося спасения, в отличие от фольклорной сказки, не завершаются благополучным финалом. Вторая и третья стадии инициации у Булгакова, с одной стороны, пролонгируются, с другой – интегрируются с последней фазой: воскресением // преображением. Героя ждут болезнь и новые «встречи со смертью», в том числе кульминационная, когда Алексей Турбин «стал умирать днем 22 декабря» [Там же, с. 236]. Отметим, что, в изображении Булгакова, эта сцена приобретает одновременно эмпирически объективный и сакрально-символический характер, так что мотив смерти оказывается смысловой точкой пересечения и взаимопроникновения двух реальностей – мифологизировано-сказочной и эмпирической. Вместе с тем Турбину предстоит и возрождение, и возвращение (как символическое, так и реальное возвращение домой к семье), и новая возможная встреча с возлюбленной.

Воскресение Турбина, «вымоленного» у Богородицы душевной жертвенностью Елены, полностью принадлежит уже не к фольклорно-языческому, а к сакрально-мистериальным сферам, чудо сказочное перерастает здесь в чудо жития и мистерии. Однако сюжетная схема волшебной сказки не утрачивает своей роли на завершающих этапах инициации героя Булгакова. Сказочного свадебного пира в финале романа мы не видим, но символическое обручение героев и возвращение к сказочной сюжетной логике состоялось: об этом свидетельствует сцена встречи Турбина и Юлии, где он надевает ей на руку «кованый и темный браслет», становящийся эмблематичным олицетворением их союза.

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что повествование Булгакова резонирует с образно-смысловыми парадигмами сказки и мифа амбивалентно – отчасти прямо реконструируя их, отчасти модифицируя традиционные мотивные комплексы. Сказочная реальность становится многомерной и диалогически отрефлексированной логи-

кой реалистического нарратива, кроме того, сюжетная логика сказки живет в контрапунктных взаимоотражениях с логикой иных форм сакрального миропонимания – агиографических и мистериальных.

Сказка, житие и мистерия у Булгакова, в отличие от ортодоксальной религиозной культуры, не противоречат друг другу, а существуют как разные инварианты единого сакрально-символического культурного кода. Здесь закономерно встает вопрос о более развернутой экспликации образно-смысловых резонансов булгаковского текста с агиографической и мистериальной традицией, однако детальная реконструкция данной парадигматики остается для нас перспективой дальнейших исследований.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Белая гвардия. М.: Ладомир, 2015. 824 с.
2. Валиева (Ибатуллина) Г.М. Рефлексия как основа образотворчества в системе чеховской прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 20 с.
3. Ибатуллина Г.М. Сквозь призму образа. М.; Берлин: Директ – Медиа, 2017. 320 с. URL:<https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=480158> (дата обращения: 25.04.2022).
4. Коханова В.А. Архетип женщины в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 2. С. 159-166.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. Т. 1. 672 с.
6. Менглинова Л.Б. Апокалиптический конфликт в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Тюменского государственного университета. Humanitates. 2009. № 1. С. 137-144.
7. Нагина К.А. Контексты сада в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Михаил Булгаков, его время и мы. Krakow: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ, 2012. С. 197-212.
8. Орлова О.А. Эсхатологические мотивы в творчестве М.А. Булгакова: на примере романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 227 с.

9. Пояркова Н.А. Символика образа дома в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение, журналистика. 2003. № 7-8. С. 40-48.
10. Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
11. Тюпа В.И. Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву. Новосибирск, 1996. С. 16-23.
12. Федунина О.В. Система снов в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Челябинский гуманитарий. 2011. № 2 (15). С. 42-45.
13. Haber E.C. The Mythic Structure of Bulgakov's "The Master and Margarita" // "The Master and Margarita": A Critical Companion / Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), 1996, pp. 164-171.
14. Lapidus R. The Transformation of Jewish Mysticism in Mikhail Bulgakov's "The White Guard". *Quaestio Rossica*, (1), 213-222. <https://doi.org/10.15826/qr.2015.1.088>
15. Weeks L.D. Houses, Homes, and the Rhetoric of Inner Space in Mikhail Bulgakov // "The Master and Margarita": A Critical Companion / Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), 1996, pp. 143-163.

References

1. Bulgakov M.A. *Belaya gvardiya* [The White Guard]. Moscow: Ladomir, 2015, 824 p.
2. Valieva (Ibatullina) G.M. *Refleksiya kak osnova obrazotvorchestva v sisteme chekhovskoy prozy* [Reflection as the Basis of Image Creation in the System of Chekhov's Prose]. Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 1992, 20 p.
3. Ibatullina G.M. *Skvoz' prizmu obraza* [Through the Prism of the Image]. Moscow, Berlin, Direkt – Media Publ., 2017, 320 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=480158> (accessed April 25, 2022).
4. Kokhanova V.A. Arkhetip zhenshhiny v romane M.A. Bulgakova «Belaya gvar-diya» [The archetype of a woman in M.A. Bulgakov's novel "The White Guard"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Mos-

- cow State Regional University. Series: Russian Philology], 2007, no. 2, pp. 159-166.
5. *Mify narodov mira. Ehntsiklopediya: V 2 t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: In 2 volumes]. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya ehntsiklopediya, 1998, vol. 1, 672 p.
 6. Menglinova L.B. Apokalipticheskiy konflikt v romane M. Bulgakova «Belaya gvardiya» [The Apocalyptic Conflict in M. Bulgakov's novel "The White Guard"]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Humanitates* [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitates], 2009, no. 1, pp. 137-144.
 7. Nagina K.A. Konteksty sada v romane M. Bulgakova «Belaya gvardiya» [Contexts of the garden in M. Bulgakov's novel "The White Guard"]. *Mikhail Bulgakov, ego vremena i my* [Mikhail Bulgakov, his Time and we]. Krakow: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ, 2012, pp. 197-212.
 8. Orlova O.A. *Eskhatologicheskie motivy v tvorchestve M.A. Bulgakova: na primere romanov «Belaya gvardiya» i «Master i Margarita»* [Eschatological motives in the works of M.A. Bulgakov: on the example of the novels "The White Guard" and "The Master and Margarita"]. PhD dissertation. Moscow, 2008, 227 p.
 9. Poyarkova N.A. Simvolika obraza doma v romane M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya» [The symbolism of the image of the house in the novel by M.A. Bulgakov "The White Guard"]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Literary Studies, Journalism], 2003, no. 7-8, pp. 40-48.
 10. Propp V.YA. *Morfologiya <volshebnoy> skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The Morphology of the <Magic> Fairy Tale. The Historical Roots of the Magic Fairy Tale]. Moscow: Labirint Publ., 1998, 512 p.
 11. Tyupa V.I. Fazy mirovogo arkeosyuzheta kak istoricheskoe yadro slovarya motivov [Phases of the World Archeoplot as the Historical Core of the Dictionary of Motifs]. *Materialy k «Slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury»: ot syuzheta k motivu* [Materials for a "Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature": from Plot to Motif]. Novosibirsk, 1996, pp. 16-23.

12. Fedunina O.V. *Sistema snov v romane M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya»* [The system of dreams in M.A. Bulgakov's novel "The White Guard": end-to-end motives]. *Chelyabinskij gumanitarij* [Chelyabinsk Humanities], 2011, no. 2(15), pp. 42-45.
13. Haber E.C. The Mythic Structure of Bulgakov's "The Master and Margarita". *"The Master and Margarita": A Critical Companion* / Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), 1996, pp. 164-171.
14. Lapidus R. The Transformation of Jewish Mysticism in Mikhail Bulgakov's "The White Guard". *Quaestio Rossica*, (1), 213-222. <https://doi.org/10.15826/qr.2015.1.088>
15. Weeks L.D. Houses, Homes, and the Rhetoric of Inner Space in Mikhail Bulgakov. *"The Master and Margarita": A Critical Companion* / Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), 1996, pp. 143-163.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ибатуллина Гузель Мртазовна, профессор кафедры русского языка и литературы СФ БашГУ, доктор филологических наук, доцент
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
пр. Ленина, 49а, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, 453116, Российская Федерация
guzel-anna@yandex.ru

Кривда Мария Михайловна, учитель русского языка и литературы
МАОУ СОШ № 30 города Тюмени им. Ф.Е. Федорова
ул. Мира, 14, г. Тюмень, Тюменская обл., 625025, Российская Федерация
79829361806@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Guzel M. Ibatullina, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Doctor of Philology, Associate Professor
Sterlitamak Branch of Bashkir State University

49 Prospect Lenina, Sterlitamak, 450103, Bashkortostan, Russian Federation

E-mail: guzel-anna@yandex.ru

SPIN-code: 1001-3010

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9016-760X>

Maria M. Krivda, Teacher of Russian Language and Literature
Secondary school № 30 of the city of Tyumen named after F.E. Fedorov
14, Mira Str., Tyumen, Tyumen region, 625025, Russian Federation
79829361806@yandex.ru

Поступила 10.05.2022

После рецензирования 03.06.2022

Принята 21.06.2022

Received 10.05.2022

Revised 03.06.2022

Accepted 21.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-238-247

УДК 81

**РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ»
И «РЕАЛИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. ФОЛКСА
«A WEEK IN DECEMBER»)****К.Э. Хужина, Н.В. Лаштабова**

В статье рассматриваются понятия «имя собственное» и «реалия», а также разграничение этих терминов на основе примеров из романа Себастьяна Фолкса «A Week in December». Приводятся классификации ономастических реалий.

Целью исследования является разграничение понятий «оним» («имя собственное») и «реалия», рассмотрение видов ономастических реалий по классификациям С. Влахова и С. Флорина, В.В. Виногорадова, Г.Д. Томахина.

Материалы и методы. Материалом исследования послужил роман С. Фолкса «A Week in December» и его перевод на русский язык, выполненный С.Б. Ильиным. В качестве методов научного исследования выбраны метод теоретического анализа, описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты. Результаты исследования показали, что не все имена собственные следует относить к реалиям. Так как главная характерная черта реалий – выраженный национальный колорит, то только имена собственные, имеющие национальную окраску, могут относиться к этой группе. К этому классу онимов обычно относятся антропонимы и топонимы с культурным компонентом.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении вопроса разграничения понятий имя собственное и реалия, а также при классификации данных терминов.

Ключевые слова: реалия; имя собственное; оним; классификация реалий; классификация имён собственных; перевод реалий

DIFFERENTIATION OF THE CONCEPTS PROPER NAME AND REALIA (BASED ON THE NOVEL A WEEK IN DECEMBER BY S. FAULKS)

K.E. Khuzhina, N.V. Lashtabova

The concepts of proper names and realias, as well as the differentiation of these terms based on the novel A Week in December by S. Faulks are considered in this article. Classifications of onomastic realias are given.

Purpose. *Differentiation of the concepts of onym and realia, consideration of the types of onomastic realias according to the classifications of S. Vlakhov and S. Florin, V.V. Vinogradov, G.D. Tomakhin.*

Materials and methods. *The research material comprises the novel A Week in December by S. Faulks and its translation into Russian, made by S.B. Ilyin. Method of theoretical analysis, descriptive and comparative methods were chosen as methods of scientific research.*

Results. *The results of the study proved that not all proper names should be attributed to the realias. Since the main characteristic feature of the realias is a pronounced national component, only proper names that have a national coloring can belong to this group. This class of onyms usually includes anthroponyms and toponyms with a cultural component.*

Practical implications. *The results of the research can be used in further study of the issue of differentiation of the concepts of proper name and realia, as well as in the classification of these terms.*

Keywords: *realia; proper name; onym; classification of realias; classification of proper names; translation of realias*

Введение

Цель. Целью нашей работы является разграничение понятий «оним» и «реалия».

Актуальность. Имена собственные и реалии входят в класс безэквивалентной лексики, поэтому перед переводчиками встаёт вопрос о разграничении этих понятий. В зависимости от того, является ли данная лексическая единица онимом или реалией, проис-

ходит выбор варианта перевода. Имена собственные в ряде случаев обозначают название определённого объекта действительности [8; 12], в то время как реалии имеют национально выраженный компонент. Актуальность исследования продиктована тем, что переводчикам важно знать отличительные особенности данных понятий и осуществлять перевод в соответствии с ними.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил роман С. Фолкса «A Week in December» и его перевод на русский язык, выполненный С.Б. Ильиным. Методы исследования включают метод теоретического анализа, описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты и обсуждение

Реалии, как и имена собственные, относятся к безэквивалентной лексике, то есть словам или словосочетаниям, к которым невозможно найти однозначного соответствия [4; 3; 5]. Д.Э. Розенталь определяет имена собственные (онимы) как «существительные, служащие названиями единичных предметов, выделенных из ряда однородных» [7; с. 83], в то время как реалии указываются как «предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова» [7; с. 236]. Соответственно, имена собственные обозначают реалии-предметы. Многие лингвисты, такие как С. Влахов, С. Флорин, В.С. Виноградов и другие, не соглашались с данным определением реалий и считают, что они также являются и словами, и предметами материальной культуры одновременно [1; 2; 6; 13]. В связи с этим возникает вопрос о разграничении данных понятий, так как реалии, наряду с онимами, называют предметы внеязыковой действительности и имеют национальный колорит [10; 14].

С. Влахов и С. Флорин утверждают, что существуют реалии похожие на имена собственные, но относят данные понятия к самостоятельным классам безэквивалентной лексики. Разделять термины лингвисты предлагают по орфографическому признаку: онимы

пишутся с заглавной буквы, в то время как реалии – с прописной [2; с. 13]. Приведем примеры из романа С. Фолкса «Неделя в декабре»:

«At that moment in the wealthy inner suburb of *North Park*, ‘located’, as the estate agent had it, ‘between the natural advantages of *Heath and Green*’, *Sophie Topping* had just made a cup of tea for herself and her husband *Lance*, who was working in his study» [11; p. 5]. В данном отрывке названия *North Park*, *Heath and Green*, *Sophie Topping*, *Lance* пишутся с заглавной буквой, поэтому они являются именами собственными.

«The food at lunchtime in the dining hall was no longer the bargain it had once seemed; he disliked sitting on long benches with other *barristers* and he disapproved of the way they called the dining hall «*Domus*», to rhyme with ‘comb-us’, as though they could rewrite Ovid’s scansion in their own dog-Latin» [Там же; p. 73]. Слово *barrister* является реалией, так как оно написано с прописной буквы и обозначает специфический для английского народа термин.

В.С. Виноградов, в свою очередь, относит имена собственные к классу реалий. Лингвист называет их ономастическими реалиями и разделяет на следующие подгруппы [1; с. 109]:

а) антропонимы, которые делятся на:

– общие имена и фамилии:

«If *Lemon Bros* or *Bare Stern* goes down with billions in complex instruments needing to be sorted out, who are the liquidators going to call in?» [11; p. 79];

– индивидуальные имена и фамилии (имена собственные известных деятелей):

«Then I suppose we should look at the Victorians, » said Tranter. «*Dickens*, *Thackeray*, *Trollope*. *George Eliot*» [Там же; p. 123].

б) топонимы:

– обычные топонимы:

«Even twenty years before, such a large trade would have been the talk of every bar in *London*, *New York* and *Paris*, which was still then a financial centre» [Там же; p. 124].

– мемориативные топонимы, содержащие дополнительную смысловую информацию:

«Every-one in *Lombard Street* was aware that Nathan Rothschild would be the first to know how the Battle of Waterloo had ended, and this made it impossible for him to trade on his knowledge; his competitors would copy him and no one would want to be on the other side» [11; p. 91]. *Lombard Street* – улица лондонского Сити, на которой издавна стояли крупнейшие банки и иные финансовые организации Англии.

с) имена литературных героев (упоминания в художественных произведениях о персонажах других произведений):

«They were able to account a notional profit on the balance sheet on all this *Alice-in-Wonderland* crap and so pay themselves gargantuan bonuses» [Там же; p. 224].

д) Названия компаний, музеев, театров, дворцов, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов и т. п.:

«But, Jennifer had pointed out when her selection had been queried, this one had not only been short-listed for the *Cafe Bravo* and the *Allied Royal Bank* prizes, it had also been nominated for the *Pizza Palace Book of the Year*» [Там же; p. 8].

Г.Д. Томахин не разделяет эту точку зрения и утверждает, что только те имена собственные, которые содержат культурно-исторические ассоциации, могут быть причислены к реалиям [9; с. 8]. Ученый также называет их ономастическими реалиями и разделяет их на:

1) топонимы с культурным компонентом:

«Their London was a virtual one, unknown to residents - *Tower and Dungeon*, veteran West End musicals and group photographs beneath the slowly turning *Eye*; but Veals believed it was important for him to be aware of other people, natives and visitors alike, however partial and bizarre their take on life» [11; p. 25].

2) антропонимы – имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажей художественной литературы и фольклора:

«Hassan had a sudden and terrible desire to laugh – at the thought of roly-poly *Elton John* with his diamante glasses and his boyfriend and his platform heels having unwittingly given his name to a solemn would-be terrorist ... Salim had occasionally had cause to rebuke him

for his descent into laughter: it showed spiritual immaturity, he said» [Там же; p. 32].

3) названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны; названия государственных и общественных учреждений и многие другие:

«He sent humorous e-mails to Andy Warshaw, his tireless friend in *Lincoln's Inn*; he made sure he didn't subscribe to the Eustace Hutton view, that the modern world, with its short-termist, ignorant politicians was something to be mocked» [Там же; p. 48]. *Lincoln's Inn* – одна из четырех лондонских корпораций барристеров, существующих XIV в. и являющихся также школами.

Разграничение данных понятий Г.Д. Томахиным представляется нам наиболее правильным, так как реалии обозначают слова или словосочетания, имеющие национальную окраску, в то время как общие антропонимы, называющие имена людей (например, John, Mary), не содержат культурно значимый оттенок и являются именами собственными.

По результатам выполненного исследования можно сделать вывод, что имена собственные и реалии относятся к разряду безэквивалентной лексики и обозначают как людей, так и предметы, однако реалии также имеют историческое и социокультурное значение, которые важно учитывать при переводе для правильного подбора подходящего языкового средства.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общ. сред. образования РАО, 2001. 224 с.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1986. 343 с.
3. Гетун Ю.А., Пугачева И.А. Особенности перевода реалий и имён собственных (на материале «Сильмариллиона» Дж.Р.Р. Толкина) // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным

- языкам (к юбилею Дж.Р.Р. Толкина). М.: Изд-во: Московский гос. обл. ун-т. 2017. С. 120-124.
4. Гудий К.А. Реалии и имя собственное // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2010. № 4. С. 245-249.
 5. Кучешева И.Л. Английские имена собственные для обозначения бытовых реалий // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований. Махачкала: Изд-во: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация». 2014. С. 66-67.
 6. Кучешева И.Л. Функционирование английских и русских фразеологических единиц с компонентом – именем собственным для обозначения реалий // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во: Омская юридическая академия. 2014. С. 127-131.
 7. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
 8. Спачиль О.В. Имя собственное в литературном переводе. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. 172 с.
 9. Томахин Г.Д. Реалии в культуре и языке // Иностранные языки в школе. 1981. №1. С. 64-69.
 10. Хнаидек Тамер А.Х. К проблеме дефиниции понятия «реалия» // Дружба без границ: миф или реальность. Ставрополь: Изд-во: Институт дружбы народов Кавказа. 2017. С. 174-177.
 11. Faulks S. A Week in December. UK: Penguin, 2010, 400 p.
 12. Miroshnikov I. Proper names translation in harry potter book series // Language. Culture. Translation. М.: Изд-во РУДН. 2017. С. 125-126.
 13. Shnurnikova U.I. The Russian folk tales realities as an important translational problem // Языковая личность и перевод. Минск: Изд-во: Белорусский государственный университет. 2019. С. 130-133.
 14. Trunchenkova N.N. American realia within the framework of the linguistic theory of realia // Иностранная филология. Социальная

и национальная вариативность языка и литературы. Симферополь: Изд-во: ООО «Издательство Типография «Ариал». 2018. С. 507-510.

15. Zabolotnaya S.A. Ways and strategies of proper names presentation in works of literature translated into slavonic languages // Scientific newsletter modern linguistic and methodical-and-didactic research. Воронеж: Изд-во: Воронежский государственный архитектурно-строительный университет. 2012. С. 132-139.

References

1. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to translation studies (general and lexical issues)]. Moscow: Izd-vo in-ta obshch. sred. obrazovaniya RAO, 2001, 224 p.
2. Vlahov S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1986, 343 p.
3. Getun Yu.A., Pugacheva I.A. Osobennosti perevoda realij i imyon sobstvennyh (na materiale «Sil'marilliona» Dzh.R.R. Tolkiena) [Features of the Translation of Realities and Proper Names (on the Material of "The Silmarillion" by J.R.R. Tolkien)]. *Aktual'nye problemy lingvistik, perevodovedeniya, literaturovedeniya, leksikografii, teorii i praktiki obucheniya inostrannym yazykam (k yubileyu Dzh.R.R. Tolkiena)* [Actual Problems of Linguistics, Translation Studies, Literary Criticism, Lexicography, Theory and Practice of Teaching Foreign Languages (on the Anniversary of J.R.R. Tolkien)]. Moscow: MSRU Publ., 2017, pp. 120-124.
4. Gudij K.A. Realii i imya sobstvennoe [Realities and proper name]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tver State University Bulletin], 2010, no. 4, pp. 245-249.
5. Kucheshcheva I.L. Anglijskie imena sobstvennye dlya oboznacheniya bytovyh realij [English proper names to denote everyday realities]. *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedeniya v svete sovremennyh issledovanij* [Problems of Philology, Cultural Studies and Art History in the Light of Modern Research]. Mahachkala: «Aprobaciya» Publ., 2014, pp. 66-67.

6. Kuchesheva I.L. Funkcionirovanie anglijskih i russkih frazeologicheskikh edinic s komponentom – imenem sobstvennym dlya oboznacheniya realij [The functioning of English and Russian phraseological units with a component – a proper name to denote realities]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* [Actual Problems of Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages]. Omsk: OLA Publ., 2014, pp. 127-131.
7. Rozental' D.E. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: Posobie dlya uchitelej* [Dictionary-reference book of linguistic terms: A teacher guide]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1976, 543 p.
8. Spachil' O.V. *Imya sobstvennoe v literaturnom perevode* [Proper name in literary translation]. Krasnodar: KSU Publ., 2021, 172 p.
9. Tomahin G.D. Realii v kul'ture i yazyke [Realias in culture and language]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign Languages at School], 1981, no. 1, pp. 64-69.
10. Hnaidek Tamer A.H. K probleme definicii ponyatiya «realiya» [On the problem of defining the concept of “reality”]. *Druzhba bez granic: mif ili real'nost'* [Friendship without Borders: Myth or Reality]. Stavropol': IFPC Publ., 2017, pp. 174-177.
11. Faulks S. *A Week in December*. UK: Penguin, 2010, 400 p.
12. Miroshnikov I. Proper names translation in harry potter book series. *Language. Culture. Translation*. Moscow: RUDN Publ., 2017, pp. 125-126.
13. Shnurnikova U.I. The Russian folk tales realities as an important translational problem. *Yazykovaya lichnost' i perevod* [Linguistic Personality and Translation]. Minsk: BSU Publ., 2019, pp. 130-133.
14. Trunchenkova N.N. American realia within the framework of the linguistic theory of realia. *Inostrannaya filologiya. Social'naya i nacional'naya variativnost' yazyka i literatury* [Foreign Philology. Social and National Variability of Language and Literature]. Simferopol': «Ariala» Publ., 2018, pp. 507-510.
15. Zabolotnaya S.A. Ways and strategies of proper names presentation in works of literature translated into slavonic languages. *Scientific Newsletter Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Research*. Voronezh: VSACU Publ., 2012, pp. 132-139.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Лаштабова Наталия Владимировна, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, кандидат филол. наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
lashnata@yandex.ru

Хужина Карина Эдуардовна, студент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
khuzhinakarina00@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalia V. Lashtabova, PhD, Associate Professor
Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
lashnata@yandex.ru

Karina E. Khuzhina, student
Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
khuzhinakarina00@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7148-0967>

Поступила 01.05.2022
После рецензирования 29.05.2022
Принята 05.06.2022

Received 01.05.2022
Revised 29.05.2022
Accepted 05.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-248-259

УДК 81'33

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ГИПЕРТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ)

А.А. Быковская, О.А. Хрущева

В современных реалиях российским вузам при создании англоязычной версии сайта необходимо ориентироваться на эффективность коммуникативного и прагматического потенциала гипертекста, передача которого при выборе верной или неверной стратегии перевода повлияет соответственно на характер интерпретации пользователями потребляемого контента. При осуществлении перевода гипертекстового пространства необходимо принимать во внимание, помимо языковых особенностей, также его лингвистические характеристики, а именно: форматирование текста, его расположение, наличие графических элементов и т.д., поскольку они в той же мере оказывают на получателя определенное прагматическое влияние, вызывая у него конкретную реакцию на представленный контент сайта. В ходе проведенного анализа было выявлено, что при передаче гипертекста переводчиками с целью сохранения прагматической эквивалентной были применены следующие приемы перевода: буквальный перевод, дополнение, опущение, генерализация, компрессия. Таким образом, при передаче гипертекста применяются привычные переводческие трансформации.

Обоснование. *Для сохранения прагматической эквивалентности при переводе гипертекста необходимо опираться на аудиторию текста перевода, то есть принимать во внимание культурные, психологические, национальные особенности получателей.*

Цель. *В статье выявлены и рассмотрены примеры перевода материалов гипертекстового пространства при сохранении не-*

лингвистических особенностей оригинала, влияющих на степень передачи прагматического потенциала.

Материалы и методы. *Материалом исследования послужили англоязычная и русскоязычная версии сайтов следующих российских вузов: РУДН, ОГУ, МГИМО, КФУ. В ходе работы были использованы такие методы, как анализ теоретико-методической литературы по проблеме исследования, лингвистический анализ материала исследования, метод сплошной выборки и сопоставительный анализ оригинала и перевода.*

Результаты. *Результаты исследования показали, что при переводе сайтов университетов необходимо учитывать не только лингвистические особенности оригинала, но и нелингвистические маркеры оригинала (графическую сегментацию текста, шрифт, расположение информации и т.д.), поскольку они в той же мере оказывают прагматическое воздействие на реципиента, вызывая у него определённое прагматическое отношение к сообщаемому. Выбор неверной стратегии перевода может привести к тому, что прагматический потенциал оригинала будет передан лишь частично или вообще утерян.*

Область исследования. *Результаты исследования могут быть использованы при составлении корпуса типичных ошибок, допущенных при переводе сайтов высших учебных заведений и для составления рекомендаций для переводчиков в области перевода гипертекста.*

Ключевые слова: *прагматическая эквивалентность; прагматический потенциал текста; гипертекст; сайт*

TECHNIQUES OF IMPLEMENTING PRAGMATIC EQUIVALENCE IN HYPERTEXT TRANSLATION (BASED ON UNIVERSITY WEBSITES)

A.A. Vykovskaya, O.A. Khruscheva

Russian universities need to focus on the effectiveness of the communicative and pragmatic potential of hypertext when creating an En-

glish-language version of the site. Since the choice of the correct or incorrect translation strategy will affect, respectively, the nature of the interpretation of the content consumed by its users. When translating a hypertext space, it is necessary to take into account its non-linguistic characteristics, namely: formatting of the text, its location, the presence of graphic elements as they have a certain pragmatic influence on the recipient, causing them to have a specific reaction to the presented content of the site. In the course of the analysis, it was revealed that when transferring hypertext by translators, in order to preserve the pragmatic equivalent, the following translation techniques were used: literal translation, addition, omission, generalization, compression. Thus, when transmitting hypertext, the usual translation transformations are employed.

Background. In order to preserve pragmatic equivalence when translating hypertext, it is necessary to rely on the audience of the translation text, that is, to take into account the cultural, psychological, and national characteristics of the recipients.

Purpose. The article identifies and examines examples of the translation of hypertext space materials while preserving the non-linguistic features of the original, affecting the preservation of its pragmatic potential.

Materials and methods. The research material was the English and Russian versions of the websites of the following Russian universities: RUDN, OSU, MGIMO, KFU. In the course of the work, the analysis of theoretical and methodological literature on the research problem, linguistic analysis of the research material, the method of continuous sampling and comparative analysis of the original and translation were used.

Results. The results of the study showed that when translating university websites, it is necessary to take into account not only the linguistic features of the original, but also the non-linguistic markers of the original (graphic segmentation of the text, font, location of information, etc.), since they also have a pragmatic effect on the recipient, causing him a certain pragmatic attitude to the reported. Choosing the wrong translation strategy can lead to the fact that the pragmatic potential of the original will be transferred only partially or even lost.

***Practical implications.** The results of the study can be used to compile a corpus of typical mistakes made when translating websites of higher educational institutions and to make recommendations for translators in the field of hypertext translation.*

***Keywords:** pragmatic equivalence; pragmatic potential of the text; hypertext; website*

Введение

Цель. Выявление стратегий перевода гипертекста (на материале сайтов университетов) с сохранением прагматической эквивалентности.

Актуальность. Центральными понятиями данной работы являются «гипертекст» и «прагматическая эквивалентность», первое в свою очередь раскрывает новое актуальное направление в лингвистической науке – медиалингвистику, второе же является одной из наиболее современных концепций теории перевода.

Современный этап развития образовательной отрасли характеризуется широкой доступностью и ориентированностью контента сайтов высших образовательных заведений на потребности и ожидания представителей различных лингвокультур по всей России. Естественно предположить, что университеты, размещающие на этих сайтах информацию, заинтересованы в эффективности коммуникативного потенциала гипертекста и правильной интерпретации контента адресатами.

Как следствие, мы можем наблюдать возросшую популярность сайтов университетов, которая может быть обоснована следующими фундаментальными причинами. Во-первых, сайт становится своего рода проводником для абитуриентов, студентов, преподавателей в информационный мир вузов, предоставляя доступ ко всей интересующей информации, таким образом выполняя коммуникативную и образовательную функции. Во-вторых, сайт выполняет ряд задач рекламной коммуникации, которая в силу своей прагматической направленности оказывает определенное воздействие на пользователей и создает в их глазах детальный образ учебного за-

ведения. Несмотря на это, можно говорить о том, что при создании так называемого «сайта-клона» на иностранном языке, разработчики достаточно снисходительно относятся к качеству перевода, что в итоге может привести к серьезным провалам в верном понимании смысла представленного контента пользователями и снижению общего рейтинга вуза среди других заведений.

Материалы и методы

Практическим материалом исследования послужили лексические единицы, извлеченные методом сплошной выборки с сайтов четырех российских вузов: РУДН, ОГУ, МГИМО и КФУ. В ходе работы были использованы такие методы, как анализ теоретико-методической литературы по проблеме исследования, лингвистический анализ материала исследования, метод сплошной выборки, а также сопоставительный анализ оригинала и перевода.

Результаты и обсуждения

На сегодняшний день не существует определенной целостной концепции, описывающей феномен «гипертекст», однако наиболее полное определение было предложено Т.И. Рязанцевой, которая под ним подразумевает: «особый вид письменной коммуникации, особую форму организации письменного текста, опосредованную компьютерной средой и характеризующуюся процессом нелинейного письма и чтения, который обуславливается сегментацией и иерархической ассоциативной атрибуцией фрагментов, а также возможностью множественного выбора развития сюжетно-тематического потока» [10, с. 3]. Иначе говоря, при восприятии гипертекста изменяются взаимоотношения между отправителем и получателем, меняется сам формат восприятия нового для адресата текста (быстрая смена фокуса внимания, смена дискурсивных знаков репрезентативными), его отношение к прочитанному. Следовательно, можно говорить о наличии прагматических аспектов при переводе «гипертекста», а именно о средствах реализации прагматической эквивалентности.

Выделяют следующие приемы перевода гипертекста: *«традиционные приемы перевода*: прямая подстановка и логическое развитие понятий, использование эквивалентов и вариантных соответствий; *транскрипция* как языковая унификация и как результат усиления роли английского языка; использование *переводческих неологизмов* в целях формирования стандартной лексики и единых принципов создания текстов в сфере функционирования международных организаций и институтов» [5, с. 15].

Кроме того, при осуществлении перевода необходимо учитывать не только языковые особенности оригинала, а также его оформление: графику, шрифт, цветовое решение, аудиовизуальные особенности, поскольку все эти параметры играют роль при осуществлении лингвопрагматического анализа феноменов гипертекстового пространства. Так, И.Г. Фомичева относит к нелингвистическим особенностям гипертекста следующие характеристики: *«графическую сегментацию текста* и его *расположение* на определенном месте веб-страницы; *шрифт, цвет, курсив, разрядку, подчеркивание, графические символы, цифры, средства иконического языка* (рисунок, фотография, карикатура, таблица, схема, чертеж); *необычную орфографию* слов и *расстановку пунктуационных* и других знаков» [11, с. 132].

В первую очередь целесообразно подробно описать примерное строение сайта российского университета. Сайт – это единый информационный массив, представляющий собой ряд текстов с гиперссылками. Организация информации нелинейная, вследствие чего, не существует определенного единого порядка просмотра контента, каждый пользователь определяет его для себя сам.

Однако, при переходе по ссылке пользователь в первую очередь сталкивается с главной страницей сайтов университетов. Так, открыв одновременно оригинальную русскоязычную версию и переводную англоязычную версию сайтов следующих университетов: РУДН [9; 4] и ОГУ [8; 3], мы наблюдаем прямые, буквальные соответствия в делении и расположении текста на веб-страницах, в выборе шрифта и его размера, цветовом оформлении и т.д. Однако

нами было найдено следующее несоответствие: в случае русскоязычной версии сайта ОГУ [8] наблюдается наличие интерактивной части на главной странице, а именно слайд-шоу с анимацией, которое однозначно оказывает определенное прагматическое воздействие на своих получателей, вызывая желание ознакомиться с новостями в подробностях.

При просмотре сайтов МГИМО [7; 2] и КФУ [6; 1] мы столкнулись с абсолютно иной формой представления гипертекста на русском и английском языках, которую отличает отличное расположение информации на странице, наличие/отсутствие графического контента, отличия в стилистике сайта, иное форматирование текста и т.д.

Следующей характеристикой является наличие разделов. Архитектура сайта, ассортимент и организация информационного контента его разделов не должны быть хаотичны, напротив, названия разделов должны быть прозрачны по семантике и лаконичны, чтобы облегчить навигацию по сайту. Кроме того, встает вопрос о том, какие разделы несут в себе наибольшую информативность для получателей, говорящих на разных языках. Нами были найдены и проанализированы следующие примеры на сайтах обозначенных выше учебных заведений.

Примеры «О РУДН» [9] – «ABOUT RUDN» [4], «УНИВЕРСИТЕТ» [8] – «UNIVERSITY» [3] и «НАУКА» [9] – «SCIENCE» [4] демонстрируют прямые соответствия, буквальный перевод, что в данном случае в полной мере обеспечивает коммуникацию между реципиентом и гипертекстом. Следовательно, никаких особых трудностей при восприятии не возникнет.

В случае примера «ЖИЗНЬ В РУДН» [9] – «LIFE» [4] применяется прием опущения, который может быть обоснован стремлением английского языка к экономии языковых средств. При этом у англоязычных пользователей может возникнуть вопрос, о какой «жизни» идет речь, так как нет никакого определяющего слова или зависимых слов, вносящих конкретику в суть данного раздела. Как следствие, нарушается понимание того, какую информацию поль-

зователь может найти в нем, а значит у рецептора это вызовет иное прагматическое отношение к сообщаемому.

Напротив, в примере «АБИТУРИЕНТУ» [8] – «*INFORMATION FOR APPLICANTS*» [3] наблюдается прием дополнения. В силу разницы в грамматическом строе двух языков, для передачи дательного падежа вносится лексическая единица, представленная предлогом «for». Помимо этого, в англоязычной версии присутствует добавление слова «Information». Возможно, это сделано с целью обозначения, что, перейдя по ссылке, абитуриент найдет необходимую структурированную информацию по теме поступления.

В итоге, перейдя по гиперссылкам, мы столкнулись с большой разницей в оформлении и полноте представленной информации на двух версиях сайта. В случае русскоязычной версии перед абитуриентом появляется новая веб-страница с ярким интерфейсом и новыми разделами, то есть помимо того, что на получателя оказывается позитивное воздействие посредством современного дизайна сайта, ему предоставляют доступ ко всей необходимой информации по поступлению. В англоязычной же наблюдается наличие следующих гиперссылок «Russian Language Courses» (Курсы русского языка), «Places to visit in the Orenburg region» (Интересные места города Оренбурга) и «Costs in General» (Все затраты) [3], перейдя по которым перед пользователем появляется просто «голый» текст без какого-либо графического сопровождения. Помимо этого, отмечена низкая информативность по теме поступления (нет информации о направлениях обучения, правилах приема, о стоимости обучения и т. д), что недопустимо, так как англоязычный дискурс тяготеет к точным фактам. Это обусловлено менталитетом англоговорящих людей, для которых фактическая информация является гарантом достоверности и информативности представленных данных.

В примере «БАКАЛАВРИАТ» [7] – «*EDUCATION*» [2] при переводе названия раздела был применен прием генерализации, что, на наш взгляд, осложняет понимание получателя о том, что может содержать в себе данный раздел. Лексема «образование» неточная, поэтому в англоязычной версии сайта данный раздел рекомендуется

расширить, перечислив доступные в образовательном пространстве университета варианты получения образования.

Пример «СВЕДЕНИЯ ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ» [6] – «ABOUT KFU» [1] демонстрирует использование компрессии при передаче наименования раздела, что является достаточно уместным решением, поскольку одной из характеристик разделов является тяга к лаконичности и точности.

Заключение

Проанализировав контент сайтов университетов с точки зрения их визуального оформления, мы пришли к выводу о том, что необходимо учитывать все вышеперечисленные нелингвистические средства при переводе, поскольку они, так же как и языковые средства, оказывают несомненное влияние на получателя, вызывая у него конкретную реакцию.

В силу того, что представители различных лингвокультур обладают разными фоновыми знаниями, опытом, психическим сознанием и другими особенностями, прагматическое воздействие может реализоваться лишь частично или не реализоваться вовсе, в случае если переводчиком будет выбрана неудачная стратегия перевода.

Кроме того, необходимо определять, какую роль они выполняют в оригинальном гипертексте: являются центральным источником информации, раскрывая содержание текста, или же оказывают некое дополнительное эмоциональное влияние, а значит содержат в себе дополнительный прагматический потенциал, который должен быть передан при переводе. Исходя из всего вышесказанного, переводчику необходимо принять решение о том, каким образом оформить «сайт-клон», чтобы наиболее точно и верно реализовать прагматическую эквивалентность в переводном гипертексте.

Список литературы

1. Англоязычная версия сайта Казанского федерального университета. URL: <https://eng.rudn.ru/> (дата обращения: 28.04.22)

2. Англоязычная версия сайта Московского государственного института международных отношений. URL: <https://english.mgimo.ru/> (дата обращения: 28.04.22)
3. Англоязычная версия сайта Оренбургского государственного университета. URL: <http://www.osu.ru/english> (дата обращения: 28.04.22)
4. Англоязычная версия сайта Российского университета дружбы народов. URL: <https://eng.rudn.ru/> (дата обращения: 28.04.22)
5. Митягина В.А. Проблемы перевода в эпоху глобализации и культурного плюрализма // Актуальные вопросы переводоведения и лингвистики материалы научной сессии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. С. 14-17.
6. Русскоязычная версия сайта Казанского федерального университета. URL: <https://kpfu.ru/> (дата обращения: 28.04.22)
7. Русскоязычная версия сайта Московского государственного института международных отношений. URL: <https://mgimo.ru/> (дата обращения: 28.04.22)
8. Русскоязычная версия сайта Оренбургского государственного университета. URL: <http://www.osu.ru/> (дата обращения: 28.04.22)
9. Русскоязычная версия сайта Российского университета дружбы народов. URL: <https://www.rudn.ru/> (дата обращения: 28.04.22)
10. Рязанцева Т.И. Теория и практика работы с гипертекстом: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 211 с.
11. Фомичева И.Г. Гипертекст как объект современного лингвистического исследования // Сборник трудов студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых факультета филологии и межкультурной коммуникации. Волгоград: «Волгоградское научное издательство», 2009. С. 131-134.

References

1. The English website version of the Kazan Federal University. URL: <https://eng.kpfu.ru/> (accessed April 28, 2022)
2. The English website version of the MGIMO University. URL: <https://english.mgimo.ru/> (accessed April 28, 2022)

3. The English website version of the Orenburg State University. URL: <http://www.osu.ru/english> (accessed April 28, 2022)
4. The English website version of the RUDN University. URL: <https://eng.rudn.ru/> (accessed April 28, 2022)
5. Mityagina V.A. Problemy perevoda v epokhu globalizatsii i kul'turnogo plyuralizma [Problems of translation in the age of globalization and cultural pluralism]. *Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i lingvistiki materialy nauchnoy sessii* [Topical Issues of Translation Studies and Linguistics Materials of the Scientific Session]. Volgograd: VSU Publ., 2001, pp. 14-17.
6. The Russian website version of the Kazan Federal University. URL: <https://kpfu.ru/> (accessed April 28, 2022)
7. The Russian website version of the MGIMO University. URL: <https://mgimo.ru/> (accessed April 28, 2022)
8. The Russian website version of the Orenburg State University. URL: <http://www.osu.ru/> (accessed April 28, 2022)
9. The Russian website version of the RUDN University. URL: <https://www.rudn.ru/> (accessed April 28, 2022)
10. Ryazantseva T.I. *Teoriia i praktika raboty s gipertekstom*. M.: Academy, 2008. 211 p.
11. Fomicheva I.G. Gipertekst kak ob"ekt sovremennogo lingvisticheskogo issledovaniya [Hypertext as an object of modern linguistic research]. *Sbornik trudov studentov, magistrantov, aspirantov, molodykh uchenykh fakul'teta filologii i mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Collection of Works of Students, Undergraduates, Graduate Students, Young Scientists of the Faculty of Philology and Intercultural Communication]. Volgograd: Volgogradskoye nauchnoye izd-vo Publ., 2009, pp. 131-134.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Хрущева Оксана Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет»*

*пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область, 460018,
Российская федерация
hrox@mail.ru*

Быковская Ангелина Андреевна, студент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка
*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область, 460018,
Российская федерация
bykovskaya.angelina2000@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Oksana A. Khruscheva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of English Philology and English Language Teaching Methods
*Orenburg State University
13, Pobedy Str., Orenburg, Orenburg Region, Russian Federation
hrox@mail.ru
SPIN-code: 2452-4588
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5640-4165>
Scopus Author ID: 552903*

Angelina A. Bykovskaya, Student, Department of English Philology and English Language Teaching Methods
*Orenburg State University
13, Pobedy Str., Orenburg, Orenburg Region, Russian Federation
bykovskaya.angelina2000@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5640-4165>*

Поступила 01.05.2022
После рецензирования 30.05.2022
Принята 10.06.2022

Received 01.05.2022
Revised 30.05.2022
Accepted 10.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-260-270

УДК 811.111-26

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИБРЕТТО Н. ТЕЙТА К ОПЕРЕ «DIDO AND AENEAS»

Д.В. Устинова, Н.В. Лаштабова

Статья посвящена анализу переводческих трансформаций в музыкальных произведениях. Были рассмотрены исследования в области музыкального перевода и оперных композиций, выявлены трудности, с которыми может столкнуться переводчик. На примере либретто Н. Тейта к опере «Dido and Aeneas» были проанализированы тексты речитатива и арии Дидоны, а также способы его передачи на русский язык.

Обоснование. *Для достижения адекватности в переводе музыкальных произведений, в частности оперных либретто, переводчики прибегают к использованию различного рода трансформаций. На материале либретто к опере «Dido and Aeneas» выполнен анализ перевода Ю. Димитрина.*

Цель. *Выявить и проанализировать переводческие трансформации Ю. Димитрина либретто оперы «Dido and Aeneas» в сравнении с буквальным переводом.*

Материалы и методы. *Материалом исследования послужила опера Г. Пёрселла «Dido and Aeneas» и ее перевод на русский язык. При анализе материала были использованы метод анализа и синтеза теоретического научного материала по исследуемой теме, а также сопоставительный метод.*

Результаты. *Результаты исследования показали, что из-за разницы в структурах языков переводчик столкнулся с рядом проблем при переводе речитатива и арии Дидоны. В процессе он был вынужден использовать такие способы перевода, как добавление, опущение, целостное преобразование, которые помогли ему сделать русский вариант близким по смыслу и содержанию.*

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы студентами лингвистических вузов, интересующимися поэтическим переводом, а также переводчиками, имеющими опыт работы с музыкальными произведениями, для углубленного понимания возможностей применения переводческих трансформаций.

Ключевые слова: перевод; опера; либретто; музыкальный перевод; эквиритмика; перевод либретто

TRANSLATION TRANSFORMATIONS OF THE LIBRETTO BY N. TATE FOR THE OPERA “DIDO AND AENEAS”

D.V. Ustinova, N.V. Lashtabova

The article is devoted to the analysis of translation transformations in musical compositions. Studies in the field of musical translation and opera compositions were considered, difficulties that an interpreter may face were identified. Using the example of N. Tate’s libretto for the opera “Dido and Aeneas”, the texts of the recitative and Dido’s aria were analyzed, as well as the ways of its translation into Russian.

Background. *To achieve adequacy in the translation of musical compositions, in particular opera librettos, translators resort to the use of various types of transformations. On basis of the libretto for the opera “Dido and Aeneas”, the analysis of Y. Dimitrin’s translation is carried out.*

Purpose. *To identify and analyze the translation transformations of Y. Dimitrin’s libretto of the opera “Dido and Aeneas” in comparison with the literal translation.*

Materials and methods. *The research material was G. Purcell’s opera “Dido and Aeneas” and its translation into Russian. During the analysis of the material, the method of analysis and synthesis of theoretical scientific material on the topic under study, as well as the comparative method were used.*

Results. *The results of the study proved that due to the difference in the structures of languages, the interpreter faced a number of problems in translation of the recitative and Dido’s aria of the opera. In the process, he was forced to use such translation methods as addition, omis-*

sion, and integral transformation, which helped him make the Russian version close in meaning and in content.

Practical implications. *The results of the research can be used by students of linguistic universities interested in poetic translation, as well as by translators with experience in translating musical compositions, for a profound understanding of the possibilities of using translation transformations.*

Keywords: *translation; opera; libretto; musical translation; equir-itmics; libretto translation*

Введение

Художественный перевод поэтических произведений связан с многочисленными трудностями. Целью нашего исследования стало решение вопросы, какие переводческие трансформации были использованы Ю. Димитриным при переводе либретто Н. Тейта к опере «Dido and Aeneas», а также решение вопроса, насколько точен перевод и передает ли он художественные особенности текста оригинала.

В настоящее время перевод текстов музыкальных произведений, в частности либретто, недостаточно изучен и поэтому представляет особый интерес для изучения. Исследование переводческих трансформаций, используемых Ю. Димитриным в процессе перевода, позволит повысить качество будущих переводов музыкальных произведений и привлечет новых талантливых специалистов в данную область, что объясняет актуальность исследования.

Опера Н. Тейта «Dido and Aeneas» является одним из знаковых произведений музыкального мира с конца XVII в. Впервые она была исполнена в женской школе Джозиаса Триста в Челси (Лондон) в 1688 г. Это первая полная опера композитора и единственное произведение без диалогов. С. Прайс называет ее выдающейся оперой Н. Тейта. На протяжении XVIII в. опера чаще инсценировалась в концертном исполнении. В конце XIX в. оперу поставили в лондонском театре Лицеум. В 1895 г. ее исполнили за границей, в Ирландии. В XX-XXI вв. опера ставилась в Америке и Европе, в России ее впервые исполнили в 2011 г. в оперной студии ГМПИ им. М.М. Ипполитова-Иванова. В опере рассказывается история легендарного античного героя Энея.

Оперы сегодня чаще исполняют на языке оригинала, но также существуют и варианты переводов для облегчения понимания сюжета аудиторией. Перевод оперы – задача сложная, она под силу лишь специалисту, владеющему знаниями об эквиритмике, т.к. при передаче музыкального произведения с языка на язык необходимо учитывать не только смысл, но и длину литературной и музыкальной фразы, количество слогов в словах, ударение и ритм рифмованного стиха и многие другие параметры.

Переводоведение давно исследует оперные произведения на предмет соответствия качества перевода оригиналу. Музыковед Г. Ганзбург высказал и обосновал предложение ввести термин «либреттология», подразумевая под этим науку о словесном компоненте музыкального произведения [3].

О.Е. Николаева, рассуждая о трудностях перевода либретто на иностранный язык, отмечает, что работа переводчика может включать переработку текста по требованию певца, поскольку, например, пение в верхнем регистре делает для исполнителя сложным пение гласных звуков «у, и, э» [9].

Г.А. Киселев, рассуждая об особенностях перевода текстов опер, высказывает мысль о преимуществах и недостатках перевода опер, отмечает, что опера является синтезом элементов: музыки, текста, сценографии, и в силу необходимости некоторые трудные для исполнения вокалистами текстовые элементы могут быть заменены декламацией [5].

Такого же мнения придерживается Т. Онич, утверждая, что успех перевода текста музыкального произведения заключается в эстетическом аспекте конечного продукта, а не в точности передаваемого содержания: тип рифмовки, ритм и рифма не всегда могут совпадать с оригиналом [14].

М.П. Зуев выделяет трудности стихотворного перевода: длина лексических единиц (в английском слова короче, чем в русском), паузы и мелодии (искажение смысла предложения в медленных песнях), производимый эффект (невозможность максимально сблизить оригинал и перевод) [4].

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили речитатив и ария Дидоны из оперы «Dido and Aeneas», которая представляет собой предсмертный плач Дидоны, царицы Карфагена. При анализе материала использовались метод анализа и синтеза теоретического научного материала по исследуемой теме, а также сопоставительный метод.

Результаты и обсуждение

Ария начинается с речитатива «Thy hand, Belinda; darkness shades me, / On thy bosom let me rest, / More I would, but Death invades me; / Death is now a welcome guest». Здесь мы видим несколько переводческих трансформаций (добавление, опущение, целостное преобразование).

Димитрин применяет несколько переводческих трансформаций: «Thy hand, Belinda, darkness shades me,» было переведено следующим образом: «О, дай мне руку, дай мне руку. Море гаснет... Пустота...».

Вместо прямого перевода «Твоя рука» словосочетание «Thy hand» было переведено как «Дай мне руку», чтобы слушатель лучше понимал, что именно Дидона просит сделать Белинду. Кроме того, поскольку слова в английской версии короткие, для соблюдения ритма переводчик добавляет в начале междометие «О».

Имя Белинды было полностью исключено из строчки, так как на его место приходится окончание фразы «О, дай мне руку». Она повторяется второй раз, в этом случае уже заменяя собой целую строчку «тьма окутывает меня». Скорее всего, данный прием применили для удобства пения, так как во втором такте арии присутствует мелизм.

Анализируя две первые строчки речитатива, можно заметить, что перевод Димитрина запаздывает как минимум на одну строчку по сравнению с оригиналом, нарушая стихотворную форму речитатива и арии, однако, следуя мнению М.П. Зуева, это допустимо, поскольку не искажается смысл и итог отрывка музыкального произведения.

Словосочетание «darkness shades me», в английской версии принадлежит первой строке, в то время как в переводе переносится на вторую, в связи с чем находящееся там по смыслу предложение «On thy bosom let me rest» («На твоей груди позволь мне отдохнуть») было полностью опущено в переводческом варианте.

Димитрин использует прием целостного преобразования при переводе словосочетания «тьма окутывает меня», заменяя его на «Море гаснет... Пустота...». Если рассматривать данное действие сугубо в рамках перевода, то можно сказать, что здесь переводчик берет на себя роль автора и вводит новые понятия в виде «моря» и «пустоты», которых нет в оригинальном тексте. Данный прием является нарушением правила близости перевода к оригиналу. Возможно, в переводе автор исходил из факта, что по задумке автора либретто после исполнения арии Дидона бросается в море. Если рассматривать этот аспект с музыкальной точки зрения, то мы видим, что в оригинале эта фраза состоит из коротких слов («on thy», «let me rest»), и переводчик подобрал слова с минимальным количеством слогов.

Две последние строчки речитатива также полностью преобразованы: «More I would, but Death invades me; / Death is now a welcome guest» («Запах волн несет разлуку с тенью смерти на устах»). Хотя общий смысл сохранен, тем не менее эквивалентность полностью потеряна. «Волны» продолжают предыдущую мысль переводчика и также связаны с морем, которое принесет смерть главной героине.

После речитатива следует сама ария Дидоны: «When I am laid, I am laid in earth, / May my wrongs create No trouble in thy breast; / Remember me, but ah! forget my fate».

Здесь также переводчик берет на себя роль автора, результатом чего стало изменение формы стиха в его русском варианте. В целом при внимательном сравнении оригинального либретто с его переводом можно сделать заключение, что в большей или меньшей степени переводчик придерживался приема целостного преобразования.

Несмотря на сохраненный смысл, сходство с оригинальным текстом полностью утеряно. При переводе фразы «When I am laid, I am laid in earth», Димитрин снова использует добавление и заменяет английский текст словосочетаниями «Мной выбран путь» и «Навек уснуть».

Прием перестановки можно наблюдать в переводе «I am laid in earth» – «...мне в землю лечь», где изменен порядок слов.

Предложение «May my wrongs create / No trouble in thy breast» полностью опущено, а на его место поставлена строка, которая по

задумке автора находится в конце арии – «Ты смерть и судьбу мою забудь». Более того, слово «смерть» в данном случае является добавлением, поскольку в оригинальном варианте Дидона просит Белинду забыть только ее судьбу.

Последние две строчки не имеют ничего общего с текстом оригинала. Многократно повторяющееся слово «любовь» в английском либретто не встречается. Добавления, используемые в переводе («Но клятву дай», «На дне души храня»), также не являются составляющими оригинального текста.

Помимо всего прочего нельзя не отметить, что в переводе арии Ю. Димитрина рифмическая составляющая значительно отличается от рифмы оригинала. В силу сложной структуры рифмы английского либретто автору ничего не оставалось, как создать собственную форму рифмы, благозвучную для русского слушателя.

Заключение

В связи с тем, что грамматические, синтаксические, а также лексические структуры языков имеют различия, при переводе возникли значительные трудности, с которыми автор справился, сохранив смысл произведения. В переводе арии Дидоны были использованы следующие переводческие трансформации: добавление, опущение, целостное преобразование. В случае невозможности перевода английского текста на русский язык из-за разницы длины слов, рифмы и ритма переводчик полностью изменил лексические единицы, но сохранил эмоциональную составляющую произведения.

Список литературы

1. Бердникова О.В. Перевод итальянской оперы: за и против (на примере оперы Д. Верди «Риголетто») // Итальянский язык на сцене: семиотические коды в жизни и в профессии = Italiano sul palcoscenico: codici semiotici nella vita e nella professione: Материалы Международной научно-практической конференции = Atti del convegno internazionale a carattere pratico e scientifico. Москва: Московский гос. лингв. ун-т, 2021. С. 41-45.

2. Гаврильчук Л. Проблемы подстрочного перевода оперных либретто на итальянском языке // Южно-Российский музыкальный альманах. 2019. № 1(34). С. 45-49.
3. Ганзбург Г.И. О либреттологии // Советская музыка. 1990. № 2. С. 78-79.
4. Зуев М.П. К вопросу о переводе английских песен: наблюдения переводчика // Молодёжь и наука: Сб. мат-лов VII Всеросс. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 50-летию первого полета человека в космос. Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2011. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/thesis/s16/s16_14.pdf (дата обращения: 2.04.2022).
5. Киселев Г.А. Проблемы перевода текстов вокальных произведений (на примере иностранных опер) // Вестник МГИМ имени А.Г. Шнитке. 2018. № 3/4(3/4). С. 18-27.
6. Коломийцев В.П. Золото Рейна. Предвечерие трилогии «Кольцо Нибелунга». М.: Юргенсон, 1910. С. 18-25.
7. Маленова Е.Д. Опера как объект аудиовизуального перевода // Омские научные чтения-2020: материалы Четвертой Всероссийской научной конференции. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2020. С. 1111-1115.
8. Митрофанова Д.А. К проблеме перевода оперного либретто // Проблемы художественного синтеза: Материалы конференции аспирантов Российского института истории искусств [Под ред. А. А. Кириллова]. СПб.: РИИИ, 2004. С. 117-121.
9. Николаева О.Е. Трудности перевода оперного либретто на иностранный язык на примере оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» // Вестник современных исследований. 2018. № 11.7(26). С. 187-188.
10. Desblache L. Low Fidelity: Opera in Translation // *Translating Today*, 2004, no. 1, pp. 28-30.
11. Golomb H. Music-Linked Translation [MLT] and Mozart's Operas: Theoretical, Textual, and Practical Perspectives // *Song and Significance*, 2005, pp. 121-161.
12. Gorrée D.L. On Translating Signs: Exploring Text and Semio-Translation // *Babel*, 2006, no. 52(2), pp. 192-202.

13. Minors H.J. Opera and Intercultural Musicology as Modes of Translation // *Opera in Translation: Unity and Diversity*. [Eds: Serban A., Yue Chan K.]. John Benjamins Publishing Company, 2020, pp. 13-33.
14. Onich T. Germont's aria from "La Traviata" between the original and the Slovene translation. // *Words and Music*. Cambridge, 2013, pp. 9-19.
15. URL: <https://www.piano.ru/scores/purcell/purcell-dido.pdf> (дата обращения: 31.03.2022).

References

1. Berdnikova O.V. Perevod ital'yanskoy opery: za i protiv (na primere opery D. Verdi «Rigoletto») [Translation of the Italian opera: pros and cons (based on example of D. Verdi's opera «Rigoletto»)]. *Ital'yanskiy yazyk na stsene: semioticheskie kody v zhizni i v professii = Italiano sul palcoscenico: codici semiotici nella vita e nella professione* [Italian on Stage: Semiotic Codes in Life and in Profession = Italiano sul palcoscenico: codici semiotici nella vita e nella professione] [Materials of the International Scientific and Practical Conference = Atti del convegno internazionale a carattere pratico e scientific]. Moscow: MSLU Publ., 2021, pp. 41-45.
2. Gavril'chuk L. Problemy podstrochnogo perevoda opernykh libretto na ital'yanskom yazyke [Problems of the subscript translation of opera librettos in Italian]. *Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyy al'manakh* [South Russian Musical Almanac], 2019, no. 1(34), pp. 45-49.
3. Ganzburg G.I. O librettologii [About librettology]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music], 1990, no. 2, pp. 78-79.
4. Zuev M.P. K voprosu o perevode angliyskikh pesen: nablyudeniya perevodchika [On the question of translating English songs: translator's observations]. *Molodezh' i nauka* [Youth and Science]. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2011. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/thesis/s16/s16_14.pdf (accessed April 02, 2022).
5. Kiselev G.A. Problemy perevoda tekstov vokal'nykh proizvedeniy (na primere inostrannykh oper) [Problems of translation of texts of vocal compositions (based on example of foreign operas)]. *Vestnik MGIM imeni A.G. Shnitke* [Bulletin of MHIM named after A.G. Schnittke], 2018, no. 3/4(3/4), pp. 18-27.

6. Kolomiitsev V.P. *Zoloto Reĭna. Predvecherie trilogii «Kol'tso Nibelunga»* [The Rhine Gold. Prologue of The Ring of the Nibelungen]. Moscow: Yurgenson Publ., 1910, pp. 18-25.
7. Malenova E.D. Opera kak ob'ekt audiovizual'nogo perevoda [Opera as an object of audiovisual translation]. *Omskie nauchnye chteniya-2020: materialy Chetvertoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Omsk Scientific Readings-2020: Proceedings of the Fourth All-Russian Scientific Conference]. Omsk: OSU Publ., 2020, pp. 1111-1115.
8. Mitrofanova D.A. K probleme perevoda opernogo libretto [On the problem of translating the opera libretto]. *Problemy khudozhestvennogo sinteza: Materialy konferentsii aspirantov Rossiyskogo instituta istorii iskusstv* [Problems of Artistic Synthesis: Proceedings of the Postgraduate Conference of the Russian Institute of Art History]. St. Petersburg: RIII Publ., 2004, pp. 117-121.
9. Nikolaeva O.E. Trudnosti perevoda opernogo libretto na inostranny yazyk na primere opery P.I. Chaykovskogo "Evgeniy Onegin" [Difficulties in translation of opera libretto into a foreign language on the basis of P.I. Tchaikovsky's opera "Eugene Onegin"]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy* [Bulletin of Modern Studies], 2018, no. 11.7(26), pp. 187-188.
10. Desblache L. Low Fidelity: Opera in Translation. *Translating Today*, 2004, no. 1, pp. 28-30.
11. Golomb H. Music-Linked Translation [MLT] and Mozart's Operas: Theoretical, Textual, and Practical Perspectives. *Song and Significance*, 2005, pp. 121-161.
12. Gorrée D.L. On Translating Signs: Exploring Text and Semio-Translation. *Babel*, 2006, no. 52(2), pp. 192-202.
13. Minors H.J. Opera and Intercultural Musicology as Modes of Translation. *Opera in Translation: Unity and Diversity*. Serban A., Yue Chan K. (Eds). John Benjamins Publishing Company, 2020, pp. 13-33.
14. Onich T. Germont's aria from "La Traviata" between the original and the Slovene translation. *Words and Music*. Cambridge, 2013, pp. 9-19.
15. URL: <https://www.piano.ru/scores/purcell/purcell-dido.pdf> (accessed March 31, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ**Устинова Даниэла Валерьевна**, студентка

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Оренбургской области «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская обл., 460018, Российская Федерация
Dana150600@mail.ru*

Лаштабова Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Оренбургской области «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская обл., 460018, Российская Федерация
lashnata@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS**Daniela V. Ustinova**, student

*Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg Region, 460018, Russian Federation
Dana150600@mail.ru*

Natalia V. Lashtabova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Methods of Teaching English

*Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg Region, 460018, Russian Federation
lashnata@yandex.ru*

Поступила 01.05.2022

После рецензирования 29.05.2022

Принята 09.06.2022

Received 01.05.2022

Revised 29.05.2022

Accepted 09.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-271-281

УДК 81.23

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА
ФЕМИНИТИВОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ)**

Т.В. Сапух, Д.В. Черноусова

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме изучения перевода феминитивов с английского языка на русский. В статье анализируются предпосылки формирования гендерной лингвистики и развитие данного направления на Западе и в России. Авторы рассматривают понятие «гендер», который является ключевым элементом в гендерной лингвистике. Представив характеристику способов формирования феминитивов в английском языке, авторы рассматривают приемы их перевода на примере заголовков англоязычных статей и их переводов на русский язык.

***Материалы и методы.** Материалом для исследования послужили заголовки англоязычных статей и их перевод на русский. При анализе материала использовались метод сплошной выборки и сравнительный метод.*

***Результаты.** На основе анализа примеров гендерно-маркированной лексики в заголовках англоязычных статей было выявлено, что при переводе на русский язык в основном сохраняется гендерно-маркированная лексика или феминитивы.*

***Область применения результатов.** Полученные результаты могут быть использованы при обучении студентов письменному и устному переводу с английского языка на русский.*

***Ключевые слова:** феминитивы; гендерная лингвистика; гендер; гендерно-маркированная лексика; феминизация*

SPECIFICS OF TRANSLATING FEMINITIVES INTO RUSSIAN (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH ARTICLES HEADINGS)

T.V. Sapukh, D.V. Chernousova

The article is devoted to the problem of studying the translation of feminitives from English into Russian. The article analyzes the backgrounds for the formation of gender linguistics and the development of this trend in the Western countries as well as in Russia. The authors consider the concept of “gender” being a key element in gender linguistics. Having presented the characteristics of the ways of forming feminitives in the English language, the authors consider the methods of their translation on the example of the titles of English-language articles and their translations into Russian.

Materials and methods. *The material for the study was the headings of English-language articles and their translation into Russian. The sampling method and the comparative method were used when analyzing the material.*

Results. *Based on the analysis of examples of gender-marked vocabulary in the headings of English-language articles, it was revealed that when translated into Russian, gender-marked vocabulary or feminitives are mainly preserved.*

Practical implications. *The results obtained can be used in teaching students to translate and interpret from English into Russian.*

Keywords: *feminitives; gender linguistics; gender; gender-marked vocabulary; feminization*

Введение

В начале 20 в. в зарубежной лингвистике появилось новое направление гуманитарного знания – гендерные исследования. Гендерные исследования языка используют антропоцентрический подход. По мнению Е.С. Кубряковой, антропоцентрический принцип лингвистики реализуется в двух направлениях: “человек в языке”,

который выступает как носитель сознания культур, и “язык в человеке”, который является мерой всех вещей в языке и культуре [8, с. 124]. В России изучение гендерных исследований началось только в конце 20 в.

Основополагающим термином в исследованиях стал «гендер». Первые исследования гендера проводились еще в Древней Греции. В то время отношение к мужчинам и женщинам имело твердую и непоколебимую основу. Такие философы, как Аристотель, Платон и Сократ утверждали, что мужское начало происходит от высшего разума, тогда как женское начало от хаоса [5, с. 83].

В начале 20 в. написаны такие важные научные труды по гендерным исследованиям, как Ф. Маунтер «Критика языка» (1913), О. Есперсен «Философия языка» (1922). О. Есперсен в своей работе обратил внимание на различие между мужчинами и женщинами в речевом поведении в ситуации билингвизма. Автор указывал, что женщины консервативны в использовании языка и менее используют ругательства. Женщины менее творчески при использовании языка, потому что это является прерогативой мужчин [14, с. 41]. Ф. Маунтер высказал похожую идею. В своей работе он подтверждал гендерные различия в языке исторически и социально сложившимися причинами. Ф. Маунтер утверждал, что только мужчины могут творчески использовать язык, тогда как женщины способны только усваивать тот язык, который был создан мужчинами [Цит. по 11, с. 122].

Следует отметить важные факторы, которые сыграли большую роль в изменении отношения к гендерным исследованиям:

1. Формируется философия постмодернизма, которая уделяет большое внимание лингвистической концепции реальности, тому, как язык фиксирует те или иные явления.
2. Осознается субъективность человеческого знания.
3. К середине 20 в. накопилось больше количество фактов, которые были получены на материале удаленных культур. Эти факты заставили пересмотреть и родные культуры.
4. Студенческая революция 1968 г. и образование нового женского движения [7, с. 73].

К основным понятиям гендерных исследований относятся такие понятия, как:

1. Гендер
2. Гендеризм – убеждение в существовании только двух полов.
3. Гендерный дисплей – объяснение различных аспектов взаимодействия людей.
4. Гендерная идентичность – внутренняя самоидентификация человека как того или иного гендера.
5. Гендерные стереотипы.
6. Фемининность – женственность.
7. Маскулинность – мужественность [6, с. 213].

Образование категории рода в английском языке, являясь достаточно изученной областью языкознания, имеет большое значение для теории и практики перевода. Грамматическая категория рода в английском языке, по мнению ученых, существовала только в период староанглийского [3, с. 510]. На тот момент все существительные причислялись к мужскому, женскому или среднему роду. Но к началу среднеанглийского периода данная грамматическая категория полностью вышла из употребления.

Основные способы образования феминитивов в английском языке:

1. Аффиксальный.
 - –ess – actress, princess
 - –stress – songstress, seamstress
 - –ina\-ine – heroine, ballerina
 - –trix – admonitrix, mediatrix
 - –ette – astronette, suffragette
2. Существительные, образованные лексическим способом: к началу существительных в этой группе добавляется либо существительное, либо личное местоимение: girlfriend – boyfriend
3. Аналитические приемы: добавление гендерных маркеров к гендерно нейтральным словам: woman writer
4. Супплетивизм: woman – man, queen – king.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили заголовки англоязычных статей из Интернет-журналов и газет и их перевод на русский. При выполнении исследования были использованы метод сплошной выборки и сравнительный метод.

Результаты и обсуждение

Для данного исследования нами было отобрано и рассмотрено 30 примеров заголовков английских статей и их перевод на русский язык. Ниже мы представим анализ ряда заголовков.

1. В заголовке статьи «Iberia stewardesses revolt over uniform of high heels» [17] используется феминитив «stewardesses». При переводе заголовка данной статьи на русский язык переводчики сохранили форму феминитива. В русскоязычной версии статья вышла с заголовком «Стюардессы Iberia наденут новую униформу» [12]. По нашему мнению, это единственно возможный вариант перевода, поскольку в оригинальной статье речь идет о том, что именно стюардессам поменяют их форму, включив в образ туфли на каблуках. Переводческие трансформации в данном случае не требуются.

2. В заголовке английской статьи «Headmistress who stole from school gets five years» [16] используется гендерно-маркированное слово «headmistress». В переводе же на русский язык «Директор колледжа получила 1 сентября 5 лет тюрьмы» [4] переводчики убрали гендерный окрас и использовали гендерно-нейтральное слово. По нашему мнению, это удачный вариант перевода, так как феминитив «директриса» имеет несколько пренебрежительное значение. «Директор» звучит более формально и уважительно, нежели «директриса». В данном примере пол определяется при помощи глагола, который по смыслу сочетается с существительным.

3. В заголовке «Black Journalist And Suffragette Ida B. Wells Honored With New Inspiring Women Series Barbie» [14] использовался феминитив «suffragette». В русском переводе «Barbie-феминистка: Mattel выпустил прототип суфражистки Иды Б. Уэлл» [2] использовался феминитив «суфражистка» и также было добавлено

гендерно-маркированное слово «феминистка». Данный вариант перевода представляется нам единственно правильным, так как в русском языке слово «суффражистка» не используется в мужском роде.

4. В заголовке «‘If I can get a plane into the sky, I can do anything’: female Afghan pilot refuses to be grounded» [13] используется феминитив «female pilot». В русском переводе «Я снова буду летать» – первая женщина-пилот Афганистана в интервью БНР о своем бегстве от талибов в Болгарию» [1] также сохраняется феминитив. Перевод представляется полным и точным, так как информация о том, что пилот – женщина, является первостепенной.

5. В заголовке «Female police officer shot dead in Kandahar province» [15] используется феминитив слова «police». В переводе названия статьи на русский «Очередное убийство женщины-полицейского в Кандагаре» [9] сохраняется феминитив. Данный перевод представляется удачным, так как для сообщения важно указание на пол полицейского.

6. В заголовке «Online fame for Iran’s female pilot Neshat Jahandari» [19] используется гендерно-маркированный вариант слова «pilot». В переводе на русский «Пилот Нешат Джахандари» [10] использован не феминитив, гендерно-нейтральное слово. Данный вариант перевода представляется нам не совсем точным, поскольку русскоязычному читателю трудно определить пол пилота по имени Нешат. Однако на сайте данный заголовок сопровождается фотографией женщины-пилота в кабине самолета, что способствует его правильному пониманию.

На основе проведённого исследования было выявлено, что в заголовках англоязычных статей довольно часто используются феминитивы. При переводе этих заголовков на русский язык используется гендерно-маркированная лексика, хотя нами было выявлено несколько примеров использования гендерно-нейтральной лексики. Поскольку структура, строение русского языка являются более разнообразными, имеет смысл предположить, что в русском языке образуется больше феминитивов, обозначающих, в частности, профессию женщины. От переводчика требуется поиск соответствий, которые сохраняли бы по возможности и гендерную специфику наименований.

Заключение

В данной работе мы рассмотрели использование гендерной лексики в заголовках англоязычных статей и специфику ее перевода на русский язык. Можно констатировать, что данная проблема является актуальной для теории перевода, так как при переводе гендерной лексики на русский язык перед переводчиком остро стоит вопрос о сохранении и передаче гендерного показателя. Передача каждого феминитива рассматривается переводчиком индивидуально в зависимости от определенного контекстуального окружения. По результатам нашего исследования было выявлено, что в основном при переводе заголовков англоязычных статей на русский язык гендерная специфика сохраняется, феминитивов в текстах перевода наблюдается намного больше, что объясняется неродственностью английского и русского языков и явной гендерно-маркированностью русского языка.

Список литературы

1. «Я снова буду летать» – первая женщина-пилот Афганистана в интервью БНР о своем бегстве от талибов в Болгарию, 2021 г. URL: <https://bnr.bg/ru/post/101568774/a-snova-budu-letaty-pervaa-jenshtina-pilot-afganistana-v-intervyu-bnr-o-svoem-begstve-ot-talibov-v-bolgariu> (дата обращения: 20.04.2022).
2. Barbie-феминистка: Mattel выпустил прототип суфражистки Иды Б. Уэлл, 2022 г. URL: <https://adindex.ru/news/adyummy/2022/01/19/302143.phtml> (дата обращения: 20.04.2022).
3. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие: в 2-х ч. / под ред. И. Жеребкиной. СПб.: Алетейя. 2001. Ч. 1. С 508-542.
4. Директор колледжа получила 1 сентября 5 лет тюрьмы, 2003 г. URL: <https://ria.ru/20030901/427536.html> (дата обращения: 20.04.2022).
5. Кипервак Е.А. Предпосылки зарождения представлений о гендере в античной философии // Омский научный вестник. 2012. №3(109). С. 82-84.
6. Кирилина А.В. Гендер и язык. М: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.

7. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов. М: РОССПЭН, 2004. 255 с.
8. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 238 с.
9. Очередное убийство женщины-полицейского в Кандагаре, 2016 г. URL: <https://aftag.info/ru/news/ocherednoe-ubiystvo-zhenshchiny-politseyskogo-v-kandagare> (дата обращения: 20.04.2022).
10. Пилот Нешат Джахандари, 2020 г. URL: <https://parstoday.com/ru/radio/iran-i109219> (дата обращения: 20.04.2022).
11. Скачкова И.И. Гендерная проблематика в зарубежном теоретическом языкознании: к истории вопроса // Вестник ТГЭУ. 2009. №4. С. 119-132.
12. Стюардессы Iberia наденут новую униформу, 2020 г. URL: <https://russpain.com/news/cultura/stjuardessy-iberia-nadenut-novuju-uniformu/> (дата обращения: 20.04.2022).
13. 'If I can get a plane into the sky, I can do anything': female Afghan pilot refuses to be grounded, 2021 г. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2021/nov/16/mohadese-mirzaee-female-afghan-pilot-refuses-to-be-grounded-taliban> (дата обращения: 20.04.2022).
14. Black Journalist And Suffragette Ida B. Wells Honored With New Inspiring Women Series Barbie, 2022 г. URL: <https://www.kshb.com/ida-b-wells-honored-barbie-inspiring-women-doll/> (дата обращения: 20.04.2022).
15. Female police officer shot dead in Kandahar province, 2016 г. URL: <https://www.khaama.com/female-police-officer-shot-dead-in-kandahar-province-0334/> (дата обращения: 20.04.2022).
16. Headmistress who stole from school gets five years, 2003 г. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2003/sep/02/schools.ukcrime> (дата обращения: 20.04.2022).
17. Iberia stewardesses revolt over uniform of high heels, 2020 г. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/iberia-stewardesses-revolt-over-uniform-of-high-heels-0rc5pzgph> (дата обращения: 20.04.2022).
18. Jespersen O. The Woman // The Feminist Critique of Language / ed. by D. Cameron. London, 1998, pp. 225-241.

19. Online fame for Iran's female pilot Neshat Jahandari, 2019 г. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/online-fame-for-irans-female-pilot-neshat-jahandari-b6btl89vv> (дата обращения: 20.04.2022).

References

1. «*Ya snova budu letat'*» – *pervaya zhenshchina-pilot Afganistana v interv'yuu BNR o svoem begstve ot talibov v Bolgariyu* ["I will fly again" – Afghanistan's first female pilot in an interview with BNR about her flight from the Taliban to Bulgaria], 2021. URL: <https://bnr.bg/ru/post/101568774/a-snova-budu-letaty-pervaa-jenshtina-pilot-afganistana-v-intervyu-bnr-o-svoem-begstve-ot-talibov-v-bolgariu> (accessed April 20, 2022).
2. *Barbie-feministka: Mattel vypustil prototip sufrazhistki Idy B. Uell* [Feminist Barbie: Mattel Launches Ida B. Well's Suffragette Prototype], 2022. URL: <https://adindex.ru/news/adyummy/2022/01/19/302143.phtml> (accessed April 20, 2022).
3. Goroshko E.I. *Gendernaya problematika v yazykoznanii* [Gender issues in linguistics]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2001, vol. 1, pp. 508-542.
4. *Direktor kolledzha poluchila 1 sentyabrya 5 let tyur'my* [College principal received 5 years in prison on September 1], 2003. URL: <https://ria.ru/20030901/427536.html> (accessed April 20, 2022).
5. Kipervak E.A. *Predposylki zarozhdeniya predstavlenii o genere v antichnoi filosofii* [Prerequisites for the emergence of ideas about gender in ancient philosophy]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2012, no. 3(109), pp. 82-84.
6. Kirilina A.V. *Gender i yazyk* [Gender and language]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005, 624 p.
7. Kirilina A.V. *Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikatsii* [Gender studies in linguistics and communication theory]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, 255 p.
8. Kubryakova E.S., Shahnarovich A.M., Saharnyj L.V. *Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi* [The human factor in language. Language and the production of speech]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 238 p.

9. *Ocherednoe ubiystvo zhenshchiny-politseiskogo v Kandagare* [Another murder of a female police officer in Kandahar], 2016. URL: <https://aftag.info/ru/news/ocherednoe-ubiystvo-zhenshchiny-politseyskogo-v-kandagare> (accessed April 20, 2022).
10. *Pilot Neshat Dzhakhandari* [Pilot Neshat Jahandari], 2020. URL: <https://parstoday.com/ru/radio/iran-i109219> (accessed April 20, 2022).
11. Skachkova I.I. Gendernaya problematika v zarubezhnom teoreticheskom yazykoznanii: k istorii voprosa [Gender issues in foreign theoretical linguistics: on the history of the issue]. *Vestnik TGEU* [TGEU Bulletin], 2009, no. 4, pp. 119-132.
12. *Styuardessy Iberia nadenut novuyu uniform* [Iberia flight attendants to wear new uniforms], 2020. URL: <https://russpain.com/news/cultura/styuardessy-iberia-nadenut-novuju-uniformu/> (accessed April 20, 2022).
13. 'If I can get a plane into the sky, I can do anything': female Afghan pilot refuses to be grounded, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2021/nov/16/mohadese-mirzaee-female-afghan-pilot-refuses-to-be-grounded-taliban> (accessed April 20, 2022).
14. Black journalist and suffragette Ida B. Wells honored with new inspiring women series Barbie, 2022. URL: <https://www.kshb.com/ida-b-wells-honored-barbie-inspiring-women-doll/> (accessed April 20, 2022).
15. Female police officer shot dead in Kandahar province, 2016. URL: <https://www.khaama.com/female-police-officer-shot-dead-in-kandahar-province-0334/> (accessed April 20, 2022).
16. Headmistress who stole from school gets five years, 2003. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2003/sep/02/schools.ukcrime> (accessed April 20, 2022).
17. Iberia stewardesses revolt over uniform of high heels, 2020. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/iberia-stewardesses-revolt-over-uniform-of-high-heels-0rc5pzzgph> (accessed April 20, 2022).
18. Jespersen O. *The Woman. The Feminist Critique of Language* /ed. by D. Cameron. London, 1998, pp. 225-241.
19. Online fame for Iran's female pilot Neshat Jahandari, 2019. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/online-fame-for-irans-female-pilot-neshat-jahandari-b6btl89vv> (accessed April 20, 2022).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Сапух Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка.

*Оренбургский государственный университет
проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
tatsap@mail.ru*

Черноусова Дарья Вадимовна, студент

*Оренбургский государственный университет
проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
chernousovadv.2016@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Sapukh, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology and Methods of Teaching English

*Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russia
tatsap@mail.ru
SPIN-code: 3631-6059
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8709-2312>
ResearcherID: X-2838-2019*

Daria V. Chernousova, student

*Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russia
chernousovadv.2016@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6426-8773>*

Поступила 29.04.2022
После рецензирования 29.05.2022
Принята 09.06.2022

Received 29.04.2022
Revised 29.05.2022
Accepted 09.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-282-294

УДК 811.111-26

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ В ФИЛЬМЕ «HIGH SCHOOL MUSICAL» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А.В. Химич, Н.В. Лаштабова

Статья посвящена анализу требований к песенному переводу. Нами были рассмотрены исследования зарубежных и отечественных лингвистов, изучающих песенный перевод, выявлены трудности, с которыми может столкнуться переводчик, переводческие решения, а также критерии песенного перевода. Мы проанализировали текст песни «What I've been looking for», а также его официальный перевод, выполненный Михаилом Черепниным, и выявили какие требования были соблюдены и нарушены переводчиком.

Обоснование. *Существуют различные переводческие решения и правила, позволяющие достигнуть адекватность при переводе музыкальных текстов, в том числе либретто мюзиклов. На материале текста музыкального фильма «High School Musical» выполнен анализ перевода М. Черепнина.*

Цель. *В статье были рассмотрены особенности перевода музыкального текста на примере перевода песни «What I've been looking for», выполненного М. Черепниным.*

Материалы и методы. *Материалом исследования стал музыкальный фильм «High School Musical» и его официальный художественный перевод на русский язык. При анализе материала были использованы метод отбора и анализа теоретического материала, метод предпереводческого, переводческого и постпереводческого анализа, а также сравнительно-сопоставительный метод.*

Результаты. *Результаты нашего исследования показали, что при переводе текста данного музыкального произведения М. Черепнин столкнулся с массой препятствий. Его главной целью было*

сохранить певческую составляющую текста, а не образную систему, что сказалось на эстетическом и эмоциональном воздействии.

Область применения результатов. Результаты нашего исследования могут найти широкий спектр применения: они будут полезны как переводчикам-любителям, занимающимся интерпретацией музыкальных произведений, так и профессиональным переводчикам и лингвистам, активно работающим в сфере песенного перевода и изучающим его, как явление.

Ключевые слова: перевод; мюзикл; перевод песенных текстов; эквиритмика; либретто

FEATURES OF THE HIGH SCHOOL MUSICAL SONG TEXTS TRANSLATION INTO RUSSIAN

A. V. Khimich, N. V. Lashtabova

The article is aimed at the analysis of the requirements for song translation. We have considered the studies of foreign and Russian linguists on song translation, identified the difficulties that a translator may face, translation solutions, and criteria for song translation. We analyzed the lyrics of the song What I've been looking for and its official translation performed by Mikhail Cherepnin and then we discovered whether the translator complied with the requirements or not.

Background. *There is a number of translation solutions and rules that allow achieving adequacy in the translation of musical texts and libretto of musicals. The analysis of M. Cherepnin's translation is made on the material of the text of the High School Musical musical film.*

Purpose. *The article considered the features of the translation of a musical text on the example of the translation of the song What I've been looking for performed by M. Cherepnin.*

Materials and methods. *The material of the study was the High School Musical film and its official literary translation into Russian. We used the method of selection and analysis of theoretical material, the method*

of pre-translation, translation, post-translation analysis and comparative method when analyzing the text.

Results. *The results of our study showed that M. Cherepnin faced a lot of obstacles when translating the text of this musical film. His main goal was to preserve the singing component of the text, and not its figurative system, which affected the aesthetic and emotional impact.*

Practical implications. *The results of our research can find a wide range of applications: they will be useful both for amateur translators involved in the interpretation of musical works, and for professional translators and linguists actively working in the field of song translation and studying it as a phenomenon.*

Keywords: *translation; musical; song translation; equirhythmic; libretto*

Введение

Цель. Определить особенности перевода песенных текстов на примере художественного перевода песни «What I've been looking for», выполненного М. Черепниным, а также определить степень его адекватности.

Актуальность. Исследование такой малоизученной темы, как песенный перевод, позволит повысить заинтересованность среди студентов лингвистических вузов, а также профессиональных переводчиков и преподавателей, что поспособствует дальнейшему развитию теоретической базы данного подвида художественного перевода.

Оригинальное кино канала Disney, как и почти все проекты студии, славится обилием музыкальных номеров, исполняемых героями. Одним из самых видных проектов стал подростковый фильм 2006 г. «High School Musical», снятый в жанре музыкальная комедия (в русском прокате он вышел под названием «Классный мюзикл» в 2008 г.). История косвенно является адаптацией пьесы Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта» и повествует о двух американских школьниках, встретившихся на новогодней вечеринке и впоследствии оказавшихся по разную сторону баррикад.

Режиссером данной кинокартины стал Кенни Ортега, американский хореограф, продюсер, режиссер и постановщик шоу, прославившийся благодаря работе над многочисленными кинокартинами, телевизионными шоу, а также благодаря организации концертов таких исполнителей, как Майкл Джексон, Шер и Майли Сайрус. В роли композитора же выступил знаменитый Дэвид Нессим Лоуренс, написавший саундтреки практически для всех фильмов, вошедших в коллекцию «Оригинальное кино Канала Disney, на которых выросло не одно поколение.

Зачастую песни в мюзиклах, изначально созданных для телеэкрана, не дублируются для иностранной публики, а переводятся посредством субтитров. К этому виду перевода не раз прибегал и российский филиал студии Disney, выпускающий как телепередачи, так и полнометражные фильмы для русскоязычной публики. К сожалению, это не самое удачное решение, учитывая, что основная аудитория канала – дети школьного и дошкольного возраста. В таком случае встает вопрос о профессиональном дубляже, выполненном специалистами, руку к которому должны приложить как переводчики, так и актеры дубляжа.

Над переводом сценария и текстов песен на русский язык картины «High School Musical» работал Михаил Черепнин, чьей основной деятельностью является перевод мультипликационного и семейного кино.

Перевод песенных текстов (также называемый эквиритмичным переводом) является одним из сложнейших видов художественного перевода, в котором сочетаются лингвистические и музыкальные составляющие. Цель перевода таких текстов – сделать их удобными для пения на язык перевода (далее – ПЯ), сохранив при этом эстетическое и эмоциональное воздействие на слушателей, а также способность верно интерпретировать и передать основную мысль автора оригинала. Именно музыкальная специфика и делает перевод текстов песен таким неоднозначным.

Й. Франзон, изучая вопрос песенного перевода, вывел следующие переводческие решения:

1. Оставить песню без перевода;
2. Перевести текст без учета музыки;
3. Написать новые тексты, не имеющие прямого отношения к исходным текстам, под оригинальную музыку.
4. Перевести тексты и адаптировать музыку – иногда до такой степени, что создание совершенно новой композиции будет считаться необходимым;
5. Адаптировать перевод к оригинальной музыке [12].

М.П. Зуев в свою очередь выделяет следующие сложности, с которыми может столкнуться переводчик песенных текстов: длина лексических единиц (русские единицы считаются длиннее английских, что сказывается на переводе), паузы в мелодии (провоцируют разрыв смысловой цепи) и производимый эффект (эстетическое и эмоциональное воздействие на слушателя) [3].

Р. Дайер-Беннет, размышляя об особенностях песенного перевода, выделяет следующие критерии:

- 1) Текст перевода должен быть пригодным для пения, в противном случае любые другие достоинства, которыми он обладает, теряют свой смысл;
- 2) Текст перевода должен звучать так, будто музыка была написана специально для него, несмотря на то что на самом деле она была сочинена, чтобы соответствовать исходному тексту;
- 3) Схема рифмовки оригинальной поэзии должна быть сохранена, потому что она придает форму фразе;
- 4) Вольности должны сохранять в исходный смысл текста, в случае если нельзя иначе выполнить первые три требования [14].

Так как адекватность художественного перевода определяется передачей эстетической функции, Ю.П. Солодуб называет следующие способствующие этому факторы:

- «1) понимание идейно-тематического содержания подлинника, проникновение в мир авторских интенций;
- 2) бережное отношение к образной системе оригинала;
- 3) бережное отношение к идиолекту автора» [5].

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужил текст песни «What I've been looking for» из музыкального фильма «High School Musical». Данная песня звучит в фильме дважды, демонстрируя контраст между протагонистами и антагонистами. При анализе материала использовались метод отбора и анализа теоретического материала, метод предпереводческого, переводческого и постпереводческого анализа, а также сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты и обсуждение

Песни в кинокартине «High School Musical» являются ярким примером как перевода либретто (текста мюзикла), так и непосредственно песенного перевода. Нами была проанализирована песня «What I've been looking for», которая демонстрирует различия в системе восприятия и отношении к музыке, как искусству, протагонистов и антагонистов.

Эта песня могла вызвать затруднения при переводе не только из-за общей специфики перевода либретто, но и благодаря контексту. В первый раз песня звучит в ускоренном темпе и исполняется антагонистами, привыкшими превращать повседневную жизнь в шоу, во второй же раз песня исполняется протагонистами под инструментальный аккомпанемент, демонстрируя глубину их чувств. Также в первый раз песня звучит полностью, а во второй лишь один куплет и припев. Сложность перевода заключается в передаче идентичного текста песни при разном ритмическом рисунке, наборе пауз и эмоциональном воздействии.

Что характерно, М. Черепнин не стал придерживаться оригинальной задумки автора и не сохранил идентичность текстов в двух тональностях, желая продемонстрировать разницу между героями. В оригинале же такого не происходит.

Песня начинается со строк «it's hard to believe that I couldn't see, you were always there beside me», которую М. Черепнин перевел одинаково в двух вариантах песни как «мы в темные дни грустили

одни, но виновны в том мы сами». Как мы можем заметить, текст перевода по смыслу далек от оригинала, но при этом был сохранен ритмический рисунок, рифма (believe- see- me/ дни- одни- сами) и, что немаловажно, ассонанс (гласные звуки «и» на конце фраз), что облегчает процесс пения для исполнителя. Количество слогов в тексте оригинала и тексте перевода совпадает (18), количество же слов разнится: на английском их 14, а на русском – 12. Это происходит из-за различий языковых систем и краткости английских слов, за счет чего их требуется больше, чем русских при наложении на один и тот же ритмический рисунок. В тексте оригинала повествование ведется от первого лица единственного числа в прошедшем времени («I couldn't see»), встречается безличная форма в настоящем времени («it's hard to believe»), в тексте же перевода повествование ведется исключительно от первого лица множественного числа в прошедшем времени («мы...грустили одни»; «виновны в том мы сами»). В оригинале предложение является сложноподчиненным с подчинительным союзом *that*, соединяющим главное предложение с первым придаточным («it's hard to believe that I couldn't see»). Второе придаточное соединено бессоюзным способом с первым («I couldn't see, you were always there beside me»). В тексте перевода оба подлежащих выражены местоимением «мы»: первое сказуемое выражено глаголом в прошедшем времени «грустили», а второе – прилагательным «виновны». Несмотря на грамматические и лексические отличия, переводчик передал основной посыл, говоря об одиночестве героев.

При работе над следующими строками «*thought I was alone, with no one to hold but you were always right beside me*» переводчик проводит двойную работу и переводит их по-разному для обоих вариантов песни: «*послушай дружок, ты мой номерок давно бы мог уж записать бы*» и «*когда в час тревог, всего лишь звонок, жизнь мог наполнить чудесами*». Несмотря на наличие нескольких вариантов перевода, оба были искажены. Переводчик вновь ориентируется на музыкальность текста, а не его содержание и форму. При этом сохраняется рифма *alone – to hold* (*дружок-номерок и тревог-звонок*).

Также он передает ассонанс (гласную «о» на конце фраз). Количество слогов как в тексте оригинала, так и в обоих вариантах перевода 9, количество слов в английском варианте – 16, а в русском по 11 в каждом из вариантов перевода. Вновь в тексте оригинала повествование идет от первого лица единственного числа в прошедшем времени («*thought I was alone*»; «*you were always right beside me*»). В качестве подлежащего выступают местоимения *I, one, you*, а в качестве сказуемого глаголы в прошедшем времени: *thought, was, were* и инфинитив *to hold*. В первом варианте перевода повествование также от первого лица единственного числа, глаголы же используются сначала в повелительном наклонении – «*слушай*», а потом в сослагательном «*мог бы*», чего не наблюдается в оригинале. Частица «*бы*» используется переводчиком дважды для сохранения ритмического рисунка и соответствия количества слогов. Во втором варианте перевода тоже совпадает тип повествования, роль подлежащего же в данном случае выполняет не персонаж, а звонок: «*звонок, жизнь мог наполнить чудесами*». Появляется модальный глагол в прошедшем времени «*мог*». Черепнин добавляет строкам образность, говоря о номере, звонке, тревогах и чудесах, которые никак не фигурируют в английском тексте. В данном случае смысл и эмоциональное воздействие на слушателей искажаются, но музыкальность полностью сохраняется.

Строки «*this feeling's like no other I want you to know*» также были вольно переведены М. Черепниным. Желая облегчить задачу актерам дубляжа, переводчик не просто опускает детали, а полностью искажает смысл: «*ступив всего пол шага, мы будем вдвоем*». Ни слова не говорится ни о чувствах героев, ни об их желаниях, но появляется утверждение «*будем вдвоем*». Также была передан ассонанс на конце фраз: *other – шага* (гласная *a*), *know – вдвоем* (гласная *o*). Стоит отметить, что слова были подобраны переводчиком идеально с точки зрения ритмического рисунка, несмотря на то что ударные слоги при переводе были смещены: «*this feeling's like no other*» – «*ступив всего полшага*», «*I want you to know*» – «*мы будем вдвоем*». В переводе было использовано меньше слов (7 в русском

и 10 в английском), но количество слогов полностью совпадает (12). В тексте оригинала в первой части предложения в роли подлежащего выступает слово «feeling», а затем местоимение «I», в тексте же перевода подлежащие всего одно- местоимение «мы». В оригинале предложение бессоюзное сложносочиненное («I want you to know» относится к следующей фразе припева), в переводе же это простое предложение с деепричастным оборотом «ступив всего пол шага».

Припев песни с точки зрения смысла и интенций не имеет ничего общего с текстом оригинала: «I've never had someone that knows me like you do, the way you do, I've never had someone as good for me as you no one like you. So lonely before I finally found what I've been looking for» было переведено как «И я в небе рисовать и звезды, и луну с тобой начну, я в небе рисовать и звезды, и луну с тобой начну, какой небосвод под медленный вальс над нами проплывет...». Помимо этого, в тексте оригинала был сделан повтор, но с измененным окончанием, что расширяло контекст, при переводе же автор дважды переписывает одну строчку. Как и ранее, М. Черепнин пренебрегает содержанием текста, делая упор на удобстве исполнения, а не задумке автора. Вновь переводчиком сохраняется ассонанс: do – луну, do – начну, you – луну, you – начну (звук «у»). Количество слогов совпадает в текстах оригинала и перевода при расхождении количества слов.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что перевод Михаила Черепнина – вольный и искажает интенции автора песен, так как помимо изменения образной системы оригинала был нарушен идиолект автора, из чего следует, что перевод нельзя назвать адекватным, т.к. песня двух подростков, изначально лишённая ярких средств выразительности, при переводе приобрела поэтический пафос. Грамматически, лексически и морфологически текст существенно искажен, что негативно сказывается на передаче эстетической и эмоциональной функции, так как слушатели песни в переводе получают совершенно иное впечатление о происходящем и

героях в целом. В попытке адаптировать текст под оригинальную музыку переводчик создал новую песню, мало похожую на исходный вариант. При этом нельзя не упомянуть бережное отношение переводчика к музыкальной составляющей песни. Она без искажений легла на мелодию, передавая ритмический рисунок, схему рифмовки оригинала, а также, что немаловажно, звукопись. Текст перевода пригоден для пения и звучит вполне гармонично и логично для слушателей, незнакомых с исходной песней, так как форма текста перевода совпадает с формой оригинала.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 256 с.
2. Гончаренко С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Мосты. Журнал переводчиков. 2018. № 1(57). С. 3-14.
3. Зуев М.П. К вопросу о переводе английских песен: наблюдения переводчика // Молодёжь и наука: Сб. мат-лов VII Всеросс. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 50-летию первого полета человека в космос. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/thesis/s16/s16_14.pdf (дата обращения: 09.04. 2022)
4. Савельева Е.К. О необходимости перевода либретто мюзикла как полноценного художественного произведения (на материале мюзикла «Cats») // Культура. Наука. Интеграция. 2013. № 1(21). С. 51-55.
5. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 24 с.
6. Казакова Т.А. Художественный перевод: учебное пособие. СПб.: ИВЭСЭП, 2002. 112 с.
7. Чуковский К.И. Высокое искусство. М.: «Советский писатель», 1968. 384 с.
8. Эко У. Сказать почти то же самое: опыты о переводе / пер. с итал. и прочих Андрея Коваля. Москва: АСТ, Corpus, cop., 2015. 733 с.

9. Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. М.: Л.: «Советский писатель», 1963. 431 с.
10. Gorrée D.L. Prelude and Acknowledgements // *Song and Significance Virtues and Vices of Vocal Translation*. New York: Rodopi, 2005, pp. 7-15.
11. Lefevere A.A. *Translating poetry: seven strategies and a blueprint*. Assen: Van Gorcum, 1975, 127 p.
12. Franzon J. Choices in song translation // *The Translator*, 2008, pp. 373-399.
13. Low P. Singable translations of songs // *Perspectives: Studies in Translatology*. London: Routledge, 2003, pp. 87-103.
14. Low P. The pentathlon approach to translating songs // *Song and Significance Virtues and Vices of Vocal Translation*. Amsterdam: Rodopi, 2005, pp. 185-212.
15. Low P. *Translating Song. Lyrics and Texts*. London: Routledge, 2017, 132 p.

References

1. Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963, 256 p.
2. Goncharenko S.F. Poeticheskiy perevod i perevod poezii: konstan-ty i variativnost' [Poetic translation and translation of poetry: constants and variability]. *Mosty. Zhurnal perevodchikov* [Bridges. Translators' Journal], 2018, no. 1(57), pp. 3-14.
3. Zuev M.P. K voprosu o perevode angliyskikh pesen: nablyudeniya pe-revodchika [On the issue of translating English songs: translator's observations]. *Molodezh' i nauka* [Youth and Science]. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2011. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/thesis/s16/s16_14.pdf (accessed April 09, 2022)
4. Savel'eva E.K. O neobkhodimosti perevoda libretto myuzikla kak pol-notsennogo khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale myuzikla "Cats") [On the need to translate the libretto of the musical as a full-fledged work of art (based on the musical "Cats")]. *Kul'tura. Nauka. Integratsiya* [Culture. Science. Integration], 2013, no. 1(21), pp. 51-55.

5. Solodub Yu.P. *Teoriya i praktika khudozhestvennogo perevoda* [Theory and practice of literary translation]. Moscow: «Akademiya» Publ., 2005, 24 p.
6. Kazakova T.A. *Khudozhestvennyy perevod* [Literary translation]. St. Petersburg: IVESEP, 2002, 112 p.
7. Chukovskiy K.I. *Vysokoe iskusstvo* [High art]. Moscow: «Sovetskiy pisatel'» Publ., 1968, 384 p.
8. Eko U. *Skazat' pochti to zhe samoe: opyty o perevode* [To say almost the same thing: experiments on translation]. Moscow: AST, Corpus, cop., 2015, 733 p.
9. Etkind E.G. *Poeziya i perevod* [Poetry and translation]. Moscow: Leningrad: «Sovetskiy pisatel'» Publ., 1963, 431 p.
10. Gorrée D.L. Prelude and Acknowledgements. *Song and Significance Virtues and Vices of Vocal Translation*. New York: Rodopi, 2005, pp. 7-15.
11. Lefevere A.A. Translating poetry: seven strategies and a blueprint. Assen: Van Gorcum, 1975, 127 p.
12. Franzon J. Choices in Song Translation. *The Translator*, 2008, pp. 373-399.
13. Low P. Singable Translations of Songs. *Perspectives: Studies in Translatology*. London: Routledge, 2003, 87-103.
14. Low P. The Pentathlon Approach to Translating Songs. *Song and Significance Virtues and Vices of Vocal Translation*. Amsterdam: Rodopi, 2005, pp. 185-212.
15. Low P. Translating Song. Lyrics and Texts. London: Routledge, 2017, 132 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Химич Анастасия Вячеславовна, студентка

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Оренбургской области «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская обл., 460018, Российская Федерация
blumnastya@mail.ru*

Лаштабова Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Оренбургской области «Оренбургский государственный университет»

пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская обл., 460018, Российская Федерация

lashnata@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anastasiia V. Khimich, student

Orenburg State University

13, Prospekt Pobedy, Orenburg Region, 460018, Russian Federation

blumnastya@mail.ru

Natalia V. Lashtabova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Methods of Teaching English

Orenburg State University

13, Prospekt Pobedy, Orenburg Region, 460018, Russian Federation

lashnata@yandex.ru

Поступила 01.05.2022

После рецензирования 03.06.2022

Принята 07.06.2022

Received 01.05.2022

Revised 03.06.2022

Accepted 07.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-295-322

УДК 812

КОНЦЕПТ «СНЕГ» В ЯЗЫКОВОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ

А.А. Кузьмина

Статья посвящена сравнительному анализу концепта «Снег» в языковой и фольклорной картине мира коренных народов Якутии. Цель исследования состоит в выявлении особенностей репрезентации данного концепта в языковой и фольклорной картине мира якутов, эвенов, эвенков, юкагиров. В работе использованы методы лингвокультурологического анализа, сплошной выборки, сравнительно-сопоставительного изучения. В результате исследования вербализации концепта «Снег» выявлено, что он является универсальным и значимым в концептосфере «Природные явления». Определено, что концепт «Снег» в языковой и фольклорной картине мира якутов представляет собой сложное, многослойное образование, выходящее за рамки природного явления, способное выражать переносные значения с отрицательными коннотациями при обозначении неудачи, потери ориентации, обмана, слез, а также меры, количества, времени, выступать в составе антропонима и т.д. Установлено, что наиболее релевантными признаками являются состав, глубина снега, время выпадения и т.д., что имеет важное значение в коневодстве, скотоводстве и охоте. Выявлено, что концепт «Снег» в эвенской, эвенкийской, юкагирской языковых картинах мира представлен в основном как компонент концепта «Природные явления», характеризуя снег с точки зрения различных качественных, временных, пространственных признаков, связанных с оленеводством и охотой. Рассмотренные фольклорные материалы эвенов, эвенков, юкагиров показали, что данный концепт выступает в основном как маркер наступления зимы, белого цвета, компонент хозяйственного уклада жизни, времени, иногда – опасности, недолговечности.

Результаты работы могут быть использованы в разработке теоретических положений лингвокультурологии, в сравнительных исследованиях этнокультурных особенностей языковой, фольклорной картины мира коренных народов Якутии.

Ключевые слова: *концепт; снег; языковая картина мира; фольклорная картина мира; лингвокультурология; коренные народы Якутии; метеорологическая лексика*

CONCEPT “SNOW” IN THE LINGUISTIC AND FOLKLORE PICTURE OF THE WORLD OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF YAKUTIA

A.A. Kuzmina

The article undertakes a comparative analysis of the concept “Snow” in the linguistic and folklore worldview of the indigenous peoples of Yakutia. The purpose of the study is to identify the specific features of representation of this concept in the linguistic and folklore worldview of the Yakuts, Evens, Evenki, Yukaghirs. The methods used in the paper include linguocultural analysis, continuous sampling, comparison and collation. Following the research of verbalisation of the concept “Snow”, it was revealed that it is universal and significant in the conceptual framework “Natural phenomena”. It was found that the concept “Snow” in the Yakut linguistic and folkloric world image represents a complex, multilayer formation going beyond the framework of natural phenomena, being capable of expressing figurative meanings involving negative connotations, when designating failure, loss of orientation, deception, tears, as well as measure, quantity, time; act as part of an anthroponym, etc. It was established that the most relevant features are the makeup, depth of snow, time of snowfall, etc., which is important in horse husbandry, cattle breeding and hunting. It was revealed that the concept “Snow” in the Even, Evenki and Yukaghir linguistic world image is presented mainly as a component of the concept “Natural phenomena”, characterising snow in terms of various qualitative, temporal and spatial attributes

associated with reindeer breeding and hunting. The explored folklore materials reflecting the life of the Evens, Evenki, Yukaghirs showed that this concept serves mainly as a marker of winter onset, colour white, a component of everyday life activities, of time, sometimes of danger, transience. The work results can be used in the development of theoretical provisions of cultural linguistics, in comparative research of ethno-cultural features of the linguistic and folklore picture of the world of the indigenous peoples of Yakutia.

Keywords: *concept; snow; language picture of the world; folklore picture of the world; linguoculturology; indigenous peoples of Yakutia; meteorological vocabulary*

Введение

Актуальность. Исследователи считают, что «метеорологическая лексика относится к древнейшей и устойчивой тематической группе словарного состава любого языка, в лексикологии и лексикографии ей обычно уделяется достаточно серьезное внимание» [22, с. 15]. В суровых климатических условиях Севера от погодных явлений во многом зависит возможность осуществления различных видов деятельности, что влияет на физическое и психическое состояние человека.

Исследование языковой и фольклорной картины мира позволяет выявить этнокультурные особенности мировоззрения народа. Если языковая картина мира репрезентируется лексико-фразеологическими единицами и ориентирована на существование человека в реальном мире, то фольклорная картина мира представлена вербальными и невербальными формами и обращена к идеальному миру, сосредоточивая в себе «основополагающие для коллектива ценности, оценки и стереотипы» [16, с. 35]. В языковой и фольклорной картине мира якутов, эвенов, эвенков, юкагиров концепт «Снег» не только присутствует как номинация природного явления, но и весьма разнообразно осмысливается этими северными народами.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью проведения сравнительного анализа особенностей этнокультурной

вербализации коренными народами Якутии концепта «Снег», являющегося одним из основных элементов тематических групп «Атмосферные явления», «Зима», «Север» в языковой и фольклорной картине мира. Если данный концепт в эвенском языке в целом хорошо изучен, то на материале соседних этносов он практически не рассматривался.

Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые исследуется концепт «Снег» в языковой и фольклорной картине мира коренных народов Якутии.

Объектом исследования является языковая и фольклорная картина мира коренных народов Якутии (якутов, эвенов, эвенков, юкагиров).

Обзор иностранной и отечественной литературы. Общеизвестно наличие большого количества номинаций снега у эскимосов, что заинтересовало многих зарубежных ученых [47; 48]. Структуре концепта воздушной стихии «Naturelement Luft» в немецкой языковой картине мира посвящена статья А.В. Грачевой [18]. Исследователи уделяют большое внимание сравнительно-сопоставительному анализу метеорологической лексики [14; 36], концептам, стереотипным представлениям об осадках [24; 31] в разных языках. Восприятие холода и связанные с ним представления у русских стали предметом исследования Е.А. Дегальцевой [23], Г.В. Любимовой [30]. В статьях М.А. Ахматовой анализируется специфика вербализации концепта природных явлений в карачаево-балкарской языковой картине мира [2; 3]. Н.И. Даниловой исследованы названия атмосферных явлений в якутском языке [19; 20; 21; 22]. Большую ценность представляют работы Р.П. Кузьминой, в которых рассматриваются особенности концептов «Снег», «Зима» в языковой картине мира эвенов [27; 28].

Постановка цели и задач. Цель исследования – выявление особенностей репрезентации концепта «Снег» в языковой и фольклорной картине мира коренных народов Якутии. Для достижения цели поставили следующие задачи: определение в словарях значений лексем, относящихся к снегу; классификация концепта «Снег»

по понятийным, когнитивным признакам; обнаружение специфики вербализации данного концепта в фольклорном материале.

Гипотеза работы состоит в предположении, что у коренных народов Якутии вербализация концепта «Снег» представлена богато и разнообразно, при этом она имеет этнокультурные особенности у каждого народа в зависимости от традиционных хозяйственных видов деятельности, локализации, принадлежности к языковой группе.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили данные академических словарей якутского, эвенкийского, тунгусо-маньчжурского, юкагирского языков, фольклорные тексты (героический эпос, сказки, не-сказочная проза, малые жанры фольклора). В работе использованы методы лингвокультурологического анализа, сплошной выборки, сравнительно-сопоставительного изучения.

Результаты и обсуждение

Концепт «снег» в языковой и фольклорной картине мира якутов

Согласно определению, приведенному в «Большом толковом словаре якутского языка», лексема *хаар* в первую очередь имеет значение «атмосферные осадки в виде белых хлопьев зимой, снег, а также сплошная масса этих осадков, покрывающая землю» [1, с. 122]. Второе толкование связано с обозначением возраста, т.к. «якуты раньше возраст исчисляли по зимам, ассоциируя ее со снегом: столько-то снегов» [Там же].

В «Большом толковом словаре якутского языка» обнаружили составные слова, представляющие собой устойчивые словесные комплексы, которые можно подразделить на несколько смысловых групп. К первой группе относятся составные слова, отражающие время выпадения снега: *көмнүө хаар* ‘первый санный снег’ [Там же, с. 123], *кырымах хаар* ‘первый осенний мелкий снег, пороша’ [5, с. 344], *кыстык хаар* ‘выпавший на всю зиму, нетаящий снег’ [Там же, с. 357], *кыс хаар* ‘выпадающий поздней осенью обильный снег,

остающийся на зиму' [Там же, с. 354], *маннайгы хаар* 'первый снег' [6, с. 227], *өксүөн хаар* 'снег вперемежку с дождем поздней осенью, осеннее ненастье со снегом' [11, с. 124], *тулдук хаара* 'мелкий весенний снег, выпадающий в период прилета пуночек' [Там же, с. 125], *тураах хаара* 'весенний снег, выпадающий большими хлопьями в период прилета вороны' [Там же, с. 126], *кыраһа хаар* 'пороша' [5, с. 312], *саһа хаар* 'свежевыпавший снег, покрывший землю' [11, с. 124], *сыһа хаар* 'свежевыпавший снег' [9, с. 342], *симиин хаар* 'чистый свежевыпавший снег' [11, с. 125]; время таяния: *сылбыйа хаар* 'мокрый, вязкий снег в период весенней оттепели' [Там же], *синэ хаара* 'талый водянистый снег в период весенней оттепели, снег с водой' [Там же], *хаар алдьаныта* 'период весенней распутицы как следствие таяния снега' [Там же, с. 126], *хаар хайдар* 'весенний период, когда начинают появляться проталины' [Там же, с. 127]; зимнее время: *кыс хаар орто* 'в середине зимы, глубокой зимой' [5, с. 354].

Вторая группа представляет качественную характеристику снега по различным признакам: по уровню, слою: *хаар сыата* 'мягкий верхний слой снега' [9, с. 342], *хомурах хаар* 'нижний рыхлый, в виде ледяной крупы слой снега (обычно в весеннее время)' [11, с. 128], *көмүрүө хаар* 'крупнозернистый пласт в нетронutom глубоком снеге; нижний рыхлый, крупнозернистый весенний снег' [4, с. 263], *түүмэх кыраһа* 'редкая, негустая пороша, едва покрывающая землю; слабый сверкающий снегопад' [5, с. 313], *сомунах хаар* 'рыхлый снег, покрывающий землю', *тоһот хаара* 'ледяная корка на поверхности снега' [11, с. 125]; по глубине: *халын хаар* 'глубокий снег' [Там же, с. 255], *чараас хаар* 'неглубокий снег' [12, с. 112]; по плотности: *кыйыр хаар* 'утопанный скрипучий снег' [11, с. 123], *чигди, чигди хаар* 'утопанный, затвердевший снег' [12, с. 128]; по составу: *кырыа хаар* 'рыхлый снег, снежная пороша' [5, с. 335], *сомунах хаар* 'рыхлый снег, покрывающий землю', *тонуу хаар* 'цельный, свежий, не протоптанный глубокий снег' [10, с. 459]; по твердости/мягкости: *көбүөрүннүк хаар* 'мягкий, пушистый, как пепел, снег, легший на землю' [11, с. 123], *көмүк кыраһа* 'густой мягкий снег, густой снегопад' [5, с. 313], *тоһ хаар* 'затвер-

девший от холода зимний снег' [11, с. 125]; по звуку: *кыйыр хаар* 'утопанный скрипучий снег' [Там же, с. 123]; по чистоте: *симиин хаар* 'чистый свежевыпавший снег' [Там же, с. 125]; по белизне: *хаар манган* 'белоснежный, белый как снег, ослепительно белый' [6, с. 225], *манган хаар* 'белый снег' [Там же с. 224], *кылбаа манган хаар* 'ослепительно-белый, совершенно белый снег' [5, с. 223]; по размеру: *хаар кыырнаҕа* 'снежинка' [11, с. 126].

Третья группа слов в якутском языке определяет различные виды снегопада: *көмнөх хаар* 'густой, обильный снег, идущий хлопьями' [4, с. 255], *куобах туутэ хаар* 'снег, падающий мелкими мягкими хлопьями' [11, с. 123], *көмүк кыраһа* 'густой мягкий снег, густой снегопад' [5, с. 313], *туумэх кыраһа* 'редкая, негустая пороша, едва покрывающая землю; слабый сверкающий снегопад' [Там же], *үүт кыраһа* 'мелкий густой снегопад' [Там же], *кырса хаар* 'снег, падающий большими хлопьями, толстым слоем покрывающий землю' [11, с. 124], *ньуолах хаар* 'мягкий пушистый снег, плавно падающий большими хлопьями' [Там же].

Четвертая группа относится к пространственной характеристике, указывает на место, где лежит снег: *көп хаар* 'рыхлый пушистый снег, копной лежащий на чем-либо (например, на ветвях)' [Там же, с. 123], *сис хаара* 'глубокий снег в лесном массиве (тает позже, чем на равнине)' [Там же, с. 125], *күрдьүк хаар* 'снег, сгребенный в кучу, сугроб' [Там же, с. 123], *хаар куйаар* 'снежная равнина' [Там же, с. 126].

Пятая лексико-семантическая группа связана с охотой – традиционной деятельностью якутов: *сойуо хаара* 'первый снег после заморозков, на котором легко прослеживаются следы преследуемого зверя' [8, с. 500], *хаар суруга* 'следы зверей и птиц на снегу' [11, с. 126], *сонор хаар* 'первый осенний снег (по которому удобно преследовать зверя)' [8, с. 524].

Шестая группа включает слова, связанные со скотоводством и коневодством – основными видами хозяйственной деятельности якутов: *сыарба хаара* 'слой снега, позволяющий ездить на санях' [9, с. 356], *хаар сылыта (убаһата)* 'лошадь (кобыла, жеребец), зимующая на лугу, добывая корм копытами из-под снега' [11, с. 126].

Выделение седьмой группы обусловлено тем, что словом *хаар* обозначают также возраст: *хаардаах сьлгы* ‘конский молодняк старше одного года’ [Там же].

Восьмая группа слов состоит из наименований птиц, имеющих белую окраску и зимующих в Якутии: *хаар ойуун*, *хаар эбэ* ‘полярная сова, лунь’ [Там же], *хаар чыычааба (чооруона)* ‘чететка обыкновенная (белая тундровая птичка)’ [Там же, с. 128].

По принципу уподобления снега и белого цвета якуты дали название виду грибов: *хаар төбө* ‘съедобный гриб с широкой белой, мохнатой по краю шляпкой, груздь’ [Там же, с. 127].

Лексема *хаар* также входит в состав различных понятий, определений, относящихся к снегу: *хаар былыта* ‘низкие темные облака, приносящие снег’ [Там же, с. 126], *хаар киһи* ‘снежная баба’ [4, с. 169], *хаар типтэриитэ (хаары типтэрии)* ‘разметывание снега на пашнях с целью орошения’ [11, с. 127], *хаар түһэриитэ* ‘сбрасывание снега с крыш домов или других сооружений по весне’ [Там же], *хаар уута* ‘весеннее половодье, вызванное таянием снега’ [Там же], ‘талая вода от растопленного для хозяйственных нужд снега’ [Там же], *хаар хаһын* ‘большие заморозки с толстым слоем инея, образующего снежный покров на земле глубокой осенью или поздней весной (иногда даже позже)’ [11, с. 127], *хаар холорук* ‘снежный вихрь’ [Там же], *хаарынан сэриилэс (бырабыс)* ‘играть в снежки’ [Там же, с. 128].

Парные слова с компонентом *хаар* означают метеорологические явления, связанные со снегом: *хаар-ардах* ‘осеннее или весеннее ненастье, когда идет снег вперемешку с дождем’ [Там же, с. 129], *хаар-самыыр* ‘осадки в виде снега и дождя вперемешку’, ‘время’ [Там же, с. 131], *хаар-муус* ‘заснеженный, ледяной’ [Там же], *хаар-сиир* ‘дождь со снегом, слякоть’, ‘толстый слой снега’ [Там же], *хаар-уу* ‘весенняя оттепель, слякоть’ [Там же, с. 134], *хаар-чэн* ‘снег-лед’ [Там же].

Следует отметить, что якуты зафиксировали в лексике прежде всего не цвет снега, а всевозможные его состояния (влажность, глущину). Думаем, это связано с традиционным хозяйственным укла-

дом народа саха: охотой, коневодством и скотоводством. Например, при разведении лошадей важен тот факт, что влажный снег может образовывать ледяную корку, а это очень сильно затрудняет добычу травы из-под снега.

Концепт «Снег» находит отражение во фразеологии, паремиях якутского языка, в основе которых лежит «метафорическое переосмысление, возникающее в результате ассоциативно-образного мышления» [2, с. 8]. Фразеологизмы, пословицы и поговорки со словом *хаар* раскрывают этнокультурные особенности языкового выражения картины мира якутов и обозначают: 1) время: *элбэх хаар уулуна* ‘много воды утекло’ [34, с. 396], *хаар баттаан* ‘под тяжестью прожитых лет; от старости’ [Там же, с. 315], *кыс хаар ортот кыталык этинэн сүрэхтэппиккэ дылы* ‘подобно беременной женщине, пожелавшей поесть мяса стерха среди зимы’ [38, с. 124]; 2) меру, количество: *хаардаах бугул саҕа* ‘образное описание кого-чего-либо крупных размеров (букв. ‘с копну сена со снегом сверху’)’ [11, с. 130]; 3) неудачу: *сииккэ сиэллэ, хаарга хаамта* ‘предпринимать что-либо впустую, без пользы, тратить силы напрасно’ [8, с. 364], *хаары ытыс (ытыһан хаал)* ‘остаться ни с чем, с пустыми руками’ [11, с. 123], *уу-хаар сырыы* ‘бесполезная, бесплодная поездка’ [34, с. 287]; 4) пустую болтовню, обман: “уу” *диэбитэ – хаар*, “хаар” *диэбитэ – уу* [38, с. 98], *уу-хаар тыллаах* [34, с. 287], *хаарга үктэммитэ эрэ кырдьык* ‘лгун, лжец, обманщик’ [Там же, с. 315; 38, с. 98]; 5) неверность: *өтөхтөрүн хаардаабыт* ‘возобновлять, восстанавливать былые любовные связи’ (букв. ‘очистил от снега зимнее жилье’) [7, с. 491]; 6) слезы: *харабыттан уу-хаар баста* ‘глаза наполнились слезами у кого-либо’ [34, с. 342]; 7) легкую победу: *хаардыы (хаар курдук) хаамп* ‘с легкостью осилить что-либо, легко одержать верх над кем-либо (в борьбе, состязании и т.п.)’ [Там же, с. 315].

Концепт «Снег» особенно ярко проявляется в якутском героическом эпосе олонхо в составе эпических формул, эпитетов, обозначающих: а) большой размер: *Ат түөрт хаардаах бугул саҕа чарчыма таас туйабынан* ‘Конь своими четырьмя крепкими копытами,

похожими на копны снега') [35, с. 118-119], *Хаардаах бугул саба бөлүөх хааны* 'Сгусток крови величиной с покрытую снегом копну сена') [Там же, с. 152-153], *Хаардаах бугул саба хара буору* 'Черную землю с четыре копны сена' [Там же, с. 220-221]; б) потерю ориентации в пространстве: *Туманга муннум, хаарга хаамтым, сииккэ сиэллим* 'Заблудился я в тумане, впустую шагаю по снегу, напрасно бегаю по росе' [Там же, с. 114-115]; в) падение: *Хаар-самыыр курдук түспүттэрэ* 'Словно падающие снег и дождь' [Там же, с. 216-217]; г) беспрепятственное одоление кого-либо: *Лиэхэй улууһун Хаар курдук хаампыта, Сиик курдук сиэлбитэ* 'Как по снегу прошелся по улусу леших, Как по росе пробежал' [29, с. 209]; д) безрезультатность: *Сииккэ сиэллим, хаарга хаамтым, кураанахха сырыттым* 'Ездил по росе, ходил по снегу, был впустую' [32, с. 130]; е) еду: *Ньюоскаба уута абалын, хамыйахха хаарда абалын* 'Принесите воды в ложке, принесите в ложке снега' [17, с. 251], *Ньюоскуга уута, Хамыйахха хаарда абалын* 'Принесите в ложке воды, в ложке – снега' [25, с. 61]; ж) белого цвета: *Хабыйахаан курдук Хаар мабан эттээх* 'Как куропатка имеет белоснежное тело' [1, с. 107]; з) возраста: *Былыр эйигин Алталаах хааргар анаабыттара, Үстээх хааргыттан өлүүлээбиттэрэ* 'В древние времена, когда тебе было шесть лет (снегов, зим), ты была предназначена для меня, С трех лет (снегов, зим) ты была моей' [32, с. 55]; и) атмосферных осадков при приближении тунгусского богатыря как маркера Севера, холода: *Элбэх хаар кэлэн түһэн кэбиспитэ* 'Выпало много снега' [25, с. 88].

В сказке «Старуха Бэйбэрикээн с пятью коровами» имеется мужской антропоним *Хаардьыт Бэргэн* (Меткий), в котором первое слово, видимо, означает 'человек, который ходит по снегу, охотник'.

Концепт «Снег» в языковой и фольклорной картине мира эвенов

Изучению этнокультурной специфики концептуализации снега в эвенском языке и фольклоре посвящены статьи Р.П. Кузьминой, которая выявила, что в эвенском языке есть говоры и диалекты, повлиявшие на появление различных фонетических вариаций при обозначении общего названия снега: *иманра* (Ол, П), *им'анд'а* (Алл, М, Т, Н-К), *иманна* (Ох, Б), *имондо* (Ск, Лам), *имса* (Арм) [27, с.

127]. Как отмечает исследователь, «в эвенском языке снег получает название по своему размеру, форме, по глубине, по времени выпадения, по своему слою, плотности, по времени таяния, по месту, где лежит» [28, с. 306], что играет важную роль в оленеводстве и охоте.

Прилагательное «снежный» передается следующим образом: *емсамлан* (Арм); *иманралкан* (Ол), *имандалкан* (Алл, Т, Н-К), *иманналкан* (Б), *имондолкан* (Лам, Ск) [27, с. 127].

В эвенском языке обращается внимание на время выпадения снега: *ирпи* ‘свежевыпавший снег’ [39, с. 328], *буркун* (Ол, П, М, Ск, Лам) ‘выпадение первого снега; метель’ [Там же, с. 113].

Качественная характеристика снега представлена следующими признаками: по глубине: *намас*, *намасак* (Ол, Б, М, П), *намос~намоһ* ‘снег (глубокий)’ [27, с. 127], *элэн* ‘целина (глубокий снег), бездорожье’ [40, с. 450], *өлөмдө* (Лам, Ск) ‘целина (глубокий снег), бездорожье’ [40, с. 15], *чунир* ‘сугроб’ [27, с. 128]; по плотности: *ууу* ‘затвердевшая куча снега, занесенная ветром’ [40, с. 280], *чиччан* (Ск) ‘снег (утопанный, твердый)’ [27, с. 128]; по составу: *хэукэбэ* (Ох) ‘рыхлый снег’, *хэукэгэ* (Ол, Ск, Лам, М), *хэукэкэн* (Ох) «рыхлый снег» [Там же, с. 128]; по форме: *буркутла* (Ол) ‘снежный ком’; *чөнир*, *солир* ‘глыба снежная, навес снежный’ [39, с. 113], *иманракакан* (Ол), *имандаккан* (Алл, Н-К), *имандоккан*, *имондокакан* (Лам, Ск), *иманнакакан* (Б) «снежинка» [Там же, с. 312].

Снегопад вербализуется с помощью слов *иманануа* (Ол, Алл, Б, М, П, Т), *имонауно* (Лам, Ск) ‘снегопад’, *хиңилгэн* «снегопад» [27, с. 128].

Для эвенов большое значение имела пространственная характеристика снега: *иматиу* ‘завалинка (снежная)’ [39, с. 312], *боглур* ‘снег, тающий по тропе, дороге’, *умкат*, *умкот* Лам ‘снег на деревьях, пнях’; *умкач*, *умак* ‘большое скопление снега на деревьях’, *онир* ‘снег, не тающий летом на горах’; *онирсаг* ‘местность с изобилием снеговых бугров’ [27, с. 128], *ууутла* ‘снег в местности сученный, местами гладкий, ровный, неглубокий’ [40, с. 280].

В связи с оленеводством возникло специальное обозначение *ауар* ‘снег, истоптанный оленями’ [27, с. 128].

С концептом «Снег» тесно связан концепт «Ветер», что нашло отражение в слове *буркун* (Ол, П, М, Ск, Лам) ‘выпадение первого снега; метель’, данное понятие сочетает в себе вербализацию снега и ветра [39, с. 113].

В эвенских сказках отражается национальный хозяйственный уклад, что проявляется в описании использования снега в качестве источника воды зимой [42, с. 49]. Наряду с этим снег также обладает отрицательными качествами: в сказках «Старик-мудрец» [Там же, с. 49-53] и «Медведь-старик» [Там же, с. 236-237] снег играет роль опасной ловушки, куда попадают люди.

Р.П. Кузьмина обнаружила много загадок о снеге, который является «предвестником зимы, защитником от холода и мороза, укрывающим землю своим теплым одеялом из белого заячьего меха и ассоциирующимся по своей белизне с белым заячьим мехом» [27, с. 128]. Сохранились народные приметы, определяющие время выпадения снега: «Осенью (в сентябре) гуси высоко летят – снег позже выпадет. Если низко летят – скоро выпадет (снег)» [Там же, с. 129].

Концепт «Снег» в языковой и фольклорной картине мира эвенков

Эвенкийский язык так же, как и эвенский, относится к тунгусо-маньчжурской группе языков и имеет много общего с ним, что видно в обозначении снега: *иманда* (С, С-Б, Чмк, Учр), *иманна* (П-Т, Н, С-Б, Брг, Тнг, З, Алд, Урм, Чмк, А, Сх), *иман* (С), *иманра* (Тнг, Чмк) [46, с. 167-168], *эманда* (Учр, А) [Там же, с. 555]. С помощью различных аффиксов образуются глаголы и прилагательные, производные от этих слов: *имавчā* ‘занесенный снегом’, *имана-мī* ‘падать (о снеге)’, *имандачī* С, С-Б ‘снежный’, *имани* Учр ‘снег вокруг чума, палатки’, *иманна-мī* ‘заносить снегом’, ‘падать (о снеге)’, *иманнама* ‘снежный, из снега’, *иманнарāвча* (П-Т, Н, Брг, Тнг, З, Алд) ‘занесенный снегом’, *иманначī* (П-Т, Н, Брг, Тнг, З, Алд, Урм, А, Сх) ‘снежный’ [Там же, с. 168].

Эвенки также обращают внимание на время выпадения снега: *либгэ* (Тк, Тмт, Члм, Алд, З, П-Т), *ливгэ* (Тк, Тмт, Сх, Урм, Е, Н, С-Б), *лувгэ* (Учр) ‘первый снег’ [33, с. 337], *кирпай* (Тк) ‘первый мокрый снег’ [Там же, с. 292]. Снег использовали для обозначения

весеннего времени: *нэнне* (Тк, Тмт, Учр, Члм, Алд, Ие, 3, Тнг, С-Б, С, Н, И, П-Т), *нэнне* (Учр, Е, Н, И) ‘весна; весной (в мае)’ [Там же, с. 419-420], *эктэнкирэ* (М, Тт) ‘февраль’, *эктэнкирэ* (Тнг, Брг, Ткм, Е, П-Т, С) ‘период, когда падает снег с веток (март)’ [Там же, с. 762], *эптэнкирэ* (П-Т) ‘март-апрель (период, когда снег падает с веток, начинает подтаивать)’ [Там же, с. 780].

В эвенкийском языке отражена качественная характеристика снега последующим признакам: по глубине: *сунта*, *сунта* (Орч); *сунтар* (Учр, Члм, Алд, Тк, Ие, Чмк, Сх, 3, Тнг, В-Л, Ткм), *хунта* (Ие, Тмт, Тк, Сх, Урм, Вл, Е, И) ‘глубокий’, например, *иманна сунтакун* ‘снег очень глубокий’ [Там же, с. 525]; по составу: *либгэ* (Тк, Тмт, Члм, Алд, 3, П-Т; *ливгэ* Тк, Тмт, Сх, Урм, Е, Н, С-Б; *лувгэ* (Учр) ‘рыхлый снег весной’ [Там же, с. 337]; по форме: *алунтэ* (П-Т) ‘снег (зернистый)’ [Там же, с. 38], *хингиксэ* (Е) ‘зернистый снег на настe’ [Там же, с. 556], *сингилгэн* (Алд, Учр, Ие, Чмк, Ткм) ‘крупный снег, снежная крупа’, (Учр, Алд, М, Чмк, П-Т, Н) ‘зернистый снег на поверхности наста’ [Там же, с. 506]; по влажности: *кирпай* (Тк) ‘слякоть’, ‘первый мокрый снег’ [Там же, с. 292], *уне* (Е) ‘тающий снег (на земле)’ [Там же, с. 684]; по возможности не таять: *умул он (ие)* ‘снег, не тающий летом’ [Там же, с. 682], *тыгэн* (Учр) ‘вечный снег в горах’ [Там же, с. 630].

Пространственная характеристика представлена вербализацией снега вокруг чума, палатки, на ветке дерева, на горе: *аяннгй* (Тмт), *аян* (Учр) ‘снег по краям палатки (с внутренней стороны)’ [Там же, с. 68], *имани* (Учр) ‘снег вокруг чума, палатки’ [Там же, с. 244], *инкокта* (П-Т, Ткм) ‘снег на ветках’ [Там же, с. 248], *нечи* (Е) ‘снег вокруг чума’ [Там же, с. 421], *хулги* (Тмт) ‘мокрый снег на ветвях деревьев’ [Там же, с. 572], *тыгэн* (Учр) ‘вечный снег в горах’ [Там же, с. 630], *умкакта*, *умкак* (Нрч), *умкаг* (Учр, Урм, С), *утгакта*, *ункэкэ* (П-Т) ‘снег на ветках’ [Там же, с. 679].

Охота и оленеводство, являющиеся традиционными занятиями эвенков, нашли отражение в лексике, связанной со снегом: *энтэ-гэ-ми* (П-Т) ‘ходить по насту, проваливаясь в снег (о звере)’ [Там же, с. 770], *агивусин-ми* (П-Т) ‘отправиться утаптывать снег оленями’

[Там же, с. 25], *некэнипкэн-ми* (П-Т) ‘заставить оленей утаптывать снег (чтобы подготовить весной скорое таяние снега на том месте, где должен произойти отел)’ [Там же, с. 417], *оно-ми* II (Учр, М, Урм) ‘рыть снег носом (об олене, собаке)’, ‘лизать лед, снег (об олене, собаке)’ [Там же, с. 470], *сёгикат-ми* (Учр, Урм, Чмк, П-Т) ‘рыть снег ногами и рогами (об олене)’ [Там же, с. 494-495].

В эвенкийском языке с помощью аффикса -ми образованы глаголы, относящиеся к снегу: *сингилгэ-ми* (А, Ткм, П-Т) ‘идти (о снеге)’, (Учр, П-Т) ‘отряхивать снег (с одежды, обуви)’ [Там же, с. 506], *умкагды-ми* (Алд, Учр) ‘быть покрытым снегом (о ветках)’ [Там же, с. 679], *умкагдя-ми* (Тмт) ‘сдувать снег с ветвей деревьев (о ветре)’ [Там же], *умкаг-ми* (Учр, Урм, Сх) ‘падать (о снеге с веток)’ [Там же], *унюдя-ми* (*ие*) ‘стать вязким, липким от таяния (о весеннем снеге)’ [33, с. 687], *шукши-ми*, *шукшин-ми* (С) ‘утаптывать, уминать снег лыжами (на стоянке для установки чума, палатки)’ [Там же, с. 748], *эр-ми* (Тмт, Учр, Члм, Сх, Урм, П-Т) ‘разгрести снег лопатой’, *эри-ми* (Учр, Алд, З, Тнг, Втм, Брг, Хнг, П-Т, Е, Н, И, С) ‘копать, раскапывать яму’ [Там же, с. 780], *имана-мй* ‘падать (о снеге)’, *иманна-мй* ‘заносить снегом’, ‘падать (о снеге)’ [46, с. 168].

В эвенкийских сказках снег выступает как маркер зимы. Так, в сказке «Как бедняк богача отучил песню слушать» наступление зимы показано выпадением снега: «Не успел богач и глазом моргнуть, как на нем медвежья шерсть выросла, а вместо рук и ног медвежьей лапы стали. Они его сразу к медвежьей берлоге понесли. Там он спать колечком улегся. Тут снег повалил. Берлогу спрятал, только дырка небольшая осталась» [45, с. 56]. Снег также играет роль при описании места действия сказочного персонажа: «Став горностаем, Нивэникэн залез под снег и вышел дальше того места, где сидит коршун» [13, с. 82].

В эвенкийских загадках о снеге основным признаком, характеризующим его, является белый цвет: «Одно белое одеяло всю землю покрыло (снег)», «Один старичок в белой шапке (Снег на пеньке)» [Там же, с. 297].

В приметах по поведению животных прогнозировали снегопад: «Олень отряхивается, – снег или дождь завтра будет» [Там же, с.

69], «Если белка осенью на дереве высоко грибы вешает, – снег большой будет, низко вешает, – маленький» [Там же, с. 70].

В эвенкийских героических сказаниях обнаруживаются эпические формулы описания длительности путешествия героя посредством смены времен года: *Тугэрвэн имандадин с̄ара, / Нэлкирвэн лэптэркэнддин с̄ара...* ‘Зиму по снегу узнавали, / Весну по пушистому снегу узнавали...’ [44, с. 160-161]. Такой опосредованный тип хронотопа характерен для эпоса многих народов Сибири [15, с. 9-15; 26, с. 84], в том числе для якутского олонхо: *Кыһынгытын тымныытынан билтэ, / Сайынгытын самырынан билтэ, / Күһүннүтүн көтөбөтүнэн билтэ, / Сааскытын саарымын уутунан билтэ* ‘Зиму узнал по холоду, / Лето узнал по дождю, / Осень узнал по опавшим листьям, / Весну узнал по влажной ровдуге’ [25, с. 92].

Концепт «Снег» в эвенкийском эпосе употребляется при выражении времени: *О́кин-да тыгдэ эчин улара, / О́кин-дā иманда эчйн тэгэрэ...* ‘Будто никогда не мочил дождь, / Будто никогда не падал снег...’ [44, с. 224-225].

Лексема *снег* включена в состав эпической формулы имени героя: *Илан г̄алачи лэптэркэн иманнадū / Түктэн эһй с̄авра / Багда-рин түксу соногоһилк̄ан / Мэнункэн гунмурй̄ одам* ‘Имя мое – Мэнгункэн, ездящая / На молодом коне – белой туче, / Который не оставляет следов / На пушистом, глубиной в три пальца, снегу’ [Там же, с. 246-247].

Концепт «Снег» в языковой и фольклорной картине мира юкагиров

Юкагирский язык относится к группе палеоазиатских языков. Снег в нем вербализуется словом *эримэ*. С помощью аффиксов образуются глаголы, имена существительные: *эрим эр-* ‘покрыться снегом, стать заснеженным’, *эрим эстичэ-* ‘идти куда-либо насыпать снег во что-либо; идти занести снегом что-либо’ [41, с. 605], *эримэ-иччи-* ‘иметь в небольшом количестве снег; быть немного покрытым снегом’ [Там же], *эримэнтэги-* ‘быть заснеженным’ [Там же], *эримэс-* ‘занести снегом что-либо’ [Там же], *эрирэй-* ‘становиться мокрым, превратиться в мокрую кашицу (о весеннем снеге)’ [Там же, с. 604], *эрим энь-* ‘иметь снег, быть заснеженным’ [Там же, с.

605]; *эримэгэврши* ‘снегосбиватель (изготавливается из оленьих рогов)’ [Там же], *эримэдавийэ* ‘деревянная лопата для сгребания снега; лопата’ [Там же], *эримэдивэ* ‘снежный дождь’ [Там же].

Как свидетельствуют данные юкагирского языка, этот народ не придавал значения времени выпадения снега, тогда как время таяния снега обозначено двумя фонетическими вариантами: *эрил* ‘таяние снега; время, когда (весенний) снег превращается в мокрую кашницу; оттепель’, *эрилдигилиэ* ‘во время превращения (весеннего) снега в мокрую кашницу; в оттепель’ [Там же, с. 604]. Время замерзания снега выражено словом *чаахийэ* ‘время, когда снег замерзает в весенние ночи’.

Качественная характеристика снега ограничивается двумя признаками: по глубине: *йэруол-* ‘быть неглубоким (о снеге)’ [Там же, с. 147]; по влажности: *эри ньэ-* ‘быть теплым (об оттепели), быть мокрым (о снеге)’ [Там же, с. 604].

Процесс снегопада представлен глаголом *лэнмугэ* ‘идти большими хлопьями (о снеге)’ [Там же, с. 220], *эйуу-* ‘начать идти, падать (о снеге, дожде)’ [Там же, с. 588].

У юкагиров встречаются слова, характеризующие снежное пространство: *йэруойэ* ‘место, где снег сдуло ветром’ [Там же, с. 148], *саад-эримэ* ‘снег на ветках’ [Там же, с. 414], *эримэн пураба* ‘поверхность снега’ [Там же, с. 605].

Оленеводство повлияло на появление лексики, связанной с этим видом традиционной деятельности: *ньигэдэ-* ‘встряхиваться, сбрасывая с себя снег (об олене)’ [Там же, с. 311], *эримэн чамчэ* ‘снежная пыль, образующаяся при быстрой скачке на оленях по снегу’ [Там же, с. 605].

Ассоцирование белого цвета со снегом отражено в наименованиях насекомого и птицы: *эримэн кичиэ* ‘белый комар’ [Там же], *эримэн чирэмэдиэ* ‘снегирь’ [Там же].

В юкагирском фольклоре довольно часто встречается описание зимы, в том числе снега. Вероятно, это связано с тем, что юкагиры проживают в арктической и субарктической зоне, где зимнее, холодное время преобладает, в отличие от центральных и южных районов Якутии.

В юкагирских сказках «Баба» [43, с. 287], «Хозяин земли» [Там же, с. 307], в сказании о славных людях «Обученный птичкой» [Там же, с. 203] снег выступает как атрибут зимы. В сказках подчеркивается белый цвет снега: «Белка раньше белой была, как снег» [37, с. 18]. Недолговечность снега помогает в разоблачении обмана: «Пошел старик домой и наложил в свой котелок снега. Он растаял – ничего нет» [43, с. 381]. Снег также позволяет замести следы, спрятать предметы. Так, в сказании о древних людях «Эдилвей в старости» говорится: «Он убежал, как только выпал снег, чтобы занесло его следы» [Там же, с. 179]. В сказках «Кырчэана» [Там же, с. 263], «Мачэкан» [Там же, с. 347] герои прячут мясо, нож в снегу.

Снег в то же время представляет большую опасность для героя фольклорного произведения. Например, в сказке «Охотник и белый старик» из снежного кома появляются три человека и морозят охотника, который ставил капканы на чужих участках [37, с. 114]; или в мифологическом рассказе «Дерево деда [прозвище] старый» герой встретил девушку, сидящую на снегу и поющую, и выстрелил в нее, после чего снег взметнулся вверх и девушка исчезла, а затем с героем случилась беда [43, с. 451].

Заключение

Таким образом, мы пришли к общему выводу, что концепт «Снег» в языковой и фольклорной картине мира коренных народов Якутии является универсальным и значимым в концептосфере «Природные явления», он тесно связан с характеристикой особенностей окружающей среды мест проживания этих народов. Тем не менее при сопоставлении разных языковых и фольклорных материалов выявляются различия, проявляющиеся в наличии дополнительных, переносных значений, релевантных признаков и т.д.

1. Концепт «Снег» в языковой и фольклорной картине мира якутов представляет собой сложное, многослойное образование, выходящее за рамки природного явления, способное выражать переносные значения с отрицательными коннотациями при обозначении неудачи, потери ориентации, обмана, слез, а также меры,

количества, времени, выступать в составе антропонима и т.д. Установлено, что наиболее релевантными признаками являются состав, глубина снега, время выпадения и т.д., что имеет важное значение в коневодстве, скотоводстве и охоте – традиционных занятиях якутов.

2. Концепт «Снег» в эвенской, эвенкийской, юкагирской языковых картинах мира представлен в основном как компонент концептосферы «Природные явления», характеризуя снег с точки зрения различных качественных, временных, пространственных признаков, связанных с оленеводством и охотой.

3. Проведенный нами анализ фольклорных материалов эвенов, эвенков, юкагиров показал, что концепт «Снег» выступает в основном как маркер наступления зимы, белого цвета, компонент хозяйственного уклада жизни, времени. У юкагиров снег также наделяется такими признаками, как опасность, недолговечность.

Заключение комитета по этике. Не применимо.

Информированное согласие. Не применимо.

Информация о конфликте интересов. Конфликта интересов нет.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)».

Список литературы

1. Абрамов Н.А.-Кынат. Ньургун Бөбө: олонхо [Ньургун Сильный: олонхо]. Якутск: Бичик, 2011. 512 с. На якут. яз.
2. Ахматова М.А. Этнокультурная специфика концептуализации природных явлений в карачаево-балкарской языковой картине мира (на примере концептов «ветер» и «дождь») // Российская тюркология. 2020. № 1-2 (26–27). С. 5-21.
3. Ахматова М.А., Додуева А.Т., Кетенчиев М.Б. Вербализация концепта «кыыш» (зима) в карачаево-балкарской языковой картине мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18, № 2. С. 153-164. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-153-164>

4. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. IV: Буква К. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ). Новосибирск: Наука, 2008. 616 с.
6. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н). Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.
7. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. VII: (Буквы Нь, О, Ө, П). Новосибирск: Наука, 2010. 519 с.
8. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. VIII: (Буква С – сөллөбөр). Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
9. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. IX: (Буква С: сөллөй – сээн, буква Һ). Новосибирск: Наука, 2012. 630 с.
10. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. X: (Буква Т: т – төһүүлээ). Новосибирск: Наука, 2013. 575 с.
11. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XIII: (Буква Х). Новосибирск: Наука, 2016. 639 с.
12. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XIV: (Буквы Ч, Ы). Новосибирск: Наука, 2017. 592 с.
13. Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор: учебное пособие для педагогических училищ. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1960. 338 с.
14. Гаврилук Н.П. Метеорологічна лексика в українській і китайській мовах: системний переклад [метеорологіческая лексика в украинском и китайском языках: системный перевод] // Науковий вісник ПНПУ ім. К.Д. Ушинського. 2020. № 31. С. 48-50.

15. Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени: исторические исследования поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с.
16. Голованова Е.И., Голованов И.А., Казачук И.Г. Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира: точки соприкосновения и различий // Научный диалог. 2016. № 8 (56). С. 34-45.
17. Горнай олонхолоро [Олонхо Горного улуса]. Якутск: Бичик, 2010. 302 с. На якут. яз.
18. Грачева А.В. Структура концепта воздушной стихии ‘Naturelement luft’ в немецкой языковой картине мира // Вестник Тамбовского государственного университета. 2012. Выпуск 9 (113). С. 268-274.
19. Данилова Н.И. Названия атмосферных явлений в якутском языке // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 19-20 мая 2016 г. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2016. С. 179-183.
20. Данилова Н.И. Названия разновидностей ветра в словарях якутского языка // Вопросы гуманитарных наук. 2015. № 5 (80). С. 49-52.
21. Данилова Н.И. Наименования дождя в якутском языке // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Книга 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 152-155.
22. Данилова Н.И. Репрезентация названий разновидностей облака в словарях якутского языка // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. Часть 4, № 11 (42). С. 15–17. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2015.42.173>
23. Дегальцева Е.А. Холод как метафора Сибири (на примере репрезентаций XIX века) // Российский гуманитарный журнал. 2012. Т. 1, № 1. С. 84-94.
24. Домбровская М.В. Концепт «дождь» как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 19 с.
25. Каратаев С.Н. Тонг Саар бухатыыр: Олонхо [Богатырь Тонг Саар: Олонхо]. Якутск: Бичик, 2004. 237 с. На якут. яз.

26. Кудияров А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 329 с.
27. Кузьмина Р.П. Отражение концепта «снег» в паремиологических жанрах эвенского фольклора // Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты: сборник научных статей. Якутск: ИГиИПИМНС СО РАН, 2018. С. 127–130. URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Ivanov.pdf> (дата обращения: 21.02.2022).
28. Кузьмина Р.П. Концепт «Зима» в языковой картине мира эвенов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Ч. 2, № 10 (88). С. 305–308.
29. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур = Строптивый Кулун Куллустуур: якутское олонхо. М.: Наука, 1985. 605 с.
30. Любимова Г.В. Эмоции, рожденные снегом (о восприятии снега и связанных с ним практик в традиционной культуре русских Сибири) // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 104–110. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-104-110>
31. Ма Сяньфэй. Стереотипные представления об осадках в русской лингвокультуре на фоне китайской (на материале устойчивых выражений): Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2018. 171 с.
32. Мартынов М.З. Уол Дуолан бухатыыр: олонхо [Богатырь Уол Дуолан]. Якутск: Бичик, 2010. 243 с. На якут. яз.
33. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук: около 30000 слов. Новосибирск: Наука, 2004. 796 с.
34. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь = Сомоҕо домох сахалыы нууччалыы тылдьыта. Т. 2: Л–Э. Новосибирск: Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГТМ, 2002. 418 с.
35. Нюргун Боотур Стремительный = Дьбулуруйар Ньургун Боотур. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. 409 с.
36. Полякова Н.В. Метеорологическая лексика селькупского и русского языков в сопоставительном аспекте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 10 (175). С. 94–97.
37. Сказки, мифы и легенды лесных юкагиров: книга для внеклассного чтения. Якутск: Якутский край, 2011. 120 с.
38. Сборник якутских пословиц и поговорок = Саха өһүн хоһооннорун хомуура. Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. 246 с.

39. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. Т. 1. А–Н. Л.: Наука, 1975. 672 с.
40. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. Т. 2. О–Э. Л.: Наука, 1977. 992 с.
41. Улуру Адо. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 2001. 606 с.
42. Фольклор эвенов Березовки (образцы шедевров). Якутск: Издательство ИПМНС СО РАН, 2005. 362 с.
43. Фольклор юкагиров = Вадул одульнэ фольклорги. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 587 с.
44. Эвенкийские героические сказания. Храбрый Содани-богатырь. Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 391 с.
45. Эвенкийские сказки. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1960. 75 с.
46. Эвенкийско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 802 с.
47. Martin L. “Eskimo Words for Snow”: A Case Study in the Genesis and Decay of an Anthropological Example // *American Anthropologist*, 1986, vol. 88, issue 2, pp. 418-423. <https://doi.org/10.1525/aa.1986.88.2.02a00080>
48. Regier T., Carstensen A., Kemp C. Languages Support Efficient Communication about the Environment: Words for Snow Revisited // *PLoS ONE*, 2016, no 11 (4), pp. 1-17. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0151138>

References

1. Abramov N.A.-Kynat. *N'urgun Bege: olonkho* [Nurgun Strong: olonkho]. Yakutsk: Bichik Publ., 2011, 512 p.
2. Akhmatova M.A. Etnokul'turnaya spetsifika kontseptualizatsii prirodnykh yavleniy v karachaevo-balkarskoy yazykovoy kartine mira (na primere kontseptov «veter» i «dozhd'») [Ethno-Cultural Specificity of Conceptualization of Natural Phenomena in the Karachay-Balkar Linguistic Picture of the World (on the Example of the Concepts “Wind” and “Rain”)]. *Rossiyskaya tyurkologiya* [Russian Turkology], 2020, no. 1-2 (26-27), pp. 5-21.

3. Akhmatova M.A., Dodueva A.T., Ketenchiev M.B. Verbalizatsiya kontseptov «k”ysh» (zima) v karachaevo-balkarskoy yazykovoy kartine mira [Verbalization of the concept “kysh” (winter) in the Karachay-Balkarian language picture of the world]. *Polilingvial’nost’ i transkul’turne praktiki* [Multilinguality and transcultural practices], 2021, vol. 18, no 2, pp. 153-164. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-153-164>
4. *Bol’shoy tolkovyy slovar’ yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld’yta* [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: in 15 volumes. Vol. IV: Letter K. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007, 672 p.
5. *Bol’shoy tolkovyy slovar’ yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld’yta* [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: in 15 volumes. Vol. V: Letter K. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 616 p.
6. *Bol’shoy tolkovyy slovar’ yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld’yta* [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: in 15 volumes. Vol. VI: Letter L, M, N. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 519 p.
7. *Bol’shoy tolkovyy slovar’ yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld’yta* [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: in 15 volumes. Vol. VII: Letter Ny, O, Yeo, P. Novosibirsk, Nauka Publ., 2010, 519 p.
8. *Bol’shoy tolkovyy slovar’ yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld’yta* [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: in 15 volumes. Vol. VIII: Letter S. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011, 572 p.
9. *Bol’shoy tolkovyy slovar’ yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld’yta* [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: in 15 volumes. Vol. IX: Letter S, H. Novosibirsk, Nauka Publ., 2012, 630 p.
10. *Bol’shoy tolkovyy slovar’ yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld’yta* [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: in 15 volumes. Vol. X: Letter T. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013, 575 p.
11. *Bol’shoy tolkovyy slovar’ yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld’yta* [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: in 15 volumes. Vol. XIII: Letter Kh. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016, 639 p.
12. *Bol’shoy tolkovyy slovar’ yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld’yta* [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: in 15 volumes. Vol. XIV: Letter Ch, Y. Novosibirsk, Nauka Publ., 2017, 592 p.

13. Voskoboynikov M.G. *Evenkiyskiy fol'klor: uchebnoe posobie dlya pedagogicheskikh uchilishch* [Evenki folklore: textbook for pedagogical schools]. Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, Leningradskoe otdelenie Publ., 1960, 338 p.
14. Gavriluyuk N.P. Meteorologichna leksika v ukraïns'kiy i kitays'kiy movakh: sistemniy pereklad [Meteorological vocabulary in Ukrainian and Chinese: system translation]. *Naukoviy visnik PNPu im. K.D. Ushins'kogo* [PNPU Scientific Bulletin]. 2020, no. 31, pp. 48-50.
15. Gatsak V.M. *Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni: istoricheskie issledovaniya poetiki* [Oral Epic Tradition in Time: Historical Studies in Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 256 p.
16. Golovanova E.I., Golovanov I.A., Kazachuk I.G. Yazykovaya kartina mira vs. fol'klornaya kartina mira: tochki soprikosnoveniya i razlichiy [Linguistic picture of the world vs. folklore picture of the world: points of contact and differences]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2016, no. 8(56), pp. 34-45.
17. *Gornay olonkholoro* [Olonkho of Gorny ulus]. Yakutsk, Bichik Publ., 2010, 302 p.
18. Gracheva A.V. Struktura koncepta vozduшной stihii 'Naturelement luft' v nemeckoj jazykovej kartine mira [The structure of the concept of the air element 'Naturelement luft' in the German language picture of the world]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tambov State University Bulletin], 2012, no. 9(113), pp. 268-274.
19. Danilova N.I. Nazvaniya atmosferynykh javleniy v jakutskom jazyke [Names of atmospheric phenomena in the Yakut language]. *Sohranenie i razvitie jazykov i kul'tur korenykh narodov Sibiri. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 19–20 maja 2016 g.* [Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia. Materials IV of the International Scientific and Practical Conference. May 19-20, 2016]. Abakan, Khakass State University named after N.F. Katanov Publ., 2016, pp. 179-183.
20. Danilova N.I. Nazvaniya raznovidnostej vetra v slovarjah jakutskogo jazyka [Names of wind varieties in the dictionaries of the Yakut language].

- Voprosy gumanitarnykh nauk* [Issues in the Humanities], 2015, no. 5 (80), pp. 49-52.
21. Danilova N.I. Naimenovanija dozhdja v jakutskom jazyke [Names of rain in the Yakut language]. *Rossija i Vostok: vzaimodejstvie stran i narodov: Trudy H Vserossijskogo s#ezda vostokovedov, posvjashhennogo 125-letiju so dnja rozhdenija vydajushhegosja vostokoveda Ahmet-Zaki Validi Togana* [Russia and East: interaction of countries and peoples: Proceedings of the X All-Russian Congress of Orientalists, dedicated to the 125th anniversary of the birth of the outstanding orientalist Akhmet-Zaki Validi Togan]. Book 2. Ufa: IJJaL UNC RAN Publ., 2015, pp. 152-155.
22. Danilova N.I. Reprezentacija nazvanij raznovidnostej oblaka v slovarjah jakutskogo jazyka [Representation of the names of cloud varieties in the dictionaries of the Yakut language]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International research journal]. 2015, part 4, no. 11(42), pp. 15-17. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2015.42.173>
23. Degal'ceva E.A. Holod kak metafora Sibiri (na primere reprezentacij XIX veka) [Cold as a metaphor for Siberia (on the example of representations of the 20th century)]. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian humanitarian journal], 2012, volume 1, no. 1, pp. 84-94.
24. Dombrovskaja M.V. *Koncept «dozhd'» kak komponent nacional'noj kartiny mira (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov)* [The concept of "rain" as a component of the national picture of the world (based on the French and Russian languages)]: Abstract of PhD dissertation. Barnaul, 2006, 19 p.
25. Karataev S.N. *Tong Saar buhatyir: Olonho* [Bogatyr Tong Saar: Olonkho]. Yakutsk, Bichik Publ., 2004, 237 p.
26. Kudijarov A.V. *Hudozhestvenno-stilevyje tradicii jeposa mongolojazychnyh i tjurkojazychnyh narodov Sibiri* [Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongolian-speaking and Turkic-speaking peoples of Siberia]. Moscow, IMLI RAS Publ., 329 p.
27. Kuz'mina R.P. Otrazhenie koncepta «sneg» v paremiologicheskikh zhanrah jevenskogo fol'klora [Reflection of the concept "snow" in paremiological genres of Even folklore]. *Korennyje narody Jakutii: territorii*

- al'nye i kul'turnye dialekty. [Jelektronnyj resurs]: sbornik nauchnyh statej* [Indigenous peoples of Yakutia: territorial and cultural dialects. [Electronic resource]: collection of scientific articles]. Yakutsk, IGI-PMNS SO RAN Publ., 2018, pp. 127-130. <http://igi.ysn.ru/files/publ-casii/Ivanov.pdf> (accessed February 21, 2009).
28. Kuz'mina R.P. Koncept «Zima» v jazykovej kartine mira jevenov [The concept of “Winter” in the language picture of the world of the Evens]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2018, chapter 2, no. 10(88), pp. 305-308.
29. *Kuruubaj haannaah Kulun Kullustuur = Stroptivyy Kulun Kullustuur: jakutskoe olonho* [Shrew Kulun Kullustuur: Yakut olonkho]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 605 p.
30. Ljubimova G.V. Jemocii, rozhdennye snegom (o vosprijatii snega i svjazannyh s nim praktik v tradicionnoj kul'ture russkih Sibiri) [Emotions born of snow (on the perception of snow and practices related to it in the traditional culture of Siberian Russians)]. *Kunstkamera*, 2018, no. 2, pp. 104-110. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-104-110>
31. Ma Sjanfjej. *Stereotipnye predstavlenija ob osadkah v russkoj lingvokul'ture na fone kitajskoj (na materiale ustojchivyh vyrazhenij)* [Stereotypical ideas about precipitation in Russian linguistic culture against the background of Chinese (on the basis of set expressions)]: PhD dissertation. St. Petersburg, 2018, 171 p.
32. Martynov M.Z. *Uol Duolan buhatyir: olonho* [Bogatyir Uol Duolan]. Yakutsk, Bichik Publ., 2010, 243 p.
33. Myreeva A.N. *Jevenkijsko-russkij slovar' = Jevjedy-luchady turjeruk: okolo 30000 slov* [Evenk-Russian dictionary: about 30,000 words]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, 796 p.
34. Nelunov A.G. *Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar' = Somogo domoh sahalyy nuuchchalyy tyl'd'ya. T. 2: L–Je* [Yakut-Russian Phraseological Dictionary. Vol. 2: L-E]. Novosibirsk, Publishing House SB RAS, Scientific and Publishing Center of the Joint Institute of Geology, Geophysics and Mineralogy, 2002, 418 p.

35. Njurgun Bootur Stremitel'nyj = D'ulurujar N'urgun Bootur [Nurgun Bootur Swift]. Yakutsk: State Publishing House of the Yakut ASSR, 1947, 409 p.
36. Poljakova N.V. Meteorologičeskaja leksika sel'kupskogo i russkogo jazykov v sopostavitel'nom aspekte [Meteorological vocabulary of the Selkup and Russian languages in a comparative aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, no. 10(175), pp. 94-97.
37. *Skazki, mify i legendy lesnyh jukagirov: kniga dlja vneklassnogo čtenija* [Fairy tales, myths and legends of the forest Yukagirs: a book for extracurricular reading]. Yakutsk: Yakutskiy Krai Publ., 2011, 120 p.
38. *Sbornik jakutskih poslovic i pogovorok = Saha josjun hosoonnorun homuura* [Collection of Yakut proverbs and sayings]. Yakutsk, Yakut Book Publishing House, 1965, 246 p.
39. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov* [Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages]: in two volumes. Vol. 1. A-N. Leningrad: Nauka Publ., 1975, 672 p.
40. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov* [Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages]: in two volumes. Vol. 2. O-E. Leningrad: Nauka Publ., 1977, 992 p.
41. Uluro Ado. *Jukagirsko-russkij slovar'* [Yukagir-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, Siberian branch Publ., 2001, 606 p.
42. *Fol'klor jevenov Berezovki (obrazcy shedevrov)* [Folklore of the Evenks of Berezovka (examples of masterpieces)]. Yakutsk: IPIPN SB RAS Publ., 2005, 362 p.
43. *Fol'klor jukagirov = Vadul oduln'je fol'klorgi*. Moscow, Novosibirsk: Nauka, 2005, 587 p.
44. *Jevenkijskie geroičeskie skazanija. Hrabryj Sodani-bogatyr'. Vsesil'nyj bogatyr' Djevjelchjen v rasshitoj-razukrashennoj odezhide* [Evenk heroic tales. Brave Sodani-bogatyr. The all-powerful bogatyr Develchen in embroidered and decorated clothes]. Novosibirsk: Nauka, Siberian branch Publ., 1990, 391 p.
45. *Jevenkijskie skazki* [Evenk Tales]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1960, 75 p.

46. *Jevenkijsko-russkij slovar'* [Evenk-Russian Dictionary]. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958, 802 p.
47. Martin L. "Eskimo Words for Snow": A Case Study in the Genesis and Decay of an Anthropological Example. *American Anthropologist*, 1986, vol. 88, no. 2, pp. 418-423. <https://doi.org/10.1525/aa.1986.88.2.02a00080>
48. Regier T., Carstensen A., Kemp C. Languages Support Efficient Communication about the Environment: Words for Snow Revisited. *PLoS ONE*, 2016, no. 11 (4), pp. 1-17. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0151138>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кузьмина Айтали́на Ахметовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы *Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук*
ул. Петровского, 1, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677027, Российская Федерация
aitasakha@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Aitalina A. Kuzmina, Ph. D. in of Philology, Senior Researcher, Department of Folklore and Literature
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
1, Petrovsky Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation
aitasakha@mail.ru
SPIN-code: 3578-0471
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7051-9009>
Researcher ID: K-7830-2015
Scopus Author ID: 57188965803

Поступила 18.02.2022

После рецензирования 10.03.2022, 01.04.2022

Принята 11.04.2022

Received 18.02.2022

Revised 10.03.2022, 01.04.2022

Accepted 11.04.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-323-335

УДК 811.111

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПАРАМЕТРОВ В СПОРТИВНОМ КОММЕНТАРИИ

К.А. Мараховская

Обоснование. Умение оценивать различные предметы и явления объективной реальности устанавливает характер взаимодействия индивида с окружающей его действительностью. Данная способность считается одной из наиболее значимых составляющих когнитивной деятельности человека. Необходимость в оценивании формирует мышление человека, его отношение к другим и к себе самому. Так как именно высокая степень оценочности обуславливает повышенный интерес читателей к спортивному событию, необходимо проанализировать способы языковой экспликации оценочных параметров в спортивном комментарии.

Цель. Выделить оценочные параметры спортивного комментария и рассмотреть их языковую экспликацию.

Материалы и методы. Практическим материалом для исследования послужило четыре скрипта футбольных матчей со спортивного сайта Sportsmole (<https://www.sportsmole.co.uk>). При анализе материала использовались такие методы, как метод компонентно-дефиниционного анализа, метод дискурсивно-контекстуального анализа и метод прагма-когнитивного анализа.

Результаты. Результаты исследования показали, что высказывания спортивного онлайн-комментатора отличаются высокой степенью оценочности. Были выделены следующие классификации: по объекту оценки, по шкале оценки, по наличию эмоционального компонента, а также абсолютный и относительный виды оценки. Проанализирован рациональный компонент в оценочных высказываниях, представляющий собой результат мыслительной деятель-

ности адресанта и не связанный с испытываемыми им эмоциями, и эмоциональный компонент, направленный на побуждение определенных переживаний у адресата. Был сделан вывод о том, что речи спортивного комментатора свойственна как эксплицитная, так и имплицитная оценка происходящего.

Область применения результатов. Данное исследование вносит определенный вклад в разработку теоретических аспектов в области прагмалингвистики и спортивного дискурса. Результаты работы могут быть использованы в курсах лекций по прагмалингвистике, в чтении спецкурсов, посвященных спортивному дискурсу, а также в практике преподавания английского языка.

Ключевые слова: спортивный дискурс; спортивный комментарий; оценочные параметры; категория оценки; прагмалингвистика

LINGUISTIC REPRESENTATION OF EVALUATIVE PARAMETERS IN SPORTS COMMENTARY

K.A. Marakhovskaya

Background. A skill to evaluate different objects and phenomena of the objective reality establishes the nature of the interaction of the individual with the surrounding environment. This skill is considered to be one of the most important constituents of human cognitive activity. The necessity to evaluate develops human thinking. Since evaluation causes high interest of the readers in the sporting event, it is of prime importance to analyze the ways of linguistic representation of evaluative parameters in sports commentary.

Purpose. The article finds out and considers the evaluative parameters and their linguistic representation.

Materials and methods. The research material comprises 4 football scripts taken from the Sportsmole sports website (<https://www.sportsmole.co.uk>). The componential and definitional analysis as well as discourse and contextual analysis together with the pragmatic and cognitive methods were used in the analysis of the scripts.

Results. *The results of the research study showed that high level of evaluation is very typical of the speech of the sports online commentator. Following classifications were presented: according to the subject of evaluation, to the scale of evaluation and the presence of an emotional component as well as an absolute and relative types of evaluation. A rational component in the commentator's evaluative speech was investigated. It is considered to be a result of thinking activity of the addresser and is not connected with his or her emotions. An emotional component which is closely linked to inner feelings and emotions was also analyzed. A conclusion was drawn that the speech of sports commentators is characterized by explicit and implicit evaluation.*

Practical implications. *The results of the research study contribute to the theoretical aspects development in the field of pragmatic linguistics and sports discourse. They can also be used in the lectures on pragmatic linguistics and lessons of the English language. The paper is of particular interest to the researchers of sports discourse and online commentary.*

Keywords: *sports discourse; sports commentary; evaluative parameters; category of evaluation; pragmatic linguistics*

Введение

Цель. Выявить оценочные параметры спортивного комментария, а также и проанализировать их языковую экспликацию на материале скриптов спортивных онлайн-трансляций.

Актуальность. Исследование проводится в рамках антропоцентрической парадигмы с использованием современных методов анализа языкового материала. Спортивный комментарий представляет собой малоизученную в лингвистике сферу и, как следствие, дает богатый материал для прагма-когнитивных исследований. Анализ оценочных параметров спортивного комментария в рамках прагма-когнитивного подхода показывает, что для речи спортивного онлайн-комментатора характерна высокая степень оценочности, реализуемая на разных языковых уровнях. Именно высокая степень оценочности в речи комментатора поддерживает интерес аудитории к онлайн-трансляции матчей.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили скрипты онлайн-комментаторов футбольных матчей со специализированного спортивного сайта *Sportsmole* (<https://www.sportsmole.co.uk>). В общей сложности было рассмотрено восемь скриптов футбольных трансляций. При анализе материала использовались метод компонентно-дефиниционного анализа, метод дискурсивно-контекстуального анализа и метод прагма-когнитивного анализа, предполагающий учет эмоционально-оценочных параметров высказывания.

Результаты и обсуждение

Ученые, проводящие исследования в рамках дискурсологии подчеркивают, что в лингвистической литературе не существует единого понимания термина «спортивный дискурс». В данной работе под спортивным дискурсом будет подразумеваться отдельный вид институционального дискурса, построенный по принципу поля. Данное поле содержит в себе содержательную доминанту и разнообразие дискурсивных переменных, объединенных единой темой (спортивное событие) [6, с. 43]. Также мы будем принимать во внимание определение, предложенное К.В. Снятковым. Он рассматривает спортивный дискурс как «речь», передаваемую как устно, так и письменно, и представляющую собой логичное единство речевых произведений, отраженных на письме или закрепленных в памяти человека или группы людей [7, с. 10]. Он также подчеркивает неотделимость спортивного дискурса в общем дискурсивном пространстве [8]. К спортивному дискурсу относят профессиональную коммуникацию между тренерами и спортсменами, освещение новостей в сфере спорта средствами массовой информации, пресс-конференции и репортажи чемпионатов [1, с. 118]. Медиатором, обеспечивающим взаимодействие между спортсменами, тренерами и судьями с аудиторией выступают, как правило, журналисты и комментаторы [10, с. 136].

Одной из разновидностей спортивного дискурса является *спортивный комментарий*, предполагающий как устную, так и письменную трансляцию спортивного события [13]. Спортивный *онлайн*-ком-

ментарий как разновидность спортивного комментария зародился в начале XXI в. благодаря появлению интернета, а также в связи с возрастающей популярностью динамичных видов спорта [11]. Однако, несмотря на значительное повышение интереса к данной теме, спортивный дискурс не получает должного внимания в рамках отечественной школы. Зарубежные исследователи (М. Левандовский, Я. Кованек) отмечают значимость исследований спортивного комментария как разновидности спортивного дискурса. Под спортивным онлайн-комментарием (далее: *спортивный комментарий*) они понимают тексты, посвященные одному спортивному событию и создаваемые в режиме реального времени спортивным комментатором на специализированном спортивном сайте [12].

Любое оценочное значение непосредственно связано с языковой личностью говорящего, его эмоциональным состоянием, следовательно, исследование категории оценки в рамках прагматического подхода представляет большую значимость. Данная категория становится предметом лингвистических исследований начиная с двадцатого века. Повышенный интерес к теме во многом обусловлен неоднозначностью самого понятия оценки, разнообразием типологий, а также существованием большого количества подходов для анализа оценочных значений и их экспликации в языке. В области языкознания исследованиями, посвященными категории оценки, занимались Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, А.А. Ивин, В.Н. Телия и другие.

В лингвистике оценка, согласно Г.В. Колшанскому, традиционно понимается как универсальная категория, которая воспроизводит в языке ценностные отношения субъекта к объективному миру. Каждый познавательный акт включает в себя оценочный компонент, представляющий собой восприятие, анализ и осмысление предмета высказывания, что в свою очередь является оценкой в широком значении данного понятия. В связи с этим оценка возникает при любом взаимодействии субъекта познания с объективной действительностью [5]. По мнению А.А. Ивина, оценка некоего объекта субъектом может произойти только тогда, когда объект обладает способностью и возможностью удовлетворить потребности субъекта. В

самом процессе оценивания могут выявиться как положительные, так и отрицательные значения объекта [4, с. 133]. Также отмечается тот факт, что оценка во многом формирует мышление человека, его отношение к другим и к себе самому [2, с. 37].

Традиционно внимание исследователей, изучающих категорию оценки, было сосредоточено на определении структуры оценки, а также выявлении и анализе ее композиционных элементов. Современные лингвисты существенно расширили область своих исследований, и теперь на первый план все чаще наравне с семантическими аспектами оценки выходят прагматические аспекты. Сегодня большой интерес представляет взаимосвязь оценки и прагматики, то есть то, какое воздействие имеет один коммуникант на другого. Так, Е.М. Вольф полагает, что сама возможность речевого воздействия находится в областях синтактики и семантики, однако желание адресанта из всех речевых высказываний выбрать наиболее убедительные и подходящие ситуации, принадлежит прагматике [3, с. 42]. В связи с этим в последнее время тщательному анализу подвергаются языковые способы выражения оценки.

В области языкознания категория оценки рассматривается преимущественно как субъективная категория. Субъективный характер оценки подчеркивает Н.Д. Арутюнова [2]. Тем не менее некоторые исследователи не согласны с исключительно субъективным характером оценки и, следовательно, можно говорить о том, что в оценке присутствуют как субъективные, так и объективные факторы, которые по своей сути представляют собой стороны одного процесса – познания действительности.

Существует большое количество исследований в области категории оценки, однако по-прежнему отмечается недостаточная разработанность классификаций. Далее будут представлены типологии параметра оценки в спортивном комментарии.

I. В классификации, основанной на критерии объект оценки, выделены следующие уровни:

1. Языковая экспликация оценки команды игроков

Комментатор, следящий за трансляцией, дает оценку двум конкурирующим сборным, а именно таким характеристикам, как: ма-

стерство, организованность в обороне и нападении, взаимопонимание. Команда должна выступать в качестве неразрывного целого, а оценка, как положительная, так и отрицательная, будет относиться к каждому спортсмену без исключения.

Высказывая свое неодобрение качеством игры сборной Англии в матче Англия-Бельгия, комментатор обращает внимание на недостаточную настойчивость игроков своей сборной. Отрицательная оценка отражается в языке при помощи конструкции, содержащей в себе отрицание (*not enough*) с существительным.

1) *Not enough urgency from the Three Lions tonight.* [15]

В матче Англии и Панамы комментатор негативно отзывается о защите сборной Панамы, указывая на слабые стороны линии обороны:

2) *Panama look incredibly shaky at the back.* [16]

3) *Panama have been unbelievably bad at the back.* [Там же]

В обоих случаях использованы интенсификаторы негативной оценки. В первом примере прилагательное *shaky* («дрожащий»), содержащее негативную коннотацию, усилено наречием *incredible* («чрезвычайно»), во втором – происходит усиление прилагательного *bad* («плохой») наречием *unbelievable* («невероятно»).

Вместе с тем комментатор положительно отзывается об игре сборной Англии в матче против Панамы, называя совместную работу спортсменов над ударом «превосходной»:

4) *A brilliantly-worked free kick from the Three Lions, with Jordan Henderson playing the ball towards the back post for Harry Kane.* [Там же]

2. Языковая экспликация оценки спортсменов

Комментатор во время трансляции оценивает каждого футболиста и по отдельности. Так, во время одного из матчей Гарри Кейна охарактеризован как лучший (топовый) нападающий Чемпионата мира:

5) *Harry Kane is now joint-top scorer at the World Cup finals.* [17]

Игрока Юссефа Мсакни комментатор называет ключевым игроком сборной Туниса:

6) *Tunisia are also missing key playmaker Youssef Msakni – who picked up a serious knee injury before the tournament – but Naim Sliti does feature.* [Там же]

В целом комментатор стремится к положительной оценке спортсменов во многом благодаря желанию создать благоприятную среду во время трансляции.

3. Языковая экспликация оценки действий спортсменов

Кроме общей характеристики, комментатор характеризует спортсменов по их конкретным решениям и поступкам.

Например, в противостоянии с бельгийской сборной положительно оценивается удар игрока английской сборной, что выражается с помощью наречия *well*:

7) *Danny Welbeck strikes the ball well and it looked to be on target.* [14]

Во время другой трансляции матча уже с командой Панамы комментатор высмеивает действия игрока сборной соперника:

8) *That came from a training-ground routine to the delight of Gareth Southgate, and the Three Lions boss was given further reason to cheer when the fifth arrived 45 minutes in, again from a Kane penalty into the same corner after Godoy comically wrestled the striker to the ground.* [16]

Он негативно отзываясь о действиях Анибаля Годойя, называя его попытки противостоять бомбардиру сборной Англии «комичными».

II. Классификация по наличию эмоционального компонента в оценочном высказывании

В типологии, где основным критерием является эмоциональный компонент, выделяют рациональную и эмоциональную виды оценки (В.Н. Телия, М.П. Брандес). Рациональная оценка, как правило, не связана с выражением эмоций и представляет собой следствие мыслительной деятельности говорящего. Эмоциональная оценка, напротив, основана на субъективном восприятии реальности. Согласно мнению В.Н. Телии, эмоциональная оценка побуждает испытывать «чувство-отношение» и представляет собой реализацию иллюкутивного намерения. То есть, если рациональная оценка только описывает чувства, то эмоциональная не только содержит в себе дескриптивную составляющую, но и вызывает определенные переживания по поводу оцениваемого объекта [9, с. 103].

1. Рациональная оценка

Проанализируем одно из высказываний комментатора с рациональной оценкой. В матче сборных Англии и Панамы, несмотря на

некоторые упущенные возможности, английская сборная заслуженно одержала победу. Подобный вывод основан, прежде всего, на профессиональных действиях игроков. Оценка не несет эмоциональной окраски, так как комментатор не стремится вызвать эмоции у аудитории:

9) *It was a **deserved win** for England in Volgograd, even if they did do things the hard way after missing some glorious chances.* [16]

2. Эмоциональная оценка

В матче сборных Англии и Панамы комментатор оценивает саму вероятность проигрыша английской сборной или вариант с ничьей как «бедствие» (*disaster*):

10) *Anything other than victory for the Three Lions today really would be a **disaster**.* [Там же]

Излишняя эмоциональность, прослеживаемая в некоторых прилагательных и существительных, и отличает эмоциональную оценку от рациональной.

III. Классификация по шкале оценки

Высказывания комментатора нередко носят оценочные значения. Они могут быть распределены по шкале оценки и, в зависимости от своего смыслового наполнения, классифицированы как положительные или как отрицательные. Во время трансляции матча Англии и Панамы комментатор вспоминает другой матч, где соперником сборной Панамы была сборная Уэльса. Игра закончилась ничьей, что, по мнению самого комментатора, является положительным результатом:

11) *A 1-1 draw with Wales last autumn was a **positive** result.* [Там же]

В данном примере стоит отметить индивидуальность оценочной шкалы каждого человека. Ничья в иерархии существующих ценностей не считается положительным исходом игры, так как футбол характеризуется высокой конкуренцией, что и объясняет его зрелищность. Следовательно, для команд в приоритете остается победа. Однако комментатор, руководствуясь собственной оценочной шкалой, дает положительную оценку результату матча.

Заключение

В рамках данного исследования следует сделать вывод, что категория оценки является важной частью любого спортивного ком-

ментария. В роли субъекта всегда выступает комментатор, так как он осуществляет вербальную рефлексию разворачивающегося события. Для его речи свойственна высокая степень оценочности, которая проявляется в образности языковых выражений, оценочных прилагательных и существительных, восклицаниях и вопросах, а также в самой структуре некоторых высказываний. Именно высокая степень оценочности в речи комментатора, благодаря которой и проявляется его отношение к спортивному событию, обуславливает и поддерживает интерес аудитории к трансляции.

Список литературы

1. Аветян А.А. К вопросу о типологии дискурса: особенности спортивного дискурса // Вестник Псковского государственного университета, 2018. № 8. С. 116-119.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 229 с.
5. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке: монография. М.: Изд-во Наука, 1975. 232 с.
6. Мальшева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: монография. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. 324 с.
7. Снятков К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2008. 18 с.
8. Снятков К.В. Телевизионный спортивный дискурс: аспекты коммуникативно-прагматического анализа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2007. № 14. С. 189-194.
9. Телия В.Н. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. 269 с.
10. Филимонова Е.П. Спортивный дискурс в координатах институционального дискурсивного пространства // Вестник Адыгейского государственного университета, 2016. №4. С. 136-140.

11. Chovanec J. “Call Doc Singh!”: Textual Structure and Coherence in Live Text Sports Commentaries // *Coherence and Cohesion in Spoken and Written Discourse*, 2009, pp. 124-137. URL: https://www.researchgate.net/publication/303058373_Са (дата обращения: 22.02.2022).
12. Lewandowski M. *The Same Genre for Different Audiences: A Contrastive Analysis of American and British Football Match Reports // Cognitive Approaches to Specialist Languages*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. 465 p.
13. Lewandowski M. *The Language of Online Sports Commentary in a Comparative Perspective // The Poznań Society for the advancement of the arts and Sciences, Lingua Posnaniensis*, 2012, vol. L IV, pp. 65-76. <https://doi.org/10.2478/v10122-012-0006-0>
14. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/live-commentary/live-commentary-belgium-vs-england_330591.html (дата обращения: 22.02.2022).
15. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/uefa-nations-league/live-commentary/live-commentary-england-vs-spain_335074.html (дата обращения: 22.02.2022).
16. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/live-commentary/live-commentary-england-vs-panama_329069.html (дата обращения: 22.02.2022).
17. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/live-commentary/live-commentary-tunisia-vs-england_328633.html (дата обращения: 22.02.2022).

References

1. Avetyan A.A. К вопросу о типологии дискурса: особенности спортивного дискурса [To the question of the typology of discourse: features of sports discourse]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Pskov State University Bulletin], 2018, no. 8, pp. 116-119.
2. Arutyunova N.D. *Типы языковых значений. Оценка, событие, факт* [Types of linguistic meanings: Assessment, event, fact]. Moscow: Nauka Publ., 1988, 338 p.
3. Vol'f E.M. *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka Publ., 1985, 228 p.

4. Ivin A.A. *Osnovaniya logiki ocenok* [Foundations of estimates logic]. Moscow: MSU Publ., 1970, 229 p.
5. Kolshanskij G.V. *Sootnoshenie sub"ektivnyh i ob"ektivnyh faktorov v yazyke* [The ratio of subjective and objective factors in the language]. Moscow: Nauka Publ., 1975, 232 p.
6. Malysheva E.G. *Russkij sportivnyj diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie* [Russian sports discourse: linguistic and cognitive Research]. Omsk: OSU Publ., 2011, 324 p.
7. Snyatkov K.V. *Kommunikativno-pragmaticheskie harakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa* [Communicative-pragmatic characteristics of the discourse of television sports]. Abstract of PhD dissertation. Vologda, 2008, 18 p.
8. Snyatkov K.V. *Televizionnyj sportivnyj diskurs: aspekty kommunikativno-pragmaticheskogo analiza* [Television sports discourse: aspects of communicative and pragmatic analysis]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 2007, no. 14, pp. 189-194.
9. Teliya V.N. *Tipy yazykovyh znachenij* [Types of linguistic meanings]. Moscow: Nauka Publ., 1981, 269 p.
10. Filimonova E.P. *Sportivnyj diskurs v koordinatah institucional'nogo diskursivnogo prostranstva* [Sports discourse in the coordinates of the institutional discursive space]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Adyge State University Bulletin], 2016, no. 4, pp. 136-140.
11. Chovanec J. "Call Doc Singh!": Textual Structure and Coherence in Live Text Sports Commentaries. *Coherence and Cohesion in Spoken and Written Discourse*, 2009, pp. 124-137. URL: https://www.researchgate.net/publication/303058373_Ca (accessed February 22, 2022).
12. Lewandowski M. *The Same Genre for Different Audiences: A Contrastive Analysis of American and British Football Match Reports*. *Cognitive Approaches to Specialist Languages*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017, 465 p.
13. Lewandowski M. *The Language of Online Sports Commentary in a Comparative Perspective*. *The Poznań Society for the advancement of*

- the arts and Sciences, Lingua Posnaniensis*, 2012, vol. L IV, pp. 65-76.
<https://doi.org/10.2478/v10122-012-0006-0>
14. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/live-commentary/live-commentary-belgium-vs-england_330591.html (accessed February 22, 2022).
15. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/uefa-nations-league/live-commentary/live-commentary-england-vs-spain_335074.html (accessed February 22, 2022).
16. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/live-commentary/live-commentary-england-vs-panama_329069.html (accessed February 22, 2022).
17. URL: https://amp.sportsmole.co.uk/football/england/world-cup/live-commentary/live-commentary-tunisia-vs-england_328633.html (accessed February 22, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мараховская Ксения Андреевна, преподаватель высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
ул. Политехническая, 29, г. Санкт-Петербург, 195251, Российская Федерация
lone9782@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Marakhovskaya, Lecturer, Higher School of Engineering Pedagogy, Psychology and Applied Linguistics
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University
29, Polytechnicheskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russian Federation
lone9782@yandex.ru
SPIN-code: 7304-7061
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0898-131X>

Поступила 02.03.2022

После рецензирования 22.03.2022

Принята 04.04.2022

Received 02.03.2022

Revised 22.03.2022

Accepted 04.04.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-336-352

УДК 811.111

МАГИЧЕСКОЕ И СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

О.М. Осиянова, С.А. Черашева

Обоснование. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей популярностью жанра фэнтези, а также повышенным интересом в научной среде к вопросу о систематизации средств выражения магического в художественной литературе.

Цель. Целью исследования является определение сущности магического, выявление его когнитивных признаков и средств выражения.

Материалы и методы. Практическим материалом для исследования послужили тексты произведений художественной литературы жанра фэнтези-романы М. Семеновой «Волкодав», Д. Емца «Маг Полночи», Т. Гудкайнда «Храм ветров», Р. Желязны «Хроники Амбера», Дж. Роулинг «Гарри Поттер и Узник Азкабана». В работе использованы следующие методы научного исследования: анализ научной литературы, метод сплошной выборки, описательный метод, сравнительно-сопоставительный и статистический методы.

Результаты. Определено, что сущность магического заключается в совокупности понятий мистика, вымысел, волшебство, в воздействии сверхъестественных сил на людей, животных, природе, а также на воображаемых духов и богов. Выявлены такие когнитивные признаки, как незримость для человека, таинственность, тесная связь с верой и наукой. В ходе исследования выявлены средства выражения магического, преимущественно лексического и стилистического уровня: лингвистические маркеры, художественная деталь. Выявленные средства выражения магического иллюстрируются примерами из романов жанра фэнтези на русском и английском языках. Лингвистические маркеры представлены магической семиотикой (магические агенты, существа и животные,

обладающие магией), и магической вербаликой (процессивы). Художественная деталь играет незаменимую роль в «вошебных» описаниях магических артефактов, необычных животных, волшебных зданий и предметов с необычными свойствами.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении магического, средств его выражения в других литературных произведениях жанра фэнтези, а также на занятиях по стилистике у студентов профиля подготовки «Зарубежная филология».

Ключевые слова: магическое; фэнтези; лексические средства; магическая семиотика; магическая вербалика; художественная деталь; волшебный вещный мир

MAGIC AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN LITERATURE OF FANTASY GENRE

O.M. Osiyanova, S.A. Cherasheva

Background. The relevance of the research topic is due to the growing popularity of the fantasy genre and the insufficient study of the issue of systematizing the means of expressing the magical in fiction.

Purpose. The purpose of the article is to define the essence of the magical, to reveal its cognitive features and means of expression.

Materials and methods. The practical material for the study was the texts of works of the fantasy genre fiction: *Wolfhound* by M. Semenova, *The Mage of Midnight* by D. Yemets, *Temple of the Winds* by T. Goodkind, *The Chronicles of Amber* by R. Zelazny, *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban* by J.K. Rowling. The following methods of scientific research were used in the work: analysis of scientific literature, the method of continuous sampling, the descriptive method, comparative and statistical methods.

Results. It is determined that the essence of the magical lies in the totality of the concepts of mysticism, fiction, magic, in the impact of supernatural forces on people, animals, nature, as well as on imaginary

spirits and gods. Such cognitive features as invisibility for a person, mystery, close connection with faith and science were identified. The study revealed the means of expressing the magical, mainly lexical and stylistic level: linguistic markers, artistic detail. The identified means of expressing the magical are illustrated by examples from fantasy novels in Russian and English. Linguistic markers are represented by magical semiotics (magic agents, creatures and animals that have magic), and magical verbalics (processives). Artistic detail plays an indispensable role in various "magic" descriptions of magical artifacts, unusual animals, magical buildings and objects with unusual properties.

Practical implications. *The results of the study can be used in the further study of the magical, the means of its expression in other literary works of the fantasy genre, as well as in stylistics classes for students of the Foreign Philology training profile.*

Keywords: *magic; fantasy; lexical means; magical semiotics; magical verbalics; artistic detail; magical world of things*

Введение

Цель. Определить сущность магического, выявить его сущностные характеристики и когнитивные признаки, средства выражения.

Актуальность. Исследование магического и средств его выражения в литературе жанра фэнтези обусловлено несколькими факторами. Во-первых, вопрос о систематизации средств выражения магического в англоязычной художественной литературе недостаточно изучен. Во-вторых, важным фактором можно считать возрастающую популярность жанра фэнтези, который стал одним из самых значимых социокультурных феноменов современности. Результаты исследования целесообразны для использования на занятиях по стилистике английского языка у студентов профиля подготовки «Зарубежная филология».

Магическое включает в себя две реальности, первая из которых видимая, вторая – мистическая и скрытая, которую писателю предстоит обнаружить и изобразить в своем произведении, создавая тем самым новую модель взаимосвязей мира и человека [8, с. 275]. Ма-

гия и созданный автором волшебный мир являются главными чертами жанра фэнтези [19, с. 58]. Магическое оказывается одним из характерных принципов организации художественного мира фэнтези произведения, что способствует связи художественной литературы с древними культурными традициями, в частности с магией как системой восприятия мира [18, с. 30]. В художественной литературе магия, а вместе с ней и магическое, восходит к мифологической модели мира и реализуется преимущественно в магических текстах, которые в свою очередь насыщены символами, произносятся по особым правилам, в специальных условиях, а также характеризуются устойчивой формально-содержательной структурой.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили отечественные и зарубежные фэнтези романы: «Волкодав» М. Семеновой, «Маг Полуночи» Д. Емца, «Храм ветров» Т. Гудкайнда, «Хроники Амбера» Р. Желязны, «Гарри Поттер и Узник Азкабана» Дж. Роулинг.

При исследовании средств выражения магического в работе были использованы следующие методы научного исследования: анализ научной литературы, метод сплошной выборки, описательный метод, сравнительно-сопоставительный и статистический методы.

Результаты и обсуждение

Рассматривая сущность понятия «магическое» и его характеристики, мы разделяем точку зрения Т.Н. Астафуровой и К.Н. Кислицына, которые утверждают, что сущность магического проявляется в совокупности понятий «мистика», «вымысел», «волшебство», в воздействии сверхъестественных сил на людей, животных, природу, а также на воображаемых духов и богов [2; 8]. Магическое обладает рядом когнитивных признаков: незримостью для человека, таинственностью, тесной связью с верой и наукой, проявлением в той или иной степени у каждого человека и в обыденных вещах, сосуществованием светлой и темной магии, что порождает моральную дилемму.

Ряд отечественных исследователей полагают, что при анализе текстов художественной литературы следует выделять лингвистические и стилистические средства выражения магического [2; 8; 17; 19]. Определяя лингвистические средства выражения магического, в данной статье мы остановимся на понятии «лингвистический маркер». Вслед за С.В. Травкиным будем трактовать лингвистический маркер как «сигнал, который указывает (то есть маркирует) функцию или свойство» и обозначает «наличие или отсутствие отличительных особенностей» [17, с. 182]. С.В. Травкин предлагает классифицировать лингвистические маркеры, выступающие в роли средств выражения магического, на четыре группы: маркеры, называющие само понятие магии; маркеры, называющие субъект, способный на магическое воздействие (человека или существа, владеющего магией); маркеры, называющие заклинания; маркеры, называющие магические предметы и артефакты [19, с. 75]. Иной подход к классификации лингвистических средств выражения магического предлагает Т.Н. Астафурова. Ученый относит к лингвистическим маркерам (вербальным средствам) магическую семиотику (обереги, амулеты, талисманы, инструменты) и магическую вербалику (тексты – заговоры, заклинания, используемые с целью защиты от негативного влияния, магические ритуалы) [2, с. 161].

Обратимся к анализу средств языковой презентации магического конкретными лексическими единицами. Рассмотрим группы лингвистических маркеров согласно классификации С.В. Травкина на примере произведений русскоязычной и англоязычной художественной литературы.

В первую очередь на наличие магии в произведении указывают лингвистические маркеры первой группы. В отечественной литературе в качестве маркеров, репрезентирующих понятие магии, выявлены такие лексические единицы, как «магия», «колдовство», «волшебство», «чародейство» [19, с. 77]. Так, в фэнтезийном романе отечественного писателя Д. Емца «Маг полуночи» находим следующие лингвистические маркеры:

«*Магия его меча, магия дерева и магия земли, с которой дерево было связано корнями, объединились, и вокруг ствола дерева образовалось узкое кольцо света*» [6, с. 103].

«... сама же флейта содержала минимум *волшебства* и была лишь передаточным звеном» [6, с. 14].

Репрезентацию магии при помощи вышеупомянутых лингвистических маркеров можно найти и в творчестве М. Семёновой в серии романов «Волкодав»:

«*Та, что умертвила моего внука черным колдовством, должна умереть*» [15, с. 208].

В англоязычной художественной литературе наиболее распространённой лексической единицей, репрезентирующей понятие магии, является слово «magic». Рассмотрим данный лингвистический маркер на примере романа Терри Гудкайнда «Храм Ветров»:

«*We just had to wait, without using magic, until they lost their power*» [20, p. 684].

Средствами выражения магического выступают и такие лексические единицы, как «sorcery», «wizardry» и «witchcraft». Так, в «Храме Ветров» используется менее распространённый, чем «magic», маркер «sorcery»:

«*...they had no desire to stick their finger in a cauldron of dark sorcery stirred by an angry Mord-Sith*» [20, p. 473].

В романах Дж. Роулинг о Гарри Поттере также встречаются лингвистические маркеры, репрезентирующие магию:

«*These days they lived in terror of anyone finding out that Harry had spent most of the last two years at Hogwarts School of Witchcraft and Wizardry*» [23, p. 92].

Ко второй группе лингвистических маркеров, при помощи которых осуществляется выражение магии в художественной литературе, относят маркеры, называющие субъект, транслирующий магическое воздействие. В русскоязычной литературе можно выделить такие маркеры, как «волшебник», «колдун», «маг», «чародей», «ведьма» [17, с. 80]. Выделяются и другие «магические специалисты» («знахари-врачеватели», «шептуны», «облакопро-

гонники», «гадалки») [4, с. 216]. Благодаря творчеству польского писателя А. Сапковского и его «Саге о ведьмаке» к числу маркеров, называющих субъект магического воздействия, можно причислить и слово «ведьмак», так как с увеличением популярности серии книг всё большее число авторов прибегало к заимствованию данного слова, как в русскоязычной, так и англоязычной литературе. Данная группа маркеров присутствует как в вышеупомянутых произведениях, так и, например, в романе С. Лукьяненко «Ночной дозор».

«Я подумал, что даже смогу при необходимости вспомнить их имена, в первой половине семидесятых ведьм и ведьмаков рождалось мало» [10, с. 63].

Англоязычная литература располагает более обширным количеством лингвистических маркеров, называющих субъект магического воздействия: «wizard», «warlock», «witch», «witcher», «enchanter», «magician», «mage», «magus», «sorcerer» [19, с. 81]:

«I not only eat sorcerers, I eat their magic, too» [24, p. 131].

Третью группу лингвистических маркеров, выступающих одним из средств выражения магии, составляют маркеры, называющие заклинания. К заклинанию в традиционной культуре относят «вид ритуально-магической речи», который представляет собой «прямое обращение к объекту магического воздействия в императивной форме – требования, приказа, побуждения, просьбы, мольбы, предупреждения, запрещения, угрозы» [2, с. 162]. Данная группа маркеров довольно немногочисленна, так как большинство авторов произведений в жанре фэнтези создают собственные, оригинальные миры и предпочитают не использовать общую лексику, а давать конкретные имена каждому заклинанию. В русскоязычной литературе выделяют следующие лексические единицы: «заклинание», «заклятие», «заговор» и «приворот» [19, с. 84]:

«Все эти нагловатые молодые маги пользуются стандартным набором заклинаний, наиболее простых и мощных» [15, с. 137].

В англоязычной литературе аналогами данной разновидности лексических маркеров, свидетельствующих о наличии магии в

текстах произведений жанра фэнтези, являются такие слова, как «enchantment», «spell» и их производные [19, с. 86]:

*«I have no **spells** to give him back his legs»* [22, p. 248].

В четвёртую группу входят лингвистические маркеры, указывающие на какой-либо магический артефакт или предмет, связанный с магией. Обычно подобного рода лексика представлена существительными [21, с. 91]:

*«The most they could do, however, was to lock away Harry's **spellbooks, wand, cauldron, and broomstick...**»* [23, p. 32].

Так, существительные «spellbook», «wand», «cauldron», «broomstick» называют волшебные предметы, используемые в романах Дж. Роулинг в магических целях и, следовательно, могут быть отнесены к маркерам наличия магии.

В ходе исследования было установлено, что название предмета может быть как общим для текстов фантазийных произведений, так и авторским, то есть созданным автором конкретной магической вселенной и встречающимся исключительно в произведениях данного автора. Общим маркером, в частности, является волшебная палочка. Примером же авторского магического артефакта в русскоязычной литературе жанра фэнтези можно назвать золотой шар – наделенный волшебной силой и существующий только в реальности данного автора артефакт из одноимённого произведения Г. Почепцова [11, с. 183]. В качестве примера из зарубежной литературы можно привести созданный американским писателем Р. Желязны специально для фэнтезийной серии «Хроники Амбера» особый магический вид оружия – *frakir* [25, p. 97].

Как было отмечено выше, Т. Н. Астафурова предлагает классификацию вербальных средств (иными словами, лингвистических маркеров), схожую с классификацией, предложенной С. В. Травкиным.

Локативы обозначают магические заведения. К наиболее известным локативам относятся школы чародейства и волшебства из мира Гарри Поттера, созданного британской писательницей Дж. Роулинг: «Хогвартс» («Hogwarts School of Witchcraft and Wizardry»), «Академия магии Шармбатон» («Beauxbatons Academy of Magic»), «Институт

Дурмстранг» («Durmstrang Institute»). *Инструментативы* обозначают артефакты и принадлежности магического процесса. К инструментативам относятся магические тексты и магические атрибуты. Магические тексты составляют различные заклинания, заговоры и заклятия (spell, charm, conjuration), магические формулы, проклятия и сглазы (jinx), напевы и хоралы (chant). К магическим атрибутам относятся волшебные палочки, посохи, метлы, зелья и эликсиры, артефакты, зачарованные кольца и амулеты, талисманы и т.д. [1, с. 162].

«*Святая Книга* (содержит предсказания, пророчества) *гласит, - окончательно разошелся Эйк, – что изойдет из бездны змий, дракон отвратный, семь глав и десять рог имеющий!*» [13, с. 57].

Процессивы обозначают магические действия. Магические действия, как правило, направляются на окружающую природу, людей и животных [8, с. 120]. Процессивы могут быть представлены лексическими единицами нескольких групп [1, с. 163].

В первую группу, по мнению Т.Н. Астафуровой, входят лексические единицы, связанные с активными силами: предвидением (anticipation), предсказанием (augury), телекинезом (telekinesis), телепортацией (teleportation) и т.д. Вторую группу составляют лексические единицы, связанные со статичными силами: изменение формы, путешествие во времени, общение с потусторонними силами и т.д. [1, с. 163].

Среди стилистических средств выражения магического можно выделить художественную деталь. Художественная деталь играет незаменимую роль в произведениях жанра фэнтези, а именно в «волшебных» описаниях магических артефактов, необычных животных, волшебных зданий и предметов с необычными свойствами [16, с. 5]. Художественные детали, использованные для создания образа волшебного вещного мира, относятся к «волшебным описаниям», которые также могут быть причислены к средствам выражения магического. Волшебные описания – это описания предметов, которые формируют образную систему вещного мира. [14, с. 3].

Художественной деталь – «минимальный эстетически значимый компонент художественного текста, вызывающий в сознании чита-

теля, воспринимающего текст, целостный художественный образ» [3, с. 67]. В.Ф. Путнин конкретизирует определение художественной детали, отмечая, что «к художественной детали относят преимущественно предметные подробности быта, портрета, пейзажа, интерьера, а также жеста, субъективной реакции, действия и речи (так называемая речевая характеристика)» [12, с. 90].

В научной литературе представлены различные классификации художественной детали. Так, например, согласно классификации, предложенной А.Б. Есиным, художественные детали могут быть разграничены на два вида – описательные (или же внешние) детали, включающие в себя портретные, пейзажные или бытовые (вещные) детали, и психологические, отражающие внутренний мир героя. А.Б. Есин также классифицировал художественные детали по характеру художественного воздействия и выделял детали-подробности, которые призваны дополнять изображаемый предмет или явление, и детали-символы, изображающие картину, обстановку, характер в конкретной временной точке [7, с. 49].

Согласно иной классификации, предложенной В.А. Кухаренко, художественные детали могут быть разграничены в зависимости от их функциональной нагрузки на следующие разновидности: изобразительная, уточняющая, характерологическая, имплицитная [9, с. 112]. Стоит отметить, что данная классификация также является условной, так как одна и та же деталь может выполнять несколько функций одновременно.

Выражение магического при помощи художественной детали в произведениях жанра фэнтези сводится к презентации предметов и сущностей окружающего мира как волшебных. За примерами можно обратиться к роману К. Джоунз «Love potions». Сад – хранилище растений, выступающих как основа для любых эликсиров и зелий, является уточняющей деталью, которая разбросана по тексту и позволяет увидеть сад в различные моменты жизни героини. В тот момент, когда зелья главной героини Сьюки оказывают положительное влияние на людей, улучшая их жизнь, преобразуется и сад [5, с. 1507].

«The garden looked so different in the sunshine... All those dreary, dripping, sinister heaps of plants had somehow dried out and disentangled themselves and were forming riotous tumbled clumps of glossy leaves with dozens of little flowers, making it look like a real cottage garden again» [21, p. 124].

Волшебный запах, который исходит из бутылочки Сьюки, является ассоциативной деталью, переходящей затем в символическую. Именно он символизирует магическое начало [5, с. 1507].

«Sukie unstoppered the bottle. <...> The release of the fragrance was almost a physical thing - like the genie escaping from the lamp in Aladdin – deliciously swirling and engulfing» [21, с. 154].

Несмотря на то, что в тексте данного фэнтези романа нет обилия лингвистических маркеров магического, читатель ярко ощущает присутствие магического в романе [5, с. 1508].

Заключение

Анализ научных источников и текстов произведений литературы жанра фэнтези приводит нас к выводу о том, что средствами выражения магического являются, прежде всего, лексические средства, представленные магической вербаликой (тексты-заговоры, заклинания, используемые с целью защиты от негативного влияния), магической семиотикой (обереги, амулеты, талисманы, инструменты), локативами, инструментативами. Лексические единицы, называющие непосредственно магическую силу, применяющего магию человека, магическое заклинание или связанный с волшебством предмет, рассматриваются как лингвистические маркеры, выступающие в роли средства выражения магического. Лингвистические маркеры могут быть как общими и типичными для волшебных миров разных писателей, так и уникальными и встречаться лишь в романах одного автора. Большим потенциалом в выражении магического обладает художественная деталь. Художественная деталь имеет место только на собственно предметном уровне произведения, к ней не относятся тропы, стилистические фигуры и другие элементы художественной речи.

Список литературы

1. Астафурова Т.Н. Лингвосемиотика магии в сказочном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 2. С. 110-126.
2. Астафурова Т.Н. Магический дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 3-4(20-21). С. 161-163.
3. Варлакова Е.А. Художественная деталь как средство создания образа персонажа в различных типах детективного текста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2010. № 4 (130). С. 66-69.
4. Виноградова Л.Н. Непростые люди в сельском обществе: о людях, наделенных сверхъестественными способностями. Часть 2: мастера-профессионалы, магические специалисты, полудемонические существа // Славянский альманах. 2018. № 1-2. С. 215-233.
5. Гусева Е.В. Художественная деталь как жанрообразующий признак // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, № 2 (6). С. 1502-1508.
6. Емец Д. Маг Полуночи. М.: Эксмо, 2017. 416 с.
7. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: 3-е изд. Флинта, Наука, 2000. 248 с.
8. Кислицын К.Н. Магический реализм // Знание. Умение. Понимание. 2011. № 1. С. 274-277.
9. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1988. 192 с.
10. Лукьяненко С.В. Ночной дозор. М.: Издательство АСТ, 2017. 381 с.
11. Почепцов Г. Золотой Шар. Город Королей. Ключ от города Колдунов: повести-сказки. Харьков: Издательско-коммерческое предприятие «Паритет ЛТД», 1994. 352 с.
12. Путнин Ф.В. Деталь художественная // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 90 с.
13. Сапковский А. Меч предназначения; пер. с пол. Е.П. Вайсброта. М.: Изд-во АСТ, 2018. 382 с.
14. Сараева Д.А. Языковая репрезентация художественной детали в создании вещного образа крестража (на материале серии книг о

- Гарри Потере Дж.К. Роулинг) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Т. 3, № 4 (58). С. 136-138.
15. Семенова М. Волкодав. СПб.: Terra-Азбука, 1996. 592 с.
 16. Сидоренко А.В. Заклинание как речевой и фольклорный жанр в детской речи // Славянский альманах. 2018. № 1-2. С. 261-277.
 17. Травкин С.В. Невербальное в вербальном: лингвистические маркеры эмоциональности в серии романов «Меч истины» Т. Гудкайнда // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2018. № 2(791). С. 182-192.
 18. Травкин С.В. Типологизирующая роль коэффициента плотности жанрового признака (на материале романов фэнтези) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2018. № 18(816). С. 353-361.
 19. Травкин С.В. Языковые маркеры жанровой принадлежности текста (на материале романов фэнтези): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 205 с.
 20. Goodkind T. Temple of the winds. NY.: Tom Doherty Associates, 1997, 822 p.
 21. Jones Ch. Love Potions. London: Piatkus, 2006, 383 p.
 22. Martin G.R.R. Game of Thrones. London: Harper Collins, 2011, 800 p.
 23. Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. Bloomsbury Publishing Plc, 2014, 462 p.
 24. Simak C.D. The Fellowship of the Talisman. New York: Del Rey/Ballantine, 1978, 346 p.
 25. Zelazny R. Blood of Amber. New York: Arbor House, 1986, 215 p.

References

1. Astafurova T.N. Lingvosemiotika magii v skazochnom diskurse [Linguistic semiotics of magic in the fairy-tale discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], 2013, no. 2, pp. 110-126.
2. Astafurova T.N. Magicheskij diskurs [Magic discourse]. *Diskurs-Pi*, [Discourse-Pi], 2015, no. 3-4(20-21), pp. 161-163.

3. Varlakova E.A. Hudozhestvennaja detal' kak sredstvo sozdanija obraza personazha v razlichnyh tipah detektivnogo teksta [Artistic detail as a means of creating an image of a character in various types of detective text]. *Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics], 2010, no. 4(130), pp. 66-69.
4. Vinogradova L.N. Neprostye ljudi v sel'skom obshhestve: o ljudjah, nadelennyh sverh#estestvennymi sposobnostjami. Chast' 2: mastera-professionalny, magicheskie specialisty, poludemonicheskie sushhestva [Difficult people in rural society: about people endowed with supernatural abilities. Part 2: professional masters, magical specialists, semi-demonic creatures]. *Slavjanskij al'manah* [Slavic Almanac], 2018, no. 1-2, pp. 215-233.
5. Guseva E.V. Hudozhestvennaja detal' kak zhanroobrazujushhij priznak [Artistic detail as a genre-forming feature]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2012, vol. 14, no. 2(6), pp. 1502-1508.
6. Yemets D. *Mag Polunochi* [Midnight Magician]. Moscow: Eksmo, 2017, 416 p.
7. Yesin A.B. *Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedenija* [Principles and methods of analysis of a literary work]. Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ., 2000, 248 p.
8. Kislitsyn K.N. Magicheskij realizm [Magic realism]. *Znanie. Poni-manie. Umenie* [Knowledge. Skill. Understanding], 2011, no. 1, pp. 274-277.
9. Kukharenko V. A. *Interpretacija teksta: Ucheb. posobie dlja studentov ped. in-tov po spec.* [Text interpretation: Proc. allowance for students ped. in-t on spec]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1988, 192 p.
10. Luk'janenko S.V. *Nochnoj dozor* [Night Watch]. Moscow: AST Publ., 2017, 381 p.
11. Pocheptsov G. *Zolotoj Shar. Gorod Korolej. Kljuch ot goroda Koldunov: povesti-skazki* [Golden Ball. City of Kings. Key from the city of Sorcerers: fairy tales]. Kharkov: "Parity LTD" Publ., 1994, 352 p.

12. Putnin F.V. *Detal' hudozhestvennaja* [Artistic detail]. Moscow.: Soviet Encyclopedia Publ., 1987, 90 p.
13. Sapkowski A. *Mech prednaznachenija* [The sword of destiny]. Moscow: AST Publ., 2018, 382 p.
14. Saraeva D.A. Jazykovaja reprezentacija hudozhestvennoj detali v sozdanii veshhnogo obraza krestrazha (na materiale serii knig o Garri Potere Dzh. K. Rouling) [Linguistic representation of the artistic detail in the creation of the material image of the Horcrux (on the material of a series of books about Harry Potter by J.K. Rowling)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2016, vol. 3, no. 4(58), pp. 136-138.
15. Semenova M. *Volkodav* [Wolfhound]. St. Petersburg: Terra-Azbuka Publ., 1996, 592 p.
16. Sidorenko A.V. Zaklinanie kak rechevoj i fol'klornyj zhanr v detskoj rechi [Spell as a speech and folklore genre in children's speech]. *Slavjanskij al'manah* [Slavic Almanac], 2018, no. 1-2, pp. 261-277.
17. Travkin S.V. Neverbal'noe v verbal'nom: lingvisticheskie markery jemocional'nosti v serii romanov «Mech istiny» T. Gudkajnda [Non-verbal in verbal: linguistic markers of emotionality in the series of novels "The Sword of Truth" by T. Goodkind]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities], 2018, no. 2(791), pp. 182-192.
18. Travkin S.V. Tipologizirujushhaja rol' kojefficienta plotnosti zhanrovogo priznaka (na materiale romanov fjentezi) [The typological role of the density coefficient of a genre feature (based on fantasy novels)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities], 2018, no. 18(816), pp. 353-361.
19. Travkin S.V. *Jazykovye markery zhanrovoj prinadlezhnosti teksta (na materiale romanov fjentezi)* [Language markers of the genre of the text (based on fantasy novels)]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2019, 205 p.

20. Goodkind T. Temple of the winds. N.Y.: Tom Doherty Associates, 1997, 822 p.
21. Jones Ch. Love Potions. London: Piatkus, 2006, 383 p.
22. Martin G.R.R. Game of Thrones. London: Harper Collins, 2011, 800 p.
23. Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. Bloomsbury Publishing Plc, 2014, 462 p.
24. Simak C.D. The Fellowship of the Talisman. N.Y.: Del Rey/Ballantine, 1978, 346 p.
25. Zelazny R. Blood of Amber. N.Y.: Arbor House, 1986, 215 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Осиянова Ольга Михайловна, доктор педагогических наук, профессор кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

проспект Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область, 460018, Российская Федерация

olos7@rambler.ru

Черашева Светлана Анатольевна, студент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

проспект Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область, 460018, Российская Федерация

cherasheva.s@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Olga M. Osiyanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of English Philology and Methods of Teaching English

Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, Orenburg Region, 460018, Russian Federation
olos7@rambler.ru
SPIN-code: 1327-3218
ResearcherID: AAB-9416-2020
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1846-5378>
Scopus Author ID: 56028265900

Svetlana A. Cherasheva, student of the Department of English Philology and Methods of Teaching English
Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, Orenburg Region, 460018, Russian Federation
cherasheva.s@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5865-1506>

Поступила 27.05.2022

После рецензирования 29.05.2022

Принята 01.06.2022

Received 27.05.2022

Revised 29.05.2022

Accepted 01.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-353-368

УДК 81

**ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
ТЕКСТА В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

А.С. Фомиченко, Ю.А. Миронова

***Актуальность исследования.** Глобализация в сочетании с достижениями в области коммуникационных технологий и социальных медиа привела к заметному росту специалистов, способных осуществлять профессиональную коммуникацию в межкультурном пространстве, обладающих переводческой компетенцией, позволяющей, в частности, использовать международный опыт, отраженный в иноязычной профессиональной литературе. В этой связи возрастает актуальность осуществления адекватного перевода текстов профессиональной направленности.*

***Цель исследования.** Целью исследования является изучение и анализ специфики перевода специальных текстов в области энергетики.*

***Методы.** Основу исследования образуют следующие методы: теоретический анализ отечественных и зарубежных источников, обобщение, систематизация, лексический и компонентный анализ.*

***Результатом исследования** является выделение наиболее часто встречающихся однокомпонентных и многокомпонентных терминов, а также способы их перевода. Полученные данные позволяют говорить о преобладании словосочетаний, большинство которых переводится дословно (калькированием), т.е. имеет конкретный аналог на языке перевода, что позволяет сделать вывод о разработанности и развитии терминосистемы специальных текстов в области энергетики.*

***Область применения результатов.** Полученные результаты могут быть применены в практике преподавания и быть исполь-*

зованы на занятиях по иностранному языку в высших учебных заведениях для решения проблемы переводческих ошибок студентов.

Ключевые слова: профессионально-ориентированный текст; энергетика; способы перевода; признаки терминов; лексический анализ; однокомпонентный термин; многокомпонентный термин; терминосистема

BASIC FEATURES OF TRANSLATION OF PROFESSIONALLY-ORIENTED TEXT IN THE FIELD OF ENERGY INDUSTRY (AS BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL)

A.S. Fomichenko, J.A. Mironova

Background. *Globalization combined with achievements in the field of communication technologies and social media has led to a noticeable increase in specialists who are able to carry out professional communication in the intercultural space, who have translation competence, which allows, in particular, to use international experience reflected in foreign professional literature. In this regard, the relevance of adequate translation of professional texts increases.*

Aim of the study. *The purpose of the study is to study and analyze the specifics of the translation of special texts in the field of energy industry.*

Methods. *The research is based on the following methods: theoretical analysis of local and foreign sources, generalization, systematization, lexical and component analysis.*

The result of the study *is the identification of the most common single-component and multicomponent terms, as well as ways to translate them. The data obtained allow us to speak about the predominance of phrases, most of which are translated verbatim (by calculus), i.e. it has a specific analogue in the translation language, which allows us to conclude that the development and development of the term system of special texts in the field of energy industry.*

Practical implications. *The obtained results can be applied in teaching practice and be used in foreign language classes in higher educational institutions to solve the problem of students' translation errors.*

Keywords: *professionally-oriented text; energy; translation methods; signs of terms; lexical analysis; single-component term; multicomponent term; term system*

Введение

Цель. Изучить основные способы перевода терминов, выделить их признаки, провести детальный лексический анализ профессионально-ориентированного текста в сфере энергетики, сделать выводы.

Актуальность. В настоящее время в эпоху глобализации и развития средств массовой информации и коммуникационных технологий наблюдается рост международных взаимодействий. Для понимания других культур и менталитета необходим достаточный уровень владения иностранными языками, как неотъемлемый атрибут работы, повседневной жизни, взаимодействия с людьми [2]. Согласно данным сайта Ethnologue, поддерживаемого институтом SIL International (22-е издание «Ethnologue: Languages of the World», 21 февраля 2019), английский язык используется в 137 странах мира [22]. При этом отметим, что около 1,5 миллиарда человек являются его неродными носителями. Тенденции в мировом распространении языков свидетельствуют о том, что статус английского языка как международного в ближайшее время сохранится.

В связи с вышесказанным становится очевидным высокий спрос на специалистов, способных к профессиональной коммуникации на иностранном языке [11]. Таким образом, знание английского языка, на наш взгляд, способствует повышению уровня развития профессиональных компетенций.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужил профессионально-ориентированный текст в сфере энергетики «Circuit Elements» монографии «Electricity for the Entertainment. Electrician

& Technician». При анализе материала использовались теоретический анализ отечественных и зарубежных источников, обобщение, систематизация, лексический и компонентный анализ.

Результаты и обсуждение

Расширение и развитие международных отношений обуславливает необходимость владения английским языком для специалистов различных сфер. Этот навык выступает одним из основных средств профессиональной коммуникации.

К проблеме обучения профессионально-ориентированному общению на иностранном языке обращались многие как зарубежные, так и отечественные ученые (Л.Е. Алексеева, И.В. Зайцева, Г.С. Кочмина, М.В. Мазо, Н.С. Сахарова, Г. Крослинг, И. Ярд). Основное внимание уделялось изучению факторов, влияющих на эффективность учебного процесса: профессиональной специфике, особенностям языковой отрасли и др. [1; 15; 21]. В работах Е. Калис и К. Дикилитас, а также Н.С. Терешковой освещаются методы обучения переводу и способы повышения качества этого обучения [20, 27]. В исследованиях Д.В. Володина, Ю.С. Юрьева, Д. Раса и Е. Харпа говорится о том, что специальным техническим текстам свойственно использование языковых средств, характерным только для этой области [4, 25]. Согласно мнению Л.А. Нефедовой и И.Н. Ремхе, а также И.С. Зайнудин и Н.М. Авал, важным фактором, влияющим на качество перевода, является выбор правильной стратегии перевода [24; 28]. Л. Ильинска, О. Иванова и З. Сенко утверждают, что с целью упрощения понимания научных текстов при их переводе необходимо использовать методики, характерные и для других жанров [23]. По мнению Н.Т. Мурадовой, иностранному языку в неязыковом ВУЗе при его изучении отводится роль вторичного средства устного и письменного общения, из чего следует, что доминирует принцип профессиональной направленности [14]. А.В. Куковская отмечает, что при переводе профессионально-ориентированного текста необходимы как переводческие компетенции и навыки, так и креативный подход, так как работа ведется на стыке профессионального и литературного

художественного перевода [12]. Кроме того, согласно Г. Крослинг и И. Ярд, в процессе перевода специальных текстов могут возникнуть определенные трудности, такие как незнание лексики, неумение работать со словарями, а также сложности в подборе значений слов, уместных в контексте переводимого предложения, что, по мнению В.В. Степановой, обуславливает необходимость глубокого знания переводчиком как профессиональной, так и лингвистической отраслей для правильного подбора лексических параллелей [21; 26].

Обратим внимание, что в зависимости от вида деятельности изменяется и профессиональная терминология. Это обуславливает необходимость создания новых средств передачи информации или совершенствования имеющихся, что и определяет специфичность языковых средств как особенность профессиональной коммуникации на уровне текста [9; 13].

Основными единицами специальных текстов являются термины. Определение данного понятия в различных источниках неоднозначно. В своей работе мы будем придерживаться следующего: термин – это слово или словосочетание, призванное точно обозначить понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы. Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями характерных для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. Они существуют лишь в рамках определенной терминологии. В отличие от слов общего языка, термины не связаны с контекстом. В пределах данной системы понятий термин в идеале должен быть однозначным, систематичным, стилистически нейтральным [17].

Из вышесказанного можно выделить следующие признаки терминов: точность, принадлежность к определенной сфере, однозначность, систематичность, стилистическая нейтральность. Так, точность термина говорит о четкости и конкретности значения. Систематичность и принадлежность к определенной сфере свидетельствуют об использовании термина в рамках заданной терминосистемы, в ней термин должен иметь единственное зафиксированное значение, что определяет его однозначность. Стилистическая нейтральность – отсутствие

эмоциональной окраски, понятность; это подразумевает, что такие слова не прикреплены к конкретному стилю речи.

Повторим, что термины являются значимым инструментом профессиональной деятельности, так как в них отражены теория и методология любой профессии [18]. Точность перевода всего текста в целом во многом определяется правильностью перевода содержащихся в нем терминов. Отметим некоторые способы их перевода:

1. Калькирование (дословный перевод). Каждая часть слова или словосочетания английского выражения переводится отдельно, после чего они вновь соединяются средствами русского языка для точного воспроизведения;

2. Беспереводное заимствование:

а. транскрипция, транслитерация. Первое заключается в сохранении произношения английского слова, но с использованием в написании русских букв. Транслитерация – воспроизведение буквенного состава иностранного слова на языке перевода;

б. функциональный аналог (лексический эквивалент). При переводе используются русские слова, частично или полностью соответствующие по смыслу иностранному термину;

в. описательный перевод. Значение слова, не имеющего аналогов на языке перевода, передается с помощью толкования его значения;

г. трансформационный перевод заключается в изменении некоторых компонентов текста (лексических, грамматических и других) с сохранением передаваемой информации [3; 16].

Итак, проведем детальный лексический анализ профессионально-ориентированного текста в сфере энергетики. Для этого обратимся к отрывку из главы 5 «Circuit Elements» монографии «Electricity for the Entertainment. Electrician & Technician» [19]. Текст содержит 2151 слово, из которых 208 – термины (с учетом их повторения), что составляет около 9% текста, среди которых встречаются как однокомпонентные, так и многокомпонентные термины. Первые имеют простую форму и выражаются одним словом, вторые представляют собой словосочетание или выражение. Представим полученные данные в виде таблицы (Таблица 1).

Таблица 1.

Характеристики терминов (в % от общего количества)	Калькирование, шт.	Займствование, шт.	Перестановка, шт.	Добавление, шт.	Описательный перевод, шт.
Однокомпонентные (13 %)	7	0	0	0	0
Многокомпонентные (38 %)	13	0	3	2	2
Наиболее частое употребление (ключевые термины) (20 %)	7	2	0	2	0
Наименее частое употребление (вспомогательные термины) (29 %)	9	4	1	0	1

В результате анализа полученных данных были выделены следующие ключевые термины: «resistance», «inductance», «current», «impedance», «alternating current», «reactance». Их частота появления в тексте составляет 20%, что свидетельствует о том, что они несут основную смысловую нагрузку. Другие термины встречаются в тексте однократно, но ввиду их большого количества (29%) будем рассматривать их как вспомогательные.

Для перевода однокомпонентных терминов текста (как основных, так и вспомогательных) использовались следующие способы:

1. Калькирование:

- electricity – электричество;
- capacitor – конденсатор;
- magnetism – магнетизм.

2. Заимствование:

- resistor – резистор;
- vacuum – вакуум;
- interface – интерфейс.

3. Трансформационный перевод:

а. добавление:

- impedance – полное электрическое сопротивление.

Обратим внимание, что основное количество однокомпонентных терминов переводится калькированием, что, согласно исследованию А.В. Гавриловой на примере продовольственной сферы, является наиболее эффективным способом [5].

Добавим, что в рассматриваемом тексте число многокомпонентных терминов в 3 раза выше, чем однокомпонентных. Повторим, что многокомпонентный термин – это сложное структурное и семантическое образование [8]. Увеличение числа компонентов в составе такого термина ведет к увеличению его структурных моделей и более редкому использованию в научных текстах. Для перевода многокомпонентных терминов необходимо в первую очередь установить грамматическую связь между ними [6]. В процессе перевода применялись следующие способы:

1. Калькирование:

- equivalent resistance – эквивалентное сопротивление;
- alternating current – переменный ток;
- incandescent lamp – лампа накаливания.

2. Трансформационный перевод:

а. перестановка:

- power distribution system – система распределения электроэнергии;
- electrical-to-heat energy conversion process – процесс преобразования электрической энергии в тепловую;
- power distribution panel – панель распределения питания.

б. добавление:

- inductive reactance – индуктивное реактивное сопротивление;
- capacitive reactance – емкостное реактивное сопротивление.

в. описательный перевод:

- circuit breaker – автоматический выключатель;
- series/parallel resistance – смешанное (последовательно-параллельное) сопротивление.

В результате анализа полученных данных, было выявлено, что большинство многокомпонентных терминов сферы энергетики также переводится калькированием, в отличие, например, от сферы автомобилестроения, где преобладает описательный перевод сложных терминов, что еще раз свидетельствует о специфичности и уникальности терминосистем различных технических направлений [7].

Примечательно, что в одном из более ранних исследований, направленного на анализ особенностей перевода экономических тек-

стов, было выявлено, что экономическая терминосистема содержит большое количество многокомпонентных терминов, в связи с чем говорилось о ее малой разработанности [10]. Результаты нашего исследования также говорят о преобладании в терминосистеме энергетической направленности словосочетаний. Однако большинство этих терминов переводится дословно (калькированием), т.е. имеет конкретный аналог на языке перевода. Многокомпонентность в данном случае определяется сложностью описываемых физических понятий и явлений и не свидетельствует о плохой разработанности терминосистемы. Описательный перевод практически отсутствует, что говорит об универсальности используемых терминов и их широком распространении в различных языках.

Заключение

В ходе работы было выявлено, что рассматриваемая терминосистема содержит большое количество многокомпонентных терминов. Это говорит о том, что она находится в процессе динамичного расширения коммуникативного поля функционирования. При этом большинство многокомпонентных терминов состоят из однокомпонентных и переводятся калькированием. Из вышесказанного можно сделать вывод, что большая часть текста электроэнергетической направленности представлена в виде совокупности однокомпонентных терминов, связанных между собой или самостоятельных. Таким образом, данную терминосистему можно рассматривать как лаконичную, содержащую четко определенные слова и выражения и их сочетания.

Список литературы

1. Азизова С.М. Особенности профессионально-ориентированного обучения английскому языку студентов юридического профиля // Педагогический журнал. 2016. № 4. С. 251-260.
2. Белякова И.Г. Межкультурная коммуникация и мультикультурализм. Транснациональная компетентность в эпоху глобализации // Общество: философия, история, культура. 2016. № 3. С. 64-65.

3. Борисова Л.И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода: учеб. пособие. М.: МПУ, 2001. 208 с.
4. Володина Д.В., Юрьева Ю.С. Трудности перевода текстов по специальности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12-2 (39). С. 187-190.
5. Гаврилова А.В. Способы перевода англоязычных однокомпонентных терминов сферы природопользования на русский язык // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 3-2. С. 65-68.
6. Князева А.И. Проблема определения понятия «термин» в переводческом аспекте и перевод терминов на примере текста нефтегазовой отрасли // Молодой ученый. 2020. № 23(313). С. 698-701.
7. Комиссарова О.В., Липина Я.Е. Особенности перевода многокомпонентных терминов в сфере автомобилестроения (на материале английского и русского языков) // Молодой ученый. 2018. № 18(204). С. 467-470.
8. Косаревская Т.А. Структурно-семантические характеристики трехкомпонентных терминологических образований (на материале подязыка вычислительной техники): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1989. 17 с.
9. Крапивина М.Ю. Обучение иноязычному профессионально-ориентированному общению в современных условиях университетской лингвистической подготовки: монография. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2011. 158 с. URL: <https://rucont.ru/efd/177019> (дата обращения: 17.04.2022).
10. Крапивина М.Ю., Фомиченко А.С. Специфика перевода английских терминов в профессионально-ориентированном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. № 2. С. 170-173.
11. Кузнецова С.В., Грамма Д.В. Некоторые вопросы обучения профессионально-ориентированному английскому языку // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. № 12. С. 229-230.
12. Куковская А.В. Стратегия перевода и креативность: из опыта обучения профессионально ориентированному переводу с английского на русский язык студентов нелингвистических специальностей // Вест-

- ник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2014. №14 (700). С. 97-106.
13. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М.: УРСС Эдиториал, 2007. 256 с.
 14. Мурадова Н.Т., Эрданова С.А. Обучение профессионально-ориентированному общению на иностранном языке студентов неязыковых вузов // Молодой ученый. 2013. № 11 (58). С. 822-824.
 15. Мятлева М.И. Обучение профессионально-ориентированной лексике при работе с аутентичными текстами по специальности // *Lingua mobilis*. 2011. № 4 (30). С. 134-137.
 16. Омонов К.Ш., Зикруллаева Х.Б. Научно-технические термины и переводческие методы, использованные при их создании // Вестник ЧелГУ. 2020. №1 (435). С. 105-114.
 17. Термин. Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD> (дата обращения: 17.04.2022).
 18. Терских Н.В. О специфике основных разрядов профессиональной лексики (на примере английской терминологии) // Вестник ИГЛУ. 2010. № 4(12). С. 131-136.
 19. Cadena R. Electricity for the Entertainment // *Electrician & Technician*. 2009, pp. 59-67.
 20. Calis E., Dikilitas K. The use of translation in EFL classes as L2 learning practice // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 46, pp. 5079-5084.
 21. Crosling G., Ward I. Oral Communication: The needs and uses of business graduate employees // *English for Specific Purposes*, 2002, vol. 21, no. 1, pp. 41-57.
 22. Eberhard D., Simons G.F. *Ethnologue: Languages of the World*. 22nd Edition. SIL International, 2019, 552 p.
 23. Ilynska L., Ivanova O., Senko Z. Rhetoric of scientific text translation // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 29016, vol. 231, pp. 84-91.
 24. Nefedova L.A., Remkhe I.N. Towards cognitive modelling of the technical translation process // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 154, pp. 237-244.

25. Rus D., Harpa E. Technical vs. general translation practices and methods: a comparative study // *Procedia Manufacturing*, 2018, vol. 22, pp. 840-847.
26. Stepanova V.V. Translation strategies of legal texts // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2017, vol. 237, pp. 1329-1336.
27. Tereshkova N.S., Gural S.K., Tikhonova E.V., Kalinina E.V. Technical translation training in groups of foreign students using multimedia-based project activities // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 215, pp. 250-255.
28. Zainudin I.S., Awal N.M. Teaching translation techniques in university setting: problems and solutions // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 46, pp. 800-804.

References

1. Azizova S.M. Osobennosti professional'no-orientirovannogo obuchenija anglijskomu jazyku studentov juridicheskogo profila [Features of professionally-oriented English language teaching for law students]. *Pedagogicheskij zhurnal* [Pedagogical Journal], 2016, no. 4, pp. 251-260.
2. Beljakova I.G. Mezkul'turnaja komunikacija i mul'tikul'turalizm. Transnacional'naja kompetentnost' v jepohu globalizacii [Intercultural communication and multiculturalism. Transnational competence in the era of globalization]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2016, no. 3, pp. 64-65.
3. Borisova L.I. *Leksicheskie osobennosti anglo-russkogo nauchno-technicheskogo perevoda* [Lexical features of English-Russian scientific and technical translation]. Moscow: MPU, 2001, 208 p.
4. Volodina D.V., Jur'eva Ju.S. Trudnosti perevoda tekstov po special'nosti [Difficulties in translating texts in the specialty]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2019, no. 12-2 (39), pp. 187-190.
5. Gavrilova A.V. Sposoby perevoda anglojazycznych odnocomponentnyh terminov sfery prirodopol'zovanija na russkij jazyk [Methods of translating English-language single-component terms of the sphere of nature management into Russian]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2017, no. 3-2, pp. 65-68.

6. Knjazeva A.I. Problema opredelenija ponjatija «termin» v perevodcheskom aspekte i perevod terminov na primere teksta neftegazovoj otрасli [The problem of defining the concept of “term” in the translation aspect and the translation of terms on the example of the text of the oil and gas industry]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2020, no. 23(313), pp. 698-701.
7. Komissarova O.V., Lipina Ja.E. Osobennosti perevoda mnogokomponentnyh terminov v sfere avtomobilstroenija (na materiale anglijskogo i ruskogo jazykov) [Features of translation of multicomponent terms in the automotive industry (based on the material of English and Russian)]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2018, no. 18(204), pp. 467-470.
8. Kosarevskaja T.A. *Strukturno-semanticheskie harakteristiki trehkomponentnyh terminologicheskikh obrazovanij (na materiale pod#jazyka vychislitel'noj tehniki)* [Structural and semantic characteristics of three-component terminological formations (based on the sublanguage of computer technology)]. Abstract of PhD dissertation. Kiev, 1989, 17 p.
9. Krapivina M.Ju. *Obuchenie inojazychnomu professional'no-orientirovannomu obshheniju v sovremennyh uslovijah universitetskoj lingvisticheckoj podgotovki* [Teaching foreign language professionally-oriented communication in modern conditions of university linguistic training]. Orenburg: GOU OGU, 2011, 158 p. URL: <https://rucont.ru/efd/177019> (accessed April 17, 2022).
10. Krapivina M.Ju., Fomichenko A.S. Specifika perevoda anglijskih terminov v professional'no-orientirovannom tekste [The specifics of translating English terms in a professionally oriented text]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2020, no. 13(2), pp. 170-173.
11. Kuznecova S.V., Gramma D.V. Nekotorye voprosy obuchenija professional'no-orientirovannomu anglijskomu jazyku [Some questions of teaching professionally-oriented English]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Innovacionnaja nauka»* [International Scientific Journal “Innovative Science”], 2015, no. 12, pp. 229-230.
12. Kukovskaja A.V. Strategija perevoda i kreativnost': iz opyta obuchenija professional'no orientirovannomu perevodu s anglijskogo na ruskij jazyk studentov nelingvisticheskikh special'nostej [Translation strategy

- and creativity: from the experience of teaching professionally oriented translation from English to Russian to students of non-linguistic specialties]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences], 2014, no. 14(700), pp. 97-106.
13. Lejchik V.M. *Terminovedenie. Predmet, metody, struktura* [Terminology Studies. Subject, Methods, Structure]. Moscow: URSS Jeditorial, 2007, 256 p.
 14. Muradova N.T., Jerdanova S.A. Obuchenie professional'no-orientirovannomu obshheniju na inostrannom jazyke studentov nejazykovykh vuzov [Teaching professionally-oriented communication in a foreign language to students of non-linguistic universities]. *Molodoy uchenyj* [Young Scientist], 2013, no. 11 (58), pp. 822-824.
 15. Mjatileva M.I. Obuchenie professional'no-orientirovannoj leksike pri rabote s autentichnymi tekstami po special'nosti [Teaching professionally-oriented vocabulary when working with authentic texts in the specialty]. *Lingua mobilis*, 2011, no. 4(30), pp. 134-137.
 16. Omonov K.Sh., Zikrullaeva H.B. Nauchno-tehnicheskie terminy i perevodcheskie metody, ispol'zovannye pri ih sozdanii [Scientific and technical terms and translation methods used in their creation]. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of ChelSU], 2020, no. 1 (435), pp. 105-114.
 17. Termin. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija* [The Great Soviet Encyclopedia]. URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD> (accessed April 17, 2022).
 18. Terskih N.V. O specifikе osnovnykh razrjadov professional'noj leksiki (na primere anglijskoj terminologii) [On the specifics of the main categories of professional vocabulary (using the example of English terminology)]. *Vestnik IGLU* [Bulletin of ChelSU], 2010, no. 4(12), pp. 131-136.
 19. Cadena R. Electricity for the Entertainment. *Electrician & Technician*. 2009, pp. 59-67.
 20. Calis E., Dikilitas K. The use of translation in EFL classes as L2 learning practice. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 46, pp. 5079-5084.

21. Crosling G., Ward I. Oral Communication: The needs and uses of business graduate employees. *English for Specific Purposes*, 2002, vol. 21, no. 1, pp. 41-57.
22. Eberhard D., Simons G.F. *Ethnologue: Languages of the World*. 22nd Edition. SIL International, 2019, 552 p.
23. Ilynska L., Ivanova O., Senko Z. Rhetoric of scientific text translation. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2016, vol. 231, pp. 84-91.
24. Nefedova L.A., Remkhe I.N. Towards cognitive modelling of the technical translation process. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 154, pp. 237-244.
25. Rus D., Harpa E. Technical vs. general translation practices and methods: a comparative study. *Procedia Manufacturing*, 2018, vol. 22, pp. 840-847.
26. Stepanova V.V. Translation strategies of legal texts. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2017, vol. 237, pp. 1329-1336.
27. Tereshkova N.S., Gural S.K., Tikhonova E.V., Kalinina E.V. Technical translation training in groups of foreign students using multimedia-based project activities. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 215, pp. 250-255.
28. Zainudin I.S., Awal N.M. Teaching translation techniques in university setting: problems and solutions. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 46, pp. 800-804.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Фомиченко Анна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Иностранных языков»
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, 460018, Российская Федерация
anzitadel@mail.ru

Миронова Юлия Александровна, студентка института энергетики, электроники и связи
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, 460018, Российская Федерация
miroноваYu99@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna S. Fomichenko, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Psychology
Orenburg State University
13, Prospect Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
anzitadel@mail.ru
SPIN-code: 4933-4854
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8236-610X>

Julia A. Mironova, student of the Institute of Energy, Electronics and Communications
Orenburg State University
13, Prospect Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
mironovaYu99@gmail.com

Поступила 27.04.2022

После рецензирования 27.05.2022

Принята 19.06.2022

Received 27.04.2022

Revised 27.05.2022

Accepted 19.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-2-369-382

УДК 811.111

ПЕРЕДАЧА РЕАЛИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МУЛЬТСЕРИАЛА «МАША И МЕДВЕДЬ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

А.В. Осиянова, Ю.Ф. Циммерман

В статье рассматриваются способы передачи реалий на английский язык, а также особенности передачи реалий при переводе детского аудиовизуального контента. Представлены определения понятиям «реалия», «аудиовизуальный перевод», «аудиовизуальный текст».

***Цель.** Рассмотрение возможных способов передачи реалий в аудиовизуальном переводе и исследование проблемы культурной адаптации детской аудиовизуальной продукции.*

***Материалы и методы.** Материалом для исследования послужил детский мультсериал российского производства «Маша и Медведь». В качестве метода научного исследования выбран обзор научной литературы по выбранной тематике, а также метод анализа и описательный метод.*

***Результаты.** Результаты исследования показали, что наиболее частыми способами передачи реалий на другой язык оказались подбор аналогов и лексические замены. Калькирование использовалось реже. Транскрипция и транслитерация использовались только при передаче ономастических реалий. Использование описательного перевода при передаче реалий в детском мультсериале выявлено не было.*

***Область применения результатов.** Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении вопроса передачи реалий при переводе детской аудиовизуальной продукции.*

***Ключевые слова:** реалия; перевод реалий; аудиовизуальный перевод; аудиовизуальная продукция; аудиовизуальный текст; детская продукция; мультсериал*

REALITIES TRANSFER IN THE TRANSLATION OF THE ANIMATED SERIES MASHA AND THE BEAR INTO ENGLISH

A.V. Osiyanova, Y.F. Tsimmerman

The ways of translating realities into English and the features of translating realities in translation of children's audiovisual content are considered in the article. The definitions of the concepts "reality", "audiovisual translation", "audiovisual text" are analysed.

Purpose. *Consideration of possible ways of realities translation in audiovisual translation and study of the problem of cultural adaptation of children's audiovisual products are given in the article.*

Materials and methods. *The research material comprises Russian-made children's animated series Masha and the Bear. A review of scientific literature on the selected topic, a method of analysis and a descriptive method were chosen as methods of scientific research.*

Results. *The results of the study proved that the most common ways of translation realities into another language were the selection of analogues and lexical substitutions. Calquing is used less frequently. Transcription and transliteration are used only for onomastic realities. The use of descriptive translation in the translation of realities in the children's animated series has not been identified.*

Practical implications. *The results of the research can be used in further study of the issue of transferring realities in the translation of children's audiovisual products.*

Keywords: *reality; translation of realities; audiovisual translation; audiovisual production; audiovisual text; children's production; animated series*

Введение

Цель. Рассмотреть возможные способы передачи реалий в аудиовизуальном переводе и исследовать проблему культурной адаптации детской аудиовизуальной продукции.

Актуальность. Переводчики, в том числе и те, которые занимаются переводом аудиовизуальной продукции, часто сталкиваются с необходимостью передать на другой язык те или иные реалии. Передача реалий – процесс достаточно сложный и интересный, поскольку реалии представляют собой единицы, обозначающие понятия, чуждые другим культурам. При этом переводчик должен не только подобрать соответствие на языке перевода, но также сохранить национальный колорит и передать национально-культурную специфику. Перевод реалий – один из самых сложных аспектов перевода.

В век технологий едва ли найдётся хоть один человек, не пользующийся компьютером или телефоном, не знающий о существовании телевидения и интернета. Люди получают аудиовизуальную продукцию из разных стран.

Сейчас существует огромное количество аудиовизуальных продуктов для детей всех возрастов, и их перевод имеет свои особенности и специфику.

Материалы и методы исследования

Практическим материалом для исследования послужили лексические единицы – реалии, извлеченные посредством сплошной выборки из нескольких серий мультсериала «Маша и Медведь». В ходе работы использовались метод анализа и описательный метод, а также обзор научной литературы по выбранной тематике.

Результаты и обсуждение

Под аудиовизуальным переводом мы понимаем перевод мультимедийных и мультимедийных текстов и их перенос в другую культуру [4]. Иными словами, аудиовизуальный перевод – передача на другой язык аудиовизуального текста. Аудиовизуальный текст – сложное, цельное, информационное сообщение, содержащее аудиальные, визуальные, вербальные и невербальные элементы [5]. В аудиовизуальных текстах все элементы связаны между собой и дополняют друг друга [15]. Изображение воспринимается как неотъемлемая часть текста.

Задача переводчика – адаптировать мультфильм или мультсериал для получателей перевода, сохранив при этом исходный замысел [11].

Для перевода детской аудиовизуальной продукции чаще всего используется дубляж. Также может использоваться липсинк, поскольку этот способ прост в использовании и с финансовой, и с технической точки зрения [6]. Это делается для удобства маленьких зрителей, ведь дети будут отвлекаться от мультфильма, читая субтитры. К тому же некоторые в силу возраста и вовсе не умеют читать.

Мультсериал «Маша и Медведь» также дублирован на английский язык. В мультфильме показывается жизнь озорной девочки Маши, которая очутилась в доме у Медведя, рассказывается об их дружбе и приключениях. Основой для сюжета мультсериала послужила русская народная сказка «Маша и Медведь».

В мультсериале встречается большое количество реалий. И то, как они переведены на английский язык, несомненно, представляет большой интерес.

Согласно определению В.В. Сдобникова, реалия – «это не просто некий предмет или явление, во многих случаях это элемент иной культуры, отсутствующий в принимающей культуре, это своего рода символ иного образа жизни» [10, с. 137]. А по определению Т.А. Казаковой, реалии – «именования национально-культурных объектов, характерных для исходной культуры и сравнительно мало или вовсе не известных переводящей культуре» [2, с. 72]. Таким образом, многие лингвисты указывают на то, что реалии обозначают понятия и явления, свойственные и хорошо знакомые одному народу, при этом отсутствующие или не имеющие такого же важного значения в других культурах [9].

В.Н. Комиссаров выделяет 5 способов передачи реалий:

Соответствия-заимствования воспроизводят в языке перевода форму иноязычного слова. Они создаются с помощью транслитерации и транскрибирования, и, часто, сопровождаются переводческим комментарием. Соответствия-кальки воспроизводят в языке перевода морфемный состав слова, выражения или частей устойчи-

вого словосочетания. При калькировании перевод реалии представляет собой «заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова и оборота» [1, с. 88]. Соответствия-аналоги – ближайшие по значению единицы языка перевода для безэквивалентных единиц исходного языка. Иными словами, наиболее близкие по значению слова, употребленные в данном контексте. Соответствия-лексические замены создаются с помощью переводческих трансформаций, при этом лексическая единица на языке перевода не является эквивалентом для исходной. Описание помогает понять значение слова при помощи развернутого словосочетания. К описательному переводу чаще всего прибегают, когда в языке перевода не находится подходящего эквивалента [3, с. 148-150].

Обратимся к аудиовизуальному переводу мультсериала «Маша и Медведь» и проанализируем перевод реалий русских сказок, которые Маша рассказывала своим друзьям.

В сказках каждого народа есть свои герои и персонажи. Одним из таких персонажей в славянских сказках является *колобок* [7] – хлебное изделие шарообразной формы. Его Маша называет *gingerbread head* [14]. В данном случае переводчик использовал аналог. *Gingerbread head* – это пряничная голова, т.е. фактически то же, что и колобок. Несмотря на то, что они сделаны из разного теста, они оба являются хлебными изделиями и похожи по форме.

Вводную фразу *в некотором Царстве, в некотором Государстве* [7], с которой начинаются многие русские сказки, переводчик передал на английский фразой *Once upon a time in a far-far away land there was a palace* [14]. В данном случае переводчик использовал лексические замены, а также добавление, поскольку в исходной фразе нет ни слова про дворец. Слово *Царь* [7], которое обозначает титул славянских монархов, переведено как *King* [14]. В данном случае в переводе был найден аналог. Героиня одноименной сказки *Царевна-лягушка* [7] в английском варианте – *The Frog Princess* [14]. С переводом слова *лягушка* проблем не возникло, а вот для титула *Царевна*, который встречается в основном у славянских народов, был подобран аналог *Princess*. Слова *Царевна* и *Princess* (*Принцес-*

са) имеют одно и то же значение – этими титулами обладают дочери или снохи правителей.

Герой русских сказок *Иванушка-царевич* [7], как ласково называет его Маша, в английском варианте *Prince Ivan* [14]. Слову *царевич*, как и в случае с *царевной*, был подобран аналог, а имя *Иван* передано транслитерацией.

Боярская дочь [7] – *the daughter of nobleman* [14]. Бояре – высшее сословие феодалов в ряде славянских государств, включая Древнюю Русь и Русское царство. Слово *nobleman* (дворянин, аристократ) – ближайшее по значению слово. Переводчик передает данную реалию с помощью аналога. Когда речь шла о *купеческой* дочери, переводчик также использовал лексическую замену, передав данное словосочетание на английский язык как *the daughter of wealthy man* [14]. Переведенная лексическая единица не является полным эквивалентом для исходной, к тому же был использован такой переводческий прием, как генерализация.

Языковая аллюзия *Утро вечера мудренее* [7] передается в мультсериале фразой *Tomorrow is another day* [14]. Используются лексические замены.

Еще одним интересным персонажем является Снегурочка. Она хорошо знакома русскоязычным детям, а вот детям, говорящим на других языках, не знакома. В переводе мультсериала «Маша и Медведь», *Снегурочку* [7] нарекают *The Snow Maiden* [14]. В данном случае был подобран аналог в языке перевода.

Такой элемент гардероба, как *сарафан* [7], относящийся к бытовым реалиям, переводчик передал с помощью аналога как *dress* [14].

Также к бытовым реалиям можно отнести упомянутые Машей *сени* (прихожую традиционного русского дома) в следующих строчках:

- *И ласточка с весною в сени к нам летит* [7].
- *Spring is here, brought by birds in flight* [14].

Как мы видим, в данном случае переводчик вовсе опустил слово *сени*. Переводчик не передал на английский язык и такую бытовую реалию, как *изба* в следующих строках:

- *...когда и в избе духовка настала* [7].

- ...*when it got really hot inside* [14].

Переводчик перефразировал реплику, опустив слово *изба*.

Во фразе *А там дети вокруг костра хоровод водят* [7] также встречается бытовая реалья, название народного танца славян – *хоровод*. В переведенной реплике *The kids were hanging outside dancing around the fire* [14] слово *хоровод* не упомянуто, однако сказано, что дети танцуют вокруг костра. Переводчик использовал лексическую замену.

Также среди ассоциативных реалий можно выделить аллюзию:

- *И молочная река, кисельные берега* [7].

- *River made of milk, banks made of fudge* [14].

В данной фразе, хорошо знакомой любителям русских сказок, словосочетание *кисельные берега* было переведено как *banks made of fudge*. При переводе был изменен порядок слов в словосочетании, а переводчик использовал такой способ передачи реалий, как лексическая замена. Дело в том, что слово *fudge* не имеет ничего общего с киселем. Фаджем называют молочный ирис.

Известного мифологического персонажа *Бабу-Ягу* [7] перевели на английский язык как *Old Witch* [14]. Переводчик не передает на английский язык имя персонажа, однако передает характер. Баба-Яга – старуха, которая наделена магической силой, ведьма. При переводе использовалась лексическая замена.

Избушка на курьих ножках [7] – часто встречающаяся реалья русских сказок, хорошо знакомая русскоязычным людям. Переводчик передает данную реалию следующим образом: *the old witch's hut that stood on chicken legs* [14]. Слову *избушка* подобран аналог, указано также, что эта *избушка* принадлежит Бабе-Яге.

Языковая формула, вызывающая у всех людей, знакомых с русскими сказками, ассоциации с *избушкой Бабы-яги*, переводится следующим образом:

- *Ни к лесу задом, ни ко мне передом не поворачивается* [7].

- *I tell it to turn to me but it can't...* [14].

В данном случае была полностью изменена структура фразы, и переведенная реплика не может вызвать тех ассоциаций, которые возникают при прослушивании оригинальной.

В нескольких сказках Маша упоминает такой элемент быта, как *печь*. Конечно, печи разного типа встречаются в разных культурах, но в сказках речь о традиционной русской печи. Маша называет печь – *oven* [14]. В другой же серии фраза *лежать на печи* [8] передана с помощью слов *to lay on the bed above the stove* [14]. Также встречается вариант *oven bed* [14]. Для передачи данной реалии в этих случаях переводчик подобрал аналоги в английском языке.

В серии «Крошечка-хаврошечка» для перевода фразы *лежать на печи* [7] была использована лексическая замена *to lay by the fire* [14].

Еще одним известным персонажем является *Морозко* [7]. На английский язык его имя передали как *Father Frost* [14]. Данный вариант перевода является ближайшим по значению для исходной языковой единицы. В этой же серии Маша называет таким образом и Деда Мороза, хотя Дед Мороз и Морозко это два разных персонажа.

В словосочетании *ледяной терем* [7] бытовая реалия *терем*, означающая верхний ярус древнерусских зажиточных домов, переведена с помощью лексической замены словом *palace* [12].

В серии «Вершки и корешки» упоминается волшебный конь *Сивка-бурка* [7], персонаж русской сказки. На английский он переведен как *My little pony* [14]. В данном случае переводчик опять использовал лексическую замену, при этом добавив прилагательное *little*.

Еще одной ономастической реалией можно назвать имя главного героя русской сказки про Емелю. Имя *Емеля* [8] передано на английский язык путем транслитерации и транскрипции: *Emelya* [14].

Также встречается реалия *столбовая дворянка* [8]. Этот термин использовался в Российской Империи для обозначения человека, принадлежавшего к дворянскому роду. В мультсериале для этого словосочетания была подобрана лексическая замена *aristocratic lady* [14].

В серии «Лиса и заяц» встречаются бытовые реалии *избушка и теремок* [7]. Переводчик прибегает к генерализации и передает данные реалии с помощью лексической замены – *house* [12].

К ономастическим реалиям, как и было упомянуто выше, мы относим имена собственные, в том числе и имена сказочных пер-

сонажей. Рассмотрим перевод следующих реалий: *мышка-норушка, лягушка-квакушка, бычок-смоляной бочок* [7].

Все эти персонажи упоминаются в следующей реплике:

- *There was a mouse in a house and a frog who could croak. The house was full, it even had a bull* [12].

Как мы видим, для каждой ономастической реалии был подобран аналог, при этом была сохранена рифма.

В другой серии *бычок-смоляной бочок* [7] – *the straw bull-calf* [13].

Сказочный персонаж *Крошечка-хаврошечка* [7] переведен как *Wee little havroshechka* [14]. Реалия переведена наполовину калькой, наполовину транслитерацией. Несмотря на написание, актриса дубляжа зачитывает данное имя как *Хаврошечка* с ударением на третий слог.

Названия национальных блюд также относятся к реалиям. Обратим внимание на передачу слова *калач* на английский. В серии «Крошечка-хаврошечка» оно упоминается два раза, но оба раза переводчик подвергает его заменам:

- ... *лежали на печи, да жевали калачи* [7].

- ... *lay by the fire all day long and eat whatever their hearts desire* [14].

- ... *калачи ей не дают, а только задания задают* [7].

- ... *she'd never get any food even though she works as hard as she could* [14].

Единицы измерения массы, веса, длины также можно отнести к реалиям. Пуд – единица измерения массы в русской системе мер. В мультфильме «Маша и Медведь» словосочетание *три пуда пряжи* [7], переведено как *three bags of wool* [14]. Переводчик использовал лексическую замену.

Богатыри [7] – *knights in shining armor* [14]. Эту реалию переводчик передал на английский язык путем подбора аналога.

Таким образом, проанализировав перевод мультсериала «Маша и Медведь», можно прийти к следующим выводам: для передачи реалий на английский язык чаще всего использовались функциональные аналоги. Переводчик также часто прибегал к использованию лексических замен. Калькирование при переводе национальных

реалий в детских мультсериалах используется гораздо реже. Такие способы передачи реалий, как транслитерация и транскрипция, использовались только в случае передачи имен собственных. В ходе анализа перевода мультсериала нами не было выявлено использование описательного перевода в качестве способа передачи реалий на другой язык. Вероятно, это обусловлено спецификой перевода детской аудиовизуальной продукции. Описание тех или иных реалий занимает больше времени, нежели чем другие способы их передачи на английский язык, но при аудиовизуальном переводе время ограничено. К тому же целью переводчика является не объяснение самих реалий через описательный перевод, а передача содержания.

Редкое использование таких способов передачи реалий, как транскрипция, транслитерация и описательный перевод, является причиной частичной утраты национального колорита.

Цикл серий «Машины сказки» наполнен большим количеством реалий, которые были переданы на английский, однако национальный колорит был частично утрачен.

Список литературы

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English ↔ Russian. Учебное пособие. СПб.: Лениздат; Издательство «Союз», 2002. 320 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 256 с.
4. Костров К.Е. Аудиовизуальный перевод: проблемы качества / К.Е. Костров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2015. №13. С. 142-146.
5. Кулинич М.А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: Автореф. дис. ... д-ра культуролог. наук. М., 2000. С. 106.
6. Матюхин И.Б. Перевод мультсериалов: проблема перевода имен собственных // Вестник науки и образования. 2019. № 19-1(73). С. 65-67.

7. Маша и Медведь. Машины сказки - Большой сборник сказок для детей! Часть 1. [Видеофайл] // YouTube. 17 ноября 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=C3Po4kkgrpvE> (дата обращения: 18.04.2022).
8. Маша и Медведь. Машины сказки - По щучьему велению (Серия 21). [Видеофайл] // YouTube. 30 сентября 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ОКРq6XITdWo> (дата обращения: 18.04.2022).
9. Нефедова Л.А. Заимствование реалий как одна из форм лингвокультурного трансфера (на примере заимствования реалий из немецкоязычных стран) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 1(36). С. 228-237.
10. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).
11. Топорова А.И. Особенности перевода имен собственных в детских мультсериалах // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Сборник материалов VII (XXI) Международной научно-практической конференции молодых учёных, Томск, 16–18 апреля 2020 года. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2020. С. 26-30. <https://doi.org/10.17223/978-5-94621-901-3-2020-7>
12. Masha and The Bear. Masha's Tales. The Fox and the Rabbit (Episode 3). Masha and the Bear – Лиса и Заяц. 14 июля 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ECLSci0SZJQ> (дата обращения: 18.04.2022).
13. Masha and The Bear. Masha's Tales. The Straw Bull-Calf (Episode 12). Masha and the Bear – Бычок смоляной бочок. 1 июня 2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KfkZ69cvS_M (дата обращения: 18.04.2022).
14. Masha and The Bear. Masha's Tales. The Thousand and One Nights. Best Collection of Tales. Masha and the Bear. 12 мая 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iiK258taw-s> (дата обращения: 18.04.2022).
15. Zabalbeascoa P. The nature of the audiovisual text and its parameters. // The Didactics of Audiovisual Translation, 2008, pp. 21-37.

References

1. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1980, 343 p.
2. Kazakova T.A. *Prakticheskie osnovy perevoda. English ↔ Russian* [Practical Basics of Translation. English ↔ Russian]. St. Petersburg: Lenizdat Publ.; «Soyuz» Publ., 2002, 320 p.
3. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1990, 256 p.
4. Kostrov K.E. Audiovizual'nyj perevod: problemy kachestva [Audiovisual translation: quality issues]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Volgograd State University Bulletin], 2015, no. 13(9), pp. 142-146.
5. Kulinich M.A. *Semantika, struktura i pragmatika anglojazychnogo jumora* [Semantics, structure and pragmatics of English humor]. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2000, 106 p.
6. Matjuhin I.B. Perevod mul'tserialov: problema perevoda imen sobstvennykh [Translation of animated series: the problem of translation of proper names]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education], 2019, № 19-1(73), pp. 65-67.
7. Masha i Medved'. Mashiny skazki – Bol'shoy sbornik skazok dlya detey! Chast'1. November 17. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=C3Po4kkrvE> (accessed April 18, 2022).
8. Masha i Medved'. Mashiny skazki – Po shchuch'emu veleniyu (Seriya 21), September 30, 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OK-Pq6XITdWo> (accessed April 18, 2022).
9. Nefedova L.A. Zaimstvovanie realiy kak odna iz form lingvokul'turnogo transfera (na primere zaimstvovaniya realiy iz nemetsko-yazychnykh stran) [Borrowing realia as one of the forms of linguocultural transfer (on the example of borrowing realia from German-speaking countries)]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Theory of Language and Intercultural Communication], 2020, no. 1(36), pp. 228-237.
10. Sdobnikov V.V., Petrova O.V. *Teoriya perevoda: uchebnik dlya studentov lingvisticheskikh vuzov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [Transla-

- tion theory: A textbook for students of Linguistic Universities and departments of foreign languages]. Moscow: AST Publ.: Vostok–Zapad Publ., 2007, 448 p.
11. Toporova A.I. Osobennosti perevoda imen sobstvennykh v detskikh mul'tserialakh [Features of the translation of proper names in children's animated series]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: Sbornik materialov VII (XXI) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh, Tomsk, 16–18 aprelya 2020 goda* [Actual problems of linguistics and literary criticism: Collection of materials of the VII (XXI) International scientific and practical conference of young scientists, Tomsk, April 16–18, 2020]. Tomsk: NRTSU, 2020, pp. 26–30. <https://doi.org/10.17223/978-5-94621-901-3-2020-7>
 12. Masha and The Bear. Masha's Tales. The Fox and the Rabbit (Episode 3). Masha and the Bear – Lisa i Zayats. July 14, 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ECLSci0SZJQ> (accessed April 18, 2022).
 13. Masha and The Bear. Masha's Tales. The Straw Bull-Calf (Episode 12). Masha and the Bear – Bychok smolyanoy bochok. June 1, 2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KfkZ69cvS_M (accessed April 18, 2022).
 14. Masha and The Bear. Masha's Tales. The Thousand and One Nights. Best Collection of Tales. Masha and the Bear. May 12, 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iiK258taw-s> (accessed April 18, 2022).
 15. Zabalbeascoa P. The nature of the audiovisual text and its parameters. *The Didactics of Audiovisual Translation*, 2008, pp. 21–37.

ДАнные ОБ АТОРАХ

Осиянова Анна Владимировна, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, к.п.н.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
ossa15@rambler.ru

Циммерман Юлия Федоровна, студент

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
yuliya.cimmerman.01@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Osyanova, PhD, Associate Professor

*Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
ossa15@rambler.ru
SPIN-code: 1990-5220
ResearcherID: AAG-3768-2021
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8885-2731>
Scopus Author ID: 55815946500*

Yuliya F. Tsimmerman, student

*Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
yuliya.cimmerman.01@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9148-7138>*

Поступила 27.04.2022

После рецензирования 27.05.2022

Принята 31.05.2022

Received 27.04.2022

Revised 27.05.2022

Accepted 31.05.2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗА-
НИЯ ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- СТРУКТУРА И СПЕЦИФИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ
СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ
Т.А. Магсумов 14
- ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ 20-Х – 30-Е ГГ.
XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОЙ
И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)
З.В. Галлямова 61

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

- ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ
ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ РАБОТ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ
О.Н. Горячева, М.Г. Яковлева 78
- ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ
И НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
Т.Н. Клементьева 94

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ
В РОМАНЕ Б. МАКЛАВЕРТИ «GRACE NOTES»
И. Ерланкызы, О.А. Хрущева 116
- ОБРАЗ КИТАЙСКОЙ ЕДЫ И ЛЮДЕЙ В ОТЗЫВАХ РОССИЙСКИХ
ТУРИСТОВ О КИТАЕ
Сунь Вэйфан 126

АВСТРИЙСКИЙ ВАРИАНТ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ М.А. Радович, Я.В. Лазарева	142
МОДЕЛИРОВАНИЕ ДВУЯЗЫЧНОГО ТЕЗАУРУСА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ А.А. Шагеева, Е.В. Жучкова, В.Г. Солодкина	155
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЛИДАРНОСТИ КОЛЛОКАЦИЯМИ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ Л.Н. Ребрина	168
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАНЦУЗСКИХ ПОСЛОВИЦ С КОНЦЕПТОМ «RAIN» Е.В. Когтева	191
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕФИКСЫ В ЯЗЫКЕ ФИНАНСОВ: МОГУТ ЛИ ОНИ БЫТЬ МЫСЛЕОБРАЗУЮЩИМИ? А.В. Теренин, А.Л. Кормильцева	207
СЮЖЕТ ИНИЦИАЦИИ АЛЕКСЕЯ ТУРБИНА В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» Г.М. Ибатуллина, М.М. Кривда	222
РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ» И «РЕАЛИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. ФОЛКСА «A WEEK IN DECEMBER») К.Э. Хужина, Н.В. Лаштабова	238
СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ГИПЕРТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ) А.А. Быковская, О.А. Хрущева	248
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИБРЕТТО Н. ТЕЙТА К ОПЕРЕ «DIDO AND AENEAS» Д.В. Устинова, Н.В. Лаштабова	260

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФЕМИНИТИВОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ) Т.В. Сапух, Д.В. Черноусова	271
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ В ФИЛЬМЕ «HIGH SCHOOL MUSICAL» НА РУССКИЙ ЯЗЫК А.В. Химич, Н.В. Лаштабова	282
КОНЦЕПТ «СНЕГ» В ЯЗЫКОВОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ А.А. Кузьмина	295
ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПАРАМЕТРОВ В СПОРТИВНОМ КОММЕНТАРИИ К.А. Мараховская	323
МАГИЧЕСКОЕ И СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ О.М. Осиянова, С.А. Черашева	336
ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ТЕКСТА В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) А.С. Фомиченко, Ю.А. Миронова	353
ПЕРЕДАЧА РЕАЛИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МУЛЬТСЕРИАЛА «МАША И МЕДВЕДЬ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК А.В. Осиянова, Ю.Ф. Циммерман	369
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	383

CONTENTS

HISTORY STUDIES

- THE STRUCTURE AND SPECIFICS OF FINANCING
SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION IN RUSSIA AT THE TURN
OF THE 19TH – 20TH CENTURIES
T.A. Magsumov 14
- HEALTHCARE IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL POLICY
OF THE SOVIET STATE IN THE LATE 1920S-30S OF THE XXTH
CENTURY (BY THE MATERIALS OF NIZHNY NOVGOROD
AND KIROV REGIONS)
Z.V. Galliamova 61

PHILOSOPHICAL STUDIES

- HUMANISTIC RISKS OF DIGITAL DEVELOPMENT OF SOCIETY:
ANALYSIS OF WORKS BY FOREIGN AUTHORS
O.N. Goryacheva, M.G. Yakovleva 78
- RELATIONSHIPS RELIGIOUS DENOMINATIONS
AND THE SCIENTIFIC COMMUNITY IN MODERN RUSSIA
T.N. Klementyeva 94

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

- SYNTACTICAL MEANS OF EXPRESSING EMOTIONS
IN BERNARD MACLAVERTY'S NOVEL GRACE NOTES
I. Erlankyzy, O.A. Khrushcheva 116
- LEXICAL REPRESENTATION OF FOOD AND THE CHINESE
PEOPLE CHARACTERISTICS IN THE REVIEWS OF RUSSIAN
TOURISTS ON CHINA
Sun Weifang 126

AUSTRIAN GERMAN STANDARD AS A REFLECTION OF THE COUNTRY'S SOCIOCULTURAL MENTALITY M.A. Radovich, Y.V. Lazareva	142
MODELING BILINGUAL THESAURUS OF INVESTMENT TERMS A.A. Shageeva, E.V. Zhuchkova, V.G. Solodkina	155
LEXICAL-SEMANTIC REPRESENTATION OF SOLIDARITY THROUGH COLLOCATIONS IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES L.N. Rebrina	168
STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF FRENCH PROVERBS WITH THE CONCEPT OF "PAIN" E.V. Kogteva	191
NEGATIVE PREFIXES IN THE LANGUAGE OF FINANCE: CAN THEY BE THOUGHT-SHAPING? A.V. Terenin, A.L. Kormiltseva	207
ALEXEY TURBIN 'S INITIATION PLOT IN THE WHITE GUARD NOVEL BY M.A. BULGAKOV G.M. Ibatullina, M.M. Krivda	222
DIFFERENTIATION OF THE CONCEPTS PROPER NAME AND REALIA (BASED ON THE NOVEL A WEEK IN DECEMBER BY S. FAULKS) K.E. Khuzhina, N.V. Lashtabova	238
TECHNIQUES OF IMPLEMENTING PRAGMATIC EQUIVALENCE IN HYPERTEXT TRANSLATION (BASED ON UNIVERSITY WEBSITES) A.A. Bykovskaya, O.A. Khruscheva	248
TRANSLATION TRANSFORMATIONS OF THE LIBRETTO BY N. TATE FOR THE OPERA "DIDO AND AENEAS" D.V. Ustinova, N.V. Lashtabova	260

SPECIFICS OF TRANSLATING FEMINITIVES INTO RUSSIAN (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH ARTICLES HEADINGS) T.V. Sapukh, D.V. Chernousova	271
FEATURES OF THE HIGH SCHOOL MUSICAL SONG TEXTS TRANSLATION INTO RUSSIAN A.V. Khimich, N.V. Lashtabova	282
CONCEPT “SNOW” IN THE LINGUISTIC AND FOLKLORE PICTURE OF THE WORLD OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF YAKUTIA A.A. Kuzmina	295
LINGUISTIC REPRESENTATION OF EVALUATIVE PARAMETERS IN SPORTS COMMENTARY K.A. Marakhovskaya	323
MAGIC AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN LITERATURE OF FANTASY GENRE O.M. Osiyanova, S.A. Cherasheva	336
BASIC FEATURES OF TRANSLATION OF PROFESSIONALLY-ORIENTED TEXT IN THE FIELD OF ENERGY INDUSTRY (AS BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL) A.S. Fomichenko, J.A. Mironova	353
REALITIES TRANSFER IN THE TRANSLATION OF THE ANIMATED SERIES MASHA AND THE BEAR INTO ENGLISH A.V. Osiyanova, Y.F. Tsimmerman	369
RULES FOR AUTHORS	383

Подписано в печать 30.06.2022. Дата выхода в свет 30.06.2022. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 28,07. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP142/022. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.